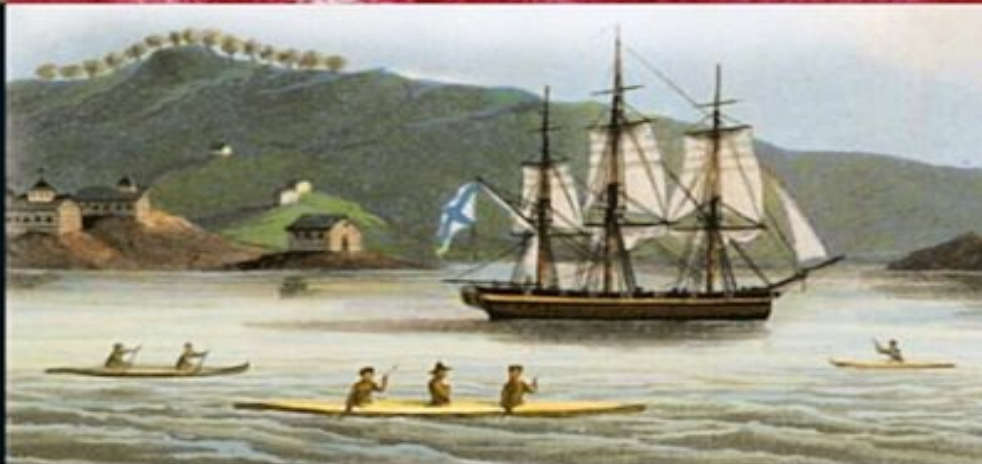

ПИОНЕРЫ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Наталья
Петрова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В 2021 году исполняется 280 лет с той поры, когда русская экспедиция под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова положила начало освоению Аляски, которая до 1867 года носила название Русской Америки. В этой книге представлено шесть биографических очерков о тех, кто оставил значительный след в истории этого региона: «Росского Колумба» Григория Шелихова, первого правителя русских колоний Александра Баранова, основателя поселения Росс в Калифорнии Ивана Кускова, автора проекта присоединения Калифорнии к России Дмитрия Завалишина, «апостола Аляски и Сибири» святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователя и путешественника Лаврентия Загоскина. Разные причины и обстоятельства привели их на край света, но всех их можно смело называть подвижниками и создателями Русской Америки.

- [Наталья Петрова](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [Григорий Шелихов](#)
 - [Александр Баранов](#)
 - [Иван Кусков](#)
 - [Дмитрий Завалишин](#)
 - [Святитель Иннокентий \(Вениаминов\)](#)
 - [Лаврентий Загоскин](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности пионеров Русской Америки](#)
 - [Краткая библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

Наталья Петрова

Пионеры Русской Америки

© Петрова Н. Г., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,
2021

Предисловие

В 2021 году исполняется 280 лет с той поры, когда русская экспедиция под руководством Витуса Беринга и Алексея Чирикова достигла северо-западного побережья Америки и положила начало освоению Аляски, островов Алеутской гряды и Калифорнии. Исследование «неизвестных» земель в северной части Тихого, или, как его называли тогда, Великого океана стоило жизни многим первооткрывателям, однако стремление превратить Россию из континентальной в океанскую державу побуждало одних наших соотечественников снаряжать экспедиции, а других, несмотря на все опасности и лишения, участвовать в них.

Осваивали далекую Америку промышленники и купцы, моряки и ученые, миссионеры Русской православной церкви. В этой книге представлено шесть биографических очерков первопроходцев, оставивших значительный след в истории Русской Америки: «Росского Колумба» Григория Шелихова, первого правителя русских колоний Александра Баранова, основателя селения Росс в Калифорнии Ивана Кускова, участника кругосветной экспедиции и автора проекта присоединения Калифорнии к России Дмитрия Завалишина, «апостола Аляски и Сибири» святителя Иннокентия (Вениаминова), исследователя и путешественника Лаврентия Загоскина. Разные причины и обстоятельства привели их на край света, судьбы и вклад в освоение новых территорий тоже не были похожи. Но всех можно смело называть пионерами освоения Русской Америки.

Григорий Шелихов

«Колумб Российский»

Из Рыльска в Сибирь

Взгляды современников на Григория Ивановича Шелихова редко совпадали, как и оценка его деятельности историками. Неизменным оставалось одно — о нем всегда говорили либо с восторгом, либо с презрением. Так, Гаврила Державин именовал его «Колумбом Росским», Александр Радищев — «царьком»; долго живший в Русской Америке Кирилл Хлебников^[1] называл труд Шелихова «великим делом» во славу Отечества, а мореплаватель Василий Головнин заклеил его «проныром». Американский историк XIX века Генри Бэнкрофт видел в нем «отца и основателя» русских колоний в Америке, а другой исследователь Ричард Пирс считал «русским Кортесом», результаты деятельности которого неоправданно преувеличены. Каких только похвал и проклятий не заслужил Шелихов при жизни и после смерти! Однако крайность оценок не смогла заслонить того главного, что сделал этот незаурядный человек: он стал первым, кто на деле задал государственный тон и придал государственный размах освоению новых земель в Америке, не потеряв при этом собственной выгоды.

На рубеже 1990-х годов, когда Советский Союз еще не стал достоянием истории, а новое издание капитализма не вышло в свет, о Шелихове писали по инерции как о беспринципном авантюристе, идущем напролом ради личного обогащения. Но прошло три десятка лет, наступила иная эпоха, и сегодня Шелихова можно смело назвать образцом успешного предпринимателя, с коего можно и нужно брать пример начинающим бизнесменам — а начинающие бизнесвумен вполне могли бы подражать супруге Шелихова Наталье Алексеевне.

О жизни Шелихова до его приезда в Сибирь известно мало, в начальном этапе его биографии больше загадок, чем ответов на них. Взять хотя бы его рождение: до сих пор неизвестны ни число, ни месяц, ни год; биографы называют и 1747-й, и 1748-й, и 1749-й, а иногда даже 1730-й. Согласно надписи на памятнике, поставленном его родней в Знаменском монастыре Иркутска, родился он в 1748 году. Приходился внуком

мещанину города Рыльска Афанасию Тимофеевичу Шелихову, торговавшему краской, скипидаром, клеем и другим, как говорили в те годы, москательным товаром. Мелочная торговля обогатить не могла, потому «города Рыльска гостиной сотни Афонасий Тимофеев сын Шелихов» держал еще и пасеку на паях с родственниками, а также мельницу и скотный двор в деревне; словом, дед Григория был человек предприимчивый.

Жил он в приходе храма Вознесения, до наших дней не сохранившегося. Ныне существующая церковь во имя праздника Вознесения Господня появилась гораздо позже, в XIX веке, но к семье Шелиховых имеет непосредственное отношение — как записано в церковных ведомостях, она была воздвигнута не только на средства местных купцов и пожертвования благотворителей, но также «на проценты со вклада коммерции советника Григория Ивановича Шелихова». Интересно, что один из храмовых престолов, располагавшийся в отдельном теплом здании, был освящен во имя вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, что, конечно же, не случайно: судно, на котором Григорий Шелихов совершил плавание к берегам Америки, называлось «Три святителя», а Григорий Богослов был его небесным покровителем.

Торговля была делом семейным и наследственным, занимались ею и сыновья Афанасия. Старший, Иван (отец нашего героя), даже записался в «торговое сословие» — по тогдашним законам для этого требовался капитал не менее 500 рублей. Однако купечество в России, в отличие от Западной Европы, не было замкнутой корпорацией со строгими правилами и запретами, принадлежность к нему не передавалась по наследству и даже не была пожизненной. Если купец разорялся, то был вынужден выписаться из «торгового сословия» и вновь называться мещанином или крестьянином, что, видимо, и произошло с Иваном Шелиховым.

Михаил Матвеевич Булдаков, будущий зять и компаньон Григория Шелихова, рассказывал, что Иван Афанасьевич женился на дворянке, рыльской помещице Агриппине (Аграфене) Ивановне Бырдиной. Брак купца и дворянки по меркам XVIII века был хотя и мезальянсом, но всё же явлением далеко не исключительным. Случалось, мелкопоместные или разорившиеся представители благородного сословия поправляли свои денежные дела путем заключения союза, выгодного для обеих сторон. Если принять версию Булдакова, то Григорий, сын купца и дворянки, должен был чувствовать себя в купеческой среде на голову выше остальных. Позже и сам он выдаст свою старшую дочь Анну за дворянина Николая

Петровича Резанова^[2]. А после кончины Шелихова Екатерина II дарует его жене и детям права потомственного дворянства.

Как гласит надпись на надгробном памятнике Шелихову в Иркутске, с 1773 года он жил в Сибири. Причина его переезда — еще одна загадка. Что заставило Григория Ивановича покинуть родные места и отправиться на край света? Один из первых его биографов К. Т. Хлебников ничего не говорит об этом, а другие исследователи высказывают самые разные предположения: разорение отца; боязнь быть отданным в солдаты и связанное с ней желание скрыться из города; эпидемия чумы, унесшая жизни его матери и брата. Все эти факторы вполне могли подтолкнуть Григория к отъезду, но ни один из них не объясняет, почему он уехал именно в далекую Сибирь.

Конечно, продажа москательного товара — дело спокойное и вполне предсказуемое: день за днем жизнь течет в рутине мелких сделок. Иное дело торговля за морем: там и преодоление расстояний, и риск, и борьба с конкурентами. Здесь нужен характер особый, авантюрный. Недаром в Европе и Северной Америке людей, ведущих крупную торговлю по всему миру, вполне официально называли «купцы-авантюристы».

Иркутский генерал-губернатор писал в 1794 году, что Шелихов уже 22 года занимается «морскими купеческими делами». Значит, отсчет его сибирской жизни действительно нужно начинать с 1772 или 1773 года.

Морской пушной промысел

Огромные, сказочные прибыли приносила в те годы заморская и заокеанская торговля. Французская Вест-Индская компания, перевозившая табак из Америки во Францию, имели барыш от 150 до 500 процентов. Но, как говорится, за морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Чтобы доставить меха, сандаловое дерево или табак из колоний, нужно было фрахтовать корабли, нанять людей, закупить продовольствие и товары для обмена с туземцами. Вездесущие голландские, английские и французские купцы уже при открытии Нового Света подсчитали: морская торговля только тогда возвращала вложенные в нее средства, когда начальная стоимость товара возрастала не менее чем в пять раз. Как писал из Гоа один голландский путешественник и «немного шпион», «я весьма был склонен совершить путешествие в Китай или Японию, каковые отстоят отсюда на то же расстояние, что и Португалия, т. е. тот, кто туда отправится, пребывает в пути три года. Ежели бы только у меня было две-

три сотни дукатов, их легко было бы превратить в 600 или 700. Но затевать такое дело с пустыми руками почитаю я за безумие. Следует начать сносным образом, дабы иметь прибыль».

Шелихов в разговорах со своим будущим зятем Н. П. Резановым вспоминал времена, когда морской пушной промысел только начинал притягивать взоры купцов. «Возвращение судов сих (участвовавших в экспедиции Беринга — Чирикова в 1740–1741 годах. — Н. П.) с верными известиями об обилии звериных промыслов в местах, ими отысканных, родило в сибирских звероловах охоту к мореплаванию», — писал Резанов, «чрезвычайный посланник ко двору японскому». Купцы нанимали мастеровых, которые сооружали небольшие одномачтовые плоскодонные суда, крепили — «шили» — их китовым усом (отсюда, возможно, и название «шитик»), наращивали досками борта, мастерили палубу. Управляли шитиками сначала казаки, побывавшие в экспедициях с флотскими офицерами, потом и сами промысловики, кто посмелее. Компас да хорошая память — вот и всё, на что полагались мореходы-самоучки. Когда голландцы и англичане увидели эти наспех сколоченные посудины, они были потрясены смелостью русских, рисковавших выходить на них в океан. Но те и в океан выходили, и необходимый опыт приобретали, и новые земли открывали.

«Приобретение корысти привлекло наконец в Сибирь множество людей и из середины России, — вспоминал Резанов свои разговоры с Шелиховым. — Города Якутск и Охотск наполнялись предприимчивым купечеством, и слух чрез возвратившихся промышленников... возбудил в поселянах северных губерний охоту вступать в морские промыслы, невзирая на трудности и опасности...» «Промышленниками» или «промышленными» называли тогда охотников, вольных крестьян или уходивших на заработки крепостных-отходников — тех, кто промыслял охотой на пушного зверя. Их-то и нанимали предприимчивые купцы для дальних плаваний.

Известия о баснословных барышах, которые приносил «морской пушной промысел» в Америке, влекли купцов из Вологды, Тотьмы, Каргополя, Устюга, городов Черногоземья и Центральной России в Сибирь и далее, в «земли незнаемые». Самой прибыльной была торговля шкурками калана или, как называли его тогда, морского бобра.

Калан — животное необычное. Впервые его внешний вид и повадки описал немецкий натуралист Георг Вильгельм Стеллер, участник камчатской экспедиции Беринга. Само слово «калан», вероятно, пришло в русский язык из корякского — местные охотники именовали зверя

«калагой». Англичане называли его «sea otter» — «морская выдра», русские промысловики — «морской бобр», различая новорожденных «медведок» и годовалых «кошлаков». Самки калана вынашивают детенышей около семи месяцев, рожают одного, редко двух, очень долго их кормят и опекают. Большую часть времени животные проводят в воде — они быстро плавают и глубоко ныряют за рыбой, креветками, кальмарами и морскими ежами. На ходу есть не любят — собирают свою добычу в особые карманы под лапами, а затем ложатся на спину в спокойном месте, на мелководье, достают из кармана добытое и поедают. Ночью и во время штормов они стараются оказаться близ берега. Поймать калана в воде непросто — это хорошо умели делать только туземцы, — но на берегу его слух и обоняние не так остры.

Каланы очень дружелюбны и спокойны; расположившись группами на берегу, они доверчиво встречали первых людей. Почуввав опасность, они ползут к воде, здесь-то самки и становятся легкой добычей охотников: они не ныряют, бросив детенышей, а подталкивают их к воде и в итоге погибают вместе с ними.

Калан не линяет, он тщательно ухаживает за своим чрезвычайно плотным и теплым мехом с густым подшерстком, согревающим в холода, поскольку подкожного жира у животного нет. Из-за своего красивого и ноского меха калан и стал главным объектом охоты на Тихом океане.

Во второй половине XVIII века северная часть Тихого океана и западное побережье Северной Америки, где велся морской пушной промысел, превратились в объект соперничества не только русских, но и иностранных купцов — из Британии, Франции, Испании, а затем и США. Конкуренция обострилась, когда стало известно об экспедициях Степана Глотова и Савина Пономарева (1758–1762), открывших Уналашку — крупнейший остров Алеутского архипелага — и гряде Лисьих островов. Вслед за ними Петр Креницын и Михаил Левашов обследовали острова Алеутской цепи (1768–1769), зимовали там и вели пушной промысел; по возвращении Левашов подробно описал и сами острова, и их жителей. Именно эти известия стали побудительной причиной усилий по организации новых экспедиций, самыми знаменитыми из которых стали плавание Джеймса Кука, Жана Франсуа Лаперуза, Джорджа Ванкувера.

Со времени первых промысловых экспедиций популяция морских млекопитающих, приносящих немногочисленное потомство, настолько уменьшилась, что у берегов Камчатки после 1750 года мореходы их уже не встречали. Каланы и морские котики, прежде не выдавшие людей и потому непугливые, теперь уходили всё дальше: от Камчатки к Курильским и

Алеутским островам, а оттуда и к самой Америке. Вслед за ними шли промысловые экспедиции. В 1773 году за шкуру калана «1-й доброты», то есть лучшую, давали 60 рублей, лисица-сиводушка (со светлым, или «сивым», мехом на горле) стоила два рубля с полтиной, красная (так называли в Сибири рыжих) — полтора рубля, соболь лучшего качества — три рубля. Для сравнения: в эти годы учитель народного училища получал жалованье 150 рублей в год, что было равно стоимости шкур двух каланов и десяти соболей.

Земляки Шелихова — курские купцы Полевые, Дружинины, Овсянниковы, Логачевы — выменивали шкуры пушного зверя на Камчатке и Алеутских островах, отправляли промысловые отряды к берегам Америки, торговали мехами в Кяхте и, разбогатев, возвращались домой. Кто-то остался в тех краях навсегда: утонул во время шторма, замерз, был настигнут стрелой туземца. Курянин Иван Полевой умер от цинги на Камчатке, Василий и Семен Полевые и Петр Дружинин погибли на Алеутских островах. Однако новые отряды промысловиков упорно плыли к американским берегам и не только разведывали места пушного промысла, но и открывали неизведанные прежде земли. Потомок поморов Михайло Ломоносов предсказывал в поэме «Петр Великий»:

Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Вот и Шелихов, как будто предвидя свой короткий век, торопился жить, искал не одной выгоды — славы тоже. Потому и отправился буквально на край света, в построенный на берегу Великого океана порт Охотск — служить приказчиком у вологодского купца Матвея Оконишникова.

«Спешит и презирает рок»

Для многих героев нашей книги путь в историю начинался с дороги, которая вела от родного дома в новую, неизвестную жизнь. Что ожидало их там — разорение или богатство, позор или слава? Освоение Сибири и лежащих за нею земель требовало не только бесстрашных, авантюрных людей; нужны еще были и дороги. В тридцатые годы XVIII века начали

прокладывать Большой Сибирский тракт, который завершат лишь к середине следующего столетия. И тогда путь с запада на восток страны протянется длинной — более восьми тысяч верст — нитью от Москвы через Казань, Екатеринбург, Тобольск, Томск, Енисейск и далее до Иркутска и Верхнеудинска, а затем, подобно большой реке, разольется на два рукава: один побежит к Нерчинску, другой — на границу в Кяхту и далее вглубь Китая, получив по главному перевозимому товару название «Великий чайный путь». В середине XVIII века у Сибирского тракта появилось еще одно ответвление — через Омск и Красноярск.

А. П. Чехов называл Большой Сибирский тракт «самой безобразной дорогой во всем свете», «черной оспой», «рябой полосой земли» — так натерпелся он, пробираясь по его рытвинам и выбоинам на Сахалин. То ли весенняя распутица стала причиной столь резкого отзыва писателя о дороге, то ли к концу XIX века она оказалась основательно разбита и сильно уступала по комфорту железным дорогам Центральной России. Однако есть и другие, прямо противоположные оценки. Ф. Ф. Вигель, которому довелось в самом начале позапрошлого столетия путешествовать по Сибирскому тракту в Китай, остался вполне доволен вояжем: «Преспокойно проехал я взад и вперед, находя везде селения, просторные, чистые, теплые избы, в которых днем сытно ел, а ночью сладко спал». Наследник престола цесаревич Александр Николаевич в 1837 году в письме отцу-императору Николаю I отметил хорошее состояние дороги: «Точно шоссе, возят удивительно хорошо, мы на одних лошадях (то есть не меняя лошадей. — *Н. П.*) проскакали 27 верст».

Как долго ехали по тракту? Если нигде не останавливаться подолгу и не ночевать на станциях, можно было, как жена декабриста Мария Волконская, добраться от Москвы до Иркутска всего за 20 дней. За какое время одолел этот путь Шелихов, неизвестно, но ездил он по нему не раз — причем в обоих направлениях.

Сносное начало

«Купец что стрелец: попал, так с полем, а не попал, так заряд пропал!» — гласит поговорка. Шелихов встречал в Сибири и тех, кто «попал» и счастливо разбогател на продаже «морской пушнины», но знал и тех, кто «пропал» и доживал свой век в нищете. Иркутский купец Никифор Трапезников за 25 лет отправил десять судов на Алеутские острова, с которых только одного «морского бобра» вывезли более десяти тысяч

шкур. Казалось, он ухватил удачу накрепко — но в последней экспедиции он потерял один за другим три корабля, затем несколько его должников разорились и не смогли вернуть деньги. В один год богатый купец стал нищим, и таких примеров было немало.

Но вот что удивительно: Шелихов в торговых делах ни разу не промахнулся, за что ни брался — всегда оказывался с прибылью. Что было тому причиной — его необыкновенное чутье, напоминавшее звериный нюх, или стремление идти напролом там, где другие сворачивали, умение задобрить подарком нужного чиновника или просто удача — бог весть; но там, где падали другие, он сумел не отступить.

Сначала он обосновался в Иркутске. К тому времени вологодский купец Матвей Оконишников и Прокопий Протодяконов из Якутска уже имели опыт снаряжения экспедиций для мехового промысла. В 1769 году они отправили из Охотска судно «Святой Прокопий», но вернулось оно лишь спустя четыре года с удивительно малым грузом, оцененным всего в 20 тысяч рублей. Огорченные результатом купцы в 1774 году снова решили попробовать — опять отправили «Святого Прокопия» на промысел. На этот раз груз был большой, мехов продали на 98 тысяч, но, видимо, вся выручка ушла на уплату долгов и покрытие издержек. Вероятно, Оконишников и Протодяконов больше не рискнули пытаться счастья в морском промысле, если их имена уже не встречаются в списке экспедиций.

Судя по тому, что Шелихов был отправлен Оконишниковым в Охотск и по его же поручению ездил в Кяхту, он-то и занимался снаряжением судов и продажей мехов. Казалось бы, неудача патрона должна была отвлечь Шелихова от подобных операций, однако произошло обратное — он решил сам участвовать в морской торговле пушниной.

Одному фрахтовать судно было накладно и опасно — велик риск всё потерять, и потому купцы делали это в складчину. Рассылали предложения о совместном найме в Якутск, Иркутск и Киренск, затем двое или трое купцов брали в долг — ссужать деньги торговцам мехами было очень прибыльно, — строили корабль или снаряжали уже отстроенный. Поскольку строили суда в Охотске, всё необходимое везли туда на лошадях из Якутска, за тысячу верст. Дороги от Якутска до Охотска не было (впрочем, ее нет и сейчас — в тех краях используют авиацию); обессиленные бездорожьем и тяжестью грузов лошади погибали, и приходилось нанимать новых. Чтобы сохранить лошадей, на каждую грузили не более пяти пудов; особо тяжелые вещи, например якоря, крепили в люльки между двумя лошадьми или разрубали на части, а затем сваривали в Охотске. Доставка обходилась очень дорого — подвода стоила

от 45 до 55 рублей. Припасы и материалы тоже были недешевы: за пеньку платили по 20 рублей за пуд, за железо — по 25 рублей. На снаряжение одного судна, по самым скромным подсчетам, тратилось от 20 до 30 тысяч. Ситуация изменится только с созданием Российско-американской компании, на судах которой начнут доставлять грузы в Америку не «посуху» через Сибирь, а через Атлантику, огибая либо Южную Америку, либо Африку.

Перед отправлением экспедиции компаньоны составляли список паев — долей в промысле. Купить или продать пай, который действовал во время промысловой экспедиции, было сложно. Паи делились на валовые, суховые и данные на сходе. Валовые паи — их было большинство — делили между собой хозяин (он брал из каждого пая половину) и промысловики, с которыми расплачивались, как правило, не деньгами, а мехами; после прибыльной экспедиции каждый ее участник получал мехов на две-три тысячи рублей. Могли составить договор, по которому весь товар целиком принадлежал хозяину, а промысловики получали от него оговоренную сумму. Первый вариант был выгоднее промысловикам, второй — хозяину. Существовал и третий вариант, когда паи промысловиков целиком принадлежали им — они назывались «данными на сходе». Были еще суховые паи, которые составляли незначительную часть от общего числа и принадлежали мореходу, шкиперу, передовщику-приказчику и священнику. Один пай неизменно шел на благотворительность — строительство или украшение храма и содержание церковного училища.

Компания купцов обычно создавалась на одно-два плавания, а затем распадалась, и судно, если возвращалось невредимым, отправлялось в следующую экспедицию или продавалось.

В 1776 году Шелихов в складчину с камчатским купцом Лукой Алиным построил в Нижнекамчатске судно «Святой Павел» и отправил его на Алеутские острова. В это же время с другим компаньоном, якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, он построил и снарядил в Охотске гукор (двухмачтовое грузовое судно) «Святой Николай», который под командой штурмана Михаила Петушкова пошел к Курильским и Японским островам. Эта промысловая экспедиция принесла большие барыши: за десять месяцев были добыты или обменяны у туземцев шкуры 970 каланов, 135 лисиц и 195 голубых песцов. Петушков пытался завести торговлю и с жителями Японских островов, куда плавал на байдаре, но договориться не сумел, хотя меновую торговлю с японскими рыбаками вели еще участники Второй Камчатской экспедиции в 1738–1739 годах.

Ободренные первым успехом, Шелихов и Лебедев-Ласточкин в 1778

году вновь отправили «Святого Николая» на Курилы. Свободных капитанов на тот момент не нашлось, и купцы рискнули поручить судно передовщику — «сибирскому дворянину» Ивану Антипину. Поскольку он был «ненастоящий мореход», с ним послали штурманского ученика Федора Путинцева. Но то ли ученик оказался неопытен, то ли Антипин неудачлив, но в результате случившегося на одном из островов землетрясения судно село на мель. Снять его при тогдашних технических возможностях было непростой задачей, и Антипин, пересев на байдару, вернулся с небольшим грузом на Камчатку.

Эта неудача на время охладила интерес Шелихова к Курилам, и он решил вновь поучаствовать в промыслах на Алеутских островах. Шелихов снарядил судно «Варфоломей и Варнава» совместно с московским купцом Иваном Соловьевым и братьями Григорием и Петром Пановыми из Тотьмы. Вернулось оно в 1780 году с «небогатым грузом», оцененным в 58 тысяч. По меркам пушного промысла это действительно немного — удачливые мореходы, проведя пару лет на Алеутских островах, привозили мехов на сотню тысяч рублей, а штурман Потап Зайков из экспедиции, снаряженной купцами Ореховым и Лапиным, доставил груз на 300 тысяч!

В том же году вернулся наконец снаряженный Шелиховым «Святой Павел»; выручка от продажи шкур каланов, голубых песцов и морских котиков составила 74 240 рублей — не так уж много. Но всё же результаты промысла на Алеутских островах выглядели лучше, чем на Курильских. Говоря словами того самого голландского «купца-шпиона», Шелихов имел вполне сносное начало.

Приказчик коронного поверенного

Но где же Шелихов взял первоначальный капитал? Это еще одна загадка его биографии. Чтобы простому приказчику накопить на строительство и снаряжение судна, понадобились бы долгие годы.

В это время в жизни Григория произошло важное событие — как гласит надпись на памятнике, в 1775 году он «вступил в супружество». О его супруге до замужества сведений еще меньше, чем о нем самом: неизвестны ни ее происхождение, ни фамилия в девичестве, ни возраст при вступлении в брак. В архивных записях Рыльска она зовется «Наталя Алексеева дочь из Сибири». В алфавитной книге, составленной после 1786 года, о Григории Шелихове говорится, что он — сорокалетний глава семейства, у которого 26-летняя жена и три дочери: Анна девяти лет,

Екатерина семи лет и пятилетняя Евдокия. Следовательно, разница в возрасте супругов составляла 14 лет. Если считать годом рождения Шелихова 1748-й, то в 1775 году 27-летний купец женился на тринадцатилетней девочке.

Эти нехитрые подсчеты позволяют сделать важный вывод: устоявшееся представление о Шелихове как о расчетливом приказчике, женившемся на богатой вдове, вряд ли имеет основание. Впрочем, юный — даже по тому времени — возраст невесты вовсе не исключал наличия у нее большого приданого, которое могло ощутимо пополнить первоначальный капитал рыльского купца. Но с той же вероятностью его тесть мог быть разорившимся купцом, который поспешил отдать дочь замуж в столь нежном возрасте.

Каково бы ни было ее происхождение, Наталья оказалась женщиной умной и решительной, была искренне предана супругу и стала ему первой помощницей во всех делах, сопровождала в поездках и путешествиях, даже в далекую Америку. Характером она была совершенно под стать Григорию и после его кончины приняла самое деятельное участие в управлении компанией: жестко отстаивала интересы своей семьи, гибко решала щепетильные вопросы, ладила с людьми самого разного круга и умела, когда необходимо, пустить в ход женское обаяние.

Примерно в это время Шелихов начинает общее дело со своими земляками Голиковыми. Вот что рассказывает об этом Резанов: сначала Шелихов предложил всем купцам объединиться в одну компанию для промыслов в Америке, но те отказались; тогда «сей предприимчивый муж бросился во внутрь России, искал товарищества... но по неизвестности о его состоянии, не имев успеха, готов уже был один предаться исполнению лестных для него видов, как соуроженец его капитан Михайла Голиков... уговорил дядю своего курского купца Голикова... тогда питейные сборы содержавшего, уделить знатного его имущества некоторую часть на полезное сие пожертвование».

Иван Ларионович Голиков действительно в 1774 году получил винный откуп по Иркутской губернии и стал коронным поверенным, то есть доверенным лицом императрицы. Откупщик вносил в казну определенную сумму и заключал договор сроком на четыре года, в котором устанавливалась цена «пития» в кабаках: с 1771 по 1775 год она равнялась трем рублям за ведро^[3]. Поскольку по закону продавцы водки — «хлебного вина» — не могли быть ее производителями, они ее закупали по установленной цене, в данном случае — 85 копеек за ведро. Таким образом, разница между закупочной и отпускной ценами составляла 2 рубля 15

копеек с каждого проданного ведра, которую откупщик был обязан сдавать казне. А в чем же была его прибыль?

В договоре записывали количество «пития», которое откупщик брался продать за год, а реализованное сверх того приносило ему доход. Если откупщику удавалось приобрести водку по более низкой цене, чем установило государство, разница тоже шла ему в карман. Эти два условия, очень привлекательные для откупщиков, не были единственным источником их барышей. Немалую прибыль приносила торговля «сопутствующими» товарами: пивом, «харчевой продажей», то есть закусками, медами собственной варки. Обязательства умершего откупщика, не выполнившего условия договора, переходили к его семье.

Водочная торговля была очень выгодна казне — к концу XVIII века отчисления от откупов составляли почти треть доходной части бюджета. Обогащала она и удачливых откупщиков. Однако в Восточной Сибири, где население было всегда малочисленно, а расстояния неохватны и требовали немалых транспортных расходов, производство и продажа водки частенько не окупались и разорившиеся заводчики были вынуждены отдавать за долги свои заведения в казну.

Чтобы получить винный откуп, требовался начальный капитал, и сибирские купцы сколачивали его, перепродавая меха. Вероятно, это и было источником первоначального накопления для Голикова, а вслед за ним и для Шелихова.

Сам откупщик, конечно же, за торговлей в кабаках не следил, а нанимал приказчика, тот объезжал всю территорию, взятую в откуп, собирал деньги, делал отчисление в казну и составлял ежегодный отчет. Вот на эту должность коронный поверенный Голиков и нанял молодого, энергичного рыльского мещанина Шелихова, который исполнял ее вплоть до 1781 года. Кстати, уже после смерти Григория Ивановича его двоюродный брат Иван Петрович взял откуп на питейные сборы в Якутске, Якутском уезде и на побережье Охотского моря.

Голиков составил для приказчика инструкцию, где описал маршрут, по которому Григорий Шелихов должен был объезжать кабаки Иркутского края: из Иркутска — в Качуг, оттуда по Лене сплав до Якутска, затем в Охотск и снова в Иркутск. Задача Шелихова не исчерпывалась сбором денег; поскольку было решено снаряжать корабли в Америку, в инструкции Шелихову предписывалось еще и набирать людей для будущей промысловой экспедиции.

Продажа мехов, водки, снаряжение кораблей — какая разнообразная, нескучная и полная риска жизнь началась у Шелихова в Сибири! Но что за купец без риска? Недаром один из героев Эмиля Золя признавался: «Спекуляция — самая соблазнительная сторона существования, это вечное стремление, заставляющее бороться и жить... Без спекуляции не было бы дел, мой милый друг... С какой стати я буду выкладывать деньги, рисковать своим состоянием, если мне не пообещают необыкновенных доходов, внезапного счастья, которое вознесет меня на небеса?.. Спекуляция губит только неумелых».

Шелихов к числу неумелых себя не относил. Опыт совместного предприятия с Голиковым у него уже был, и опыт успешный. В 1777 году они построили в складчину на Камчатке судно «Святой Андрей Первозванный» и отправили к Алеутским островам. Там охотники загрузили судно мехами, но на обратном пути попали в шторм и потерпели крушение. Однако расторопные промысловики сумели спасти ценное имущество, и компаньоны продали его за 133 450 рублей. «Этот богатый в то время груз, — писал К. Т. Хлебников, — вознаграждал компаньонов за все убытки и сверх того доставил хорошие выгоды».

Вырученные от продажи мехов средства вложили в следующую экспедицию: в 1779 году, снова в компании с Голиковым, Шелихов отправил судно «Святой Иоанн Предтеча» из Петропавловской гавани на Алеутские острова. Через шесть лет в Охотск привезли одних шкур каланов более тысячи штук! Стоит заметить, что все предыдущие экспедиции, снаряженные при участии Шелихова, ходили недалеко от Камчатки и по уже известным маршрутам. Зато следующая экспедиция вошла в историю географических открытий.

В 1781 году Шелихов и П. С. Лебедев-Ласточкин отправили судно «Святой Георгий» под командой морехода Герасима Прибылова к Алеутским островам. Взяв курс на север, Прибылов открыл группу ранее неизвестных островов, где в изобилии водились каланы. Самый крупный остров он назвал именем Святого Георгия, другой — Святого Павла. Хлебников видел письмо Шелихова, где тот перечислял груз, привезенный Прибыловым после двух лет экспедиции: две тысячи шкур каланов, 40 тысяч морских котиков, шесть тысяч голубых песцов, а также немало моржового клыка и китового уса.

За 20 лет — с 1777 по 1797 год — из Охотского моря в Тихий океан

было послано 36 судов и в снаряжении четырнадцати из них участвовал Шелихов. Но со временем становилось всё более очевидно: отправка кораблей отнимает слишком много сил и средств. Не выгоднее ли основать на американском берегу постоянное селение, где будут жить промысловики и приказчики, наладить торговлю с местными охотниками? Промысловики и раньше вели меновую торговлю с алеутами — недаром туземцы из своих байдарок приветствовали Креницына и Левашова возгласом «Здорова!». Но мореходы пробыли на островах недолго, не успев ни завести постоянную торговлю с алеутами, ни тем более принять их в русское подданство.

Единственной компанией, которая имела «оседлость» в Америке, было торговое предприятие купца Лебедева-Ласточкина. Решил основать там поселение и Шелихов. Однако его планы были куда масштабнее — он не собирался ограничиваться добычей пушнины и торговлей, а намеревался отправиться «для поисков неизвестных островов и земель и сыскания необитаемых диких народов, которых собственными трудами и капиталами из усердия ко отечеству» принять в российское подданство, а западное побережье Америки сделать владениями империи. Так интересы рыльского купца Шелихова совпали с движением России на восток, начавшимся задолго до XVIII столетия. Впрочем, в то время не один Шелихов связывал большие надежды с заморскими владениями.

Колонии и метрополии

Назначение колоний — служить метрополии. Так думали греки еще за восемь столетий до Рождества Христова, когда колонизировали побережья Средиземного и Черного морей, полагая, что освоенные ими земли должны приумножить богатство, престиж и славу их родных городов. Со временем этот взгляд изменился, и в XVIII столетии уже никто не скрывал, что колонии нужны не для обогащения государства и даже не для роста доходов торговых компаний, а для прибыли отдельных — весьма немногочисленных — семейств. Отец-основатель США Томас Джефферсон говорил об этом предельно откровенно: «Виргинские плантации были разновидностью собственности, привязанной к определенным торговым домам Лондона».

Британия стремительно расширяла свои владения в Северной Америке — в 1763 году она получила от Франции Канаду, от Испании — Флориду; и чтобы освоить эти земли, с 1717 по 1779 год в Северную Америку было отправлено 50 тысяч каторжников. Возникла даже своеобразная

специализация в их распределении; так, в Джорджию обычно везли осужденных за долги. Вспомним, как Чарлз Диккенс, искавший сюжеты для романов в реальных судебных делах, не раз отправлял в американские колонии своих «героев-злодеев», например Урию Хипа из «Дэвида Копперфилда» и Абея Мэгвича из «Больших надежд».

Ехали в колонии не только осужденные, но и заключившие контракт — «завербованные»: англичане, ирландцы, шотландцы, немцы, которые в течение нескольких лет были вынуждены отрабатывать стоимость билета в роли слуг. Хозяева их кормили, одевали, а плата за работу поступала капитану судна.

Что же касается местного населения, то его судьба европейцев интересовала мало: гибель туземцев при захвате территорий и высокая смертность от завезенных из Европы болезней рассматривались как сопутствующие потери. Историки определили: за период конкисты (испанской колонизации Америки) — с конца XV до конца XVI века — коренное население Мексики уменьшилось с двадцати пяти до одного миллиона человек. Наглядным доказательством его резкого сокращения может быть такая подробность: если в начале конкисты монахи-францисканцы из-за большого числа прихожан служили мессы на ступенях храмов, то через сотню лет — уже внутри церквей, а в некоторых местах и в небольших часовнях.

Для восполнения убыли населения колонизаторы в середине XVI века начали ввозить из Африки чернокожих рабов — за четыре столетия торговли «черным деревом» в Америку было доставлено 15–20 миллионов человек, не считая тех, что погибли в пути или пошли на дно вместе с кораблями. На новом месте африканцев ждали тяжелый труд и жестокие наказания за любую провинность. Тем не менее британцы считали свое отношение к чернокожим образцовым; в 1763 году один англиканский священник так и сказал своей пастве: «Я лишь воздаю вам должное, свидетельствуя, что нигде на свете с рабами не обходятся лучше».

Впрочем, в эпоху Просвещения некоторые философы и писатели начали было осуждать рабство, невольничий труд и высказывать весьма критическое отношение к политике своих правительств в колониях. Однако материальная выгода диктовала иное отношение и к колониям, и к колонистам, и к туземцам.

За 60 лет — с 1743-го по 1804-й — из Охотска и с Камчатки отправилось за океан 65 промысловых экспедиций. Добытые ими на островах и в Америке товары были проданы (с учетом уплаченных пошлин) более чем на шесть миллионов рублей. Большая часть мехов уходила из Иркутска в Кяхту — там китайцы особенно хорошо платили за хвосты каланов; меньшая продавалась на внутреннем рынке России. С середины 1760-х годов организовывались как частные, так и казенные экспедиции в Тихий океан. Екатерина II всячески поощряла инициативу купцов — им была дана привилегия не платить десятину в казну. В 1762 году отменили казенные и частные монополии, в том числе государственную монополию на продажу пушнины за границу. Был снят запрет на вексельные переводы из европейской части России в Сибирь, стали открываться банковские конторы для кредитно-вексельных операций: в 1772 году — в Тобольске, в 1779-м — в Иркутске. Отмена государственных монополий и начало кредитных операций в Сибири открывали дорогу для купеческой инициативы, векселя позволяли вести коммерческие операции при отсутствии наличных денег.

Вопрос о ясаке — меховой подати с туземцев, которые жили на присоединенных к России землях, — долгое время никак не решался. Наконец, в 1770 году был издан указ, запрещающий промышленным и казакам собирать ясак по собственной инициативе, без соответствующего поручения властей, а в 1779 году Екатерина II и вовсе запретила брать ясак с алеутов и других туземных народов Америки.

В 1781 году Голиков вызвал Шелихова в Петербург. Там они втроем — вместе с племянником Голикова Михаилом, капитаном 2-го Оренбургского драгунского полка, — составили соглашение о создании компании. Иван Голиков вкладывал 35 тысяч рублей, Михаил Голиков — 20 тысяч, Шелихов — 15 тысяч. Общий капитал компании, таким образом, составил 70 тысяч. Все деньги поделили на 120 долей, каждая стоимостью 583 рубля 33 копейки. По сути это были уже не паи, но акции закрытого акционерного общества. При этом в компании сохранялись и прежние паи или доли в промысле, что неизбежно создавало трудности и споры при распределении доходов между компаньонами.

Отличие компании Голиковых — Шелихова от иных складчин состояло в том, что она создавалась не на одно-два плавания, а на десять лет. И промысел предполагалось вести не только на уже известной земле — «аляксинской (так. — *Н. П.*), называемой американской», — но и на тех, которые будут открыты: «знаемые и незнаемые острова для производства пушного промысла, и всяких поисков, и заведения добровольного торга с

туземцами». Эти территории предстояло закрепить за Россией.

Шелихов выступал в этом соглашении уже не как приказчик Голикова, но как вполне равноправный партнер. Его участие в компании отличалось от вклада двух других компаньонов: он обязывался не только вложить свои средства, но и руководить постройкой судов и на одном из них отправиться в плавание. За это он должен был получить сверх причитавшихся ему паев еще треть доли компаньонов.

Подобные купеческие компании не были редкостью в мире торговли — еще во времена Древнего Рима купцы объединялись для вояжей по Средиземному морю. В Средневековье подобные объединения называли «морское товарищество» или «истинное товарищество» (современное право именует их «товарищество на вере»): одни их участники только финансировали предприятие, оставаясь на берегу, другие — и финансировали, и ходили в плавание.

В отличие от морских товариществ компании создавались как семейные объединения. Сам термин «компания» происходит от латинских слов *com* («вместе») и *panis* («хлеб»), то есть участники компании и хлеб вместе ели, и работали, и делили между собой прибыль и убытки. К такому типу компаний можно отнести и союз Голиковых и Шелихова.

Шелихов полагал, что семейные узы самые крепкие, и постепенно приспособил к промысловому делу своих самых расторопных родственников. Его первыми помощниками стали супруга Наталья Алексеевна и родной брат Василий, двоюродные братья Иван Петрович, Семен Андреевич и Сидор Андреевич, зятя — купец М. М. Булдаков и обер-секретарь Правительствующего сената Н. П. Резанов, — а также племянник Голикова Алексей Евсеевич Полевой.

Со временем такие союзы разрастались, начинали принимать в свои ряды чужаков, а после смерти основателей становились открытыми акционерными обществами: их акции не только передавались по наследству, но и продавались на бирже всем желающим. Примером выросшего таким образом акционерного общества является Российско-американская компания.

Для государства такие общества были очень привлекательны, особенно если они вели свои дела за морями. Во-первых, компании платили в казну большие отчисления; во-вторых, они на свой страх и риск финансировали экспедиции, разведывали морские пути и открывали новые земли. Когда число компаний на рынке возрастало, между ними возникала конкуренция и каждая хотела заручиться поддержкой государства в виде предоставления ей монополии на торговлю определенным товаром на

определенной территории. В первой половине XVIII века вошла в моду теория свободной торговли и на привилегии отдельных компаний стали смотреть косо — в первую очередь те, кто не смог эти привилегии получить. Екатерина II хотела показать себя горячей сторонницей этой модной теории и противницей всяческих монополий.

«Морских Северного океана вояжиров компанион»

Когда-то, еще до наступления ледникового периода, Евразия и Северная Америка не были разделены проливом, а составляли единое целое, и ныне исчезнувшие мамонты, пещерные медведи и саблезубые тигры запросто переходили по соединявшему материки перешейку, как по мосту. После великого оледенения перешеек опустился под воду, мост исчез, но о его существовании свидетельствуют и расположение горных хребтов, оказавшихся на дне океана, и сходство животного и растительного мира двух материков, и оставшиеся — как две опоры на концах моста — Аляска и Чукотка.

Как будто желая сохранить это единство, природа связала два побережья многочисленными островами, да и сами материковые берега отодвинула недалеко друг от друга: между крайней точкой Азии на востоке, мысом Дежнева, и западной точкой Америки, мысом Принца Уэльского, чуть более 85 километров. Доподлинно известно, что охотники из Сибири добирались по льду Берингова пролива до Америки, с привалом на отдых и ночлег на острове Святого Лаврентия, всего за два дня.

В первой половине XVIII века на небольших дощаниках, построенных из сырого леса, или шитиках, сшитых китовым усом, русские мореходы шли от Охотска до Алеутских островов 70–80 дней, обязательно делая по пути остановки, и зимовали на островах, чаще всего на Уналашке. По проложенным ими маршрутам собирался идти и Шелихов. В 1783 году в Охотске, на верфи в устье реки Урак, под его руководством построили галиоты: «Три святителя», «Святые Симеон и Анна» и «Святой Михаил». Галиот был прочнее и надежнее, чем шитик, имел две мачты, был вооружен пушками и вмещал солидный груз. Конечно, в сильный шторм у такого судна было мало шансов уцелеть, но оно имело свои преимущества: неглубокая осадка позволяла легко пройти мелководье, что при швартовке в малознакомых бухтах и гаванях очень важно.

К концу лета все приготовления были закончены, и 16 августа суда вышли по Ураку прямо в Охотское море. Первым галиотом управлял

штурман Герасим Измайлов, моряк с богатым опытом. Еще штурманским учеником он принимал участие в экспедициях Ивана (Иоганна) Борисовича Синдта, Креницына и Левашова, побывал в северной части Берингова моря, обходил берега Аляски, заходил на Алеутские острова, учился картографированию и мореходному искусству. В 1771 году он вместе с другими штурманскими учениками Дмитрием Бочаровым и Филиппом Зябликовым находился на Камчатке, в Большерецке, когда ссыльный Бенёвский поднял там мятеж. Смутяны убили коменданта крепости, разграбили казенные припасы, погрузили их на судно вместе с захваченными людьми и вышли в море.

Планы у Бенёвского были обширные: бежать в Европу, добраться до Франции и просить французское подданство. Но его намерения разделяли далеко не все — штурманские ученики вместе с одним камчадалом попытались отвести судно обратно на Камчатку. Однако их попытка не удалась, и борец за свободу Бенёвский приказал жестоко высечь Измайлова и камчадала для острастки остальных, а потом высадить на необитаемый остров. Так Герасим Григорьевич оказался на пустынном и голом, продуваемом холодными ветрами Симушире, куда и промысловики заходили не каждый сезон. Он прожил там год, питаясь ракушками, морской капустой и кореньями, пока проходивший мимо корабль не доставил его на Камчатку. Штурмана долго допрашивали в Иркутске и наконец признали невиновным.

Судьба его товарищей, оставшихся на судне, сложилась по-разному: Зябликов умер по пути, в Макао, а Бочаров после прибытия во Францию вместе с другими отказавшимися просить убежище добрался до русского консула в Париже и получил помилование от государыни. «Видно, что русак любит свою Русь, — писала тронутая их историей Екатерина II, — а надежда их на меня и милосердие мое не может сердцу моему не быть чувствительна».

После долгой разлуки Измайлов и Бочаров встретились в Иркутске и поведали друг другу о своих злоключениях. В последующие годы Измайлов нанимался на купеческие суда, по распоряжению генерал-майора Матвея (Магнуса) Бема проводил топографические съемки и составлял карту Камчатки, затем получил в командование судно «Святой Павел», на котором ходил к Алеутским островам.

В 1778 году на острове Уналашка Измайлов встретился с экспедицией Джеймса Кука, по заданию Адмиралтейства искавшей «северный проход из Тихого океана в Атлантический». Однако для английских моряков Чукотское море оказалось непреодолимым. Они повернули на юг и

остановились для отдыха на Уналашке, где и познакомились с Измайловым. «Это был молодой человек, изящный и стройный, с белокурыми волосами... Своими манерами и поведением он резко отличался от своих спутников» — так описывали штурмана английские офицеры. Кук показал Измайлову свои карты, и тот сразу увидел на них ошибки: неверные координаты и несуществующие острова. По просьбе Кука он привозил на английский корабль русские карты. «Я убедился, — вспоминал Кук, — что он отлично знает географию этих мест и все открытия, совершенные русскими». Еще бы Измайлову не знать об этих открытиях, если о них было известно даже Куку! Это, впрочем, не помешало англичанину заново открывать уже открытое и давать свои названия.

Неудивительно, что Шелихов нанял Измайлова на «Три святителя», на котором сам отправился в плавание. С собой он взял супругу Наталью Алексеевну, которая, как отмечено в его записках, «везде за мной следовала и все трудности терпеть не отрекалась». Второй галиот вел Дмитрий Бочаров. Третьим судном управлял подштурман Олесов, выпускник Охотской навигацкой школы. Помимо экипажа, в экспедиции участвовали и промысловики — всего 192 человека.

Охотское море известно осенними штормами и противными ветрами для плывущих на восток. Губительными оказывались и встречные течения у островов, рвущие корабли с якорей и так громко шумящие, что о помощи кричать — не докричатся. Шелихов, много слышавший обо всех этих напастях от Измайлова и Бочарова, на случай, если море разлучит суда, назначил местом встречи остров Беринга. Во время плавания так и произошло: неопытный Олесов не справился с управлением, и «Святой Михаил» надолго потерялся из вида. Позже выяснилось, что он зазимовал сначала на Курилах, затем на Уналашке, долго ремонтировался и прибыл к берегам Америки, когда Шелихов уже отправлялся обратно! Олесов добирался до Кадьяка 999 дней, поставив таким образом своеобразный рекорд.

На пятый день увидели Шумшу — самый северный из Курильских островов. Рядом с ним мореходы обычно останавливались, но Измайлову сильный ветер не позволил бросить якорь двое суток. Наконец, сошли на берег, пополнили запасы пресной воды и отправились дальше. Начавшийся вскоре шторм разбросал суда. «Буря сия, — вспоминал Шелихов, — столь была велика, что мы лишились было и надежды в спасении своей жизни». Лишь спустя три недели «Три святителя» и «Святые Симеон и Анна» встретились, а 24 сентября благополучно пристали к острову, на котором командор Витус Беринг зимовал и здесь же обрел последнее пристанище.

Остров был необитаем, никаких строений со времен Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) там не сохранилось, и люди, посланные Шелиховым на байдарках, ничего примечательного не нашли. А когда-то Беринг увидел на берегу и в океане немало пушного зверя. После его открытия все промысловые экспедиции непременно приплывали в этот район и всегда возвращались с добычей, а потому через 40 лет безудержной погони за прибылью вся живность там была истреблена.

В своем сочинении «Путешествие по Восточному океану к американским берегам» Шелихов мало что рассказал об их первой зимовке, но она, без сомнения, была непростой. Обычно промысловики на месте зимовки рубили избу и баню, но на этом острове лес не рос, и пришлось собирать по берегу плавник — выброшенные океаном деревья. Из плавника соорудили полуземлянки на манер камчадалских и в них провели зиму засыпаемые снегом и продуваемые ветрами.

Сухари, муку и крупы расходовали экономно, сразу перешли на то, что давала природа. Шелихов вспоминал: «Пища, какую на сем острове употреблять можно, состоит из морской рыбы, коей много разных родов, также из мяса морских зверей, как то: сивучей, котов и нерп, из птиц находятся: гуси, утки, лебеди, урилы, чайки, ары, куропатки...» Чтобы накормить экипажи двух кораблей и промысловиков — полторы сотни людей, — продуктов требовалось немало, и в котел шли уже не только куропатки, гуси и утки, но даже чайки, урилы (бакланы) и ары (кайры). Если удавалось добыть тюленя, его мяса и жира хватало надолго.

Сидение в полутемной землянке и скудная, однообразная, лишенная витаминов пища, казалось, должны были неминуемо привести к повальному распространению цинги. Однако Шелихов сумел избежать этой напасти — из его команды умерли двое, да и тех, считал он, можно было спасти, если бы лекарь постарался. Шелихов заставлял всех выкапывать съедобные корни — «кутаргарное и сарану»^[4], — сушить, толочь, подмешивать жир и есть, как кашу. Этим и спасались. И еще постоянным движением — тоже благодаря Шелихову: «Для этого во время метели ходили возле моря, а в ясные дни по горам на лыжах на дальние расстояния».

Наконец, когда течение отнесло большие льды в океан, 16 июня 1784 года продолжили плавание. Прошло четыре дня, и, в тумане потеряв из виду второе судно, Шелихов пристал к острову Медному, также открытому командором Берингом, — там всегда останавливались промысловики и мореходы. Зиму 1748/49 года здесь провел устюжский купец Афанасий Бахов со своей командой, а спустя четверть века зимовал штурман Потап

Зайков, который описал Медный во всех подробностях. Взяв воду и пополнив съестные припасы мясом морских котиков, 23 июня продолжили плавание.

В первых числах июля подошли к Ближним Алеутским островам. На первый из них, Атту, мореход Андреян Толстых когда-то выпустил привезенное им с острова Беринга семейство голубых песцов. Позже, уже став купцом, он вновь приходил на эти острова на собственном судне «Андреян и Наталья». Сегодня эту группу из семи островов называют Андреяновскими. 12 июля наконец встретились со вторым кораблем и на следующий день подошли к Уналашке.

Этот остров был перекрестком всех тихоокеанских путей, туда заходили пополнить припасы, набрать свежей воды, узнать новости и оставить сообщения. Шелихов передал распоряжения для своего третьего судна, но ждать его не стал, торопясь к Кадьяку — оговоренному месту встречи. После десяти дней отдыха, в начале августа, вышли в море. С острова он увез двоих толмачей и нескольких алеутов, «кои добровольно согласились служить». Свой путь на Кадьяк он описал так: «Проходили с северной на полуденную сторону гряды Лисьих островов проливом между островами Унимак и Акун. Сей пролив ничего судовому ходу препятствующего не имеет, потому что чист и просторен, только во время прилива и отлива быстрота в нем наисильнейшая».

Сразу за островами изгибалась узкая и длинная — в 800 километров — полоса суши, похожая очертаниями на хвост калана. Первыми ее нанесли на карту Степан Готов и Савин Пономарев, назвав островом Алахшахом; вслед за ними описали Петр Креницын и Михаил Левашов, окрестив Аляской. То, что Аляска не остров, а полуостров, открыл Джеймс Кук, однако и он ошибся — соединил ее с островами Кадьяком, Шуяком и Мармотом, не заметив между ними пролива, который был давно известен русским мореходам. Этим-то проливом и шли галиоты Шелихова. Задолго до его экспедиции Ломоносов провидчески предрекал:

Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб российский между льдами
Спешит и презирает рок.

Остров Кадьяк

Третьего августа 1784 года проливом, который назовут его именем, Шелихов подходил к самому большому из островов, лежащих под брюхом матерой земли Америки. На русских картах он именовался Кихтаком, а местные называли его Кадьяком — Большим островом. Промысловики и моряки, не занятые на вахте, высыпали на палубу и приникли к бортам. Впереди по курсу лежал приметный мыс с двумя горбами, за ним виднелись скалистые берега с нависшими безлесными утесами, вдалеке — заснеженные вершины гор. Мрачно и сурово взирала на пришельцев незнакомая и, казалось, безлюдная, словно застывшая в немом молчании земля. Далеко на западе и востоке, в Европе и Азии возникали и исчезали империи, сменялись династии, всходили на престол и погибали на эшафотах правители, художники создавали шедевры, ученые совершали открытия, а здесь, на краю света, время будто остановилось. Безмолвно нес Великий океан свои воды и как сотни и тысячи лет назад лениво слизывал длинным языком набежавшей волны прибрежную гальку и равнодушно тащил ее за собой. Все невольно притихли и замолчали перед грозным величием этого вечного покоя. И супруги Шелиховы молчали, гадая, что ждет их на новой земле.

На якорь встали в гавани, которую Шелихов назвал Трехсвятительской — по имени своего галиота. На следующий же день он отправил людей на двух сдвоенных байдарках искать жителей острова. То, что он обитаем, было уже известно, как и упорное нежелание конягов — так называли островитян, кадьякских алеутов — торговать с кем бы то ни было. О своем плавании и жизни на островах Кадьяк и Афогнак Шелихов, вернувшись в Иркутск, написал в 1787 году своеобразный отчет, назвав его «Записка Шелихова странствованию его в Восточном море». Написана она от первого лица, простым разговорным языком на основе путевого журнала^[5]. Он подробно рассказал о злоключениях промысловиков, пытавшихся зимовать на острове задолго до него — в 1761, 1776, 1780 и 1785 годах. Выжившие предупреждали Шелихова о «кровожаждущих и непримиримых» туземцах; но он любил побеждать там, где отступили другие: «Я мало уважал всё сие и пренебрегал все опасности, дабы достичь цели, намерений общества и моих собственных». Хлебников в своих записках осторожно заметил, что враждебное отношение аборигенов Кадьяка к чужакам объяснялось неоднократными нападениями на них и племен Кенайского полуострова, и индейцев-тлинкитов, и «белых людей».

Способов наладить взаимоотношения было два: кнут и пряник. Шелихов использовал оба — одаривая пряниками, держал наготове кнут и при необходимости не гнушался его применять.

Первая встреча с туземцами и предложение Шелихова принять его подарки закончились плачевно: забравшись на утес, жители Кадьяка обстреляли из луков байдары с пришельцами. Шелихов уверял, что конягов было «превеликое множество, по крайней мере до 4000 человек». Эта цифра вызывает сомнение у исследователей; однако заметим, что сомнения вызовут любые цифры, ведь туземцев на острове никто не считал, а значит, ни подтвердить, ни опровергнуть приведенные Шелиховым данные не представляется возможным. Многие мореходы, проплывая у берегов открытых ими земель, определяли на глазок и размеры островов, и численность населения. Так, Джеймс Кук на острове Пасхи увидел от шести до семи тысяч аборигенов, Жан Франсуа Лаперуз — всего две тысячи, Юрий Лисянский — около полутора тысяч человек; остается только догадываться, сколько их было на самом деле.

Можно сравнить названное Шелиховым число туземцев с итогами переписи, проведенной на Кадьяке в 1792 году Александром Барановым: «мужеска и женска пола» оказалось 5696 человек, что вполне согласуется с данными Шелихова. Правда, в своей «Записке» последний уверял, что привел в подданство «ея величеству обоего пола с лишним 50 000 душ». Сравнение с данными переписи дало повод недоброжелателям и откровенным врагам Шелихова обвинить его команду в истреблении местного населения — получалось, что всего за шесть лет оно сократилось почти в десять раз. Напомним: когда Шелихов составлял «Записку», он уже знал, что будет подавать ее губернатору, затем она уйдет в Сенат и, возможно, ее прочтут самой государыне, так что его стремление преувеличить число новых подданных империи вполне объяснимо.

Моряки военных кораблей разговаривали с промысловиками, прибывшими на остров вместе с Шелиховым, и те утверждали, что против них вышли не четыре тысячи, а от силы 300–350 человек. Как бы то ни было, туземцев на Кадьяке было намного больше, чем прибывших на двух галиотах, и потому Шелихов принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Нападения продолжились и в следующие дни. А 12 августа, в полночь, коняги навалились толпой и едва не перебили всех. «Очевидная смерть придавала нам бодрости, и мы с оною, защищаясь нашими ружьями, насилу смогли обратить их в бегство». Случаи, когда туземцы, вооруженные луками и стрелами, уничтожали белых с огнестрельным оружием, были отнюдь не редки, так что в рассказе об этой победе следует

усмотреть не похвальбу, а свидетельство геройства защитников, предусмотрительности Шелихова и его организаторских способностей.

С восходом солнца коняги ушли, унося своих убитых и раненых. В лагерь Шелихова явился перебежчик — бывший в плену у конягов алеут с Лисьих островов. Он рассказал, что к утесу, с которого были обстреляны лодки Шелихова, скоро подойдет подкрепление, и тогда туземцы снова попытаются атаковать, чтобы захватить пленных, — так они поступают со всеми пришельцами.

Шелихов был наслышан о судьбе русских мореходов, попавших в плен, не хотел такой участи ни для себя, ни для жены, ни для своих людей и потому действовал по принципу «на войне как на войне»: «Приметя вскоре сию угрожаемую от лютой дикой опасности, мы решили предупредить предприятие оных» — зарядили мортиры и обстреляли укрепление на утесе. «Сколько бы я ни избегал пролития крови, — признавался Шелихов, — нельзя однако ж думать, чтобы не было при сем несколько из них убито». Вскоре укрепление сдалось, а все, кто там находился, были взяты в плен. Большую часть пленных он отпустил, а остальных поселил в 15 верстах от гавани: выбрал из них «хаскака» (начальника), снабдил байдарками, сетями и всем нужным для жизни. Чтобы избежать дальнейших покушений, Шелихов взял 20 детей в заложники-аманаты — так поступали в Америке и «белые», и туземцы.

Это было не последнее столкновение. Коняги нападали на лагерь ночью, в дождливую и ветреную погоду, пытались пронзить байдары копьями — «иные байдары имели до ста сквозных пробоин». Но Шелихов был не из тех, кто отступал, тем паче когда его вынуждали отступить. Он настойчиво и упорно держался за эту каменистую неприветливую землю и требовал такого же терпения от других. Пусть он родился не в Сибири, но приобрел узнаваемые черты знаменитого сибирского характера — несговорчивость и упрямство.

В гости, как на сражение

Как выглядели эти «немирные» аборигены? «Коняги — люди рослые, здоровые, дородные, больше круглолицы, но есть имеющие и продолговатые лица; смуглые, волосы черные, а редко темно-русые, которые мужеский и женский пол стригут в кружок. Жены знатных мужей отличают себя от прочих тем, что, зачесывая несколько волос наперед, подстригают до бровей и имеют косы; у иных бороды, а у некоторых грудь

и плечи вместо косынок шитые» — так описывал конягов Шелихов. «Шитые» — татуированные; подобный способ украшать тело был распространен у многих народов Америки. Кроме татуировок и женщины, и мужчины использовали, как сказали бы сегодня, пирсинг: «средний хрящ в носу прокалывают», чтобы вставить туда кость; прокалывали также уши, нижнюю губу и через проколы продевали нанизанный мелкий и крупный бисер, «почитая то за самую лучшую вещь и украшение».

Описал он и костюмы туземцев: нижних рубах у них нет, ходят босиком, а дома и вовсе нагишом, с небольшим передником из шкуры или травы, в холод носят парки, которые делают из меха бобров, выдр, лис, медведей, соболей, зайцев, оленей и росомех, еврашек (сусликов) и тарбаганов (сурков), а также оперения птиц. Из кишок сивучей, нерп, моржей и китов шьют длинные рубахи с капюшонами — камлеи. На головах носят шляпы из травы и веток и «деревянные шапки».

Но если одежду и украшения туземцев при первой встрече никто разглядеть не мог, то силу их оружия и умение его применять люди Шелихова сразу почувствовали на себе: «Для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи железные и костяные...» Раны, нанесенные меткими конягами, бывали болезненны и долго не заживали; английские моряки рассказывали, что видели на телах русских шрамы от индейских стрел.

Жили коняги в землянках, стены внутри обивали досками, окна затягивали кишками и пузырями животных, а вход делали ниже пола — «с исподи», как писал Шелихов. Печей в этих домах он не увидел — «довольно они теплы и без того». Но зато огнедышащие каменки стояли в банях, в которых «париться они отменные охотники» — с березовыми вениками и травами.

Шелихов признавался: ни свадеб, ни наречения новорожденных, ни похорон «сам не видел, и потому ничего об них и сказать не могу». Впрочем, кое-какие обряды он описал. Некоторых умерших закапывали в байдарке, вместе с ними погребали живых рабов, по большей части пленников. Жители полуострова Кенай, напротив, своих покойников сжигали, завернув в звериные шкуры. Родственники почивших в знак скорби остригали свои волосы, лица мазали черной краской, но законом это не было: «Если умерший кому неприятен или вовсе не имел с ним дружества, хотя бы и родственник был, те по таковым траура на себя не налагают». Многоженство у них не было в обычае, зато процветало многожество: «Хорошие и проворные женщины держат по два и по три

мужа, и в том никакой ревности между мужьями нет, но еще живут дружески».

Судя по некоторым замечаниям Шелихова, он через толмачей хотел узнать, во что туземцы веруют, но выяснил немного: «Говорят, что в мире есть два существа или два духа, один добрый и другой худой... доброе выучило делать байдары, а худое оныя изломать». Он и сам пытался проповедовать: «Сделал я опыт рассказать им сколько можно простее о христианском законе, а как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем... словом, до выезда еще моего сделал я христианами из них сорок человек, кои крещены были с такими обрядами, кои позволяются без священника».

Эпидемии среди туземцев не распространялись — по утверждению Шелихова, они все поголовно здоровы и «живут до ста лет». Единственная ведомая им болезнь — «любострастная», которую к ним завезли мореплаватели. Англичане пытались бороться с этой напастью и даже запрещали больным членам экипажа сходить на берег, но запреты не действовали. Конечно, венерические болезни завозили не только английские корабли; однако англичане обратили внимание, что русские не вступают в связь с местными женщинами, объясняя это тем, что туземки — «нехристи». Правда, наблюдения англичан плохо согласуются с реальностью — достаточно вспомнить разношерстную публику промысловых партий и большое число белокурых и голубоглазых детей на островах и Аляске.

Шелихов в своих наставлениях не оставил без внимания этот важный вопрос. Мораль он никому не читал, но советовал, чтобы предотвратить распространение «любострастных» болезней, «неженатым, кто хочет, женитца... а женатым Бог, а не мы будем судьи, природная слабость ни кто не может отвратить чрез долгое время живши».

Обычай гостеприимства конягов Шелихов описал подробно: «Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красной краской, и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные свои орудия». Гости тоже являлись в соответствующем виде — «как на сражение». Как только байдары приближались к берегу, хозяева бросались в воду, выносили их вместе с байдарками на сушу, затем всех прибывших по отдельности на спине несли к месту трапезы, рассаживали; все молчали, пока не наедятся и не напьются. В деревянных или костяных мисках подавали угощение: толкуши — толченые ягоды с тюленьим, китовым или сивучьим жиром; перемешанные с корнями бруснику, клюкву, чернику, княженику. Приносили сушеную рыбу — юколу, мясо

зверей или птиц. Всё это туземцы ели без соли и хлеба, которых не знали. Первым пробовал кушанье и питье хозяин, затем передавал миску гостю, из чего Шелихов сделал вывод: «Посему надобно думать, что они иногда мешают и отравы». Далее миска пускалась по кругу; недоеденное увозили с собой.

После «застолья» (ни столов, ни стульев, ни кроватей у конягов не было — сидели и спали на травяных подстилках и своих парках) начинались развлечения: танцы с бубнами, представление в масках; затем мужчины уединялись в кажиме — общественном доме, где всю ночь беседовали и играли в разные игры, здесь же спали и ели.

Шелихов относился к конягам настороженно и недоверчиво: «От природы хитры, в обидах мстительны и предприимчивы»; хотя с виду «кажутся тихи», но «жизнь их есть разбойническая, кто чаще, больше и удачнее украсть успеет, тот чрез сие похвалу заслуживает». На его оценках не могли не отразиться частые и кровопролитные столкновения с конягами; но он и не претендовал на глубокое знание их натуры, в описании часто прибавлял «по короткой там моей бытности» и признавался, что не знает, держат ли коняги данное слово. Зато он верно подметил веселый и беспечный нрав туземцев, их неумение экономить и заготавливать припасы, то есть думать о дне завтрашнем, отчего они «часто голод и наготу терпеть принуждены». Но в то же время автор «Записки» не преминул подчеркнуть: если коняги брались за какое дело, даже не умея, то работали всегда с охотой, усердно.

Он пишет о байдарах как единственном в тех краях средстве передвижения. На собачьих упряжках жители не ездили, хотя собаки на острове были.

Общий итог его суждений неутешителен: «Жизнь свою ведут они скотски». Так обычно думали и писали о туземцах все «белые люди» и в XVIII, и в XIX столетиях, вне зависимости от страны, из которой они приезжали или приплывали. Представление, что язык, мифы, сказания, песни, пляски и традиции аборигенов можно назвать культурой, достойной внимания и уважения, появится лишь в начале XX века. Конечно, были здесь и исключения. Святитель Иннокентий (Вениаминов), который десять лет прожил рядом с туземцами на Алеутских островах, не раз повторял: «Так называемые дикари гораздо лучше весьма многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении». Но способностью увидеть в туземцах людей, созданных по образу и подобию Божию, обладали далеко не все.

Фонарь Кулибина и волшебная бумажка

Увидев, что на жизнь их аманатов никто не покушается, что те не голодают, живут в построенных русскими избах, моются в банях, коняги, по свидетельству Шелихова, стали приводить в лагерь своих детей, «когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были». Он одаривал их и отпускал восвояси. Подарки, которыми он «приласкивал», стали средством расположить к себе туземцев.

Но для прекращения нападений одних подарков недостаточно. Чтобы убедить конягов в превосходстве огнестрельного оружия, Шелихов использовал наглядную агитацию: в большом камне просверлили дыру, насыпали в нее порох, положили туда ружейный замок и, дернув за привязанную к нему длинную веревку, произвели выстрел. Разлетевшийся на части камень был очень убедительным аргументом.

Шелихов был далеко не первым, кто демонстрировал преимущество ружей перед стрелами. В 1721 году нидерландский мореплаватель Якоб Роггевен обнаружил в Тихом океане неизвестный остров, который назвал островом Святой Пасхи. Высадившись на берег, он не встретил никакого сопротивления со стороны туземцев, но тем не менее приказал расстрелять безоружную толпу, собравшуюся посмотреть на корабль. Англичане называли это хорошим способом «запечатлеть в памяти островитян смертоносный эффект огнестрельного оружия».

Шелихов, демонстрируя технические и прочие блага цивилизации, не пытался выдавать их за «волшебство» и не стремился предстать в глазах туземцев «белым богом». Он показывал, как за неделю ставят избы: «Почитали они чудом скороспешное строение наших домов, потому что они над одной своей хижинкой трудятся, отесывая доски заостренными железами, несколько лет». Ночью демонстрировал изобретенный механиком Иваном Кулибиным фонарь (в нем использовались вогнутые стекла) и объяснял принцип его действия конягам, которые вначале «думали, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причине оного».

Неменьшее изумление вызывало у туземцев собственное отражение в зеркале. Но более всего их поразила письменность. Шелихов отправлял иногда кадьякцев с записками к приказчикам, перед этим всегда рассказывая, что им предстоит сделать или принести. Так, однажды он послал человека за сушеным черносливом, а гонец на обратной дороге съел половину сухофруктов. Шелихов прочитал записку приказчика, где

указывался вес чернослива, и призвал кадьякца к ответу. Тот удивился и признался в краже: «Это подлинно, что сия бумажка остро на меня глядела, когда я их ел, но впредь я знаю, как от сего избавиться». Отправленный за новой посылкой и опять уличенный, тот был потрясен — ведь теперь, поедая чернослив, он зарыл бумажку в песок. Как же велико волшебство этих значков!

Шелихов старался возбудить у островитян стремление учиться и перенимать культурные привычки. Любопытно замечание английских офицеров: увидев, как туземцы раскланиваются с ними при встрече, снимая шляпы, они были уверены, что этому их научили русские. Да и сам капитан Кук, познакомившись с алеутами на Уналашке, был восхищен их честностью и миролюбием: «Склонен думать, что эти качества отнюдь не природные... обладают они ими благодаря общению с русскими».

Со временем усилия Шелихова начали приносить плоды; туземцы, перенявшие некоторые черты новой жизни, стали с насмешкой относиться к братьям-невеждам. Пресекая ссоры между своими работниками, Шелихов не упускал случая показать и остальным аборигенам, что любой мир лучше войны: «Защищая же их людьми моими от набегов на них диких из других мест, дал им почувствовать, сколько приятно жить в покое, ибо после сего не отваживались их неприятели делать на них нападения».

На острове, где даже птицы поют тихо

До зимы постарались поставить дома и соорудить крепость, на первых порах «плетневую». Но и это далось «с великим трудом» — приходилось часть людей держать часовыми: пока одни строили, другие охраняли. Шелихов распорядился «караулы в гавани и по всем артелям наиосторожнейшия иметь», ружья чистить, а начальникам артелей еженедельно проверять их чистоту и исправность, кто не будет выполнять — штрафовать. Не умеющих стрелять — обучить, «а за непонятность и пренебрежение стыдить с отлучением из артели». Секрет огнестрельного оружия все должны были «накрепко» сохранять от туземцев.

Когда построили крепость, Шелихов завел правило не выходить из нее по одному и без оружия, и все последующие годы в Русской Америке его соблюдали неукоснительно. Тот, кто отступал от него, расплачивался жизнью.

Весной, едва прогрелась земля, начали копать огороды, посадили привезенные с собой семена, вспахали землю и посеяли хлеб. Шелихов

отметил: «Есть хорошие и годные к хлебопашеству земли, в чем я и самыми опытами удостоверился, сеяв ячмень, просо, горох, бобы, тыкву, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень». Из всего перечисленного не уродились лишь просо, горох, бобы и тыква — поздно посадили. Но опыты вскоре пришлось прекратить: случился неожиданный подъем воды, и море затопило грядки. Подобные агрономические опыты проводил и святитель Иннокентий на Уналашке и пришел к неутешительным выводам: в сыром климате при слишком коротком лете успевают вызревать разве что репа, редька, морковь и свекла, а у картофеля клубни мелкие.

Когда по осени собрали урожай, Шелихов велел накормить овощами конягов; по его словам, новая еда им очень понравилась — «крайнюю почувствовали охоту». Но, по многолетним наблюдениям мореплавателей и миссионеров, ни земледелие, ни скотоводство не увлекли местных жителей, а огородничество привилось гораздо южнее, в Калифорнии. Здешние же племена еще долго жили тем, что давали им море, река и лес.

Команда Шелихова так же, как и туземцы, ловила рыбу, била на льду сивучей, моржей, тюленей, запасала жир. Хлеба, конечно, не хватало, но выходили из положения разными способами. Джеймс Кук расхваливал кулинарные способности промысловиков на Уналашке: «Русские обладают искусством из посредственной снеди изготовить вкусные блюда. Мне очень понравилось приготовленное ими китовое мясо; недурной заменой хлеба служит им пудинг или пирог из лососяной икры, тщательно взбитой и обжаренной».

Всю зиму осматривали на байдарках северное и западное побережья острова, земли вдоль Камышатской губы, которую потом назовут заливом Кука; торговали с туземцами. Шелихов отметил, что тамошние жители говорят на ином, чем коняги, наречии. Из Трехсвятительской гавани выезжали на юг и восток, осматривали соседние острова, ходили по Кенайскому заливу и в Чугацкую бухту, чтобы вести торговлю с местными племенами.

Прожив три года в Америке, Шелихов описал, как умел, и свое плавание, и аборигенов, и природу островов — всё сколько-нибудь значительное, что могло пригодиться в дальнейшем. Мореплаватель В. М. Головнин называл Шелихова «безграмотным», считал, что его записки написаны «варварским слогом», где «бестолковщина на каждой странице». Однако Шелихов не считал себя ни ученым, ни исследователем — он был купцом и знал толк в своем деле. И далеко не каждый из посетивших острова и Аляску купцов занимался их описанием — об этом тоже следует

помнить.

«Острова, лежащие около американских берегов... более каменистые и преисполненные гор», — писал он. Лесов нашли мало, но они всё же были — ель, береза, рябина, много тальника и ольховника. Климат на острове не отличался от материкового: сырая, дождливая погода начиналась с конца лета и продолжалась иногда до декабря; зима наступала в январе, порой была снежная, с метелями и морозами до минус 20 градусов. Случалось, снег выпадал и весной — в марте и даже в апреле, а в горах лежал всё лето. Интересно наблюдение Головнина: при отплытии с Камчатки в Америку в конце мая на судне повесили говяжью тушу, а спустя месяц у Алеутских островов мясо всё еще оставалось свежим.

На Кадьяке и соседних островах росло много трав, вызревали ягоды: «малина, голубица, черница, морошка, брусника, калина, клюква и княженика»; их заготавливали на зиму, чтобы избежать цинги. Английские мореплаватели, кроме ягод, делали в тех же целях «еловое пиво».

Птицы встречались по большей части знакомые: гуси, утки, вороны, галки, «канарейки черные, называемые напойки», сороки, чайки, цапли, кулики, журавли, гагары. Были и такие, что «очень не худо поют, но весьма тихо и почти так, как снегири».

О размерах Кадьяка сам Шелихов ничего не сообщил, но в описании его путешествия, составленном уже не им и вышедшем в 1793 году, есть примечательная фраза: «Величина сего острова, за опасностью нападения островитян, точно не известна, но полагают в длину 200, а в ширину от 20 до 30 верст».

В декабре 1785 года Шелихов и мореходы «учинили» «Постановление», в котором подвели некоторые итоги своей деятельности. За год они исследовали остров и пролив до полуострова Кенай, «описали, на карту и план положили». Смогли наладить — «с великим трудом по битвам и по претерпению крайних многих нужд и опасностей» — торговлю с немирными конягами. Правда, она пока прибыли не давала, поскольку коняги хотели менять меха лишь на копья и ножи, «коих продавать мы удерживаемся» — по вполне понятным причинам. Обучили русскому языку и грамоте туземных мальчиков, и те стали служить толмачами.

Но за время, прошедшее с начала экспедиции, многие ее участники умерли от цинги, утонули или были убиты туземцами, так что проводить исследование территорий и искать новые земли стало некому. В 1785 году воинственные коняги, узнав, что в лагере Шелихова много ослабевших от цинги, снова попытались напасть, но верные люди предупредили об их планах. К этому времени стала остро ощущаться нехватка самых нужных

вещей: «прядвы» для плетения неводов, котлов — привезенные с собой прогорели, потому что «с огня не сходят»: в них дни напролет варили пищу не только себе, но и аманатам и нанятым для хозяйственных работ туземцам. Потому приняли решение отправить в Охотск «Трех святителей» с командой из двенадцати моряков, чтобы компаньоны продали меха, закупили на вырученные деньги всё необходимое, набрали хотя бы человек тридцать и прислали на Кадьяк. Компаньонам также предписывалось приобрести такелаж, 100 лавтаков (шкур морского зверя), большие котлы и медь для их починки, соль, ружейные замки, а для меновой торговли с туземцами — «десять пуд бисеру, сто тысяч голубого цвета корольков, два пуда бисеру белого и красного». Члены экспедиции намеревались прожить на острове три года, после чего ждали смены из Охотска.

Так начинался новый этап истории Америки — русские заводили там оседлость и осваивали этот край, как когда-то Сибирь: рубили избы и бани, копали огороды, сеяли хлеб, строили корабли, начинали торговлю с местными и учили их тому, что умели и знали сами. Шелихов полагал, что общий образ жизни может стать основой спокойного сосуществования с «немирными» прежде соседями.

В январе 1786 года он отправил 11 человек на восток острова, в еловый лес в 160 верстах от гавани. Там они зазимовали и построили несколько шлюпок — так было положено начало Павловской гавани. В том же году посланный Шелиховым отряд построил укрепления на острове Афогнаке и на берегу Кенайской губы. В мае, готовясь к отплытию домой, Шелихов написал наставление енисейскому купцу К. А. Самойлову, которого оставлял вместо себя на хозяйстве. Оно не похоже на обычное распоряжение, которое следовало выполнить в ближайшее время; скорее это была программа на годы — так широко она охватывала едва ли не все стороны жизни русских в Америке.

Вкус добра

На судне с Шелиховым уходили 12 человек, а 113 оставались на острове — горстка людей во враждебном окружении. Когда дождались судна из Охотска и пришел затерявшийся галиот «Святой Михаил», их стало 163. Из них составлялись артели, которые отправлялись в бухты и гавани Кадьяка, а также на острова Афогнак и Шуяк и «далее, вдоль берега, по американской матерой земле, в южную сторону, в полдень Калифорнии простирающейся». Шелихов подробно описал ту часть океана, куда

непременно нужно отправить экспедиции на поиск еще неоткрытых земель: одно судно — к северу от Лисьих островов, «сколько далеко там Северное море позволит»; другое — на юг, до 40 градуса северной широты, и затем к берегам Калифорнии, чтобы «лавировать в треугольнике том... приискивая тех неизвестных островов по два лета». Если ничего не отыщут — что ж, следует радоваться и тому, чтобы приложили усилия на благо Отечества. «А бывает за труды чистосердечные Бог и откроет вам неизвестные острова, чрез что, конечно бы, всех труды вознаградиться могут», — обнадеживал он мореходов. В новых землях промысловики должны были ставить кресты и закапывать в землю таблички, доказывающие первенство России в открытии этих мест. За труды Шелихов обещал награду и от компании, и от себя лично: «если вы в севере найдете острова неизвестные» — тысячу рублей; «надеяться надобно», что и правительство «без уважения не оставит».

В последующие годы мореходы Измайлов и Бочаров неоднократно совершали плавания в северной части Тихого моря, как называли тогда океан. Измайлов обследовал и описал юго-восточный берег полуострова Кенай, нанес на карту залив Якутат и бухту Лтуа (Литуя). Управляющий и доверенный Шелихова Евстрат Деларов ходил на байдарках от Кадьяка вдоль всей Алеутской гряды, где открыл группу островов между Андреяновскими и Крысьими, ныне носящую его имя.

Шелихов большое значение придавал не только открытию новых земель, но и детальному описанию уже известных, и наставлял морехода Дмитрия Бочарова, «чтобы делал окуратную опись» Кадьяка, полуострова Кенай и земель материка далее на восток, до Чугацкой губы.

По его распоряжению полагалось описать бухты, речки, гавани, мысы, рифы; отметить, где есть плодородные земли, какие произрастают леса и растения, водятся звери и рыбы; посчитать поселения туземцев и указать их местоположение; провести перепись жителей «с прописанием, хотя примерных, кто сколько лет». Любопытно его замечание о наименованиях географических объектов: на карте их следовало писать со слов местных, «а своими названиями не обезображивать, дабы по званиям жителей находить все можно было». Это требование было совсем нелишним — именно из-за желания переименовать и возникала зачастую путаница на картах, составленных мореходами из разных стран. Описание новых земель должно было сопровождаться розыском «руд» и «металлов», редкостей для будущих коллекций — «игровых нарядов» туземцев, масок, костюмов, музыкальных инструментов и «прочих побрекушек».

Шелихов настаивал, чтобы Самойлов использовал время примирения с

конягами для разъяснения им всех преимуществ жизни по новым порядкам, дабы они оставили «междоусобные разбои, воровства против россиян, убийственные замыслы и всякое непостоянство». Эти порядки нужно было показать с самой привлекательной стороны, и потому правитель должен постоянно разъезжать по островам, видеть, как его приказчики управляют новыми подданными, узнавать через толмачей «подчиненных лихоимства, пристрастия» и все подобные случаи «всевозможным образом истреблять» — тогда туземцы узнают все прелести новой жизни и почувствуют «вкус добра».

Все эти наставления, наверное, остались бы благими пожеланиями, особенно если вспомнить совсем не мирный характер взаимоотношений на первых порах. Но Шелихов действовал постепенно, начав с детей — тех самых, кого ему оставили в аманаты: открыл училище, где их обучали русскому языку, после чего они становились толмачами, ведь «без совершенных переводчиков никакого установления сделать невозможно». Шелихов недоумевал, что такое важное дело до него оставалось в небрежении «всеми промышленниками от непонятия или нерадения». Когда в Америке будет основана первая духовная миссия, духовенство начнет преподавать в училище Закон Божий.

Шелихов будет постоянно напоминать о своем детище в наставлениях правителям — и Самойлову, и сменившим его Деларову и Баранову. «Грамоте, петь и арихметике учить более мальчиков пожалуйте старайтесь, — писал он в 1789 году, — чтоб со временем были из них мореходы и добрые матрозы, также мастерствам разным учить их надобно, особливо плотничеству». Из Охотска он с каждым судном отправлял в училище книги «учебные, горные, морские, классические, исторические, математические, моральные и экономические». Когда уже после кончины Шелихова Василий Головнин прибудет в Русскую Америку, он будет потрясен числом и разнообразием книг в доме правителя.

Со временем к первым ученикам присоединились родившиеся в Америке от смешанных браков креолы, а за ними и каюры — дети поступивших на службу в компанию туземцев. Покидая Кадьяк, Шелихов взял с собой в Иркутск 40 местных жителей — кого-то по их желанию, а кого-то из пленных «мужеска и женска полу больших и малых». Малолетних он собирался оставить в Охотске и Иркутске, чтобы после завершения ими обучения отправить обратно, а взрослых намеревался привезти в столицу ко двору императрицы.

Прошло три года, и в письме он сообщил об их успехах: «Привезенные мальчики в Иркутске все учатца музыке». За обучение каждого он платил

50 рублей в год из своего кармана и обещал доставить в Америку «музыку и барабанщиков». Тем, кто прилежно занимался, присылал гостинцы — не от компании, а за свой счет.

Он заботился об условиях жизни нанятых на работу туземцев, следил, чтобы их содержали «в хорошем призрении, сытых», требовал «обувать и одевать» и не допускать, чтобы женщин, трудившихся на компанию, обижали «не только делом, но и словом» — за это виновных штрафовали. Особенное попечение было предписано проявлять об алеутах, приплывших с Лисьих островов. Для них строили «добрые и теплые казармы» с перегородками, экипировать их следовало, как русских, «не гнусно, а особенно толмачей и хороших мужиков одевать поотменнее, кормом самих и жен со всяким удовольствием питать». Конечно, Шелихов не был бы купцом, если бы не приказал записывать, какие платье и обувь выдали туземцам, чтобы вычесть стоимость выданного при окончательном расчете с ними. Особое его распоряжение стояло на страже коммерческих интересов компании: запрещалось кому бы то ни было торговать с алеутами в обход «общества».

Шелихов предписывал расходовать «провиянт и крупу... с бережливостью», готовить еду «артельно» — так выходило экономнее. Но о здоровье «рабочих людей» тоже не забывал: распорядился кормить сытно, «гнилых кормов в пищу не употреблять». Чтобы не было цинги, советовал правителю заставлять всех двигаться: ходить, работать, «в праздное время играть», поить вместо чая травяными настоями, следить за чистотой казарм и «юрт», проветривать их, весной и летом застилать полы скошенной травой, а зимой лапником.

Те временные крепости, которые соорудили на Кадьяке и Афогнаке, Самойлову теперь следовало отстроить основательно, по планам, которые нарисовал Шелихов. Для своей безопасности казармы туземцев располагали за крепостными стенами. А еще Шелихов распорядился соорудить сараи для байдар и байдарок, бани, вешала для сушки рыбы, отдельный хлев для коз и большой сенник, «потому что скота я еще пришлю из Охотска», и собак «злых» для охраны. И действительно, из Иркутска им были отправлены «собаки злые и две пары кроликов», из Охотска — годовалые телочки и бычки, по паре свиней и коз. Присылал Шелихов и семена, наказывая из нового урожая непременно выбирать лучшие, чтобы сеять на будущий год.

Отдельное распоряжение касалось судов. И здесь Шелихов проявил себя человеком знающим: давая указания: оставляя судно даже в самой хорошей гавани, его следует раснастить — снять весь такелаж, просушить

паруса, даже мачты вынуть, корпуса вытащить на высокое и сухое место, сделать над ними навесы и укрыть их так, «чтобы капля на палубу дождевая и снеговая не попала». Если не принять этих мер и оставить судно зимовать в гавани, корпус быстро сгниет.

«Вредные шайки»

К тем, кто не выполнял распоряжения правителя, применялись суровые меры: «По изобличении с ыноплеменниками в блудном и во всяком воровстве штрафовать... ссоры, драки, несогласия, развраты, заговорные и вредные шайки, леность строго наблюдать и истреблять». Так, Максимова, не вышедшего с артелью в море, следовало лишить обещанной Шелиховым премии в 100 рублей и отстранить от руководства артелью «яко нерадивого», а если он и дальше не будет беспокоиться о делах компании, то, «яко трутня», изгнать. Серьезную острастку получили передовщик Сакунин, плывший на «Святом Михаиле», и управлявший судном мореход Олесов: первого Шелихов отстранил от должности и лишил его доли — полупая; второму тоже грозило наказание: «От мореходской должности и от участия отказать». Но сначала он советовал разобраться: почему не пришли на остров Беринга, а зимовали на Курилах? Почему в непогоду встали так, что якоря потеряли, «снасти все перегнуили, мачту от небрежения изломали, товару и провианту компанейского без числа и напрасно много издержали», а подчиненных «от слабости и нерадения» до «гибельного» состояния довели? Если суд сочтет Сакунина виновным, то все издержки он должен будет покрыть из своих средств и при этом лишиться пая. Если же судно придет и выяснится, что вины на передовщике нет, тот останется и на своей должности, и при своей доле. «Святой Михаил» всё же пришел на Кадьяк — в тот день, когда Шелихов уплывал оттуда.

Вот эти-то штрафы и угроза лишиться паев вызывали глухой ропот, а подчас и открытое недовольство промысловиков, собиравшихся во «вредные шайки». С Шелиховым поплыли на Кадьяк разные люди: кто-то рассчитывал на быстрое обогащение, чтобы поправить свои дела; кто-то искал вольности, ведь никакой власти, кроме приплывшего с ними «компаниона» Шелихова, в Америке не было. И этой пестрой публикой нужно было управлять, уметь с ними договариваться и пытаться делать главное — налаживать торговлю.

Случаи неповиновения команды Шелихову и конфликты начались еще

по пути в Америку, когда из его каюты украли водку и коньяк — не один-два штофа, а четыре с половиной ведра! Шелихов провел дознание и выяснил, что к краже причастен не кто-нибудь, а сам штурман Измайлов. Тот был опытный мореход, но имел непреодолимую склонность к питию горькой. Пьянство на торговых кораблях всех стран было таким же обычным явлением, как команды «свистать всех наверх» или «марселя менять». Даже образцовый британский флот страдал этой болезнью — Кук писал в дневнике, что в иные дни трезвым на корабле оставался он один.

Видимо, Измайлов повинился, и дело замяли. Но когда кража случилась во второй раз и едва не начался бунт, предотвратить который Шелихову помогли экипажи двух других галиотов, он решил Измайлова наказать — на острове Беринга посадил его под арест.

Провинившихся Шелихов обычно штрафовал, а если это не помогало, исключал из компании, арестовывал и отправлял с оказией обратно. Если же оказии не случалось, переводил их на собственное харчевание: «Чтоб в артели нигде таковой не был принят, но о жизни ево иметь всякое человеколюбивое попечение».

Были и те, кого Шелихов награждал: за храбрость при отражении нападений конягов, попечение о компанейском добре и усердное служение. В наставлении он просил особо заботиться о своем «восприемнике», видимо, имея в виду крестника по имени Николай: обувать, одевать, кормить за счет компании «всегда отлично... противу других», чтобы тот не раскаивался в своей усердной службе и чтобы все видели: он — «хозяйской восприемник». Но более всего управляющему следовало заботиться об учении и просвещении Николая: «Всего пуще учи познания о Законе Божиим и государевом».

Шелихов считал, что самый лучший путь просвещения туземцев — приобщение их к православию. В Америке их крестили не только священники с приходящих кораблей, но и миряне — сам Шелихов написал, что лично окрестил 40 человек. А первую православную литургию в Северной Америке отслужили в праздник пророка Илии два корабельных капеллана, прибывших с экспедицией Беринга в 1741 году.

Наивно было бы ожидать мгновенной перемены жизни туземцев после принятия ими крещения — это требовало долгой и постоянной, каждодневной, кропотливой работы. Кто должен был ее проводить? Только священники, миссионеры. Но вот их-то на Кадьяке, да и во всей Русской Америке не было. Ни молитвы, ни богослужебные тексты, ни Евангелие на местные наречия еще не перевели — переводы появятся лишь с приездом в Америку святителя Иннокентия (Вениаминова). Однако он был реалистом

и не уповал на скорые результаты миссионерства. В 1869 году он писал: «Как бы ни были крещены дикари, но плоды того видны будут в другом поколении, если только не совсем бросят их пастыри. Немного можно найти примеров таких, где бы с первого же раза благочестие или сознательное исповедание учения веры охватило всех и во всей силе».

Чтобы в Америке появились пастыри, Шелихов и Голиков обратились к Екатерине II с просьбой отправить на Кадык духовенство. Начальником миссии Священный синод назначил в 1793 году архимандрита Иоасафа (Болотова), 33-летнего монаха Валаамского монастыря, уроженца Кашинского уезда, человека энергичного, деятельного, имевшего опыт преподавания в духовном училище. С ним отправились в путь иеромонахи Ювеналий (Говорухин), Макарий (Александров), Афанасий (Михайлов), иеродиакон Нектарий (Панов) и Стефан (Говорухин), брат Ювеналия, монах Герман (Попов). Добирались долго: из Петербурга выехали в начале 1794 года, в июле прибыли в Охотск, где их встретил Шелихов и снабдил всем необходимым для служения в Америке; потом плыли до Камчатки, делали передышку на Уналашке и наконец, преодолев путь в 4407 верст, ступили на землю Кадыка.

В Павловской гавани на утесистом берегу они увидели расположенную полукругом деревянную крепость, внутри нее — большие казармы для промышленных, дом правителя конторы, училище, кузницу, мастерские, которые архимандрит назвал «медеплавильней и слесарней». В 1796 году на Кадыке появилась деревянная церковь Воскресения Христова с колокольной — первый православный храм в Америке; по другую сторону от крепости возвели кельи для монахов, позади нее — дома для туземцев и больницу. В том же году Синод учредил Кадыкское викариатство Иркутской епархии.

В 1798 году архимандрит Иоасаф отправился в Иркутск, где подробно рассказал епископу Вениамину (Багрянскому) о Кадыке и воинственных конягах, которые захватывают в плен женщин и детей, а «взрослых и стариков без пощады с тиранством умерщвляют». Поведал он и об успехах своей миссии: «Святое крещение приемлют без изъятия все», окрестили уже 6740 человек и сочетали браком 1573 пары, в том числе и русских с алеутками. Его рассказ был напечатан в журнале «Друг просвещения» в 1805 году, уже после его гибели. В 1799 году, после возведения в сан епископа Кадыкского, Иоасаф отправился в обратный путь, но судно «Феникс», на котором он плыл, потерпело крушение в Охотском море. Экипаж и все пассажиры утонули.

Судьба остальных членов духовной миссии сложилась по-разному.

Иеромонах Ювеналий в 1796 году был убит туземцами на Аляске во время проповеди, а в 1980 году Русская православная церковь причислила его к лику святых как «мученика слова Божия». Иеродиакон Нектарий служил до 1807 года, иеромонах Афанасий — до 1825-го, инок Иоасаф умер на Кадьяке в 1823 году. И только «убогий монах» Герман, как он называл себя, до своей кончины в 1837 году не покидал остров Еловый, где крестил алеутов, занимался с детьми-сиротами в училище, основал женскую общину. За свои труды преподобный Герман Аляскинский был прославлен 9 августа 1970 года как равноапостольный и стал первым православным святым Северной Америки.

Как рыльский купец торговал с английским

В августе 1786 года галиот «Три святителя», возвращавшийся из Америки в Охотск, бросил якорь у Камчатки. Шелихов в байдарке поплыл к берегу купить свежей рыбы, как вдруг сильное течение и внезапный порыв ветра сорвали корабль с якорей и отнесли в море. Так «нечаянными судьбами», как написал Шелихов о своем приключении, он остался зимовать на Камчатке. Недаром русские моряки говорят: «На море непременно не бывает» — это он сполна испытал на себе.

В последних числах августа к Камчатке подошло судно, принадлежавшее Ост-Индской компании. Шелихов поспешил в Петропавловскую гавань. Там он познакомился с капитаном Уильямом Питерсом и в присутствии нижекамчатского исправника «учинил торг». В составленном договоре Шелихов перечислил товары, который купил у англичанина: «9 ящичков чаю жулану лучшаго» по 100 рублей за ящик, «20 ящичков чаю черного поплоше» по 20 рублей, а также «сахару-леденцу», «пшена сарачинского» (риса), смоленых веревок, бочку смолы, водки иностранной, хлопчатобумажных тканей — «китайки нелощеной и лощеной». Заплатил купец за все товары 6611 рублей, но не наличными, а векселем, деньги по которому можно было получить в Москве или Петербурге «российскою ходячею монетою» с прибавкой в шесть процентов.

Купленные товары Шелихов привез в Большерецк и перепродал в полтора раза дороже. Так даже, казалось бы, свое несчастье — незапланированную зимовку на Камчатке — он использовал с большой выгодой. Вот уж действительно «купец что стрелец». В будущем он предполагал использовать прибытие иностранных торговцев на Камчатку и

составил соответствующую инструкцию своему приказчику Ф. А. Выходцеву: если придет в Петропавловскую гавань «корабль английской или какой европейской», торг непременно вести по тем ценам, которые он указал. В инструкции с купеческой аккуратностью в обращении с деньгами было тщательно прописано, какие товары и в каком количестве следует покупать, как снижать цены: «А когда привезется товар боле, тогда и цены понизи ты»; если же товара будет привезено иностранцами меньше, «тогда давать по поставленным ценам».

Оставшийся в море галиот шел не с пустым трюмом — с Кадьяка Шелихов вез более тысячи лисиц и 1111 морских бобров. Шкура калана стоила тогда в Иркутске около 200 рублей, в Москве ее продавали уже за 250, а в Кяхте могли и за 300. Но кяхтинская торговля с 1785 года прервалась по инициативе Китая, и сибирские купцы искали обходные пути, чтобы сбывать меха.

После сделки с англичанином на Камчатке Шелихов задался вопросом: если английские суда везут товар на принадлежащую России Камчатку, то почему бы российским не отправиться по Тихому океану торговать в Японию, Корею, Китай, Индию, на Филиппины, остров Формоза (Тайвань) и полуостров Макао? Сделать это удобнее всего с Камчатки, а суда Шелихов был готов предоставить — разумеется, не без выгоды для себя.

Прибыв в Иркутск в апреле 1787 года, он спрашивал в письме генерал-губернатору: «Не благоугодно ли будет вашему высокопревосходительству, в разсуждении безторжки на Кяхте, под каким способнее флагом с камчатскими островными и разными пышными товарами» отправить одно или два судна в китайские и индийские порты? Со временем он будет ратовать за снабжение колоний в Америке товарами, привозимыми на российских судах из других стран: так и дешевле, и быстрее. Вот какова была география планов этого незаурядно и широко мыслящего человека!

Его, как и других сибирских купцов, тревожила торговля англичан у американских берегов. Только в 1786 году Шелихов насчитал пять судов Ост-Индской компании «в наших границах по берегу северо-восточной Америки... с дозволения ль Российской державы или нет, мне неизвестно». Шелихов, конечно, беспокоился о своей прибыли: по его подсчетам, англичане вывезли не менее восьмисот шкур морских бобров. Но и за державу было обидно, а потому он просил четко обозначить границы российских владений в Америке: «на картах назначить линию», чтобы «прочих держав судам как в торге, так и в промысле... сделать запрещение».

Любопытно замечание Джеймса Кука о конкуренции между

англичанами и русскими промысловиками в 1778 году у полуострова Кенай: «Я беру на себя смелость утверждать, что русские никогда не были у этого народа и не вступали с ним в какие бы то ни было торговые связи. Если бы русские это делали, то вряд ли индейцы были одеты в столь ценные шкуры, какими являются шкуры морских бобров. Русские применили бы те или иные способы, чтобы забрать у них эти шкуры». Как видим, Кук был убежден: где хоть раз побывали русские, мехов уже не найти. Что ж, нетривиальный аргумент. Но и русские моряки, отдавая должное мореплавателю Куку, ясно видели «широкозахватные» планы англичан и прекрасно понимали, почему те переименовывают уже открытые отечественными мореходами земли выше 57 градуса северной широты.

В. М. Головнин, во время кругосветных плаваний не раз побывавший у берегов Америки, с возмущением перечислял примеры этих ошибочных, как он полагал, переименований: «река», получившая от англичан имя в честь погибшего Кука, была на самом деле давно известной русским мореходам Кенайской губой; «остров», который Кук назвал в честь Святой Троицы, — это открытые русскими острова Ситкинок и Тугидок, расположенные к югу от Кадьяка; «остров», названный им Туманным, — целая группа Евдокеевских островов. Добавим к этому списку «мыс Тухедед-Пойнт», который был островом Двухголовым, и открытый Берингом остров Святого Лаврентия, который Кук сначала назвал островом Андерсона, затем Безымянным, а редактор его записок — островом Клерка. Гидрограф Гавриил Сарычев считал, что этот список намного длиннее, и был убежден: англичане переименовывали уже открытые русскими земли совсем не от незнания.

Головнин язвительно замечал: если бы какой-либо иноземный мореплаватель совершил такие же открытия, какие сделали в свое время русские мореходы, «то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать. Ванкувер тысяче островов, мысов и пр., кои он видел, роздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих; напоследок, не зная, как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников, в Лондоне тогда бывших».

Поскольку галиот ушел без Шелихова, тот надумал вернуться в Охотск посуху. Купив в Большерецке собак, он проехал на собачьей упряжке вдоль всего камчатского побережья, по одному из самых опасных маршрутов, пролегавших через поселения «недружественных коряков», и через четыре месяца, в конце января, благополучно прибыл в Охотск. На современной

карте залив в северной части Охотского моря, по берегу которого проезжал Шелихов, назван его именем.

Ко времени его прибытия в Охотск там пришвартовался галиот, на котором оставались его жена Наталья Алексеевна и родившаяся у них в Америке дочь. Отдохнув две недели в Охотске, по твердому санному пути Шелиховы отправились в Якутск, а уже оттуда — домой, в Иркутск. Дорога была нелегкой, не раз попадали в метель, путников засыпало снегом на два-три дня. Откапывались и ехали дальше — на собаках, оленях, быках и лошадях. Наконец, 6 апреля они благополучно добрались до Иркутска. Так закончилось путешествие семьи Шелиховых, но не завершилась их американская эпопея. С возвращением в родные края всё только начиналось.

Большие планы

Первое, что сделал Шелихов в Иркутске, — написал генерал-губернатору Ивану Варфоломеевичу Якоби; его «доношение» помечено 13 апреля. Как видим, неутомимый купец и предприниматель недолго отдыхал после столь тяжелого и опасного путешествия — всего неделю. В отчете он не забыл подчеркнуть, что предпринял плавание единственно для того, «чтобы сыскать пользу отечеству, не поставляя никак за предмет жадность к корыстолюбию и не ища тем отличить себя», как будто предвидел те обвинения, которые посыплются на него и при жизни, и особенно после смерти. К «доношению» он приложил журнал плавания, наставления Самойлову, Бочарову, приказчику Выходцеву, а также планы и карты.

В это время Шелихов нашел нового управляющего — Евстрата Ивановича Деларова. Грек по происхождению, тот еще молодым человеком приехал в Россию и поселился в одной из греческих колоний на юге страны, затем занялся торговлей, перебрался в Сибирь, служил на судах разных компаний и неоднократно ходил к Алеутским островам. Деларов хорошо знал и морское дело, и жизнь промысловиков — был, что называется, тертый калач. Когда-то он вместе с приказчиком Соловьевым, оставившим о себе на Умнаке и Уналашке недобрую память, карал алеутов за убийство русских промысловиков и мореходов.

Летом 1787 года Деларов согласился поехать на Кадьяк и занять место Самойлова. Управляющим он оказался расторопным и исполнительным; Шелихов, судя по отзывам, был им доволен. Деларов основал в Кенайской губе новое поселение, не раз посылал оттуда байдары промысловиков и сам

ходил на поиски новых земель: спустя два года он прислал Шелихову в Охотск богатую «меховую рухлядь» — 5500 шкурок каланов, 1385 выдр, 138 речных бобров и 4788 лисиц всех цветов.

В 1789 году Шелихов вновь обращается к генерал-губернатору и просит в письме о «высочайшем покровительстве» его компании, а также о присылке сотни военных для поддержания дисциплины, канониров, оружейных и якорных мастеров, офицеров, знающих горную науку и способных «вести описание натуральной истории», и еще двух священников и дьякона. Он обязуется содержать их за счет компании — при условии, что никто из них не будет вести собственную торговлю в Америке. Кроме того, он просит разрешения брать на работу «русских всякого звания людей», даже с просроченными паспортами, и обязуется платить за них подати и долги, а также выкупать у американцев рабов и пленных, коих «есть... изобильное число», и нанимать за плату алеутов и жителей Курильских островов для промыслов и услуг.

Шелихов предложил «завести торговлю с Япониею, Китаем, Кореею, Индиєю, Филиппинскими и прочими островами, по Америке же с гишпанцами и американцами». Если императрица согласится, он просил прислать для консульской должности человека «сведущего и важного духа». Учитывая вложенные компанией средства и убытки, которые терпели купцы из-за прерванной торговли с Китаем через Кяхту, Шелихов просил предоставить его компании ссуду в 500 тысяч рублей на 20 лет и разрешить ему «в случае нужных, а иногда и важных донесений» обращаться, минуя инстанции, сразу к императрице.

Вслед за этим «доношением» генерал-губернатор отправил в столицу собственный рапорт с поддержкой компаньонов и предложением предоставить компании Голиковых — Шелихова монополию на ведение торговли и промыслов в Америке: «Лутче вверить исполнение одному известного состояния и свойств, нежели многим».

В столице

Вместе с рапортом губернатора отправился в Петербург и сам Шелихов. Пока бумаги рассматривали Комиссия о коммерции и Совет при высочайшем дворе (именуемый в документах Непременным советом), компаньоны в феврале 1788 года подали новое прошение императрице — на сей раз о ссуде Заемного банка в 200 тысяч рублей, посчитав, что сумма их издержек при освоении новых земель составила 250 тысяч. Не меньше

— а может быть, и больше, — чем деньги, купцам нужна была поддержка государыни: она добавила бы вес их деятельности, укрепила авторитет компании, что, в свою очередь, упрочило бы их финансовое положение. Более всего они желали получить исключительное право торговать в Америке и, конечно, признание своих заслуг, поэтому дерзали испрашивать «отличить нас в звании нашем и удостоить подвиги наши вашего императорского величества открытым указом...».

Комиссия сочла возможным удовлетворить все просьбы компаньонов. Однако императрица решила иначе. В деньгах она отказала сразу же, в первом пункте продиктованных ею замечаний: «Двести тысяч на два[д]цать лет без проценты. Подобного займа еще не бывало», — и посоветовала занять в другом месте, поскольку «в казне теперь нет денег никаких». Действительно, начавшиеся в 1787 и 1788 годах войны с Турцией и Швецией требовали больших трат, и если бы императрица лишь отказала просителям в ссуде, ничего необычного в этом не было бы. Однако она сравнила условия подобного займа с историей о слоне, которого обещали выучить говорить за 30 лет с надеждой: «Либо слон умрет, либо я, либо тот, кто мне дает денег на учение слона». Здесь уже не один жесткий отказ, но и явная издевка. А ведь это была не первая просьба промысловиков о финансовой поддержке. Так, в 1776 году сибирские купцы Орехов и Лапин отправились в столицу с богатым подарком императрице — повезли 300 лучших черных лисиц на шубу. Екатерина II милостиво выслушала их, угостила завтраком и приказала показать Эрмитаж, а главное — простила их долг казне в 21 500 рублей. Конечно, это почти в десять раз меньше суммы, просимой Шелиховым, но и тогда у казны были большие траты: всего двумя годами ранее Россия завершила шестилетнюю войну с Турцией.

Чем же так прогневали государыню Шелихов и Голиков? Возможно, сказалось ее не самое теплое отношение к кому-то из тех, кто оказывал им протекцию, — президенту Коммерц-коллегии А. Р. Воронцову, статс-секретарю А. А. Безбородко или И. Г. Миниху. А возможно, в этом отказе не последнюю роль сыграло ее отношение к самому Шелихову, о котором она в частных беседах не раз отзывалась весьма нелестно — мол, «всех закупил». И ладно бы отказала только в деньгах — все знали, что страна воюет, — но и в других просьбах, которые не требовали больших трат.

Императрица не разрешила отправить в Америку солдат и казаков из Сибири: «Военные люди в Сибири равно нужны». В докладе Комиссии о коммерции описывались злоупотребления, творимые некоторыми купеческими компаниями и промысловиками на Алеутских островах, для

чего и требовалась военная команда. Но Екатерина II полагала иначе: «Тем купцам, кои шелить (шалить? — *Н. П.*) будут по островам, запретить туда ездить и ни к какому торгу не допускать» (интересно, как она собиралась это контролировать) — и даже отказалась выдать охранную грамоту для защиты купцов от произвола местных властей в Охотске и на Камчатке, сочтя это излишним, «понеже всякой подданный законом должен быть охраняем от обид и притеснений».

С большим недоверием она отнеслась и к сделанному Шелиховым и Голиковым в Америке: «Что оне учредили хорошо, то говорят оне, никто тамо на место не освидетельствовал их заверение». Для подтверждения она требовала прислать карты, подробные описания, записки — словом, доказательства — и велела еще произвести изыскания на островах, чтобы узнать, есть ли там руда. Ее ум более занимали события в Европе и на юге России, чем происходившее на Дальнем Востоке, и потому она скептически отнеслась к идее освоения земель в Новом Свете: торговать там можно, а закрепляться на территориях ни к чему — «многое распространение в Тихое море не принесет твердых полз», зато «хлопоты за собою повлекут».

Наконец, императрица наотрез отказалась предоставить просителям монопольное право торговли как «противное моим правилам». Она полагала, что для процветания коммерции необходимо отменить казенные монополии и дать свободу конкуренции, называла монополию «стоглавое чудовище»: стоит разрешить одному, как за ним явятся другие, и вслед за Тихим морем последует Хвалынское (Каспийское) и «проч. и проч. и проч.».

Сторонники сформулированной англичанином Адамом Смитом экономической теории тогда еще не знали, что в реальной жизни рынок и монополия могут вполне мирно уживаться, а свобода конкуренции подчас ведет совсем не к «общему благу», о котором так пеклась императрица, а к наживе и обогащению немногих за счет многих. Сомнительна была и ее ссылка на европейские компании: «Европейские торговые общества все разоряются, и вскоре Аглинская и Голландская приидут в таком упадке, как уже и Французская находится». Французская Ост-Индская компания исчезла вовсе не потому, что «пришла в упадок», — ее упразднила французская революция, как и Бастилию, и монархию, и Церковь, являвшие собой «старый порядок», столь ненавистный революционерам.

Голландская Ост-Индская компания благополучно просуществовала 200 лет, пережив Екатерину II. Это в банке Генри Хоупа, отец которого входил в управляющий совет компании, с 1789 по 1793 год Екатерина получила 19 займов по три миллиона флоринов, что вряд ли

свидетельствовало о крахе компании. В обмен на кредиты императрица разрешила экспортировать в Россию сахар и вывозить в Европу пшеницу, разумеется, с большой прибылью. Что касается британской Ост-Индской компании, образованной в 1600 году, то она просуществовала до 1874-го, имея с момента своего возникновения монопольное право на торговлю в Индии, собственные армию и флот для защиты купеческих кораблей. Она иногда переживала трудные времена, но всегда имела мощную поддержку в британском парламенте. И другая английская торговая корпорация — Компания Гудзонова залива, которую в России называли Гудзонбайской, к концу XVIII века тоже была уже не юной (она возникла в 1670 году), но дожила до начала XXI столетия и за время своего существования вытеснила с рынка многих конкурентов, например Американскую меховую компанию.

Императрица не раз повторяла: «Нужно часто себя спрашивать: справедливо ли это начинание? полезно ли?» Предоставить Шелихову и Голиковым монопольное право торговать в далекой Америке показалось ей совершенно несправедливым: «Для того, что Голиков и Шелихов суть добрые люди, представляют им дать исключительный торг, а того забыли, что и кроме их на свете быть могут добрые же люди».

Впрочем, в одной просьбе императрица купцам не отказала: «Шпаги и знак отличия дать и Голикову и Шелихову, также похвальные грамоты».

Так с серебряной шпагой и золотой медалью с профилем ее величества Шелихов и отбыл в Иркутск.

Золотые времена меховой торговли

После неуспеха в столице Шелихов отчаиваться не стал. Ему, с его острым умом и недюжинной хваткой, нетрудно было догадаться, что есть средство куда более действенное, чем неповоротливый государственный механизм — тонкая, но крепко сплетенная сеть придворных отношений, завязывающая коммерческие, семейные, дружеские и любовные связи в один замысловатый узел. И если не удалось в этот раз ухватить нужную ниточку, значит, нужно подождать — может, и не 30 лет, как в притче, рассказанной императрицей, а поменьше: или ситуация изменится, или рядом с престолом появятся другие люди, более милостивые к его компании.

Пусть не сразу, со временем, и не он сам, а его наследники, но Шелиховы все же добьются монопольного права торговать в Америке. И

Резанов, который много сделает для этого, будет часто повторять: «Я шел, однако же, по известным мне следам его», — имея в виду своего тестя.

Шелихов на службе у императрицы не состоял и жалованья не получал, точнее, он состоял на службе — в первую очередь у самого себя. Так что и в торговле, и в заселении новых земель, и в их освоении ему снова приходилось полагаться лишь на себя.

В Иркутске знали о его поездке в столицу и, разумеется, обсуждали ее. Смотрели на медаль с надписью «За усердие к пользе государственной распространением открытия неизвест[ных] земель и народов и заведения с ними торговли 1788 г.», разглядывали шпагу, читали похвальную грамоту — и говорили о поражении купца Шелихова по всем статьям. Августейший отказ нужно было как-то объяснять, и Шелихов в письмах и разговорах называл его причиной начавшуюся войну со Швецией и продолжавшуюся с Турцией, которые требовали больших денег из казны.

У него по-прежнему было много планов: он покупал паи в промыслах других компаний, занимался делами собственной, строил в приходе Тихвинской церкви Иркутска большой новый дом, растил дочерей. Каждый год по весне уезжал в Охотск, где снаряжал новые суда и встречал приходившие из Америки. Во время отсутствия мужа Наталья Алексеевна сортировала полученные письма, наиболее важные пересылала ему в Охотск, слушала отчеты приказчиков, заводила полезные деловые знакомства, делала визиты к женам купцов и иркутских чиновников, узнавала новости, которые пересказывала в письмах супругу.

Сам Шелихов отправлял распоряжения управляющему Деларову: «Братец, государь мой, Евстрат Иванович, приятные ваши для меня письма: первое прошлогодня [в]место Потапа от господина Прибылова сего месяца 16 число, второе от Дмитрея Ивановича господина Бочарова сего же августа 7-ое число получил. За писание, а особливо за усердие ваше к общему благу и за высылку с промыслом хорошим судна приношу мою благодарность». Сменивший Потапа Зайкова штурман Прибылов открыл близ Уналашки новые острова, которые впоследствии были названы его именем. Там били зверя и оставили под присмотром добытую за два года «мягкую рухлядь», которой было столько, что вся она не уместилась в трюме «Трех святителей»: более двух тысяч шкур «морских бобров», 40 тысяч морских котиков, шесть тысяч голубых песцов да еще «моржовая кость» (клыки) и китовый ус. Шелихов напоминал управляющему, что императрица запретила собирать в американских землях ясак и нарушение запрета грозило штрафом.

В это время готовилась уйти в Тихий океан экспедиция Иосифа

Биллингса и Гавриила Сарычева. С Биллингсом — Шелихов именует его «Осипом Осиповичем» — у них был разговор в Охотске о неизвестных островах, что лежали к северу от островов Прибылова, где «миллионами бобров, котов и сивучей лежат». Шелихов просил Деларова поскорее отправить на север промысловиков, человек двадцать пять, а вдобавок нанять алеутов и кадьякцев; сейчас главное — не упустить «золотых времен», пока поднялись цены на меха. Это и есть суть капитализма или дух предпринимательства: умение извлечь максимальную выгоду из конкретной ситуации. Тот, кто чувствует нерв торговли, всегда добивается успеха, и Шелихов этим чутьем обладал.

Он дал Деларову еще одно поручение: построить судно «[футов] на восемьдесят пять, оное б годилось для торговли ходить в Макао». Португальскую колонию Макао тогда называли «потайной дверью в Китай». Она была хотя и потайной, но не запертой — в отличие от Кяхты, которую китайцы как будто намертво заколотили; сибирские торговцы пушниной уже который год терпели изрядные убытки, да сделать ничего не могли. Но Шелихов тем и отличался от остальных оптовиков, что никогда не мирился с создавшимся положением, искал выход: заперли одну дверь — он откроет другую, запрут все двери — пролезет в окно, закроют окно — в форточку просочится. Недаром Головнин называл его «проныркой» — в точку попал!

Всё необходимое для постройки судна Шелихов уже отправил, дал поручение обменять в Макао меха на китайские и другие иностранные товары. Он инструктировал: если не удастся построить новое судно, то по совету «Осипа Осиповича» следует отправить в Макао одно из уже имеющихся «под предводительством Измайлова, с его рекомендацыею и наградою перевотчика»; с ними должен пойти староста Поломошный. Управляющему он советовал полагаться на людей проверенных, но и самому быть «расторопны и осторожны». А главное — «берегитесь от раздоров».

Раздоры чаще всего вспыхивали по причине чрезмерного употребления горькой. Оттого Шелихов советовал промысловикам «во всём быть скромными», а управляющему — «не допускать упиватца», и приводил пример Бочарова: мореход отличный, человек опытный, компании и Шелихову преданный, а как вернулся из Америки, «доныне пьет, да и впредь лутчаго не ожидаю... вытрезвить никак его не могу».

Из новостей он упоминал еще две. Первая — в Иркутске сменился генерал-губернатор: вместо расположенного к Шелихову Якоби теперь Иван Алферьевич Пиль — «муж добродетельный». Новый наместник слыл

человеком строгим и неподкупным, но и с ним удалось наладить хорошие отношения. На будущее Шелихов дал Деларову указания: по всем вопросам, связанным с компанией, писать только генерал-губернатору и ему самому, «а более никуда»; опасаться иностранных судов, особенно из воюющих с Россией стран, и быть бдительным — «оне могут переменить и флаги». «...секретов, вверенных тебе, не открывай, помни священные слова: бутте мудры, яко змии, а целы, яко голуби». Напоследок он напоминал: работных людей нужно держать в строгости, не допускать ссор и раздоров между ними, а также обид и «огорчения» американцев. И еще одна новость из его письма: в 1788 году умер Михаил Голиков, отныне компаньонов осталось двое.

Отношения между ними складывались непросто. У И. Л. Голикова начались финансовые затруднения, которые с годами только усугублялись из-за его племянника и приказчика А. Е. Полевого, оказавшегося нечистым на руку: тот присваивал крупные суммы денег, а когда воровство раскрылось, дядя простил его и... оставил в должности своего приказчика в Сибири. Скорому разрешению возникающих между Голиковым и Шелиховым конфликтов по разделу обязанностей и прибылей мешало немалое расстояние: первый находился в Петербурге, второй — в Иркутске.

После смерти Михаила Голикова его дядя настаивал на приезде Шелихова в столицу, к тому же в 1791 году истекал срок составленного десять лет назад договора. Однако Шелихов всё откладывал поездку, ссылаясь на неотложные дела. Наконец, в 1793-м они встретились и составили новый договор. Теперь весь капитал и валовые паи разделили поровну. Обязанности распределили так: все суда компании становятся транспортными, снаряжать их в Америку должен за свой счет Голиков. Если судно не будет отправлено в срок, убытки оплачивает тоже Голиков; если с судном случится беда в море — расплачивается Шелихов. Он же занимается расчетами с промысловиками, разбирает все тяжбы и конфликты, штрафы и жалобы по оплате труда. Людей нанимать собирался Голиков, Шелихов мог отправить не более 20–30 человек. Жалованье Баранову — четыре тысячи рублей — они платили поровну. Каждый из компаньонов мог заложить или продать свою долю, но покупатель должен был соблюдать условия договора.

Исследуя перипетии жизни компании, некоторые историки пришли к выводу, что Полевой и Шелихов вступили, говоря языком права, в преступный сговор, благодаря чему первый смог довольно быстро разбогатеть и записаться в купцы, а второй — значительно увеличить свой капитал. Запутанные ли расчеты и махинации были тому причиной,

неумение ли Голикова вести дела или его излишнее доверие племяннику — как бы то ни было, основатель компании, благодаря деньгам которого она начала свою деятельность, не только не увеличил свое состояние, но, в отличие от компаньона, потерял половину того, что имел. После смерти И. Л. Голикова его сын был вынужден распродавать полученные им в наследство акции компании по половинной цене, чтобы расплатиться с долгами. Ну что ж, история этой сделки не оригинальна: просто бизнес — ничего личного.

Донос лекаря Бритюкова

Когда Екатерина II отправляла Биллингса и Сарычева исследовать северную часть Тихого океана, то поставила перед ними не только научные и коммерческие цели: еще им поручали узнать, как подчиненные Шелихова обращаются на островах с местным населением, не чинят ли притеснений и обид. Сарычев побывал на Кадьяке в 1790 году и в своем «Путешествии по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» описал «селение купца Шелихова»: «Оно состоит из нескольких землянок, одного амбара и двух изб, построенных из елового лесу, который привозили за неимением здесь с восточной стороны острова Кадьяка на галиотах. В сем селении живут русские промышленники под управлением морехода грека Деларова. В одной землянке видели мы аманатов... Содержат их довольно хорошо и без строгости, позволяют во всякое время не токмо иметь свидание с родственниками, но и отпускают их на время в свои дома».

Как видим, Сарычев притеснений не нашел, а вот Биллингс счел нужным доложить начальству о полученном им доносе, который написал лекарь Мирон Бритюков. Шелихов сам нанял его в Охотске и сначала был вполне им доволен. Во время плавания он даже доверил ему, человеку грамотному, вести вместо себя записи в судовом журнале. Но во время зимовки на острове Беринга отношения разладились, а когда по недосмотру лекаря умерли от цинги несколько человек, и вовсе испортились. Дальше — хуже: Бритюков начал брать в долг товары компании, сначала понемногу, затем всё больше; вскоре сумма его долга достигла 300 рублей. В результате Шелихов расторг с ним контракт и передал его полупай одному из промысловиков. Так что у Бритюкова были все основания невзлюбить Шелихова и, как часто случается с людьми обиженными, попытаться отомстить. Случай не замедлил представиться. Узнав, что в

Якутске находится капитан 2-го ранга Биллингс, Бритюков, получивший незадолго до этого окончательный расчет от компании, в ноябре 1788 года подал ему «доношение».

Главное, в чем обвинял Шелихова лекарь, — в требовании подчиняться ему одному как в плавании, так и на суше: «Объявил себя таковою важною персоною, что он имеет власть не только островитян, но и нас, верноподданных нашей всемилостивейшей государыни людей, казнить и вешать». «Казнить и вешать» — слова из указов Пугачева, бунт которого к тому времени забыть еще не успели; таким образом, лекарь фактически обвинил Шелихова в узурпации власти, что при самодержавных монархах каралось смертью.

Бритюков доносил, что на Кадьяке после вооруженного столкновения с конягами Шелихов «прибил сих безгласных народов до пяти сот человек», пленных мужчин велел переколоть копьями, а женщин и детей «до шести сотен» увел с собой в гавань. Правда, он сам же описал, как мужчины стали приходить в гавань и Шелихов возвращал им жен и детей, оставив несколько человек в качестве аманатов. И откуда взялись 500 убитых туземцев, если промысловики, прибывшие с Шелиховым, рассказывали о 300–350 напавших?

Доносчик сумбурно описывал устраиваемые конягами заговоры и нападения и расследование Шелихова, при этом особо подчеркивая личное участие Григория Ивановича в казнях: «Одного из них Шелихов застрелил из пистолета, а другого велел заколоть копьем и отнести бросить на тундру». Других захваченных в плен по его приказу убивали из винтовки, поставив затылок в затылок, что подтвердил на допросах штурман Измайлов.

О враждебном отношении жителей Кадьяка к пришлым свидетельствует вся история острова. Вряд ли в нежелании конягов вступать в переговоры виноват Шелихов: остров был открыт русскими мореходами задолго до него и с тех пор посещался военными кораблями и торговыми судами разных стран. Убийства колонистов продолжались и в последующие годы, да и сам доносчик не отрицал, что «тамошние жители по жадности ли к вещам или по злости» совершали их.

После гибели своих людей Шелихов проводил розыск, брал заложников, допрашивал, пытал и казнил, а случалось, проводил акции устрашения. Но подобным образом вели себя «белые люди» и на Алеутских островах, и на Кадьяке, да и вообще в Новом Свете со времен Эрнана Кортеса и Франсиско Писарро. На Таити Джеймс Кук приказал покарать туземца, похитившего секстант, «публично и сурово» — отрезать

ему уши. А когда в 1779 году аборигены убили самого Кука, его офицеры, по собственному признанию, «с невероятной жестокостью» и «самым скотским образом» отомстили за смерть капитана: сожгли, предварительно ограбив, 150 домов, убили жителей, не имевших огнестрельного оружия, двоим отрезали головы и для устрашения выставили их на своем корабле. Никакие комиссии после возвращения экспедиции в Лондон не собирались, и дознания о «массовой резне местного населения», в которой иногда обвиняют Шелихова, не проводились.

Однако подобные примеры деятельности англичан не мешают историкам отмечать гуманный характер британских экспедиций, а о самом Куке говорить не только как о великом мореплавателе (вполне заслуженно), но как о человеке, известном своим «терпимым и дружеским отношением к коренным жителям». Видимо, туземцы высоко оценили терпимость капитана, если вернули его команде по частям...

В то же время некоторые исследователи истово призывают «стереть позолоту» с Шелихова. Ну что ж, если бы он допустил пленение своих людей, а себя и жену позволил разъять на части, как это сделали туземцы с телом убитого Кука, то и у него, наверное, появился бы шанс войти в историю «великим гуманистом». Ни в коей мере не оправдывая творимых в Новом Свете жестокостей, всё же заметим, что стремление «стереть позолоту» с фигуры Шелихова часто оборачивается желанием облить его черной краской. Он этого совершенно не заслужил — хотя бы потому, что в отличие от «великих» конкистадоров всех времен и народов, ничего не делавших для туземцев, строил школы и храмы, дома и бани, обучал земледелию, огородничеству и ремеслу, заботился о просвещении и вез их к себе на родину на свои средства, чтобы дать образование.

Может быть, оттого Шелихов и не опасался последствий «доношения» лекаря Бритюкова, называя его «ложным», и предрекал доносчику наказание за навет. Генерал-губернатор, проведя расследование, доложил в Сенат, что не нашел в доносе лекаря «ничего более... кроме единой вражды и неосновательства», и напомнил, что столкновения с конягами Шелихов и сам описал в изданных им записках, «где отнюдь не скрыто всех тех покушений, какие были от американцев на его компанию и от него на них».

Биллингс не стал настаивать на продолжении расследования, тем более что по Иркутску ходили слухи о небескорыстном ведении дел им самим. Поговаривали, что коряки подарили его экспедиции десятки оленей, а он записал в расходную часть немалые деньги на их покупку; что он выписывал себе большие суммы на прогоны по Сибири и Камчатке, но на

деле за них никому не платил. В его отчетах были указаны расходы на «разлившуюся» водку, которую он вовсе не покупал. В Иркутске упорно говорили о возможном открытии на него дела в Петербурге. Впрочем, от Сибири и Камчатки, а тем более от находившейся на краю света Америки до Петербурга было далеко. И делу Биллингса, как и делу Шелихова, хода не дали.

«Имянитый гражданин города Рыльска»

С 1790 года Шелихов расширяет свою деятельность — создает новые компании: Предтеченскую (по названию судна «Иоанн Предтеча») и Уналашкинскую. В это время в официальных бумагах он называет себя «имянитый гражданин города Рыльска». Статус именитого гражданина в это время мог получить горожанин, родившийся не в «благородном сословии», но при этом имеющий капитал не менее 50 тысяч рублей и торговые суда, отправлявшиеся за границу. И то и другое у Шелихова было, и указание на принадлежность к почетной категории городских обывателей наглядно демонстрировало его достижения, что в мире торговли было немаловажно.

В «доношении» новому генерал-губернатору Шелихов подробно рассказал обо всём сделанном в Америке им самим или по его указанию: как построили «крепостцы» на островах, наладили жизнь прибывших и наняли алеутов для промыслов; как открывали земли «вдоль по матерой» Америке от Кадьяка до острова (тогда его считали мысом) Святого Илии и дальше, до самой Калифорнии, и ставили на них «императорские знаки», доказывающие, что территории эти принадлежат России. И поделился планами: «А оттоль и далее распространить свои обзаведения и торговлю уповаем» — за мыс Аляскинский «до так называемой Большой реки» (имеется в виду Юкон) и «выше Чукотского носу»; в одном из заливов основать верфь, чтобы строить суда там, а не в Охотске.

На сей раз он не просил денег из казны — только предоставления права покупки людей, чтобы осваивать новую землю «на прочной ноге». Напоминал, что не только компании нужна государственная поддержка, но и государство прибегает к помощи купцов. Так, во-первых, сам он предоставлял свое судно «Три святителя» как транспортное для перевозки грузов на Камчатку; во-вторых, его люди провели корабль Биллингса из реки в Охотское море и тем спасли, поскольку неопытные матросы, набранные из рекрутов, могли бы потопить «Славу России», как потопили

«Добрые намерения» — второй корабль экспедиции.

Генерал-губернатор Пиль тоже писал и посылал в столицу один за другим рапорты, в которых подтверждал сообщения Шелихова и поддерживал все начинания его компании. В результате из Петербурга разрешили отправить к американским берегам 20 работных людей, а еще через год — десять семей хлебопашцев. Казне это ничего не стоило — все переселенцы были из ссыльных, которые никакой заинтересованности в результатах своей работы не имели: работаешь ли, нет ли — срок идет. А Шелихов просил прислать ему людей толковых, опытных, мастеровых: кузнецов, слесарей, медников, плотников, — чтобы было кому воплощать в жизнь всё, что он задумал.

В столице прекрасно знали, кого посылают в Новый Свет, раз предписывали управляющему пресекать «буйства и дерзости», кои последуют от переселенцев; в том, что они последуют, никто не сомневался. Удивить или напугать «буйствами и дерзостями» промысловиков было трудно — те и сами были не выпускницы Смольного института. Но вот духовенству рядом с «буйными» пришлось несладко. Миссионеры ехали в Америку просвещать «диких», а оказалось, что дикими были не только туземцы, но и соотечественники. Мало что прислали уголовников, так генерал-губернатор повелел еще и перевоспитать их в «добрых хозяев», которые стали бы примером для туземцев.

О том, что получилось из этой «помощи» Петербурга, написал К. Т. Хлебников: «Мысль снабдить ремесленниками новую колонию была прекрасна, но люди из преступников не были к тому способны, и из 20 двое или трое с пользой исправляли свое дело, остальные же по дурному поведению и худой нравственности были отяготительны и вредны для местного начальства». Нетрудно представить, как «обрадовался» их прибытию управляющий на Кадыке — таких «умельцев» под его началом и без того хватало; но это уже была забота не Деларова, а сменившего его Баранова, чье управление открывает новую страницу в освоении Америки.

Последнее наставление Шелихова

По подсчетам Хлебникова, Шелихов приезжал из Иркутска в Охотск и на Камчатку не меньше двадцати раз. В августе 1794 года он отправил два новых, построенных в Охотске судна — «Три иерарха» и «Святая великомученица Екатерина», — на которых плыли члены духовной миссии

во главе с архимандритом Иоасафом и 30 семей хлебопашцев.

С этой оказией Шелихов отослал Баранову письмо — свое последнее наставление. Он распорядился перенести поселение с Кадьяка на материк — потому что там «лучшее растворение воздуха, нежели на Кадьяке», зима короткая и не холодная, снега немного, весна ранняя, а лето длинное и жаркое; но главное — есть земли «удобные к посеянию хлебов» и лиственный лес, необходимый для строительства домов и судов. К тому же в случае опасности — если придут иностранные корабли — на материке укрыться проще. Были и другие причины — «политические», как выразился Шелихов, намекая на своих торговых конкурентов.

Место для нового поселения и верфи он уже выбрал — за островом Святого Илии (напомним, что его тогда считали мысом). Где именно — должен будет определить сам Баранов, лучше вместе с архимандритом, «мужем ученым», и монахами Ювеналием и Стефаном, в миру служившими «в горных заводах». Найдя место, следует воздвигнуть там герб и большой крест, которые будут обозначать: «Сия земля суть владения Российской империи».

Крепость, которую выстроят на новом месте, должно назвать именем Святой Екатерины, а будущие редуты — по именам членов императорской фамилии. Шелихов явно хотел потрафить императрице и расположить к себе семью наследника. План крепости он приказал начертить и прислать «для предоставления правительству». В новом поселении распорядился поставить дома и обязательно церковь, проложить улицы и назвать его «в честь российской славы Славороссиею». Шелихов подробно описал, как должно выглядеть поселение. Место для церкви следует избрать, посоветовавшись с отцами Ювеналием и Стефаном — «яко люди сведущие геодезию и архитектуру», и расположить ее так, чтобы одна половина была обращена к домам, а вторая оставалась за «крепким и высоким оплотом, столь пространно, скол[ь]ко могут поместитца кельи для священно-архимандрита и других монашествующих, с потребными службами, огородом и школою для малолетних американцев».

Об устройстве домов он тоже побеспокоился: «Белая изба, сени с чуланом и холодная горница или кладовая в одной связи». Остальные строения — амбары, хлева и погреб — должны быть поставлены таким образом, «чтобы с наружной стороны не были гнусны и придавали бы хороший вид в улицах». Шелихов просил управляющего, когда направления улиц и расположение храма и домов будут спланированы, оставить «приличных три или четыре места, на коих бы со временем можно было воздвигнутьobelisks в честь российских патриотов».

Кто же будет всё это делать? Местные жители, которых следовало нанимать за плату — «кадьяцких мужиков лутчих, кои по-русски говорят, или других американцов, или алеут». В остальном он полагался на Баранова: «На вашу расторопность, искус[с]тво, радение и чувствование, что вы первым будете основателем благоустроенного жилища на земле, от начала мира онаго не имевшей».

Будущей весной приказчик Поломошный должен был озаботиться посевами, для чего Шелихов не забыл послать семена ржи, овса, ячменя, конопли, гречихи, пшеницы, гороха, а для огородов — редьки, моркови, репы, брюквы, свеклы, «разных капуст и огурцов», салатов, шпината, портулака, петрушки, сельдерея, пастернака, лука и даже дынь и арбузов. Его рачительность и хозяйственность проявились и в этом, казалось бы, далеком от коммерции деле. «И все сии семена, — советовал он, — разделите на две половины, ис которой одну употребите в первый посев, а другую оставите на случай первого неурожая на второй посев».

Всё, что поселяне вырастят и добудут охотой, будет принадлежать им, а «излишнее могут продать в компанию». Чтобы Славороссия пополнялась жителями, следовало привлекать в нее американцев, кто приедет добровольно и кого удастся выкупить из плена. Приплывших на судах переселенцев Шелихов советует женить на «хороших американских девках»; для такого случая он шлет подарки — «будущим женам разных вещей, к одежде нужных, коими при свадьбе каждого женившегося и снабдите».

Особое поручение — отыскивать «руды железныя или медныя, или серебро содержащие», о чем не раз говорила императрица. В поиске полезных ископаемых Баранову должны помочь монахи Ювеналий и Стефан. О них Шелихов заботится особо — просит обеспечить им «полное изобилие и в жизненных тамошних припасах довольствие». Всем необходимым для путешествия он уже снабдил их за счет компании: «Кажется, что достанет им с лишком года на три». Шелихов просил, пока нет храма, построить «молитвенный домик», где они могли бы служить литургию.

Он извещал о создании новой Северной Американской компании, по образцу СевероВосточной, которой управлял Баранов. Кажется, обо всём позаботился Григорий Шелихов, а напоследок пожелал своему управляющему доброго здоровья, счастья и «благополучия во всех ваших подвигах».

В этом послании и в рапорте генерал-губернатору Шелихов, по сути, изложил целую программу освоения Сибири, Дальнего Востока и

Америки. Так, он предложил снарядить экспедицию по «гриве того... хребта, который от самого Байкала простирается на восток и оканчивается на берегу Охотского моря». Этот торговый путь к устью Амура предвосхищал будущую Байкало-Амурскую магистраль. У Шелихова был план построить новый, более удобный порт вместо Охотского и проложить к нему дорогу по суше, что будет сделано уже в середине XIX века благодаря трудам адмирала Василия Степановича Завойко и святителя Иннокентия; этим портом станет Аян. Он мечтал исследовать материковую Аляску севернее 60 градуса — в следующем веке этим будет заниматься экспедиция Загоскина. Он настойчиво повторял, что одного открытия земель и собирания «мягкой рухляди» мало — нужно расширять тихоокеанскую торговлю и заселять Курильские острова, чтобы оттуда отправлять суда в Китай.

Можно не сомневаться: проживи Шелихов чуть дольше, благодаря его энергии и деловой хватке многие планы начали бы воплощаться. Но 20 июля 1795 года он внезапно скончался в Иркутске на 48-м году жизни. Его ранняя и внезапная смерть породила множество домыслов и стала еще одной загадкой биографии этого незаурядного человека.

Его похоронили возле алтаря церкви Знамения Пресвятой Богородицы в Знаменском монастыре Иркутска. Вдова и наследники поставили на могиле мраморный памятник, украшенный медным компасом, якорями, картами и шпагой. На одной его стороне высекли стихи Гаврилы Романовича Державина, посвященные Шелихову:

Колумб здесь русский погребен,

Проплыл моря, открыл страны безвестны...

И зря, что всё на свете тлен,

Направил парус свой

Во океан небесный

Искать сокровищ горних, не земных...

Сокровище благих,

Его ты, Боже, душу упокой.

На другой стороне обелиска — стихи Ивана Ивановича Дмитриева:

Как царства падали к стопам Екатерины,

Росс Шелихов, без войск, без громоносных сил,

Притек в Америку чрез бурные пучины

И нову область ей и Богу покорил.

Не забывай, потомок,

Что росс — твой предок был и на востоке громок.

Александр Баранов

Первый правитель

Дуэль

Ранним летним утром 1809 года к Новоархангельску подходил шлюп «Диана». Путь в гавань преграждали многочисленные островки и торчащие из воды россыпи камней, точно намеренно положенные обитателями крепости для непрошенных гостей. Командир шлюпа лейтенант В. М. Головнин, опасаясь посадить корабль на мель, ждал, когда из крепости вышлют буксир и лоцмана. Было тихо и безветренно, залив Аляска спал, окутанный предрассветной мглой, и в этой сонной немоте морякам казалось, что в столице Русской Америки их никто не ждет.

Но вот в пятом часу утра потянул свежий северо-западный ветерок, туман рассеялся и, словно из небытия, возник остров Ситха с его деревянной крепостью на холме и качающимися на волнах в гавани свежестроенными и еще неоснащенными судами под флагами компании. В тот же миг, словно сговоровшись с ветром, невидимый режиссер дал команду и загрохотали крепостные пушки. Один, два, три залпа... всего 11 раз. Едва замолчали пушки, как от острова, что назовут именем Баранова, медленно отвалил шлюп, на палубе которого в сюртуке и с орденом Святой Анны на шее стоял сам главный правитель колоний — коллежский советник Александр Андреевич Баранов.

Когда шлюп подошел к борту «Дианы», стало видно, что знаменитый правитель роста невысокого, плотный, в движениях энергичен, но не суетлив. Баранов неторопливо поднялся на палубу, подчеркнуто вежливо раскланялся с командиром и потребовал объяснений: пушки салютовали в честь императорского флага, развевавшегося на «Диане», и командир по морской традиции был обязан произвести ответный салют в честь флагов компании.

— Отчего мы не слышали ваших выстрелов? — строго спросил Баранов. Лейтенант Головнин, хотя и уступал Баранову летами вдвое, но на флоте был личностью известной. К тому времени он уже успел повоевать со шведами, послужить в английском флоте под началом не кого-нибудь, а прославленных адмиралов Нельсона и Колингвуда, написал книгу о

морских сигналах, которой моряки будут пользоваться четверть века, и даже смог сбежать из южноафриканского Саймонстауна, где англичане держали его шлюп в плену 13 месяцев. Первый в истории флота лейтенант, которому доверили командование кораблем, был, безусловно, умен и талантлив, к тому же остер на язык, за словом в карман не лез и мог припечатать так, что его суждения — едкие и далеко не всегда справедливые — надолго западали в память.

К берегам Америки каждые два года из Кронштадта уходил военный корабль с грузом для колоний. Командиры кораблей имели предписание докладывать в Петербург о состоянии тамошних дел и о том, нет ли притеснений жителям и колонистам от правителя и приказчиков компании. Баранов, разумеется, знал об этом задании, которое военные моряки должны были исполнять тайно, но далеко не со всеми командирами кораблей получалось установить дружеские отношения.

Офицеры — дворяне, окончившие Морской корпус, — в силу естественных для того времени сословных различий могли говорить с «темными» купцами только свысока. Однако Петербург да и вся «Расея», откуда Баранов уехал 19 лет назад, были далеко, а Америка — вот она, и здесь вожди воинственных индейцев, губернаторы и коменданты крепостей Новой Испании, ушлые купцы британских и американских компаний признавали власть только одного человека, без которого здесь не решался ни один вопрос. Так что не только Баранову нужно было как-то ладить с офицерами, но и командирам кораблей приходилось находить общий язык с «необразованным» правителем.

Впоследствии Головнин напишет много нелестных слов об основателях компании и ее руководстве; достанется в его записках и Баранову, который так долго жил среди дикарей, что и «сам одичал». Но это будет много позже, а сейчас моряк должен был объяснить проявленное им непочтение к компании, и он изменил бы себе, если бы упустил случай съязвить.

— Американская компания имеет большие права и преимущества, — начал было лейтенант и собирался добавить «слишком уж большие», как вдруг осекся, наткнувшись на тяжелый взгляд. Выдержать его и не смутиться оказалось нелегко даже такому задире, как Головнин. От этого уже немолодого человека, который, чуть наклонив лобастую голову, ждал объяснений командира шлюпа, веяло такой силой и такой спокойной и властной уверенностью, что самые едкие слова лейтенанта выглядели бы в этой незримой дуэли уколами учебной рапиры против удара кулака.

Головнин откашлялся и продолжил, стараясь не встречаться глазами с

Барановым:

— К сожалению, в законах российского флота про салюты крепости и судам под флагом Российско-американской компании пока ничего написать не успели. Но я отдам приказ отсалютовать вашим кораблям по морскому уставу.

Согласно русской морской традиции, самый полный салют — 31 выстрел — производился в честь императора; наследнику престола салютовали двадцатью пятью выстрелами, великим князьям, коронованным особам и президентам республик — двадцатью одним; в честь остальных начальствующих лиц палили, в зависимости от чина, от девяти до девятнадцати раз (на русском флоте число выстрелов всегда было нечетное). Так что 11 выстрелов, произведенных пушками крепости в честь «Дианы», были знаком уважения; шлюп же должен был отсалютовать «купцам» (так называли торговые суда) двумя выстрелами меньше.

Баранов, выслушав объяснение, молча кивнул в знак того, что удовлетворен им, и приказал мореходу своего шлюпа следовать за «Дианой». Он сам, как простой лоцман, показал Головнину лучшее место для якорной стоянки — там, где песчаное дно и глубина 13 саженей. Уж кому как не ему была известна каждая сажень глубины в бухте, где он терял людей, откуда уходил, теснимый индейцами, и куда вновь возвращался.

Когда «Диана» проходила мимо крепости, ее пушки салютовали уже не одиннадцатью, а только девятью выстрелами, и шлюп был вынужден ответить тем же. Покидая «Диану», Баранов как ни в чем не бывало пригласил ее командира и офицеров к себе домой на обед.

Так завершилась своеобразная дуэль лейтенанта с главным правителем русских поселений Америки, заставившим уважать и себя, и компанию.

В гостях у главного правителя

Днем моряки побывали в крепости. «Все укрепления оной, — писал Головнин, — состоят в солидных деревянных башнях и крепком высоком палисаде, в котором прорубленные отверстия составляют амбразуры, а в них поставлены разных калибров пушки и карронады. Строения внутри, как то: казармы, анбары, дом начальника и проч. — построены из самого толстого лесу и весьма прочно».

Мебель в доме Баранова была дорогая, специально привезенная из Петербурга и Англии, — богатой обстановки требовало положение правителя, который, принимая в своем доме людей разных чинов и званий,

представлял интересы не только торговой компании, но и России. И крепость, и внешний вид дома Баранова, и его убранство показались офицерам «очень обыкновенными».

Но что действительно их поразило, так это огромная библиотека в доме правителя, где были книги на всех европейских языках. Библиотеку начал создавать еще Шелихов, который передавал для школы книжные посылки с каждым кораблем, но большую часть книг привез Н. П. Резанов. Это были подарки от митрополита Амвросия, графов Н. П. Румянцева и П. А. Строганова, адмирала П. В. Чичагова, академика и директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина, поэтов И. И. Дмитриева и М. М. Хераскова. На полках стояли роскошные фолианты в кожаных переплетах, учебники по всем школьным предметам, богослужебные книги, чертежи судов, и всё это богатство предназначалось, как писали дарители, «для просвещения американского юношества». В отдельном кабинете Головнин увидел секстанты и октанты, хронометры, теодолит, подзорные трубы, астролябии, телескоп и микроскоп, барометры и термометры.

Но откуда и зачем здесь картины? Как признался Головнин, «я плохой знаток в живописи», однако такое богатое собрание полотен известных живописцев заслуживало лучшего места, чем дикие земли на краю света, где их оценить-то было некому, кроме Баранова. «Из всех образованных чужестранных народов одни лишь торговые корабельщики Соединенных Американских областей посещают здешнее место, а они не слишком большие знатоки в изящных художествах», — заметил командир.

Баранов объяснил, что картины подарили знатные петербургские особы для просвещения народов Америки. С удивлением рассматривая портреты вельмож в мундирах, нездешние пейзажи и упитанных Амуров и Психей, Головнин встретился глазами с правителем. Тот усмехнулся:

— Лучше бы господина директора прислали нам лекарей.

— Как, здесь нет лекарей?

— Ни лекарей, ни подлекарей, ни даже лекарских учеников, — подтвердил Баранов.

Головнин не знал, чему удивляться больше — собранию живописи или отсутствию врачей.

— И кто же вас пользует здесь?

— Лечимся, как Бог послал. Я сам декокты и настои составляю. А ежели кто пулю получит или другую от туземцев рану, что операции требует, тому придется помереть.

«Вот один из бесчисленного множества примеров хорошего правления Российско-американской компании!» — с негодованием восклицает

Головнин.

Он нашел и другие примеры «хорошего» правления: директора не прислали Баранову переводчиков «ни с какого европейского языка», и он обходился, что называется, подручными средствами. На английском говорил один американский матрос, состоявший на службе в компании и обучавший мальчиков в школе Новоархангельска; правда, он не знал русского языка. Немного понимал по-английски племянник Баранова, с немецкого переводил один из корабельщиков. «Вот и весь дипломатический корпус Российской Американской компании в Северной Америке», — едко заметил Головнин.

А ведь могли бы, считал он, найти и прислать сюда несколько студентов, «во множестве празднующихся в столице». Но не в нерасторопности директоров компании было дело, а в суровом климате Америки и тяжелом, опасном пути, на который мало кто мог решиться. Потому и не будет в поселениях еще долгое время ни переводчиков, ни лекарей, ни приходских священников. Однако со временем ситуация изменится: в 1820 году откроется больница, в которой будут все необходимые инструменты и лекарства; появится врач, а в 1823-м приедет священник Иоанн Вениаминов и проживет в Америке безвыездно 15 лет.

Баранов угостил офицеров прекрасным обедом, во время которого играли местные музыканты, потом песенники исполняли русские песни, а когда произносили здравицу императору Александру I, палили крепостные пушки. Моряки признались Баранову, что ожидали увидеть «компанейские селения в самом жалком положении по недостатку в пище», а обнаружили роскошный стол, полные амбары, куда с американских кораблей сгружали муку, сухари, рис, солонину, привезенную с Сандвичевых островов соль и «корень, называемый тара».

Сам Баранов был в быту неприхотлив: вставал рано, ел один раз в день, в разное время, когда был свободен от дел. Но гостей — и русских, и иностранных — потчевал радушно, посмеиваясь и с видимым удовольствием наблюдая их неподдельное удивление.

Капитан американского торгового судна Джон Д'Вулф тоже ожидал обнаружить русские поселения в жалком состоянии и, по собственному признанию, намеревался найти доказательства того, что «русские недалеко ушли от дикарей». Но увидел иное: «У него (Баранова. — Н. П.) острый ум, непринужденные манеры и умение держать себя, и он, по-видимому, вполне соответствует той должности, которую занимает. Он пользуется величайшим уважением индейцев, смотрящих на него со смешанным чувством любви и страха». Баранов с улыбкой слушал льстивый рассказ

Вулфа о том, как на подходе к гавани его судно окружили байдарки с индейцами и в их криках американцы смогли разобрать только одно слово — «Баранов».

Для самого правителя эти встречи были интересны в первую очередь возможностью поговорить и послушать. Офицеры рассказывали о службе, вспоминали боевые операции, в которых приходилось участвовать; капитаны американских кораблей больше толковали о торговле в индийских и китайских портах, о кругосветках. Баранов во время застолий становился словоохотлив и готов был до утра рассказывать местные истории. «Он сообщал нам охотно о всём том, что только не клонилось к открытию секретов компании», — вспоминал Головнин. Когда друзья правителя затягивали песню, сочиненную им самим, он выходил из-за стола, становился в общий круг и запевал вместе с ними:

Нам не важны чины и богатства,
Только нужно согласное братство,
Тем, что сработали,
Как здесь хлопотали,
Ум патриотов уважит потом.

Было видно, что эти люди, пройдя через многие испытания вместе с Барановым, доверяли ему безгранично и действительно составляли здесь, на краю земли, «согласное братство».

Особенно растрогало моряков вечернее прощание, когда Баранов выстроил своих промысловиков в крепости рядом с пушками и велел в честь офицеров несколько раз прокричать «ура!».

Правитель был заинтересован в помощи офицеров и свою предлагал, не скупясь: «Баранов уступил нам нужное для нас количество провизии и некоторых других вещей по ценам, во что они обошлись компании. Чрез это он сделал нам большое одолжение». Головнин и его офицеры, в свою очередь, не раз помогали Баранову — и в переговорах с иностранцами, и в составлении письменных договоров на разных языках; они согласились доставить на своем шлюпе на Камчатку большой груз ценных мехов, взяли к себе на борт тяжело раненного в стычке с индейцами промысловика, которому оказал помощь корабельный врач. Но главное — когда Баранов получил известие о готовящемся нападении пиратов, шлюп несколько месяцев дежурил у Новоархангельска.

Водка и ром в застольях у Баранова лились рекой, но правило,

заведенное им, соблюдалось неукоснительно: половина защитников крепости должна была оставаться трезвой. На следующий день они поменялись местами с другой половиной. Головнин замечал: «Сей порядок или, лучше сказать, очередь быть пьяным, наблюдается с величайшею точностью, как по причине строгой дисциплины, в какой г. Баранов содержит свой гарнизон, так и потому, что промышленные сами хорошо понимают, какой опасности может их подвергнуть самая малейшая оплошность».

Капитаны американских судов, приглашая Баранова и русских морских офицеров к себе, тоже не хотели ударить в грязь лицом. Собственных поселений рядом с Новоархангельском у американцев не было, и для приема гостей они обычно на одном из островов в заливе ставили палатки, украшали их флагами и даже устанавливали легкие корабельные пушки для салютов. Головнин назвал один из таких обедов, где были блюда и напитки всех стран, «редкостью даже и в самих столицах». Конечно, всё это делалось исключительно для Баранова, и даже стихи, сложенные американцами, состояли сплошь из комплиментов главному правителю.

Головнин, описывая забавы колонистов, не стал заниматься морализаторством, вполне понимая особенности жизни этих людей на краю света во враждебном окружении. Многие из них, если не все, не могли вернуться домой, поскольку за годы службы оказывались в больших долгах перед компанией; те, кто всё же уезжал на родину, из-за смены климата прожили потом недолго. «В таких увеселениях они позабывают свою горькую участь, а ожидая оных как некоего торжества, долженствующего хотя на короткое время их осчастливить, они удаляют от себя отчаяние, в которое ввергла бы их скучная однообразная жизнь в вечном удалении от своего отечества...»

Да, Баранов потакал незатейливым вкусам и слабостям промысловиков, но при этом оставался жестким руководителем. Карты и прочие азартные игры — источник драк, разорения, а нередко и самоубийств — были им строго запрещены. Чтобы туземки не становились причиной раздоров, Баранов советовал покупать дочерей у алеутов и жить с ними, как с законными женами.

Главный правитель и сам жил с дочерью местного тойона, уроженкой Кадьяка, в крещении Анной Григорьевной, с которой обвенчался после смерти законной супруги. Анна родила ему троих детей — Ирину, Антипатра и Екатерину. Суперкарго одного американского судна, который увидел чету Барановых в 1801 году, вспоминал: «Российский губернатор

производит впечатление человека скромного и выдержанного. Его супруга опрятна и хорошо одета. Она показалась мне довольно красивой».

После смерти Баранова его вдова поселилась в скиту, основанном преподобным Германом на острове Еловом, где и окончила свои дни. Их старшая дочь Ирина вышла замуж за капитан-лейтенанта Семена Ивановича Яновского, занявшего место главного правителя после отъезда Баранова из Америки.

Двенадцать кондиций

О Баранове оставили воспоминания многие из тех, кому довелось с ним встречаться; его слава гремела по всему западному побережью Америки от полярного круга до Чили. В 1818 году комиссионер компании Кирилл Тимофеевич Хлебников, принимая у Баранова дела, виделся с ним ежедневно, много беседовал и мог составить о нем собственное мнение. И когда в 1830 году должность главного правителя занял барон Фердинанд Петрович Врангель, оценивший по достоинству всё, что сделал Баранов в Америке, он предложил Хлебникову написать биографию своего предшественника и рассказать о его делах, «достойных внимания и похвалы».

«Я не готовился стать писателем, — признавался Хлебников, — и чувствую сам слабость своих познаний для описания дел и подвигов первого главного правителя колоний Российско-американской компании, в продолжение 28 лет им совершенных, они достойны пера лучшего, чем мое...» Кроме того, считал он, для этого «нужны способности историка».

Однако возможность вспомнить собственную молодость, проведенную в Америке, и еще раз окунуться в те славные, хотя и тяжелые времена, беседы с людьми, хорошо знавшими Баранова, чтение его писем и, главное, желание воздать должное Баранову «хотя кратковременным памятником» придали Хлебникову решимости. И в 1835 году первая биография Баранова была напечатана.

Родился он 23 ноября 1747 года в городе Каргополе Олонецкой губернии в семье мещанина Андрея Ильича Баранова, занимавшегося мелкой торговлей. Его супруга Анна Григорьевна родила четверых детей — Петра, Евдокию, Вассу и Александра. Сыновья пошли по стопам отца, Александр торговал сначала на родине, затем в Москве и Петербурге. После 1780 года он отправился в Сибирь, поселился в Иркутске, где приобрел два завода — стекольный и водочный, брал винные откупа и

подряды, организовывал промысловые экспедиции на Чукотку и Аляску. В 1787 году стал членом Вольного экономического общества, которое занималось просветительством и популяризацией знаний о самых разных областях хозяйства: лесоводстве, горном деле, пчеловодстве, земледелии, торговле; проводило конкурсы и обсуждения в печати; представляло открытия и новшества, появившиеся в разных странах. Чтобы вступить в него, требовались, во-первых, обширные познания и соответствующий круг чтения; во-вторых, опыт и навык практической деятельности. Если Баранова приняли в члены общества, значит, ему было о чем рассказать.

В это время Г. И. Шелихов вернулся из Америки и начал искать кандидата на должность управляющего. Он предложил это место Баранову, однако тот отказался. Откупа и подряды хотя и требовали частых разъездов по Иркутской губернии, но были его собственным делом, а переходить в подчинение к Шелихову ему не хотелось. Однако судьба распорядилась иначе.

В 1790 году Баранов выехал из Иркутска в Якутск и нашел свои дела по питейному откупу в полном расстройстве — видимо, такого оборотистого приказчика, каким был Шелихов у Голикова, ему найти не удалось. Оставалась еще торговля мехами, благодаря которой можно было поправить свои пошатнувшиеся дела, и Баранов отправился в Охотск. Туда приезжал ежегодно с Чукотки его приказчик, он привозил меха, выменянные у чукчей, и отчитывался перед Барановым. Он-то и сообщил, что в Анадырске чукчи убили всех работников и разграбили имущество артели. Каждая из этих утрат — в Якутске и Анадырске — еще была поправима, но случившиеся одновременно события окончательно разорили Баранова. И он был вынужден принять предложение Шелихова.

«Лета 1790 года августа в пятый на десять день в областном портовом городе Охотске мы, нижеподписавшиеся, рыльской имянитой гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольской купец иркутской гость Александр Андреев сын Баранов» заключили договор. Баранов назначался главным правителем русских поселений в Северной Америке, куда и должен был отправиться осенью на судне компании. В договоре перечислялось 12 «кондиций» — условий его службы.

По принятии дел от управляющего Деларова он должен был произвести перепись промысловиков и населения Кадыака и наладить подробную отчетность. Кроме хозяйственных книг следовало завести два журнала: в один «вписывать каждодневные происшествия тамо текущих дел и случаев», во втором описывать поведение подчиненных, «дабы добронравие и развратность... видимы были». Новый начальник

обязывался вести постоянный «присмотр» за людьми, чтобы они «не в праздности и лени, а во всегдашних трудах в пользу компании находились».

Ему предписывалось заготавливать провизию и иметь «за правило человеколюбия» сбережение жизней подчиненных. Особое внимание обращалось на взаимоотношения с туземцами: защищая своих людей, он должен стараться избегать прямых военных столкновений, «несогласия и раздоров с дикими, союзными и несоюзными компании народами... Грубых же и жестокосердных и в варварских кровожадных обычаях заматеревших диких остерегаться и приводить в познание благонравия».

Плата ему назначалась солидная — 15 суховых паев из 210 паев компании. В случае его гибели жене и ее детям от первого брака, принятым Барановым на воспитание, — «сыну Аполону», оставленному в Якутске, и «дочери Афонасье, с женою в город Каргополь отправленной», — Шелихов обязался выплатить тысячу рублей «единожды». Если же в результате крушения судна Баранов оказался бы на необитаемом острове или в плену, семье полагалось две тысячи с ежегодной выплатой в 300 рублей до его возвращения.

Оговаривались обязанности Баранова по ведению промыслов, отысканию новых земель, исследованию недр. Подчиняться он должен был только предписаниям правительства и Шелихова — никому другому «дела до меня не иметь». Срок его пребывания в Америке не был назван: «Какое время я быть пожелаю, предоставить на мою волю». На этой должности он пробудет безвыездно 28 лет и выполнит все 12 условий.

Баранов мог взять с собой двоих помощников за свой счет. «Одного, — писал он в договоре, — я ныне, тотемского мещанина Ивана Кускова, с собою увезу». Другие помощники будут меняться, в них Баранов не раз ошибется, а в Кускове — нет. В нем главный правитель найдет энергичного, надежного и близкого ему по духу человека.

Неудачное начало

Девятнадцатого августа 1790 года, спустя всего четыре дня после подписания договора, Баранов вышел из Охотска на галиоте «Три святителя», который вел один из лучших мореходов — Дмитрий Бочаров. Плавание началось с проблем — бочки с питьевой водой дали течь. Подобная неприятность случалась на кораблях нередко, так, Сарычев вспоминал, что на обратном пути от Алеутских островов к Камчатке бочки

на его корабле «Черный орел» тоже дали течь и воду пришлось экономить — выдавали по восемь чарок в день на человека. Чарка — это сотая часть ведра, примерно 0,12 литра. На корабле Баранова потеря воды, видимо, была более ощутимой, если решили выдавать по четыре чарки, то есть пол-литра на человека в сутки. При такой экономии вдоволь уже не напиться, горячее каждый день не приготовить, и как неизбежное следствие — на корабле начались болезни. Баранов принял решение сделать отдых на острове Уналашка.

Опытному мореходу Бочарову эти места были знакомы. 28 сентября он отдал приказ встать на якорь в Кошигинской бухте. Пока наполняли водой бочки, люди отдохнули, и 30 сентября собрались идти на Кадьяк. Но вечером начался шторм, судно сорвало с якорей, ветром вырвало незакрытые люки и так накрыло волной, что впору было думать о спасении не груза, а людей. До наступления темноты, когда галиот еще держался на плаву, успели переправить на берег людей и перевезти всё самое ценное. Пока полузатопленное и завалившееся на бок судно носило по волнам, у штурмана еще теплилась надежда на его спасение, но когда прилив швырнул его на прибрежные скалы и разбил в щепки, всех охватило уныние. Баранов и его команда в 52 человека лишились галиота, большей части компанейского груза и собственного имущества.

В заключенном с Барановым договоре Шелихов обращал особое внимание на сбережение судна: если оно «не дай Боже, повредитца, починить». А здесь и чинить оказалось нечего и добираться до Кадьяка — а это, считай, тысяча верст — не на чем. Американская жизнь Баранова началась с неудачи: как признавался он сам, «при первом шаге ожесточенная судьба преследовала меня здесь несчастьем».

После «консилиума» со штурманом Баранов решил нанять несколько алеутских байдарок и отправить их вместе с байдарщиком Александром Молевым на Кадьяк за помощью. Но и здесь не повезло: когда Молеву оставалось до Кадьяка не больше сотни верст, на байдарки напали туземцы, пятерых алеутов убили, а сам Молев едва сумел уйти от погони и укрыться на острове Унга, отправив одну из байдарок с известием об этом на Уналашку.

И пришлось Баранову зимовать на Уналашке. Ни припасов, ни теплых изб, ни бань там не было, построить их тоже оказалось не из чего — лес на острове не рос. Кустарником и выброшенными на берег обломками деревьев топили в полуземлянках сложенные на скорую руку печки-каменки. Главный правитель американских селений жил в такой же полуземлянке — «несчастья уравнивают состояние людей», как верно

заметил Хлебников.

Чтобы не умереть с голоду, Баранов отправлял охотников стрелять тюленей и сивучей; не умевшие охотиться собирали хворост, выкапывали коренья, искали по берегу съедобные раковины. На реках ставили запоры и ловили рыбу. Иногда море, словно сжалившись над потерпевшими кораблекрушение, выбрасывало на берег мертвого кита, и тогда несколько недель ели терпко пахнущую морской водой тушу, в лучшие дни выменивая у алеутов ее куски на сушено-вяленую рыбу — юколу.

Баранов вспоминал: «Масленную всю постились истинным постом», — то есть в мясопустную неделю (Масленицу) не ели не то что мяса, а вообще ничего, о хлебе и сухарях и вовсе забыли. И только в большие праздники — на Николу, Рождество и в Светлое Христово воскресенье — устраивали пир: из чудом уцелевшей ржаной муки варили жидкую похлебку, называемую в тех краях затуран, смешивали китовый и тюлений жир с юколой или ягодами.

«Зиму я проводил в большой скуке, — рассказывал Баранов, — а паче когда погода была дурная. Случалось, иногда по два месяца сряду продолжалось ненастье и не можно было никуда вытти, но, впрочем, ни одного ясного дня не упускал, чтобы не ходить с ружьем, от коего довольствовался без нужды пищею». Однажды на охоте попал в капкан, поставленный алеутами на лису, и потом долго лечил раненую ногу.

Рассказывал, как сам научился варить соль. На его родине солеварение было одной из доходных отраслей хозяйства крестьян, рыбаков и братии монастырей. Солеварни устраивали так: на морском берегу рыли колодцы, заполнявшиеся соленой морской водой; рядом ставили печи, над которыми вешали на крюках четырехугольные сковородки — црены. Печи топили несколько дней без перерыва, вода на сковородках выпаривалась, а соль густела. Баранов, не раз видевший солеварение в Поморье, повторил этот процесс в Америке и добился прекрасных результатов — соль была «белизною подобная снегу».

В ненастье, когда из землянки невозможно было выйти, он описывал остров, его климат, погоду, облик и обычаи алеутов. Свои заметки он включил в рапорт, отправленный в апреле 1791 года на Камчатку. «Мужеской и женский пол вид имеют неотвратительный, лицом смугловаты, но есть чистые и природный в лице румянец имеющие; волосы у всех черные, но вообще все ленивы и неопрятны, вшивы, ногтей не обрезают и редко умываются. Образ жизни ведут самый гнусный. Юрты их худые и холодные; огня в них, кроме что в жирниках, не имеют; живут по множеству в одной с семействами и нечистоту редко вычищают, а около

юрт помет свой извергают. Мокрота, грязь, вонь, тесные в юрты проходы и стужа в них делают отвращение».

С теми, кто говорил по-русски, он беседовал об их верованиях: «Закона никакого либо служения не имеют, и о всевышнем существе понятия. Наименование, однако же, на их языке есть сотворившему небо Агуга, а землю управляющему Куга, коего последнего шаманы их, часто призывая, испрашивают будущее и больным на исцеление. Разумеют также и злого духа, называя того на своем языке Аггалликих, но никакого изъяснения ни о котором сделать не могут, да и так тупы понятием, что далее, кажется, атмосферы, их окружающей, оное не простирается. Надобно много раз подтверждать, чтоб сказанное поняли, однако же непонятного им никак невозможно вперить».

Тогда же, зимой, сидя у дымной печки-каменки, он обдумывал, где будет искать новые земли, куда сам отправится с мореходами на разведку. Он решил построить судно вблизи Чугацкой губы, по берегам которой рос хороший сосновый и лиственный лес, и пойти на нем вдоль побережья на юг, где располагались «европейские заселения» (имелась в виду Калифорния), а затем на север, искать новые места.

С началом весны, едва потеплело и начал таять снег, построили две большие байдары по образцу алеутских, обшили днище лавтаком — шкурами морских животных — и 25 апреля 1791 года вышли в море. До Исаннахского пролива, отделяющего Лисьи острова от Аляски, шли вместе, затем разделились: штурман Бочаров повел свою байдару, огибая полуостров с запада, Баранов — с востока, правя к Кадьяку.

Бочаров за два месяца прошел более 500 верст, описал и составил карту северного побережья Аляски. Он собирался плыть дальше, но лавтак на днище его байдары сгнил и развалился, и пришлось переносить лодку через горы. Но нет худа без добра: Бочаров не только первым проложил самый короткий — протяженностью в семь верст — путь по суше от Бристольского залива до пролива Шелихова, но и открыл во время перехода большое озеро, второе по величине на Аляске, которое назвали его именем^[6].

Баранов все два месяца плавания, апрель и май, болел лихорадкой, но менять планы не стал — слишком коротко в тех краях лето, лучшее время для выхода в море. Наконец, 27 июня, полубольной, он с трудом вышел из байдары, причалившей в гавани Трех святителей, и ступил на землю Кадьяка.

Первая зима оказалась нелегкой — продовольствия не хватило, и пришлось в апреле 1792 года отправиться за помощью на Уналашку, куда прибыла экспедиция Биллингса. Как вспоминал Сарычев, моряки поделились припасами с промысловиками, присланными Барановым.

Зимовала команда Баранова не в одиночестве: встречали промысловиков тульского купца Орехова, вологодского Панова, иркутского Киселева, а на берегах Кенайской губы обосновались охотники якутского купца Лебедева-Ласточкина. Мореходы отправлялись и на открытые Прибыловым острова Святого Павла и Святого Георгия. При таких масштабах добычи калана его численность неизбежно уменьшалась, и приходилось постоянно искать новые места для промыслов. По заведенной Шелиховым традиции промысловики не приезжали на один-два сезона, а основывали постоянное поселение и завязывали торг с туземцами. Так же поступил и Деларов — отправил отряд на юго-запад Кенайского полуострова, где заложил Александровскую крепость.

Баранов продолжил начатое Шелиховым и Деларовым. Он вместе с промысловиками ходил в Кенайский и Чугацкий заливы, вдоль побережья Якутатского залива; в Чугацкой губе встретил чугачей. Чтобы обезопасить себя от их нападений, семерых взял в заложники. Он не первый пытался наладить с ними торговлю — в заливе стоял корабль британской Ост-Индской компании. Баранов познакомился с капитаном Муром, и тот сделал правителю подношение вполне в колониальном духе — прислал индийского мальчика.

Если с чугачами-эскимосами отношения могли перерасти в мирные, то с первой встречи с другим племенем — индейцами-тлинкитами или, как их называли русские, колошами — пришлось занимать оборону. Колошей сторонились даже их соседи, алеуты и чугачи, и старались держаться от них подальше и не вступать в конфликты.

В июне 1792 года тлинкиты ночью напали на отряд Баранова, расположившийся в палатках на берегу залива Нучек. Услышав отчаянный крик часового, Баранов проснулся, схватил ружье и выскочил из палатки. Он увидел, как меж деревьев неслышными тенями скользили странные существа с оскаленными медвежьими и тюленьими мордами. Первыми были убиты алеуты — они беззвучно пали сраженные ударами кинжалов. Баранов выстрелил в одну из теней. Он был уверен, что попал в голову, — стрелял почти в упор; однако существо не только устояло на ногах, но и

метнуло в ответ короткое копье. Баранов присел вовремя — копье вошло в дерево над его головой, как нож в масло.

«Что за нечисть?» — Он тряхнул головой, прогоняя остатки сна. Пока перезаряжал винтовку и жалел, что оставил в палатке штык, краем глаза успел заметить, как его враг навалился на промысловика; тот, изловчившись, вывернулся и ударил этого не то зверя, не то человека ножом в шею. Существо уткнулось мордой в землю, и оскаленная звериная маска вместе с деревянным шлемом свалилась с головы. Так вот почему пуля его не взяла! Вокруг гремели выстрелы, команда Баранова отчаянно отбивалась, и он крикнул, чтобы целились не в голову, а в ноги и руки.

Три часа шел бой. Наконец колоши отступили к байдарам, унося раненых. «Меня Бог сохранил, — говорил Баранов, вспоминая эту стычку, — хотя рубаха была вся проколота копьем». Он обошел свой лагерь, подсчитывая потери. «У меня убито двое русских и десять человек алеутов», — доложил он Шелихову.

На берегу остались лежать 12 убитых и несколько раненых врагов. Чугачи, взятые Барановым в заложники, бежали в первые минуты боя, думая, что нападение совершили их соплеменники, — и оказались в плену у тлинкитов. Оставшиеся в живых 15 промысловиков и сам главный правитель в разодранной рубахе с удивлением рассматривали лежащих на земле «отменных ратоборцев». Их головы закрывали крепкие деревянные шлемы с масками зверей и птиц, которые не брали пули; спину и грудь надежно защищали деревянные латы. Некоторые всё еще сжимали в руках кинжалы и короткие копья-дротики.

Баранов допросил раненых. Оказалось, они прибыли на шести байдарках, чтобы сначала истребить чугачей, а потом приняться за русский отряд. «В каждую байдару умещается от 20 до 25 человек, — считал Баранов, — значит, их было 120. Не менее 5-ти на одного».

Это была первая встреча с тлинкитами, которых русские называли «народ убийственный и злой». Тогда Баранов еще не знал, что это только стычка — настоящая война впереди. А пока он отдал распоряжения об укреплении кенайского поселения и возвратился на Кадьяк.

Первые достижения

За первые два года Баранов успел сделать немало: обошел на байдаре вокруг всего Кадьяка, оценивая достоинства и недостатки основанных там поселений. В окрестностях Карлукского, что расположилось на берегу

пролива, отделявшего Кадьяк от Аляски, в изобилии зрела ягода, дикая лилия — сарана, чьи луковицы шли в пищу; в реку по весне приходило много рыбы.

Другое поселение, на острове Афогнак, славилось богатой охотой на лисиц всех мастей. Погода здесь была устойчивее, чем на Кадьяке, сюда чаще заглядывало солнце, и потому овощи на огородах успевали вызревать. Море нередко выбрасывало на берег китов, чей жир толкли с сушеной рыбой, ягодами, использовали в светильниках; здесь раньше, чем в других местах, — в апреле — появлялась рыба. Семейные служащие, уволившись из компании, предпочитали переселяться именно на Афогнак.

Расположение же поселения, основанного Шелиховым у гавани Трех святителей, Баранов считал неудобным — округа была безлесной. После зимовки на Уналашке он знал, каково это — не иметь под рукой леса: ни избу срубить, ни баню истопить, ни тем более лодку или фрегат построить.

А без собственных судов было не обойтись. Алеуты, правда, обходились — ладили кожаные байдары, подшивали их лавтаками и выходили в заливы охотиться на сивучей и каланов, ловить рыбу, по рекам сплавлялись на одно-, двух- и трехлючных байдарках. Но то алеуты — их сноровкой редко кто не восхищался. Моряк Юрий Лисянский, посидев в байдарке и увидев, как алеуты управляют ею, пришел в восторг: «Кадьякцам надлежит отдать справедливость за изобретение байдарок, которые они строят из тонких жердей, прикрепленных к шпангоутам или, лучше сказать, к обручам. Они обтягивают так хорошо сшитыми нерпичьими кожами, что ни капли воды никогда не проходит внутрь... Все эти суда ходят на малых веслах и не только особенно легки на ходу, но и весьма безопасны в море при самом крепком волнении... Я сам проехал в трехлючной байдарке около 400 верст и могу сказать, что не имел никогда у себя лучшего гребного судна». Байдарки действительно безопасны, но только когда ими управляют алеуты, к тому же в них можно поместить лишь самый незначительный груз.

И Баранов начал подыскивать место для верфи. Сначала он присматривался к северо-восточной стороне Кадьяка, где рос еловый лес (недаром соседний остров называли Еловым). Он нашел там хорошее место для гавани и основал селение, в которое и переехал. Павловская гавань (сейчас город Кадьяк) стала на несколько лет — с 1792 по 1808 год — столицей русских владений; в ней появились казармы для промысловиков, мастерские, склады, школа, храм и даже был установлен бюст государя перед домом правителя, в котором сейчас находится музей Баранова.

В 1805 году иеромонах Александро-Невской лавры Гедеон, участник

кругосветной экспедиции Крузенштерна и Лисянского, открыл на Кадьяке двухклассное училище для детей эскимосов, чугачей, конягов и алеутов. Спустя год там уже было сто учеников, пятнадцать из них приняли православие. А еще через год директор училища принимал выпускные экзамены в присутствии Баранова, русских офицеров и капитанов иностранных судов. Правитель был так тронут увиденным, что вручил благодарственное письмо и денежную награду в 500 рублей отцу Гедеону «и еще на тех первой статьи школьников, кои имеют способности во изучении преподаваемых от вас науках правил и могут других обучать тому, поколику сами достигли». А таких способных оказалось немало; эти первые выпускники стали учителями, помощниками штурманов, служащими контор, приказчиками и байдарщиками — начальниками артелей.

Когда в 1808 году отец Гедеон покидал Америку, он передал все дела по училищу Герману Аляскинскому с наставлением обучать детей чтению, письму, арифметике, истории священной и светской, географии. Вместо отдыха туземные ребятишки занимались огородничеством и ремеслами. Из них Баранов и набирал в свои команды плотников, столяров, каменщиков.

Одно было плохо в Павловской гавани: из елей, росших в изобилии по ее берегам, нельзя строить суда. Поэтому Баранов продолжил поиски места для верфи. Наконец, в 1793 году он облюбовал гавань на Кенайском полуострове, у селения Воскресенского. Вскоре из Охотска прибыли строительные материалы и мастера под командованием англичанина на русской службе Джеймса Шильца (Шилдса), отставного поручика Екатеринбургского полка, нанятого Шелиховым в качестве кораблестроителя.

Первым опытом и одновременно доказательством умения англичанина строить корабли стал пакетбот «Северный орел», на котором он и пришел из Охотска к Кадьяку. В Воскресенской гавани Шильц заложил трехмачтовый фрегат «Феникс»; не прошло и года, как его спустили на воду.

Баранов с нескрываемым удовольствием и гордостью смотрел на первое спущенное на воду в Америке судно. Он не только наблюдал за ходом строительства, но и принимал в нем самое деятельное участие: например, придумал смешать еловую смолу, горючую серу, охру с китовым жиром — этим составом просмолили корпус корабля и канаты.

В 1795 году построили еще два судна — «Дельфин» и «Ольга». Со временем верфи появятся и в основанном Барановым поселении Якутат, и в новой столице Новоархангельске, и в Россе в Калифорнии. Сначала в

Америке строили парусные суда и ремонтировали приходявшие из Кронштадта военные корабли, затем стали спускать на воду пароходы. Их не только использовали для собственных нужд, но и продавали испанцам, сделав, таким образом, кораблестроение доходной статьёй бюджета компании.

Баранов первые годы налаживал отношения с туземцами. Дело это было непростое и опасное, «он шел ощупью и озираясь», как говорил Хлебников. Нельзя было показать туземцам слабость, особенно воинственным колошам, но и жить в состоянии вечной войны тоже тяжело. Лучшим способом Баранов считал знакомство с местными старейшинами и вождями племен — тойонами. Он приглашал их к себе в крепость, угощал, смотрел на их пляски и слушал пение, но при этом оставался начеку — трижды пресекались попытки нападения на него вооруженных ножами индейцев.

В письме Шелихову Баранов просил не скупиться и прислать больше нарядной, с «выкладками мишурными», одежды для подарков тойонам: «Нужно привязать их, дабы иногда действовать можно было и политикою, а не силами». К тому же соперничество с иностранными компаниями на полуострове Кенай «нудят сделать народов в наших занятиях усердными и преданными, когда располагаемся на дальние времена». Баранов завел обычай награждать лояльных тойонов особыми медалями, которые изготавливали специально для этой цели с надписями на одной стороне — «Союзные России» и изображением двуглавого орла — на другой.

Он не только награждал, но и наказывал: нарушившему верность тойону приказал остричь бороду и усы наполовину, тем опозорив его. Но кровопролития старался избегать и первым никогда не нападал. В 1800 году на Пасху он позвал к себе в гости тойонов острова Ситха, с приглашением отправили переводчицу из колошей. Ситхинские тойоны с удовольствием согласились, а вот вожди других племен отказались. Они сначала хвастались своей свободой, потом начали задирать местных, кричали, что те стали рабами у русских, а в конце, озверев, избили, ограбили и выгнали бедную толмачку.

В третий день Пасхальной недели Баранов нанес колошам ответный визит. На берегу собралось около трехсот вооруженных людей, которые с напряженным вниманием ожидали, чем всё закончится. Баранов не спеша покинул галеру вместе с небольшим — в 20 человек — отрядом и направился прямо к жилищам тех, кто кричал, что они никого, даже его самого, не боятся. В этот момент на галере зарядили орудия картечью и дали два залпа поверх вигвамов. Толпа разбежалась, а Баранов потребовал,

чтобы виновные принесли извинения. Довольный, что обошлось без кровопролития, он вернулся в крепость.

Он не проливал чужую кровь ради собственной славы или корысти, не нападал первым, но всегда давал отпор и тем самым заставил уважать себя. Недаром его имя уроженцы Аляски до сих пор произносят с почтением.

Со временем туземцы оценили умение Баранова разрешать конфликты и даже стали приглашать его как самого авторитетного в тех краях человека улаживать споры между вождями племен.

Когда Баранова уже не было в живых, в правилах компании появился специальный раздел «Об островитянах», по сути, зафиксировавший сложившуюся при нем многолетнюю практику. Народы, признавшие себя подданными российской короны, например алеуты, сохраняли самоуправление и выборы тойонов, которых утверждал главный правитель. Тойоны следили за порядком в своих селениях, распределяли охотников по промысловым партиям, получали от правления жалованье, подарки, помощь продовольствием. Другие — например кенайцы, жившие на побережье Кенайского залива, чугачи и колоши — именовались «полузависимым» или «не совершенно зависимым» населением, хотя правильнее было бы назвать их совершенно независимыми, особенно непримиримых тлинкитов.

Баранов наладил промысел, каждую весну отправляя нанятых на работу алеутов в разных направлениях. Самая большая партия — на пятистах байдарках — уходила от Кадьяка вдоль побережья на юг, до Бобровой бухты; другая — на север; третья промышляла вокруг островов; четвертая шла на запад. Алеуты ладили байдарки — они были большие мастера этого дела — и охотились в море три-четыре месяца. Каланов они добывали стрелами, нерп и сивучей — сетками и гарпунами. Русские охотились с ружьями. За два первых года правления Баранова промысловики добыли одних только морских бобров 2150 шкур, за следующие два — еще две тысячи.

Пока всё мужское население промышляло зверя, женщины, дети и старики чистили и вялили рыбу, ловили птиц, шили парки, собирали ягоды и выкапывали съедобные луковицы дикой лилии, которые заготавливали и для компании, и для себя. На исходе лета мужчины возвращались и сдавали меха по цене, установленной компанией. Платили им, прямо скажем, не щедро, да еще и товарами низкого качества, с гнильцой. Ревизор Сергей Александрович Костливцов, проводивший инспекцию Русской Америки в 1860–1861 годах, кратко и точно описал положение алеутов: «Лично он не раб, он не крепостной какого-либо господина, никто его ни к чему не

принуждает... он раб окружающих его обстоятельств, в полном смысле этого слова». В 1815 году после многочисленных жалоб компания наконец повысила плату за промыслы: за шкуру добытого калана стали платить от 30 до 50 рублей — конечно, не деньгами, а товарами. Существовали в русских колониях и кожаные деньги номиналом в 25, 10, 5 и 1 рубль и 50, 25 и 10 копеек ассигнациями, принимавшиеся приказчиками в обмен на товары.

В 1792 году Баранов провел первую перепись населения Кадьяка. Оказалось, на острове проживает «мужеска и женска пола» 5696 человек, а всего вместе с населением Кенайской и Чугацкой губ и полуострова Аляска — 7109. В дальнейшем Баранов организует еще не одну перепись; помимо живущих, будут подсчитывать число умерших с обязательным указанием причин смерти: погибли в стычках с туземцами, утонули во время штормов, отравились ядовитыми раковинами, скончались от эпидемий. Эти сведения подавались в Главное правление компании в том числе и для того, чтобы опровергать слухи о намеренном уничтожении «тысяч» туземцев, распространяемые некоторыми мореплавателями и учеными из России, видевшими острова только в подзорную трубу.

«На Кадьяке, Уналашке и Ситхе я не был, — признавался Иван Федорович Крузенштерн, руководитель первого русского кругосветного плавания (1803–1806), — но судя по всему виденному мною на судне „Мария“ и слышанному от людей, бывших там и достойных всякой доверенности, об учреждениях компании в их американских селениях, ясно представить себе можно бедственное состояние живущих в ее владениях. Самой прекраснейшей, ущедренной всеми дарами природы земли будет убегать каждый, если господствует в ней незаконная власть единого и грубого человека, и где нельзя ожидать никакого правосудия». То есть на «прекраснейшей» земле Аляске всё было бы хорошо и никто бы не умирал, если бы не власть «единого и грубого» Баранова.

Но с Крузенштерном соглашались далеко не все. Другой, не менее знаменитый, мореплаватель Джордж Ванкувер высоко оценил взаимоотношения русских и туземцев. В 1794 году он привел свой корабль «Дискавери» в Якутатский залив и познакомился там с двумя русскими байдарщиками, под присмотром которых большой отряд алеутов вел промысел каланов. Байдарщики по просьбе англичанина показали ему свои карты, тот уточнил координаты известных объектов и нанес на свою карту неизвестные. Ничего необычного в таком обмене информацией байдарщики не усмотрели — так же поступил в свое время и штурман Измайлов, когда встретил экспедицию Кука на Уналашке.

Тронутый открытостью и дружелюбием русских, Ванкувер рассказал об этой встрече и своем заочном знакомстве с Барановым (тот вроде бы не смог приехать к нему, но, возможно, намеренно уклонился от встречи) в своих записках «Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean» («Путешествие „Дискавери“ в северную часть Тихого океана»): «Вероятно ни один народ на свете, кроме русского, не сможет пользоваться в этих краях такими большими выгодами от прибыточной торговли... Иностранцам трудно будет добиваться такого же участия, какое принимают туземцы в благосостоянии России. Источником этого участия являются почтение и привязанность... Русские нашли дорогу к их сердцам и приобрели от них почтение и любовь».

Интересно продолжение этой истории. Когда в Лондоне в 1798 году был напечатан третий том записок Ванкувера, в правлении компании его прочитали — и остались весьма недовольны. Более того, отправили секретную инструкцию Баранову: «Замечая из III-го тома ванкуверовских путешествий, что некоторые из промышленных ваших дали англичанам карты ваших плаваний, Главное правление долгом поставяет поставить вам сие на вид, и что в разсуждении людей, не только должно вам быть разборчиву в доверенности, но и удалять все способы к таковым не позволенным и вредным для отечества послугам».

Последствиями излишней доверчивости и русской «простодырости» и становились те самые переименования на английских картах, которыми так возмущались русские моряки.

Необходимо упомянуть, что в самой компании к этому моменту произошли существенные изменения. После смерти Г. И. Шелихова его наследники, пройдя сквозь многочисленные финансовые скандалы и дразги, реорганизовали предприятие Голикова — Шелихова в Российско-американскую компанию. С помощью связей Н. П. Резанова при дворе компания была принята под монаршее покровительство и в 1799 году получила привилегию вести торговые операции в Северной Америке и на островах в течение двадцати лет. Император Павел I, который после кончины своей матушки Екатерины всё делал наперекор ей, разрешил то, что она запрещала.

Первыми директорами Российско-американской компании стали четверо: иркутские купцы Я. Н. и Д. Н. Мыльниковы, С. А. Старцев и зять Шелихова М. М. Булдаков. Позже руководство компанией перешло к другому зятю Шелихова Н. П. Резанову, а в 1800 году наследники Шелихова добились перевода ее Главного правления из Иркутска в столицу. Теперь среди акционеров были уже не иркутские купцы, а

«высочайшие особы»: императорская семья, член Государственного совета и министр коммерции граф Н. П. Румянцев, член Государственного совета и министр морских сил адмирал Н. С. Мордвинов и др.

Так детище Ивана Голикова и Григория Шелихова получило, наконец, вождеденную монополию, а тихоокеанские поселения были признаны территорией Российской империи. Это обязывало директоров компании внимательно и ревностно следить за деятельностью возможных конкурентов, как русских, так и иностранных, в водах Тихого океана.

«Постановка на вид» была не первой выволочкой, полученной Барановым от руководства компании; трения случались и между ним и Шелиховым. Основатель компании подозревал в воровстве всех: приказчиков, байдарщиков, артельщиков и самого Баранова. В одном из писем-отчетов управляющий оправдывался за якобы лишние траты: «Дела мои откроют вам, что ежели не из лучших мое учреждение хозяйства, то по меньшей мере и не из последних. Сам я не прикасаюсь ни к нитке, ни к шерстине и своего не жалею раздаривать добрым, верным и усердным в должностях людям, как русским, так и иноверцам и аманатам. И вам, кажется, жаловаться на излишние расходы не было и нет причины». Из контекста письма видно, что Баранова перед Шелиховым «обнесли» — оклеветали. Наверное, он даже догадывался, кто именно: «Ежели вы спрашиваете ленивых и тунеядцев, таковые не скажут ничего с доброй стороны, для того, что я гнушался ими, но спросите трудолюбивых и оказавших прямые услуги компании, и вы услышите другим языком говорящих».

«Другим языком» говорили те, кто близко знал Баранова и своими глазами видел всё, что он делал. Вот что думал о нем, к примеру, Ю. Ф. Лисянский: «Баранов, по дарованиям своим, заслуживает всякое уважение. И по моему мнению Российско-американская компания не может иметь в Америке лучшего начальника, ибо кроме познаний он сделал уже привычку к понесению всяких трудов, и не жалеет собственного имущества для общественного блага».

При этом Лисянский очень критично относился к руководству компании, указывал на несправедливо низкую оплату труда алеутов, их жизнь в голоде и нужде, высокую детскую смертность: «Этот столь прибыльный для компании торг может со временем обратиться в величайший вред для жителей». Любое торговое предприятие уже с момента создания ставит перед собой цель получения возможно большей прибыли; по этим правилам жили и Ост-Индская, и Гудзонбайская, и Американская меховая компании. Российско-американская не была

исключением.

Баранову, как и остальным героям нашей книги, приходилось действовать в определенных рамках, очерченных не только чиновниками компании, но и властями и законами Российской империи. А вот свои отношения с туземцами каждый из них выстраивал на свой лад. Лисянский, не состоявший ни в руководстве компании, ни в числе ее акционеров, констатировал: «Можно отдать справедливость нынешнему правителю Баранову и его помощникам, которые, оставив прежние обычаи, обходятся с кадьякскими обывателями снисходительно».

Якутат

Промыслового зверя рядом с Кадьяком становилось всё меньше, это означало, что нужно было отправляться на поиски новых мест и заводить новые «оседлости». Шелихов не определил точно место Славороссии, оставил на усмотрение Баранова, и тот решил основать новое поселение на берегу богатого бобрами Якутатского залива.

Джеймс Кук назвал его заливом Беринга, Лаперуз — заливом Монти, испанцы — заливом Адмиралтейства. Русские сохранили местное название Якутат, что в переводе с языка тлинкитов означает «стоянка каноэ». Впервые его исследовали и описали в 1788 году мореходы Измайлов и Бочаров. Они встретились с тойоном тлинкитов Илхаки, провели с ним «знатный торг» и оставили подарки: российский герб на медной пластине и портрет наследника престола Павла Петровича с надписью, гласившей, что отныне племена находятся под защитой российского престола.

И вот теперь Баранов решил основать там поселение. В 1794 году он отправил на «Трех святителях» Прибылова, а с ним 20 крестьянских семей и 30 промысловиков под присмотром приказчика Поломошного. Сам Баранов пошел в залив на галере «Ольга». «Имея несколько сведений в мореплавании, — писал Хлебников, — он сам управлял своим маленьким судном и вел счисление». На том же судне плыл иеромонах Ювеналий для миссионерского служения. На третий день Баранов подошел к заливу и был встречен колошами «очень дерзко». Здесь он узнал, что Поломошному индейцы не дали высадиться на берег и тот был вынужден увести «Трех святителей» дальше, на юг. После этого колоши сделали неверное заключение о «малолюдстве» и «трусости нашей», как выразился Баранов.

Он решил доказать колошам, что они обманулись, и направил пушки на берег, призывая «испытать свои силы и удачу против нас». Людей у него

было немного, но мощь орудий защищала лучше, чем ножи и ружья колошей, приобретенные у иностранных купцов. Для остротки оказалось достаточно нескольких пушечных выстрелов (к счастью, обошлось без жертв), после которых тлинкиты согласились вести переговоры, а позже прислали аманатов.

Три месяца ждал Баранов «Трех святителей», а в начале сентября ушел к селению Нучек в Чугацком заливе. Там он встретил иеромонаха Ювеналия; он-то и поведал, куда делся приказчик с людьми. Оказывается, Поломошный объявил, что на судне нет воды, и ушел в Нучек, а потом вернулся на Кадьяк. Баранов сам не раз мерил расстояние от Кадьяка до Якутата и прекрасно знал расход воды. Не в отсутствии воды была причина — в Поломошном, который не захотел подвергать себя опасности от воинственных колошей и потому «делал козни». Но заменить его не представлялось возможным — Шелихов был о нем высокого мнения.

Выслушав священника, Баранов ушел на Кадьяк. Это была их последняя встреча — Ювеналий отправился проповедовать среди эскимосов-аглегмютов на север, где был ими убит.

На Кадьяке Баранов советовался с Шильцем. Тот прошел на судне от острова Принца Уэльского вдоль всего побережья на юг и везде видел каланов: может быть, новое поселение основать там? «Мест по Америке далее Якутата много, кои бы для будущих польз отечества занимать россиянами давно бы следовало в предупреждение европейцев», — докладывал Баранов в Петербург.

Он присматривался к заливу Нутка, который, как он знал из газет, испанцы не так давно уступили англичанам. Британцы активно торговали там с индейцами и платили, отметил Баранов, «весьма щедро», так он намекал на скаредность компании. «Променивают огнестрельное оружие и снарядов множество, чем те народы гордятся». Но англичане еще не успели там обосноваться — не попробовать ли опередить их? В то же время он не хотел отказываться от своего намерения основать поселение в Якутатском заливе и наметил выход на лето 1796 года. Его не остановила даже внезапная смерть опытного морехода Прибылова. Судно согласился вести байдарщик Медведников, в помощь ему дали Кашеварова.

Баранов вновь послал людей в Якутат вместе с Поломошным, только на этот раз его сопровождал акционер компании Степан Ларионов — «для помощи» и, видимо, для контроля. В подкрепление туда же отправили пакетбот «Северный орел» под управлением Шильца и 450 байдарок, которые должны были пройти южнее залива на промысел каланов. С собой взяли запас вяленой рыбы; в основном же собирались питаться тем, что

пошлет море: свежей рыбой, мясом каланов, нерп, сивучей, на берегу — птицей и сараной. Сам Баранов, как и годом ранее, пошел на галере «Ольга», оставив все дела на Кадыяке самому верному своему помощнику Кускову.

Два месяца пробыл Баранов на берегу — искал удобное место, следил за первыми постройками в новом поселении, названном им Новороссийском, вел переговоры с колошами.

По возвращении он узнал печальное известие: судно «Три святителя» до Кадыяка не дошло — его занесло в Камышацкую бухту, где сильно потрепало. Повреждения оказались настолько серьезными, что ремонт уже не представлялся возможным. Но это была не единственная потеря. В 1799 году разбился «Северный орел», а за год до того пропал «Феникс», на котором плыли построивший его Шильц, архимандрит Иоасаф, промысловики и компанейский груз, отправленный из Охотска на Кадыак. О нем долго ничего не было известно, и только когда к берегам острова прибило обломки и вещи с «Феникса», стало ясно: судно погибло — «неизвестно где».

Как водится, начали осуждать Шильца — «невежественного» морехода и неизвестно откуда пришедшего «бродягу». Но Баранов видел, как тщательно тот работал, хорошо помнил, как спускали на воду «Феникс» и как Шильц не раз ходил на нем вдоль побережья матерой земли, делая промеры и составляя карты. Да много чего вспомнил. Он умел ценить добросовестность и ревностность в деле, а кораблекрушение еще не свидетельствовало о неумении водить суда. Не один Шильц пропал в море — экспедицию опытного мореплавателя Лаперуза тоже не нашли.

А вот с другим мореходом у Баранова случился серьезный конфликт. Штурман Г. Т. Талин появился на Кадыяке в октябре 1797 года. Поначалу он выполнял распоряжения управляющего и на следующее лето отправился на пакетботе «Северный орел» описывать берега Северной Америки близ острова Ситха, где намеревались основать поселение. Однако в следующий раз наотрез отказался выходить в море и вообще не желал подчиняться, потому-де кто такой Баранов? — Купец, «безчиновный и простой гражданин». А он — «подпоручик, штурман 12-го класса».

Угломонить Талина оказалось непросто, еще сложнее — поладить с ним. Но других-то не было, и пришлось Баранову подстраиваться: «Однако ж кое-как поладили и отправили его в море». Но, как оказалось, конфликт затих только на время. Штурман подбивал промысловиков бунтовать, а самого Баранова страдал: если тот посмеет прийти к нему на корабль, его привяжут к мачте. Однако, смелый на словах, на деле Талин избегал

встречи с правителем. Услышав угрозу, Баранов тоже не искал свидания со скандалистом, объясняя: «Я бы не устрасился, ежели бы было какое нужно дело». Спорить со вздорным человеком — не крепость штурмовать и не переговоры с колошами вести. И потому Баранов поступил мудро — «удалил себя и его от греха».

Толку от этого штурмана было мало — строить корабли он не помогал, приказаний не выполнял, — и Баранов решил отправить его на том же «Северном орле» подальше от Ситхи, на Кадьяк. Но и здесь «неблагонамеренный» Талин ослушался: не пошел, как было предписано, прямо к Кадьяку, пользуясь хорошей погодой, а самовольно завернул в Якутат и принял на борт Поломошного вместе с меховым грузом. Двое «строивших козни», видимо, нашли общий язык, но ненадолго. Скоро задули крепкие северо-западные ветры, которые отнесли судно в Чугацкий залив, где и разбили о скалы.

Баранов подсчитал потери: погибли пять человек, среди них и сам Поломошный; потонуло 400 бобровых шкур, а всего мехов потеряли на 22 тысячи рублей, не говоря уже о разбитом судне с вооружением и якорями. Такова была цена самоуправства Талина. К сожалению, на этом «козни» штурмана не закончились.

После крушения «Северного орла» Баранов потребовал доставить ему судовой журнал и другие документы для проведения разбирательства, однако подпоручик, зная за собой вину, отказался, ссылаясь на то, что отчета от него может требовать только Адмиралтейство. Но погибшее судно принадлежало компании, и Баранов как назначенный ею главный правитель был вправе изучить и документы, и отчет.

Чтобы избежать наказания, Талин в 1800 году решил поднять бунт, воспользовавшись отсутствием Баранова, зимовавшего на Ситхе. Недовольные всегда найдутся — нашлись единомышленники и у подпоручика. Его поддержал кое-кто из духовной миссии, не согласный с крутыми мерами правителя. В самой миссии то и дело вспыхивали конфликты, и братья писали друг на друга жалобы. К счастью, вернувшийся на Кадьяк Иван Кусков не дал случиться непоправимому. Как говорил Баранов, «чтобы расстроить там (на Кадьяке. — Н. П.) дела, есть много людей, но расстроенное поправить не много сыщется». Кусков и был одним из тех немногих, кто только и делал, что поправлял расстроенное другими. Однако Талин своих намерений не оставил и написал на Баранова донос в Главное правление компании.

Попытки бунтовать, составить заговор и убить Баранова предпринимались не единожды, ведь в колонии приезжали большей частью

люди лихие, часто не по своей воле — ссыльные, уголовники или разорившиеся мещане и купцы. В 1810 году один из каторжников, некто Наплавков, задумал свергнуть с единомышленниками «игу компании» — убить Баранова, после чего поселиться на одном из островов в Тихом океане. К счастью, заговор вовремя раскрыли.

Из Иркутска и Петербурга рекомендации и наставления присылали самые разнообразные; особенно много советов давали те, кто в Америке никогда не были и, по выражению Баранова, «судили все здешние дела по своим мечтаниям». Мнение о действиях правителя составляли по отчетам и рассказам выехавших с Аляски, нередко тех, кого Баранов изгонял за нерадивость и воровство. А ведь Александр Андреевич, как он сам не раз повторял, не был силен «ни языком, ни бумагами», но единственно тем, что делал.

В 1800 году исполнилось уже десять лет, как Баранов уехал из Охотска. В 1797-м, с запозданием на два года, он получил сообщение о смерти Шелихова и готов был сложить с себя полномочия правителя. Но вдова и наследники просили его остаться на Кадьяке, пока не пришлют смену, — и он согласился. И вот теперь, после доноса нерадивого штурмана, погубившего судно, от него требовали объяснений и вынуждали заниматься тем, чего он более всего опасался, — «дрязгами с беспокойными чиновниками».

За должность Баранов не держался — состояния он с ее помощью не нажил, а здоровье свое основательно подорвал. Поэтому он сообщил директорам: «При ослабевающих уже телесных и душевных силах и малой помощи от компании более я сделал, нежели уверял и чем вы все надеяться могли». И просил его уволить.

Однако его не уволили ни в тот год, ни на следующий, ни еще 16 лет. Компания пыталась найти Баранову замену, но судьба распоряжалась иначе. Управляющий уналашкинской конторой и акционер компании Е. Г. Ларионов сошел с ума и умер в 1806 году; коллежский ассессор И. Г. Кох, не доехав до Америки, скончался в 1808-м на Камчатке; коллежский советник Т. С. Борноволоков погиб при крушении шлюпа «Нева». Титулярный советник И. И. Баннер, который служил в Иркутской губернии и был хорошо знаком с Барановым, отправился из Охотска в 1799-м, два года зимовал на Курилах и Уналашке и, наконец, в 1802-м добрался до Кадьяка. Он долгие годы заведовал конторой и, наверное, мог бы принять дела, но скончался в 1816 году.

Основание Якутата было только началом освоения новых земель. Баранов упорно искал место южнее, где и климат будет лучше, и лес найдется строевой. Он давно уже присматривался к острову Ситха: там реки, заливы и гавани не замерзали круглый год и зима была недлинной и нестуденой — температура редко опускалась ниже минус двух градусов. Правда, часто моросил дождь, но с ним уже в феврале уходили остатки снега, и сразу появлялись зеленые листочки на кустах, а в мае созревали первые ягоды.

Равнин там было мало — почти во весь остров развалился огромный горный кряж, но горы были неголые, лесистые, а самая высокая из них — Эджкомб, — что подпирала на соседнем островке белоснежной макушкой сумрачное небо, — служила верным маяком мореплавателям. На Ситхе росли березы, кедры, американские лиственницы, зеленели ели и стройные, прямые, как мачты, сосны.

От материка остров отделял Хуцновский пролив, который англичане называли *Chatham Strait*. Узкая полоска суши, зажата между проливом и горами, была покрыта мхами и поваленными деревьями, этот бурелом вместе с задувающими непрерывно ветрами, изменчивой погодой и бессолнечными днями делал и без того невеселое место совсем мрачным. Но сумрачный характер острова сполна окупался изобилием морского зверя у его берегов, косяками сельди, что приходили на исходе зимы, возможностью построить верфь и, наконец, когда в том будет необходимость, торговать с приходившими к острову иностранными купцами.

Баранов не единожды бывал на Ситхе, видел, что берега заселены колошами, которые умеют стрелять из ружей, купленных у американских купцов. Так что освоение острова, названного именем Баранова, обещало самому Баранову нелегкую жизнь. И потому он начал готовиться к основанию поселения заблаговременно как к сложной операции — дипломатической, торговой и военной одновременно.

Сначала он отправил туда на промысел 550 байдарок с алеутами, которые в случае столкновения с колошами могли бы стать подкреплением. Затем на судах «Святая Екатерина» и «Северный орел» ушли с Кадьяка люди и материалы для строительства крепости. Наконец, 25 мая 1799 года на галере «Ольга» вышел сам Баранов. 7 июля он прибыл на Ситху и шесть дней вместе с Василием Медведниковым, назначенным начальником

нового поселения, объезжал остров, осматривал гавани и заливы в поисках удобного места. Вначале решил заложить поселение на горе, откуда до гавани было недалеко, зато безопасно. Однако Медведников напомнил, что территория эта принадлежит колошам и, если занять ее, быть войне. Пришлось выбирать другое место, ближе к морю.

Теперь начиналась дипломатическая часть. Баранов познакомился с главным тойоном Ситхи Скаутлелтом и всю зиму через переводчиков вел с ним неспешные беседы. Объяснял преимущества дружбы с компанией: индейцы могли получать необходимые товары в обмен на меха, особенно в самое голодное время года — зимой, и быть защищены силами компании от нападений враждебных племен. Наконец, тойон согласился. 25 марта 1800 года они заключили письменный договор, по которому Скаутлелт и его род добровольно и за плату уступали земли под крепость, а компания обещала снабжать его всем необходимым и охранять. В знак союза тойон получил «охранную грамоту» — изображение российского герба на медной пластине.

До заключения договора все, в том числе Баранов, жили в палатках, вещи и продовольствие хранили на временном складе — в «большом балагане». К концу осени Баранов перебрался в маленькую, только что срубленную баню с печкой-каменкой и до февраля «мучился в дыму и сырости от печи при худой крыше и беспрестанных ненастьях».

Весной начали ставить большую — восемь на четыре саженой — «двухэтажную, с двумя будками по углам казарму». Дом получился просторный, основательный, как любят сибиряки, даже с погребом для хранения припасов. В будках установили пушки, между ними по гульбищу, опоясывавшему второй этаж дома, ходили часовые. Баранов твердо усвоил первое правило жизни в Америке: сохраняй бдительность. Пока двадцать человек занимались строительством, десять их охраняли. «Все сие сделано малыми силами», замечал Баранов, то есть руками тридцати человек и самого правителя. Новую крепость называли Михайловской — по имени святого архистратига Михаила.

Баранов не любил выпячивать свое участие и не считал то, что он делал, геройством. Лишения переносил терпеливо, видел в них нечто несущественное и временное: «нужды и недостатки сносить со временем дело случайное». И повторял это всем, кто работал рядом с ним. Кто-то разделял такой подход, кто-то — нет.

Н. П. Резанов, увидев жизнь Баранова на Ситхе, не переставал удивляться: «Живем мы все очень тесно, но всех хуже живет приобретатель мест сих, в какой-то дощаной юрте, наполненной сыростью до того, что

всякий день обтирают плесень, и при здешних сильных дождях как решето текущей. Чудный человек, он заботится только о покойном помещении других, но о себе самом безпечен до того, что однажды я нашел кровать его в воде плавающую и спросил, не оторвало ли где ветром доску. — Нет, — спокойно отвечал он, — видно, натекло ко мне с площади, — и продолжал свои распоряжения». Резанов назвал Баранова «весьма оригинальным и притом счастливым произведением природы». Для компании он действительно оказался счастливым, да что там — незаменимым приобретением.

Американцы, посещая селение на Ситхе, завидовали русской основательности, но сами почему-то не хотели там что-либо строить. «Они удивлялись нашей отваге и перенесению трудностей, а паче скудной и недостаточной пище и питью одной воды», — замечал Баранов.

Зима 1799/1800 года запомнилась жестокими бурями, которые не давали выходить в море с октября по январь. Свежие продукты быстро закончились, началась цинга. Баранов заставлял людей чаще бывать на воздухе, больше двигаться, выкапывать полезные корни, из которых сам делал отвары и поил ими больных. В то время на островах, в селении Якутат и на Кенайском полуострове свирепствовала эпидемия неизвестной болезни: заразившиеся чувствовали тошноту и «стеснение в груди» и через сутки умирали в страшных мучениях. Баранову принесли вести и о других потерях: алеуты, приплывшие на Ситху, наелись ядовитых раковин, и хотя их пытались спасти, вызвав рвоту, 100 человек умерли «в ужасных конвульсиях».

Как только устанавливалась хорошая погода, Баранов высылал промысловиков в море стрелять сивучей и нерп, ловить палтуса и треску. В феврале к Ситхе подошли косяки сельди и голод отступил. Теперь свежей рыбы было вдоволь — по выражению Баранова, «мы плавали в изобилии».

В апреле, оставив наставление Медведникову и письменное распоряжение «не подавать колошам ни малейшего повода к огорчению и ничего не брать от них без платы», Баранов ушел на Кадык.

Там его ждала радостная новость: за его труды по развитию российской торговли в Америке он награжден императором Павлом I (уже покойным к тому времени — с такой скоростью доходили новости до Аляски) золотой медалью на ленте ордена Святого Владимира, а компания включила его в число акционеров. «Для сего праздника, — вспоминал Баранов, — заколот был один из состарившихся яманов (диких козлов. — Н. П.)... какая роскошь!»

Ответом Баранова на императорскую милость была «душевная

признательность» и благотворительность: он подарил тысячу рублей школе, созданной на Кадьяке для мальчиков-сирот. Это был не первый его дар — в 1796 году, когда архимандрит Иоасаф освятил на Кадьяке церковь Воскресения Христова, правитель сделал богатое пожертвование на «благоукрашение» храма: 1500 рублей от себя и еще 500 рублей от имени служащих компании.

Торговля с иностранцами

После гибели «Феникса», когда сообщение с Охотском на время прервалось, в русских поселениях стал остро ощущаться недостаток продовольствия и самых насущных вещей, включая товары для обмена с туземцами. Помочь могла бы торговля с иностранцами — как говорили в Америке, расторжка, то есть обмен мехов на товары. Баранову решиться на нее было нелегко, ведь по правилам компании все добытые меха должны были делиться между пайщиками, оплата товаров мехами удешевляла паи. Но чтобы его подчиненные не умерли с голоду, он решил нарушить правила.

Иностранные купеческие суда приходили к берегам Америки сначала два-три раза в год, в конце 1790-х годов — каждые два-три месяца, а потом, как докладывал Баранов, редкий год их было меньше пятнадцати. Как только судно бросало якорь недалеко от берега, к нему на многочисленных байдарках и байдарах устремлялись алеуты, эскимосы и колоши. Они выменивали свои меха на сукно, сюртуки и шинели, шляпы и фуражки, жестяные ведра и кружки, зеркала, ножи, ножницы, бисер, полосы железа.

Баранов знал, сколько мехов получают иностранцы и каким товаром платят. Он рассказывал: «Случалось мне много бывать у них на судах, и они к нам приезжали и гостили в заселении и разговаривали о торговле их». Поскольку иностранных купцов было много, они намеренно занижали цены на меха, «подрывая не только нас нарочно, но и между собою один пред другим выбегают и рискуют платежом».

Особенно бесцеремонно (какие могут быть церемонии в торговле?) вели себя американцы. «Англичане жалуются на американцев, что отбили совсем их от торговли; на берегах тех прежде они покупывали на три аршина сукна по два бобра, а за ружье с немногими зарядами бирали от четырех до шести бобров, а ныне, как начали приходиться бостонцы, торговля их совсем подорвалась...» А «бостонцы», перебивая английскую коммерцию, давали за одного бобра восемь аршинов сукна или ружье с

десятью патронами. «Обходились они с нами вежливо и благосклонно, — докладывал Баранов, — угощали нас и у нас часто гостили». Увидев прочные и основательные постройки, гости говорили, «что им уже тут через два года делать нечего», имея в виду основание собственных поселений. Им и не пришлось их заводить — купили в 1867 году готовые.

Некоторые, по выражению Баранова, «совестные» иностранцы продавали оружие скрытно; другие же «нагло и бесстыдно в глазах наших производили мену порохом, свинцом, ружьями, пистолетами» и даже четырехфунтовыми мортирами. Он пытался убедить американцев, что «этот товар для варварских народов ненадобно бы променивать, коим они между собою часто производят кровопролития и им самим, пришельцам, вредят, делая многократно расплошные нападения... так даже и судами овладевали». Но купцы прямо отвечали: в нашей стране законы разрешают хранить и носить оружие всем желающим, а значит, и торговать им; мы люди торговые, потому «ищем получить прибыли».

Баранов докладывал директорам компании о продаже иностранцами оружия, полагая, что договариваться по этому вопросу должны правительства. Так контрабандная торговля у западного побережья стала предметом дипломатических переговоров на самом высоком уровне.

В 1808 году американскому генеральному консулу в Петербурге была предъявлена нота, в которой говорилось, что американские суда, вместо того чтобы «торговать с русскими владениями в Америке, приходят туда для тайной торговли с туземцами, снабжая их в обмен на шкуры выдры огнестрельным оружием и порохом... При помощи этого оружия был разрушен один русский форт и убито много людей». Звучало в документе и предупреждение: сами американцы могут пострадать от «беспечной спекуляции своих сограждан». Так и случилось, когда индейцы перебили американских промысловиков и сожгли только что основанную теми факторию в устье реки Колумбии.

Российские протесты звучали и в 1809-м, и в 1810 годах, однако из Вашингтона отвечали, что не во власти президента запретить своим гражданам торговать, а индейцы являются «независимыми племенами» и живут на «независимой территории», и напоминали: «Россия в состоянии силой защитить свои права против тех, кто вторгается на ее побережье или ввозит оружие, применяемое против нее во враждебных целях». У Баранова не было ни армии, ни флота, ни артиллерии, чтобы дать отпор контрабандистам, и приходилось снова писать «господам директорам».

Ну а пока дипломаты вели переговоры, Баранов принимал у себя иностранных купцов и извлекал из бесед с ними полезную информацию.

Раньше, как рассказывал Баранов, купцы с восточного побережья покупали товары в Китае за наличные деньги: «республике американской великая нужда состоит в китайских товарах — чае, китайках, шелковых разных материях и прочих тамошних продуктах». Теперь, узнав о морском пушном промысле, они решили обменивать у индейцев свои товары на меха, а потом менять меха на китайские товары.

Они приводили свои суда, набитые дешевыми товарами, к западному побережью и перебивали цену у англичан и русских. Так, шкуру одного калана американцы меняли на ружье или отрез сукна за 3 рубля 50 копеек, затем везли мех в Кантон, где продавали уже «от 25 до 30 даллеров за бобра, а даллер на наши деньги, — поясняет Баранов, — 1 руб. 20 коп., следовательно... выходит на наши деньги в 40 руб.». То есть прибыль составляла более 100 процентов. Но не она была их главным барышом, а китайский товар, который в США «никогда на руках не остается».

Посмотрев на происходившую у западного побережья Америки торговлю, развернувшуюся, можно сказать, у него под самым носом, Баранов тоже решил менять часть мехов на продовольствие.

Первая «расторжка» состоялась в 1801 году на Кадьяке, куда пришло из Нью-Йорка американское судно «Энтерпрайз». Американцы, конечно, знали о гибели «Феникса» и нуждах русских и потому предложили цены за меха самые низкие. Обычный прием в бизнесе — воспользоваться тяжелым положением соседа для извлечения собственной выгоды. Но Баранов тоже не вчера научился считать и наотрез отказался менять шкуры каланов по предложенным ценам. Он стал ждать.

Американцам уходить без мехов было не с руки — потратиться на снаряжение судна, пройти 15 тысяч морских миль и вернуться пустыми — слишком накладно. Вести торговлю с туземцам выгодно, но долго, да и небезопасно, а Баранов — оптовый покупатель и человек известный. В результате Баранов вместо каланов отдал лисиц — и сделка стоимостью в 12 тысяч рублей состоялась.

«Расторжки» на Кадьяке продолжились — так, в 1802 году англичанин Барбер и американец Эббетс продали Баранову товаров на 70 тысяч рублей. Когда Баранов перебрался в 1805 году на Ситху, иностранные корабли стали приходить еще чаще. Всего по подсчетам компании при Баранове было куплено у иностранцев товаров на сумму 1 миллион 170 тысяч рублей.

Покупали в первую очередь продовольствие: муку, сахар, сахарный песок, соль, солонину, пшено, кофе, патоку, вино, ром, уксус, пиво; из непродовольственных товаров — мыло, смолу, ружья (особенно ценились

те, что со штыками), а также товары для обмена с туземцами: виргинский табак, китайку, фриз, одеяла. Приобретали и суда: с 1803 по 1811 год были куплены «Юнона», «Кадьяк» (ранее назывался «Миртель»), «Ильмень» («Леди»), «Беринг» («Атаелпия») и «Аметист». За всё платили шкурами морских и речных бобров, котиков, выдр и лисиц.

Случались и потери, как в истории с О'Кейном. Этого молодца Баранов хорошо помнил с тех времен, когда тот приходил к западному побережью Америки штурманом на «Энтерпрайзе». В 1806 году, появившись у берегов Ситхи уже капитаном, он предложил Баранову вести совместный промысел у берегов Калифорнии, а добытые меха разделить поровну. После нападения колошей на Михайловскую крепость Баранов опасался отправлять промысловиков в море и согласился на предложение О'Кейна. Для промысла он выделил людей с Уналашки и на сорока байдарках отправил их на юг, к 30 градусу северной широты, где американец обещал изобилие пушного зверя рядом с не известным никому, кроме него, островом. Несмотря на то что «чудный» остров оказался обманом, у берегов Калифорнии зверя добыли достаточно, и Баранов отправил двух приказчиков в Кантон обменивать меха на продовольствие.

Однако капитан ловко избавился от приказчиков и продал меха в Кантоне сам. На какую сумму — неизвестно, но явно себе не в убыток. На вырученные деньги он купил китайских товаров и повез их на Камчатку, где продал тамошним купцам на 200 тысяч рублей. Но на пути к Кадьяку попал в шторм и погиб вместе с остальным грузом.

Директора компании пришли в негодование, назвав такую торговлю «почти в убыток». Резанов, который был в это время в Америке и узнал обо всей истории из первых рук, сделал следующий вывод: «Обманул ли Окенин г-на Баранова или тот должен был воспользоваться обманом его, оставляю судить в. с-ву», — докладывал он министру Н. П. Румянцеву. Но главное не это, а то, что люди в селениях тогда умирали с голоду и «несколько бочек привезенной Океином муки подкрепили жизнь их».

Так Баранов и торговал с иностранными купцами, будто вел судно между двух скал: и людей нужно было накормить, и не давать повода правлению компании думать, что он хочет их разорить.

Война с колошами

В конце июня 1802 года в Павловскую гавань Кадьяка вошел английский бриг «Юникорн». Баранова на острове в тот момент не

оказалось, однако капитан Генри Барбер настаивал, что будет вести торг только с правителем. Вскоре выяснилось: колоши, воспользовавшись тем, что почти все мужчины ушли на промысел, захватили Михайловскую крепость, перебили ее защитников и разграбили склады. Несколько человек сумели спастись и добрались вплавь до английского корабля, стоявшего на рейде.

— Я выкупил пленников из рук кровожадных варваров, — сообщил Барбер, — одел их и накормил и теперь ожидаю от господина Баранова должного вознаграждения за понесенные мною убытки. Пятьдесят тысяч наличной монетой или мехами будут хорошей ценой за мой товар.

Немедленно послали за Барановым. Всё это время пленники находились у англичан, и ощерившийся пушками борт «Юникорна» был весомым аргументом в этом торге.

Когда появился Баранов, он уже знал, что Барбер никого не выкупал. Они были давние знакомые с капитаном, ловким пройдохой и авантюристом. Барбер был известен тем, что водил свой корабль под разными названиями: при заходе в британские порты и к «цивилизованным» соседям он назывался «Юникорн» («Unicorn») — «Единорог», а на «варварские» Гавайи и в Китай приходил как «Чирфул» («Cheerful») — «Бодрый». Баранов подозревал, что этот «бодрый единорог» и два американских судна как-то уж очень кстати оказались у западного побережья именно в тот момент, когда индейцы расправлялись с немногочисленными защитниками крепости. Правитель русских колоний хорошо помнил разговоры с «бостонцами», которых он увещевал не продавать оружие колошам; но немалая прибыль от продажи оружия убеждала американцев больше, чем его аргументы. Не их ли ружья и пушки сейчас добивали его людей?

Заработав на продаже оружия, англичанин и американцы решили купить у тлинкитов еще и меха из разграбленных русских складов. Когда индейцы вышли в море для торговли, капитаны дали по их каноэ несколько залпов картечью, после чего приказали выловить выживших. Среди них оказался Котлеан, племянник тойона Скаутлелта — того самого, у которого Баранов выкупил землю под крепость. Барбер вывел Котлеана на палубу и передал тойону: если тот не пришлет взятых в крепости пленников и захваченные у русских меха, его племянник украсит собой нок-рей «Юникорна». Для убедительности он приказал тут же повесить одного из индейцев, после чего вождь передал пленных — 18 женщин и пятерых мужчин.

И вот теперь «гуманист» Барбер требовал 50 тысяч за их

освобождение. Пока шел торг, Баранов всё пытался найти ответ на мучивший его вопрос: что подтолкнуло колошей к нападению на крепость? Индейские информаторы Кускова предупреждали о готовившемся нападении, неужели Медведников не прислушался к их сообщениям? А может, это бостонские купцы со своими ружьями и пушками вдохновили колошей на войну? Так и не найдя ответа, Баранов приказал приготовить в гавани пушки и передать Барберу, что платить 50 тысяч не будет.

Торг шел долго. Наконец Барбер уступил пленных за десять тысяч — из «сострадания». Когда освобожденных перевезли на остров, Баранов услышал жуткие подробности о гибели ситхинцев, которых колоши мучили перед смертью. Всего в крепости проживало около трехсот человек, включая женщин и детей, и лишь немногим из них удалось спастись. Как выяснилось потом, среди нападавших были не только индейцы, но и американские матросы. Когда-то дезертировавшие со своих кораблей, они были приняты на службу в компанию, а затем, переметнувшись к индейцам, рассказали им подробности жизни в крепости и назвали число ее защитников.

Святитель Иннокентий (Вениаминов), который прожил в Америке безвыездно 15 лет, не считал колошей «народом зверским и кровожадным», он объяснял их мстительность не чрезмерной раздражительностью, а соблюдением древнего, свойственного многим язычникам обычая «кровь за кровь». Любое столкновение с ними неизбежно приводило к мщению, а причины конфликтов с «ануши» — так колоши называли русских — были «весьма естественными и уважительными», по мнению индейцев.

Племя тлинкитов состояло из двух больших родов — как сказали бы сегодня этнологи, фратрий: Ворона (Эля) и Волка (Канука). К первому относились киксати (киксади), ко второму — циткуяти. Оба рода делились на шесть поколений или колен, имевших каждое свой тотем — знак, сделанный из дерева или шкуры соответствующего животного; род Волка объединял поколения Волка, Медведя, Орла, Косатки, Шарки (Акулы) и Старичка (так назывался небольшого размера морской петушок); род Ворона — поколения Ворона, Лягушки, Гуся, Сивуча, Филина и Кижуча. Каждое поколение имело территорию, границы которой строго соблюдались. Зачастую роды и поколения враждовали не только с «белыми» — испанцами, французами, русскими, англичанами и американцами, — но и между собой. Всё это, справедливо считал священник, необходимо было учитывать при выстраивании отношений с колошами.

Баранов готов был немедленно идти освобождать Ситху, но колошей

были сотни, и ради захвата крепости они даже на время прекратили внутренние распри. А у него как всегда — «малолюдство».

Спустя две недели прибыл из Якутата Кусков, привез еще нескольких алеутов, бежавших из разоренной Ситхи. Баранов обрадовался и тому, что верный помощник жив и что Новороссия уцелела, и начал сборы в поход.

Наступала осень — время штормов, и Кусков уговорил правителя отложить экспедицию, а за это время построить в Якутате два новых парусных судна и набрать побольше людей. Как ни хотелось Баранову немедленно наказать колошей, но он прислушался к совету верного сподвижника и согласился ждать.

Как будто в поддержку Баранова, в марте 1804 года на Кадыяк пришло радостное известие: указом от 1802 года (два года шла новость из столицы!) Баранов возводился в коллежские советники. Это была высокая награда — VI класс в Табели о рангах соответствовал чину армейского полковника и требовал обращения «ваше высокоблагородие». Его и дворяне выслуживали не один год, а купцы могли получить только за особые заслуги. Так Баранов и сам становился дворянином, и передавал принадлежность к этому сословию своим наследникам. Теперь он мог говорить на равных не только с «искусными» штурманами, вроде подпоручика Талина, но и с офицерами военных кораблей. Вместе с чином он получил и новую должность — теперь он именовался не управляющим Кадыякской конторой, а главным правителем всех русских селений Америки, ему подчинялись правители контор на Уналашке, Кадыяке, Ситхе и образованного в 1812 году селения Росс.

Воодушевленный высокой наградой, он стал готовить экспедицию. Собрав 300 алеутов с Кадыяка и соседних островов на байдарках, посадив промысловиков на суда «Екатерина» и «Александр Невский», Баранов вышел весной 1804 года из Павловской гавани. В Якутате к нему присоединился Иван Кусков — он построил, как и обещал, два новых судна. Одно Баранов назвал «Ростислав», другое — «Ермак», на нем-то он и пошел покорять Ситху, как когда-то Ермак покорял Сибирь. Вскоре Баранов узнал еще об одном событии — к Америке подходил военный шлюп «Нева» под командованием капитан-лейтенанта Ю. Ф. Лисянского. Баранов ожил — с военными моряками и пушками шлюпа шансы отбить крепость заметно возрастали.

В сентябре подошли к Ситхе. Баранов предложил высадить десант и настаивал на участии матросов и офицеров «Невы», но Лисянский возражал: каждый человек экипажа был на счету — с кем ему идти в обратный путь? Он предложил подвести корабль как можно ближе к берегу

и обстрелять крепость из корабельных пушек, а затем начать переговоры с колошами. Баранову такая несговорчивость не понравилась, он привык сам принимать решения, но спорить он не стал.

Однако колоши идти на мировую отказались и тем более уходить из крепости. Там засели не меньше пятисот человек, многие с ружьями, притащили с собой даже пушки. Теперь Баранов настаивал на высадке десанта и штурме крепости. Как ни хотелось Лисянскому давать своих людей, но пришлось.

Вот как он описал укрепленный тлинкитами форт: «Ситкинская крепость представляла неправильный треугольник, большая сторона которого простиралась к морю на 35 сажен. Она состояла из толстых бревен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые бревна длиной около 10 футов, наклоненные на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими, также толстыми бревнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу — двое ворот. Среди этой обширной ограды... четырнадцать барабор (домов), весьма тесно построенных».

Решено были идти на штурм с разных сторон; одну группу повел лейтенант Арбузов, другую — мичман Повалишин и Баранов. Атакующие тащили за собой на веревках четыре пушки, время от времени останавливались и стреляли по крепостным стенам и воротам. Но, как заметил Баранов, колоши соорудили частокол из «претолстого» — в два и более обхвата — леса, и ружейные пули застревали в бревнах; свои бараборы индейцы предусмотрительно поставили в низине, так что ядра пролетали над ними, не причинив никакого вреда. В какой-то момент крепостные ворота распахнулись и не менее сотни вооруженных колошей бросились на оба отряда, превратившись из осажденных в атакующих. Кадьякцы дрогнули и побежали, но моряки во главе с Арбузовым продолжали отстреливаться.

Лисянский, внимательно следивший за происходящим, отдал приказ зарядить пушки картечью. Если бы не его поддержка, неизвестно, чем закончилась бы попытка штурма.

На корабле подсчитали потери: три матроса убиты, 14 человек ранены, среди них Повалишин — в грудь и Баранов — в руку. Подавленный неудачей главный правитель молчал. После штурма он призвал к себе алеутского тойона Нанкока и принялся распекал его за трусость.

— Виноват, Александр Андреевич, — оправдывался тот, — но вперед не пойду.

— Знаю, что вперед не пойдешь. — Баранов поморщился, поудобнее укладывая простреленную руку. — Но по крайней мере не беги назад, не показывай дурного примера остальным!

Когда вошли в оставленную колошами крепость, поднялась стая ворон и долго, с криками, кружила над казармой. В углу казармы увидели жуткое зрелище, от которого даже у повидавших немало в своей жизни моряков застыла кровь в жилах: «Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситхинцы предали их всех смерти».

Лисянский и Баранов нашли брошенные фальконеты, рассыпанные по двору ядра и безлюдные бараборы, и только возле одной сидели две дряхлые старухи.

Новую крепость Баранов поставил на высоком утесе, что в тех местах называли «кекуром», на том самом месте, которое облюбовал пять лет назад, и назвал Новоархангельской. А старую приказал сжечь, чтобы она не напоминала никому о страшных событиях.

Когда Лисянский на следующий год вновь привел корабль к острову, Новоархангельск было не узнать: «К величайшему оному удовольствию увидел удивительные плоды неустанного трудолюбия Баранова. Во время нашего короткого отсутствия он успел построить восемь зданий, которые по своему виду и величию могут считаться красивыми, даже и в Европе. Кроме того, он развел пятнадцать огородов вблизи селения». Строили дома из камня и кирпича, в иной год его изготавливали до шести тысяч штук.

Лисянский как человек военный, имевший опыт боевых операций, высоко оценил не только труды Баранова, но и его дальновидность при выборе места для новой крепости. «Местонахождение его при самом небольшом укреплении будет неприступным, а суда, под прикрытием пушек, могут стоять безопасно. Новоархангельск, по моему мнению, должен быть главным портом Российско-Американской компании, потому что, исключая вышеупомянутые выгоды, он находится в центре самых важных промыслов». Из окон дома главного правителя, что располагался на высоком берегу, были хорошо видны и Ситхинский залив, и приходящие в гавань суда, и жизнь в селении под стенами крепости. Еще не один год проведет Баранов в этом доме, «в добровольном заточении», как говорили о себе русские, оказавшиеся в Америке.

Тихменев, автор первой и фундаментальной работы об истории Русской Америки, и вовсе связал возвращение Ситхи с возможностью дальнейшего существования компании: если бы Баранов не смог в 1804 году вернуть «оседлость» на острове, доходы от промысловой деятельности могли уменьшиться катастрофически и компания бы

разорилась. Так что объяснять стремление Баранова вернуть Ситху одним лишь его властолюбием и упрямством едва ли правильно.

«Брак по расчету»

Чтобы Баранова не обманывали откровенные прощелыги вроде О'Кейна, посол России в США^[7] надворный советник А. Я. Дашков посоветовал правителю заключить долгосрочный договор о поставках продовольствия с одной из американских компаний. В качестве компаньона он предложил Дж. Дж. Астора — человека известного, состоятельного, основавшего Американскую меховую компанию, будущего миллионера и одного из четырех самых богатых за всю историю США людей. Астор как раз собирался в 1809 году отправить корабль к северо-западному побережью Америки для торговли с туземцами, когда с ним познакомился Дашков. Дипломат составил список необходимых в русских поселениях товаров и предложил Астору «завести прямой и постоянный торг» с Барановым. Глава компании согласился и товары, указанные Дашковым, загрузили на корабль «Энтерпрайз».

В письме, отправленном с капитаном Дж. Эббетсом, Астор подробно объяснял, почему Баранову выгодно торговать с Американской меховой компанией: «Вы впредь ежегодно будете регулярно получать необходимые вам товары от единственного поставщика из нашей страны» и таким образом избавитесь от «многих авантюристов, которые отправляются на побережье из нашей страны». Кроме того, получите возможность на американских кораблях и через агента Астора сбывать меха в Кантоне. При этом «товар останется в одних руках, что позволит легче поддерживать цену и принесет нам обоюдную выгоду». Китайские власти в это время под разными предлогами запрещали русским судам заходить в свои порты, и приходилось прибегать к услугам иностранцев.

Не только Баранову, но и Астору такое соглашение было очень выгодно: во-первых, он получал постоянного и, главное, оптового покупателя, который расплачивался мехами; во-вторых, торговля с Барановым была предсказуемой, в отличие от обмена с воинственными индейцами; и, наконец, Астор рассчитывал на солидную плату за фрахт судов. Все это делало будущую договоренность очень привлекательной для «американского спекулятора», как называл его Дашков. Дипломат наблюдал жизнь этой страны на протяжении многих лет, он хорошо знал культурный уровень и запросы политической элиты и всего населения,

когда формулировал их главную национальную идею: «золото — вот тот ключ, с помощью которого двери открываются в этой стране легче, чем в какой-либо другой».

Однако Баранов не управлял компанией и не входил в совет директоров, чтобы принять решение. А в Петербурге, похоже, больше беспокоились о том, как поделить дивиденды и выплатить друг другу премии, чем о снабжении своих заморских территорий продовольствием. Тогда Дашков отправил письмо директорам, где объяснял, что Русско-американская компания не должна остаться внакладе, подписав договор с Астором: покупка продовольствия на месте, у западного побережья, обойдется компании дешевле, чем доставка из Сибири или на судах вокруг света. И продажа мехов в Кантоне, хотя там их ценили дешевле, чем в Кяхте, тоже обещала немалую прибыль.

Свои письма Баранову Дашков непременно завершал новостями, которые до американских селений доходили с опозданием на год, а то и на два. Вот что он писал осенью 1809 года: «В Европе еще горит война, Бонапарте почти разрушил Австрию. Ежедневно ожидаю известия, что российские войска заняли Турцию. Война со шведами еще не кончилась... Торговля в плохом состоянии. Соединенные Штаты с Россиею, кажется, имеют взойти в торговую связь». Дашков считал, что этот шанс нужно использовать, тем более что русские селения в Америке нуждались в продовольствии.

Была в этой переписке и своя пикантная подробность: обсуждение будущей сделки с американцами Баранов и Дашков пересылали в письмах... на американских кораблях. Выручало то, что русского языка американские моряки не знали, как, впрочем, и никакого другого, кроме родного. Это русские дворяне-офицеры свободно говорили по-французски, изучали в Морском корпусе английский и еще самостоятельно брали уроки итальянского или испанского. А купцы, как и матросы, языков не знали, и нередко случались истории, когда мореходы нанимались в России на иностранные корабли, идущие в Америку, а потом, если судовладельцы продавали свой груз вместе с судном в порту, оказывались брошенными в чужой земле без средств и знания языка. Дашков не раз помогал несчастным вернуться на родину и жаловался в своих письмах в Петербург на недобросовестных судовладельцев.

Американские корабли шли от восточного побережья Америки к западному не через Панамский канал (его тогда еще не прорыли), а огибая материк, и на плавание уходило не менее полугода. Так что «Энтерпрайз» подошел к берегам Ситхи только летом 1810 года. Эббетс огорчился,

увидев, что его судно было не единственным, там уже стояли на якоре несколько английских и американских, с капитанами которых Баранов был хорошо знаком и давно вел с ними торговлю. «Тамошние места уже стали бойким рынком», — сообщал Эббетс в письме Астору, в иной год к Новоархангельску приходило по 15 иностранцев.

Баранов прочитал письмо Дашкова, но покупать у Эббетса товары отказался: цены были сильно завышены. Баранов решил воспользоваться тем, что предложение превышало спрос: если он не сговорится с Эббетсом, то сговорится с кем-то еще. В результате «я добился тех же цен, — докладывал капитан, — что платили и прибывшие до меня капитаны — это все, что мне удалось сделать».

Однако не все купцы следовали законам рынка, некоторые действовали по законам джунглей. Капитан Уиншип, который привел судно «О'Кейн» вслед за Эббетсом, оказался «разочарован» тем, что его опередили в торговой сделке. Вскоре случилась стычка между моряками с судна Уиншипа и туземцами, и кто-то из команды убил несколько индейцев. Эббетс, понаблюдав происходящее, предположил: «По-видимому, по всему побережью решено не давать больше охотиться туземцам, и вы можете не сомневаться, что на это команды подбивает кто-то из торговцев».

Баранов купил у Эббетса продовольствие и согласился, как советовал ему консул, отправить в Кантон меха. За каланов, норок, соболей, песцов, лис в Китае покупали сахар-леденец, пшено, рис, чай, ткани хлопчатобумажные и шелковые (последние шли в основном на подарки).

Правда, доставка мехов в Кантон обошлась Баранову недешево: за фрахт судна пришлось заплатить дважды — туда и обратно, что составило 5 процентов стоимости товаров или 18 тысяч долларов. Часть этих денег Эббетс получил в Кантоне, часть — в Ситхе, но не монетой, а мехами. Расходы на доставку Баранов компенсировал тем, что продавал привезенные из Китая товары в розницу с наценкой в 60 процентов. В целом Баранов остался доволен сделкой, особенно его порадовало, как аккуратно Эббетс вел расчеты и делал записи — бумажная работа не была сильной стороной главного правителя.

Но заключать долгосрочный договор с Астором Баранов все же отказался: и директора компании инструкции ему не прислали, и прејскуранта на все американские товары он пока не видел. «Не зная цен, — писал Баранов Астору, — я возможно буду ввозить товар, который обойдется мне дороже, чем тот, что я время от времени покупаю здесь». Баранов хитрил: пока есть несколько продавцов, он может торговаться, останется один Астор — придется покупать продовольствие по той цене,

которую назовет американец. Он даже сообщил, что собирается уезжать из Америки домой и торговать с Американской меховой компанией будет уже другой правитель. Астору присылать прейскурант тоже было невыгодно, по его предписанию капитаны должны были торговаться исходя из ситуации.

Интересно, что обсуждали свою сделку Баранов и Эббетс в присутствии еще одного участника — капитана В. Головнина, которому пришлось поработать переводчиком. Сначала он переводил их беседу с английского на русский и обратно, а потом Баранову читал письмо Астора, написанное по-французски. Баранов не был склонен к долгим беседам и вообще оказался не слишком разговорчив, как признался Эббетс, а вот от Головнина он «что-то узнал», намекая на некую секретность информации. После чего Баранов, по словам американца, «отчитал» командира «Дианы», и тот «стал не так общителен».

В записках Головнина версия событий предстает, можно сказать, в зеркальном отображении: это он сумел невзначай прочесть инструкцию Астора, которая лежала среди прочих бумаг, и пересказал ее содержание Баранову. «Намерения господина Астора в отправлении корабля своего для торговли с компанейскими колониями, — заключил Головнин, — не были так чисты и не совсем клонились к обоюдной пользе, как то он сам и г. Дашков представляли их». Любопытна такая деталь: Астор кем только не величал Баранова в своем письме — и губернатором, и графом, и «вашим превосходительством», хотя, конечно, прекрасно знал от Дашкова чин и название должности Баранова. «Это показывает, что и свободные, независимые республиканцы там, где выгоды их требуют, умеют льстить нашему честолوبию», — точно заметил Головнин.

Что же, ничего необычного в намерениях основателя меховой компании не было, русская поговорка «не обманешь — не продашь» вполне выражает их суть. Как любой делец, Астор хотел извлечь максимальную выгоду из торговли с Барановым, однако сделать это оказалось не так просто.

Эббетс оставался в Новоархангельске до осени и еще не раз встречался с главным правителем. По мнению американца, власть Баранова в тех краях «безраздельна», и все стараются расположить его к себе, кто лестью, кто спиртным, а кто подарками. Американец тоже постарался использовать эти способы. Сначала он подольстил, сказав, что племянник Баранова хорошо говорит по-английски, хотя тот еще только учился языку. Потом попытался напоить Баранова — Астор отправил для «установления контактов» целый бочонок рома. Баранов отдался — отправил сплетенный местными женщинами кошелек из растений и свою шапку из

камчатских соболей, извинившись, что ничего, кроме мехов, у него нет.

Американцы и англичане рассказывали, как в русских колониях «местные, особенно простолюдины... пьют в невероятном количестве». Однако напоить Баранова американцу не удалось — для этого «нужно иметь хорошее здоровье», признался капитан. Не только напоить, даже просто расположить его к себе оказалось «дело нелегкое». Но одно известие все же должно было утешить Астора — можно попытаться договориться с правителем на следующий год, и главное — раз договорившись, можно не сомневаться: Баранов договор выполнит: «По отзывам людей, которые имели с ним дело, на его слово можно положиться».

Договор действительно подписали — в 1812 году между двумя компаниями была заключена «Конвенция» сроком на четыре года. Астор обязывался подвозить в Новоархангельск «жизненные продовольствия и разные другие вещи» по ценам, которые установят вместе главный правитель Баранов и торговые агенты Астора. Меховая компания также брала на себя обязательство возить на своих судах меха в Кантон, а Российско-американская компания — не покупать товары у капитанов других судов. Разграничили и территорию промыслов между двумя компаниями: «где та Меховая компания заведет свое дело и оседлость в северо-восточной части Северной Америки или учредит свои промыслы», там компании «не промыслять зверей и торг с тамошними индейцами не производить». Также обе компании обязались не продавать оружие индейцам.

Не всегда всё складывалось так, как было написано в договоре. В 1812 году началась война между Британией и США, которая длилась два года, и последовавшее за ней обоюдное эмбарго воюющих стран осложнило и без того непростое положение с продовольствием в Русской Америке.

Ну а директора Российско-американской компании неизменно проявляли недовольство: и товары-то привозят не «жизненно важные» — вместо парусины и канатов один ром, которого у Баранова «препропасть стоит», и он, то есть ром, «усыхает», и фрахт-то слишком дорог, и пиастры-то Баранов считает по два рубля, а нужно, как в Петербурге, по пять с полтиной. Словом, как сетовали директора, «наша невольная связь с Меховой компаниею поистине не обещает истинно полезного».

О желании уехать из Америки Баранов писал и говорил давно. В 1806 году Резанов докладывал министру Румянцеву: «Я должен сказать в[ашему] с[иятельству], что он далее мая будущего года ни за что не остается и убедительно просит меня Главное управление известить о том. Жаль и крайне жаль лишиться сего достойного человека, за которым и все лутчие люди не упустят выехать». Но годы шли, а смены всё не было, и главный правитель успел состариться на своем посту — в 1816 году ему исполнилось 70 лет.

В 1817 году на корабле «Кутузов» в колонии прибыл капитан-лейтенант Леонтий Андрианович Гагемейстер. Прожив всего два месяца в Америке, он сообщил Баранову, что тот должен сдать ему дела. Нельзя сказать, чтобы это прозвучало громом среди ясного неба — Баранов много лет ждал преемника, но компания никак не подготовила правителя, заслужившего 28-летней службой более чуткое и уважительное к себе отношение. Долго он переживал и свою неудачу на Сандвичевых (Гавайских) островах, слух о которой достиг Петербурга. О его обмене подарками с тамошним королем и попытке доктора Шеффера основать поселение на острове Атуай (Кауаи) только ленивый не высказывал насмешек и не отпускал язвительных замечаний.

Баранов начал безропотно сдавать дела. Вот тогда-то и выяснилось: недостачи не было ни в чем, даже наоборот — и денег, и товаров по всем позициям оказалось в наличии больше, чем значилось в документах. Гагемейстер не поверил — ведь слухи о воровстве в колониях доходили до Петербурга, о жестокости же самого главного правителя даже слагали легенды. Он начал сличать приходные ведомости не только с расходными, но и документами, которые подавали шкиперы всех пришедших иностранных кораблей. Результат был тот же. В одном только реме нашли значительную недостачу, но приписать его расход сильно не молодому правителю ни у кого из проверяющих не хватило духу.

Баранов так привык жить на краю света, что уезжать уже не хотел. Он готовился, сдав дела, переселиться со своей семьей в Озерский редут, который располагался в 30 верстах от Новоархангельска, чтобы там окончить свои дни. Для него уже и дом в редуте отделявали. Однако все вышло иначе.

В это время Гагемейстер заболел и вознамерился вернуться домой на корабле «Кутузов», сдав дела лейтенанту Яновскому. Неожиданно он потребовал, чтобы Баранов тоже покинул колонии и отправился вместе ним в Петербург. Баранов тяжело болел в это время, он не собирался в дальний путь, но принял этот новый удар стоически — только попросил разрешения

взять с собой племянника и двух служителей.

Прощаться с ним приехали все тойоны местных племен, даже его старый враг Катлеан, с которым они когда-то воевали за Ситху. Баранов пользовался таким уважением среди местных племен, что нередко туземцы приезжали в Новоархангельск, чтобы только увидеть этого необыкновенного человека. Он мог бы нажить состояние в колониях, мог бы — но не нажил. Жажда богатства и накопительство были глубоко чужды ему. Он приехал в Америку нищим — и нищим уезжал из нее. И это было удивительно для всех, кто посвятил свою жизнь стяжательству.

До Петербурга он не доехал — умер в пути, сойдя на берег в Батавии (Джакарта) 16 апреля 1819 года. Его тело по морскому обычаю опустили в воды Индийского океана.

«Приняв в 1791 г. небольшую артель в Трехсвятительской гавани острова Кадык, — писал Хлебников, — он оставил в 1818 г. главную факторию в Ситхе, постоянные конторы для управления дел в Кадыке, Уналашке и Россе и отдельные управы промышленности на островах Прибылова, в Кенайском и Чугацком заливах». Когда окидываешь взглядом сделанное Барановым за 28 лет, при полной неустроенности вначале, малому числу людей, на которых можно было опереться, то поневоле проникаешься уважением к человеку, напоминавшему своими подвигами титанов древности и героев античности, слава которых запечатлена в мифах и преданиях.

Иван Кусков

Строитель крепости Росс

Надежный помощник

Баранов не раз повторял: если бы у него было 200 расторопных и отважных человек, он бы покорил все американские племена вплоть до Калифорнии. Но стольких помощников у него не было. Зато был один, стоивший сотни — Иван Александрович Кусков. С ним Баранов действительно дошел до Калифорнии и основал Росс — самую южную крепость в Русской Америке.

Родился Иван Кусков в 1765 году в городе Тотьма, что относится ныне к Вологодской области. Когда ему исполнилось 22 года, он отправился в далекую Сибирь. Как писал первый биограф Кускова Е. Кичин в «Вологодских губернских ведомостях» в 1848 году, тотемский мещанин «нрав имел веселый, в обхождении с людьми был ласков, в исполнении верен».

В Иркутске Кусков познакомился с Барановым, который готовился отплыть в Америку. Надежность и неунывающий характер Кускова как нельзя более подходили для суровой жизни, и Баранов предложил ему роль своего помощника.

Двадцатого мая 1790 года они заключили договор. Кусков взял на себя обязательство быть у Баранова «в услугах при коммерческой должности» и следовать за ним до Охотска, а оттуда — «к американским берегам в Компанию промысла гг. Голикова и Шелихова». Содержание Кускова брал на себя Баранов и плату за труды назначал солидную — один пай и жалованье 100 рублей в год. Однако деньги, заработанные Кусковым, доставались не ему, а поступали в уплату долга А. Нератову, купцу из Тотьмы. Долг был огромный — 1690 рублей, для его покрытия из жалованья Кускова ежегодно вычитали 75 рублей, а из пая он обязался ничего не получать до тех пор, пока не расплатится по долговому обязательству. Двадцать два года он выплачивал свой долг — столько он прожил на Аляске, еще десять лет провел в Калифорнии, а всего в Америке — больше половины своей жизни.

Куда только он не отправлялся и какие поручения не выполнял! В 1796

и 1800 годах он оставался на Кадьяке, когда Баранов уезжал в другие поселения, в 1806–1808 — замещал правителя в Новоархангельске. В 1798 году он был назначен начальником только что основанного Константиновского редута на острове Нучек в Чугацком заливе. Когда на острове начались разборки с поножовщиной в давно брошенной артели П. Лебедева — Ласточкина, Кусков сумел там навести порядок, самых беспокойных отправил в Охотск, остальных взял на службу в компанию.

Он, по словам П. А. Тихменева, «командировался, куда потребует нужда и обстоятельства»: отправлялся вместе с алеутами на промыслы, ходил с Барановым на штурм крепости, захваченной колошами, при его непосредственном участии были построены в 1804 году суда «Ермак» и «Ростислав», в 1807-м — бриг «Ситха», на следующий год — трехмачтовое судно «Открытие» и шхуна «Чириков», в 1818-м — галиот «Румянцев», в 1820 году — бриг «Булдаков».

В 1805 году с кругосветной экспедицией Крузенштерна и Лисянского в Новоархангельск прибыл один из учредителей Российско-американской компании, камергер и зять Шелихова Н. П. Резанов. Он был назначен посланником в «самоизолировавшуюся» Японию, но установить дипломатические отношения с этим государством ему не удалось. Впрочем, их не удалось установить и дипломатам из других стран.

Второй целью его визита в Новоархангельск было оценить состояние дел в русских колониях и «произвести торговые опыты». Увиденное глубоко потрясло Резанова. Он назвал положение поселений «гибельным»: голод, цинга, неизвестная эпидемия «горячки и сыпи», косившая людей, нападения колошей, из-за которых алеуты и промысловики боялись выходить в море за рыбой и зверем. К моменту его приезда в Новоархангельске уже умерли 17 человек и еще шестьдесят лежали обездвиженными от цинги. Пришлось ему не ревизию проводить, а помогать Баранову спасать людей. Резанов купил у американского капитана Джона Д'Вулфа бриг «Юнона» вместе с находившейся на борту провизией — ее хватило на первое время — и отправился в Калифорнию налаживать контакты.

Виноград и персики из Росса

Территория эта принадлежала тогда Испании и называлась Новая Испания. Она делилась на Верхнюю или Новую Калифорнию (ныне — штат Калифорния в США) и Нижнюю или Старую (ныне — часть

Мексики). Резанов увидел у ее побережья немало морских зверей, оценил теплый климат и плодородные почвы — всё это делало Калифорнию очень привлекательной для России. К тому же земли к северу от Сан-Франциско, которые Фрэнсис Дрейк назвал Новым Альбионом, не были еще заселены ни испанцами, ни англичанами.

Резанов был первым русским дипломатом, прибывшим устанавливать отношения с испанскими колонистами. Он познакомился с губернатором Новой Калифорнии Хосе Арильейгой, подружился с семьей коменданта крепости Сан-Франциско Хосе Дарио Аргуэльо, очаровал женщин благородными манерами, завоевал симпатии мужчин образованностью и умением разбираться в людях. Он даже успел обручиться с Марией Консепсьон, юной дочерью коменданта, которую родные звали Кончитой. В результате блестяще проведенной дипломатической операции Резанов увел от берегов Калифорнии нагруженную продовольствием «Юнону», которую так ждали в Новоархангельске.

Пока Резанов был в Америке, он воочию убедился в том, о чем много раз докладывал Баранов, — в настойчивых попытках американцев обосноваться в тех краях: «...подбирают права свои на берег сей». Его позиция в этом вопросе была жесткой — не вести никаких переговоров с правительством США о территориях и защитить русские поселения присутствием военных кораблей. «Усилите край здешний, они сами по себе оставят», — советовал он министру иностранных дел Румянцеву и добавлял: «Сожалеть буду, ежели министерство не вошло в это».

И еще Резанов предлагал найти в Калифорнии земли, не занятые другими державами, чтобы основать там крепость, засеять поля, разбить огороды, посадить сады и снабжать продовольствием поселения на Аляске. Баранов вполне разделял эту идею и уже подыскивал подходящее место на побережье. В 1803 году он отправил на разведку приказчиков Афанасия Швецова и Тимофея Тараканова в сопровождении двадцати алеутов. Они дошли до 33 градуса северной широты, охотились в бухте Сан-Диего и вернулись на Кадьяк с богатой добычей. Вдохновленный первым удачным опытом, Баранов в 1806–1807 годах послал еще несколько отрядов к калифорнийскому побережью.

Однако непосредственная близость территорий, принадлежащих испанцам, энергичные попытки американских купцов обосноваться в тех краях, а также присутствие на рейде Сан-Франциско французских и английских судов осложняли будущую экспедицию. Задача была не только военной и торговой, но еще и дипломатической; ее решение, считал Баранов, требовало присутствия в Калифорнии человека «весьма

благоразумного и тонкого». И потому он послал туда Ивана Кускова.

Первый отряд отправился к берегам Калифорнии на шхуне «Святой Николай» под командованием штурмана Николая Булыгина; второй — в октябре 1808 года — возглавил Кусков на «Кадьяке». Местом встречи назначили бухту Гравс у 47 градуса северной широты. Баранов дал своему верному помощнику наставление: «Осмотреть и описать весь берег тот от пролива де-Фука до Калифорнии во всей точности и положить на карту».

Осень — не лучшее время для выхода в море: ветры и штормы, сильные течения разбили не одно судно о россыпи камней вдоль побережья. Особенно опасны были, по мнению Кускова, «бурливые западные ветра и буруны у самого берега».

В ноябре «Кадьяк» добрался до острова Тринидад и встал на якорь. Участники экспедиции едва не погибли: «Судно находилось в великой опасности, ожидая ежеминутно несчастного приключения в разрушении онаго о камни». Потеряв оба якоря, решили поскорее оставить гиблое место. На берегу водрузили крест, рядом закопали сообщение для тех, кто плыл на «Святом Николае», что уходят южнее, в залив Бодега, не зная, что шхуна к тому времени уже разбилась.

Наступил декабрь. Судну требовался ремонт, и пока меняли такелаж и паруса, ждали «Святого Николая». Но он всё не приходил — и Кусков решил зазимовать.

В тех краях всего два времени года — зима и лето. Зима начиналась в ноябре — декабре проливными дождями, холодало, но температура не опускалась ниже нулевой, и снег ложился только на вершины гор. Лето приходило в марте — апреле. Вдоль всего побережья тянулся горный кряж, но если отъехать от берега всего на несколько верст вглубь и перевалить через горы, как будто оказываешься в раю: там не льют дожди и по утрам не опускаются холодные туманы, целый день сияет солнце и в окаймлении роскошных лиственных и хвойных лесов лежат просторные долины с сочной зеленой травой. Немудрено, что, пока чинили судно, несколько человек из команды Кускова сбежали в эти сказочные места. Сколько ни искали беглецов, так и не нашли.

Кусков особенно внимательно изучал побережье от мыса Мендосино до Сан-Франциско и в заливе Бодега, севернее Сан-Франциско, присмотрел удобное место, еще не занятое испанцами, о чем и сообщил Баранову, когда в октябре 1809 года вернулся в Новоархангельск. Василий Степанович Завойко, будущий военный губернатор Камчатки и герой обороны Петропавловска в Крымскую войну, побывав в тех местах, сравнил их с южнорусскими губерниями. «Залив Бодего (Бодега. — Н. П.) окружен

горами. Едва я поднялся на высоту одной из них, как мне представилась великолепная, необозримая пустыня — похожая на степь херсонской или другой подобной губернии. Нигде ни кустика, ни жилья, ни признака существования человека, и никакого разнообразия, — писал он о своем посещении Калифорнии в 1838 году. — Бодего по-испански значит шинок или гостиница, а в гостинице только мы одни и гостили. Матросы умели его перекрестить гораздо лучше. Они говорили: залив Бодяга, ранша-то (ранчо. — Н. П.) бодяга, и индейцы-то бодяги, да и всё-то это селение бодяга».

Вести там промысел оказалось очень прибыльно, о чем красноречиво свидетельствовало число привезенных Кусковым шкур каланов и морских котиков — около трех тысяч.

Второй раз он отправился из Новоархангельска на «Юноне» в 1810 году. Но у островов Королевы Шарлотты «с дикими американцами имели они сшибку», в результате неожиданного нападения большого отряда индейцев несколько промысловиков были ранены, один тяжело, и Кусков повернул обратно.

Когда он пришел в Новоархангельск, в гавани стоял шлюп «Диана», совершавший кругосветное плавание. По просьбе Баранова раненого перевезли на шлюп, и благодаря заботам флотского лекаря он выздоровел. В это время Кусков познакомился с В. М. Головниным, они много беседовали, Кусков рассказывал об увиденном им в Калифорнии, о тамошних климате, природе, особенностях течений; о местоположении удобных бухт и заливов, которые обозначил на карте; о туземцах и об их отношении к испанцам. К сожалению, дневники, которые Кусков вел в Америке, не сохранились, но внимательный и дотошный взгляд Головнина не упустил ни одной детали тех бесед. Благодаря запискам мореплавателя можно увидеть и разнообразие интересов Кускова, и его энергичность в исследовании Калифорнии, и благожелательность к коренным жителям. Головнин оставил о нем восторженный отзыв: «Он такой человек, которому подобного едва ли компания имеет другого в службе, и если бы во всех ее селениях управляли такие же Кусковы, тогда бы доходы ее знатно увеличились и она избежала бы многих нареканий».

Пять раз ходил Кусков к берегам Калифорнии. Наконец, в 1812 году, прибыв на построенном им судне «Чириков», он основал поселение Росс на труднодоступном для нападения участке побережья севернее залива Сан-Франциско, у небольшой бухточки — «под 38° сев. шир. и 123° вост. долг. (по гринвичскому меридиану) в 18 итальянских милях от порта С.-Франциско». Протекавшую недалеко речку называли Славянкой, а северную

часть залива Бodega — заливом Румянцева.

Уже 30 августа, в день тезоименитства императора Александра I, под залпы корабельных пушек и ружейные выстрелы над первыми сооружениями крепости взвился российский флаг.

Как возводили «крепостцу», как обживались в ней, Кусков подробно описал в донесениях Баранову, приложив план и рисунок нового поселения. Даже в докладе Главного правления компании, составленном на основе этих донесений, сохранился этот ни с чем не сравнимый дух первопроходчества. Вот отряд Кускова спускается с гор и из укрытия наблюдает за портом: «Переходя из Бodega горами в калифорнский порт Св. Франциско, скрытно осматривали тамошнее местоположение и были противу самой крепости гишпанской, не видели в нем ни одного ни военного, ни торгового судна, ни войска и, производя в самом заливе тамошнем скрытно промышленность морским зверям, находили везде сплошную тишину». Вот встречаются в горах с испанскими солдатами и монахом, от которых узнают, что «Калифорния не признаёт еще ничьей верховной власти, кроме короля Фердинанда VII, с именем коего носят и кокарды, из коих одну выпросили себе». Вот едва избегают нападения индейцев — те приняли их за испанцев, но, узнав о своей ошибке, «свободно допустили путешествовать». Из этого эпизода Кусков сделал важный вывод: туземцы «обладателями своими недовольны».

Еще в 1811 году Кусков познакомился с тойонами местных индейских племен, раздал им медали и договорился о передаче территории для поселения. Баранов докладывал в Главное правление: «Уступка, сделанная главным тойоном, дает Российско-американской компании само собою право на занятие, ибо хотя берег сей усмотрен был испанцами давно, не сделано было однако ими никакого покушения заводить связи с жителями, кои, понаслышке о тиранстве их над индейцами в местах, вблизи от залива Святого Франциска лежащих, имеют полное право ненавидеть и страшиться их, тогда как г. Кусков не отягощает никого из них и ничем. По сродству с кадьякскими алеутами калифорнийские индейцы иногда приходят помогать им при выгрузке из байдар...»

Со временем алеуты Кадьяка стали брать в жены индианок Калифорнии, эти браки укрепляли связи двух народов и делали проживание в Россе более безопасным. Кусков с небольшими отрядами активно осваивал пустынные земли. Они поднимались на сотню верст по реке Сакраменто, исследовали западные склоны хребта Сьерра-Невада; открыли двуглавую гору, назвав ее Счастье; увидели вулкан, изумились исполинским размерам секвойи, нашли пригодный для судостроения лес;

открыли залежи железной руды, обсидиана, сиенита, змеевика — словом, за те десять лет, что Кусков служил правителем Росса, узнали о Калифорнии больше, чем не интересовавшиеся ее изучением испанцы за столетия своего пребывания там. Как здесь не вспомнить слова Карамзина: «Любопытство деятельного ума имеет рай свой, неизвестный умам робким и ленивым»!

Отношения с соседями-испанцами поначалу складывались вполне дружески, велась активная торговля, как во времена Резанова. Но затем возникла напряженность: испанцы препятствовали морской охоте алеутов, расставляли караулы около источников питьевой воды, неоднократно требовали от Кускова покинуть территорию. Промыслом в заливе Сан-Франциско можно было заниматься только с их разрешения, отдавая половину добытых мехов. Случались и открытые конфликты. Так, в 1817 году после того как испанцы захватили в плен нескольких алеутов, охотившихся в море, Баранов отправил к губернатору Калифорнии лейтенанта Якова Подушкина на шхуне «Чириков», после чего пленных вернули. Однако губернатор потребовал от Кускова, чтобы русские оставили Росс на том основании, что все земли Калифорнии принадлежат «короне испанской».

В. М. Головин, бывший в то время в Русской Америке, так описал эту ситуацию: «...г. Кусков сначала не знал, что ему делать по непривычке в сношениях такого рода, не зная при том ни одного иностранного языка; но [так] как ему хорошо было известно, сколь слабы и презрительны те силы, коими губернатор может располагать, то он дал ему короткий и смелый ответ, что селение он основал по предписанию своего начальства, следовательно, и оставить его не должен, не может и не хочет иначе, как по повелению той же власти. Сие заставило губернатора прекратить свои требования и угрозы и удовольствоваться тем только, что он запретил иметь какие-либо сношения с крепостью и не позволяет г. Кускову ловить бобров в заливе Св. Франциска».

С годами установилось неписаное правило: испанцы должны были выдавать беглых людей компании, а поселение Росс — беглых индейцев. Но последних возвращали неохотно. Правитель Росса докладывал в 1825 году в Новоархангельск: «Не знаю, что мне делать с испанскими индейцами; падре Хуан тревожит меня беспрестанными присылками за оными, но я не могу никак их отыскать; между тем тойон бодегинских индейцев, известный Вам Валенила, просил меня, чтобы не возвращать испанцам его команды индейцев, представляя, что они, принадлежа русским, не признают никак себя подвластными испанцам, и что хотя из

них и есть индейцы крещенные и жившие несколько времени у испанцев, но все они захвачены были вероломным образом в Малой Бодеге у самого жилища русских».

Валенила даже выпросил у Головнина российский флаг, чтобы в случае приближения испанцев поднимать его над своим селением в знак принадлежности территории России.

Еще до основания Росса, в 1810 году, Баранов отправил властям Калифорнии «прокламацию» Главного правления компании с предложением торговать на взаимовыгодных условиях. Спустя три года, испросив предварительно разрешение Мадрида, губернатор Верхней Калифорнии Арильяга дал согласие.

Торговля началась и велась очень активно. У калифорнийцев покупали пшеницу, ячмень, бобы, горох, сало и сушеное мясо в обмен на сахар-леденец, чугунные котлы, оловянную посуду, виргинский табак, английские нитки и восковые свечи. Даже колокола для калифорнийских церковных миссий отливали в Новоархангельске! Если не удавалось сторговаться в Сан-Франциско, где поднимали цены, Баранов и Кусков отправляли суда на юг — покупать зерно в Чили. Баранов не устал напоминать Кускову, что торговлю с американцами, приводившими свои корабли в Калифорнию, нужно вести очень осторожно: они «обыкновенно нас обсчитывают».

Когда освоили земли под пашню и огороды в Россе и в устье Славянки, там начали сеять хлеб, который отправляли в Новоархангельск и на Аляску. Кусков увлекался разведением огородных и садовых культур; при нем выращивали бахчевые: арбузы — до восьмисот штук! — дыни, тыквы; два раза в год копали картофель. Он посадил виноградную лозу и плодовые деревья и в 1820 году уже собрал урожай винограда и персиков. В Россе и на небольших ранчо в округе пасли до двух тысяч голов скота, из молока делали масло и сливки, которые подавали на стол главного правителя в Новоархангельске.

К 1814 году под руководством Кускова в Россе построили бревенчатый дом правителя в семь комнат, с сенями, чуланами, погребом и кладовыми; казармы для промысловиков, мастерские, бани и ветряную мельницу на Славянке, в порту Румянцева — верфь.

За свою неутомимую деятельность Кусков в 1805 году получил из рук Резанова золотую медаль, а на следующий год благодаря ходатайству перед императором Главного правления компании и капитана «Невы» Юрия Лисянского был награжден почетным званием коммерции советника. Министр коммерции, а впоследствии канцлер граф Н. П. Румянцев сообщил об этом Кускову в личном послании и, желая подчеркнуть

высокую оценку трудов тотемского купца, напомнил, что в его бытность министром только «пятеро удостоены сего отличия». Благодаря Кускову цель основания поселения в Калифорнии — снабжать продовольствием русские колонии в Америке — была достигнута.

В 1822 году он покинул Росс вместе с женой Екатериной Прохоровной — уроженкой Америки. Перед отъездом в метрополию они повенчались на Кадьяке, а из Охотска отправились на родину мужа, в Тотьму. Однако после возвращения Кусков прожил совсем недолго — скончался в 1823 году на 58-м году жизни. Его биограф Е. В. Кичин писал: «Он прибыл как будто для того, чтобы свободнее умереть на своей родине: он едва успел увидеться здесь со всеми своими родными, после 36-летней разлуки, и снова с ними навеки простился».

Тогдашний главный правитель Русской Америки Матвей Иванович Муравьев дал такую оценку тридцатилетней деятельности Кускова: «Его опытность и познание местных обстоятельств столь важны, что трудно его заменить кем бы то ни было». Кусков стал достойным помощником Баранову, и его, как и самого Баранова, действительно оказалось нечем заменить.

Похоронили Кускова в 1823 году на кладбище тотемского Спасо-Суморина монастыря, недалеко от Преображенского собора. Однако после разорения обители в XX веке надгробная плита исчезла и могила затерялась.

Но память об основателе крепости Росс жива, и его труды чтят потомки русских в Калифорнии. В 1976 году, в двухсотлетнюю годовщину США, была выпущена памятная медаль с портретом И. С. Кускова, изображением крепости и надписью на двух языках: «1812–1841. Крепость Росс». Крепость и постройки после пожара были восстановлены, Форт-Росс получил в США статус памятника федерального значения и является туристическим центром, где силами членов военно-исторических обществ проводятся реконструкции событий начала XIX века.

Возрождается память об основателе селения Росс и на его родине, в Тотьме. Его именем названа набережная реки Сухоны, а в доме, где он жил, в 1990 году открылся мемориальный музей.

Сомнительная сделка

После отъезда Кускова хозяйство калифорнийского поселения развивалось вполне благополучно. Главный правитель Русской Америки Ф.

П. Врангель докладывал руководству компании в ноябре 1832 года: «Доставленный ныне из Росса груз весьма хорош. Он состоит из одного бобра морского, 118 морских котов, 430 пуд. 27 ф. солонины калифорнийской, 419 пуд. 19 ф. солонины российской, 87 пуд. масла коровьего, 20 пуд. 25 ф. гороху, 1544 пуд. 34 ф. пшеницы, 50 ф. ячменю, 13 бочек смолы жидкой, 126 кож разных, 25 войлоков шерстяных, 22 сиученка (ушастых тюленей. — Н. П.) соленых, 11 200 шт. кирпичей, 15 шт. лаврового дерева и 2 лошадей, требуемых мною для Кадыака». Видно, жители Росса не только охотились на морского зверя, но и держали скот, выращивали пшеницу и ячмень, снабжали другие поселения мясом, сливочным маслом и овощами, выделявали кожи, изготавливали войлок, шедший на одеяла, формовали кирпичи, занимались выгонкой смолы.

В 1833 году в поселении Росс насчитывалось 199 взрослых жителей — 45 русских, 57 алеутов, 72 индейца, 25 креолов — и 94 ребенка. Рабочих рук явно не хватало, особенно остро ощущалось отсутствие квалифицированных специалистов. Вот что писал об этом Врангель: «Здесьние земледельцы едва имеют понятие о возделывании полей; они, как вообще приходящие в Америку промышленные, состоят из всякого сброда». Далеки от «возделывания полей» были не только промысловики, но и управляющие конторами — купцы, откупщики и даже литераторы, как последний управляющий Россом А. Г. Ротчев. Только Кусков среди всех правителей составлял редкое исключение — умел и воевать, и вести переговоры с испанцами и индейцами, и торговать, и выращивать плодовые деревья и арбузы.

Чтобы восполнить нехватку опытных и толковых людей, Врангель пригласил с Камчатки Егора Леонтьевича Черных, имевшего специальное агрономическое образование. Благодаря его неутомимой деятельности в Россе повысилась урожайность всего, что выращивали. Так, чтобы не терять зерно при обмолоте, он использовал молотильную машину, рисунок которой увидел в «Земледельческом журнале»; в результате в 1837 году урожай составил сам-51 и на Аляску из Росса отправили муку самого лучшего качества! Для сравнения: по всей Калифорнии обычным был урожай от сам-семи до сам-двадцати, а в России до 1861 года неизменно собирали не более чем сам-три — сам-четыре.

Черных предлагал увеличить посевные площади и распахать участки подальше от моря с его холодными туманами. «Верстах в 20-ти от Росса, внутрь материка, есть равнины истинно благословенные: отличнейшие земли, разные леса, рыбные реки, озера, там туманы не могли бы иметь влияния на урожай, — писал он в „Земледельческом журнале“. — Эти

места донныне не заняты калифорнцами. Если бы позволено было занять их, то компания, даже при настоящих средствах, не только стала бы обильно продовольствовать себя всем вообще, но могла бы часть полевых произведений своих отправлять на Камчатку и Охотск». Это позволило бы не доставлять муку с Камчатки, где пуд стоил восемь рублей и еще четыре рубля провоз до Новоархангельска, и не покупать у испанцев в Сан-Франциско, а самим полностью обеспечить свои потребности и даже отправлять излишки на Камчатку.

При таких внушительных результатах и оптимистичных перспективах продажа Росса в 1841 году неизбежно вызывает вопросы. В официальном отчете компании причиной названа экономическая нецелесообразность содержания Росса, что рождает вполне обоснованные сомнения. А. Ю. Петров, митрополит Калужский и Боровский Климент и А. Н. Ермолаев в статье «О продаже русской колонии форт Росс в Калифорнии» (Вопросы истории. 2013. № 1) заметили, что бросается в глаза «явное противоречие официальных причин упразднения крепости и селения Росс с действительным положением дел». Не убеждают ни официальная версия, ни названные разными поколениями историков другие причины — к примеру, неопределенность статуса колонии на открытых испанцами землях или договор с английской Компанией Гудзонова залива о поставках продовольствия. Заключение контракта с английской компанией, считают авторы статьи, было скорее следствием, а не причиной продажи Росса. Обнаруженные ими новые факты заставляют иначе посмотреть на эту сделку и прийти к выводам, прямо противоположным устоявшимся воззрениям.

Изучая дневник Михаила Семеновича Корсакова — будущего губернатора Восточной Сибири, а в 1849 году молодого офицера, прибывшего в порт Аян, — исследователи обратили внимание на подробную запись его беседы с командиром порта капитаном 1-го ранга В. С. Завойко. Речь зашла о Россе, и Корсаков выразил недоумение по поводу его продажи. Завойко неожиданно сообщил: «начальники крепости Росс... продавали много хлеба на сторону и обогащались», а в Петербург докладывали, что хлеба нет. В результате у руководства компании сложилось неверное мнение об убыточности колонии, и когда американец Джон Суттер предложил купить ее, дирекция согласилась.

Фамилий Завойко не назвал. Но поскольку речь шла о 1838 годе, нетрудно узнать, что правителями Росса тогда были Петр Степанович Костромитинов и сменивший его Александр Гаврилович Ротчев. Причин клеветать на них у Завойко, известного храбростью и награжденного за

Наваринское сражение орденом Святой Анны, а затем добросовестно служившего под началом Павла Степановича Нахимова на Средиземном и Балтийском морях, как будто не было. Завойко хорошо знал и управляющих крепостью, и главного правителя Ф. П. Врангеля, с которым даже состоял в родстве, и о тамошних делах судил не понаслышке — он посетил крепость в 1838 году и подробно описал ее.

А вот история двух последних правителей Росса полна темных мест и загадочных событий. В 1832 году Костромитинов признался в письме Хлебникову: «Наш доктор, как мне кажется, думает более о коммерческих оборотах, нежели о больных. Я слышал, он выписывает из Охотска на несколько сот рублей товаров для продажи в Россе и Калифорнии и заводит с бывающими иностранцами здесь разные спекуляции. Очень неохотно пишу о сем предмете, но боюсь, чтобы впоследствии не подвергнуться ответственности». Подвергнуться ответственности ему всё же пришлось — в 1838 году компания его уволила, потребовав, чтобы он сдал дела Ротчеву. Замешан ли был сам Костромитинов в этих спекуляциях или только не смог пресечь их, не совсем понятно.

Деятельность Ротчева также обратила на себя внимание авторов статьи. Во-первых, тем, что при нем резко возросли расходы: с 72 до 149 тысяч рублей всего за три года (с 1838 по 1841 год), что намного превышало траты на все американские поселения, при этом большая часть денег шла на содержание администрации Росса. Во-вторых, Росс был несомненным конкурентом Компании Гудзонова залива, а его правитель занял позицию самого активного сторонника продажи селения, что привело к заключению контракта, более выгодного английской компании, чем российской.

Вполне вероятно, что Ротчев проталкивал это решение небескорыстно. Косвенно такой вывод подтверждают сведения о его материальном положении. В 1828 году он женился на княжне Елене Павловне Гагариной против воли ее родителей, заключив, по представлениям того времени, мезальянс: неизвестный литератор, не имевший других источников существования, кроме переводов и статей, — и девушка из родовитой и богатой семьи. Чтобы поправить финансовые дела, он поступил на службу в компанию и уехал в Америку, где сначала служил чиновником по особым поручениям, а затем стал правителем Росса.

Конечно, он был не единственным, кто рассчитывал таким образом поправить свои дела, и одно это обстоятельство еще не дает повода усомниться в чистоте его помыслов. Но Баранов за четверть века службы в колониях состояния не нажил и передал преемнику имущества больше, чем

значилось по бумагам. И Кусков едва успел к концу жизни расплатиться со своим заимодавцем, и Загоскин после возвращения из своей беспримерной экспедиции продолжал служить за скромную плату. А Ротчев, расходы которого на собственное содержание выросли вдвое и при котором, по мнению Завойко, активно велась торговля хлебом на сторону, после продажи Росса уволился из компании и начал... активно хулить ее руководство в журнальных статьях. Одна из них, где деятельность компании подверглась самой резкой критике, заканчивалась выводом поистине планетарного масштаба: «Русский человек не способен создавать колонии». Так что не одни экономические и политические причины, как выясняется, привели к продаже колонии Росс, но и махинации не чистых на руку дельцов.

Открытие новых документов, вероятно, прольет свет на темные стороны сделки по продаже крепости и поселения Росс, ставшей первым шагом к потере всей Русской Америки. Корсаков пришел к такому заключению на страницах своего дневника: Росс был продан, потому что «смелости не достало продолжить начатое».

Похожего мнения придерживался и другой герой этой книги Дмитрий Завалишин — он тоже считал, что причиной утраты земель была «наша излишняя неуверенность в себе».

Дмитрий Завалишин

Заговорщик-патриот

«Орден Восстановления»

«Капитальная ошибка наша в деле колонии Росс, как и во многих других делах, состояла в том, что мы искали согласия и позволения делать то, что имели полное право делать без всякого согласия и позволения других, между тем как другие нации постоянно делали, никого не спрашиваясь, даже то, чего не имели никакого права делать» — так объяснял факт продажи поселения Росс Дмитрий Иринархович Завалишин. В отличие от остальных героев этой книги Завалишин провел в Русской Америке меньше года. Но он создал самый амбициозный проект — добровольного вхождения Калифорнии в состав России — и попытался воплотить его в жизнь. Однако масштабность и на первый взгляд невероятность этого плана породили весьма скептическое отношение как к нему, так и к его автору. Некоторые исследователи даже поспешили окрестить Завалишина Хлестаковым. Но повременим с категоричными оценками и присмотримся к проекту и его автору внимательно.

Родился Дмитрий Иринархович 13 июня 1804 года в Астрахани, как написал он в автобиографии^[8], и прожил долгую — 88 лет — и богатую событиями жизнь. Его отец Иринарх Иванович был известным боевым генералом, сослуживцем и близким другом А. В. Суворова. Его знали и как поэта, прославлявшего победы русского оружия, автора поэм и од «Сувороида», «Героида, или Дух и увенчанные подвиги Российских беспримерных героев», «Стихи на покорение Измаила», «Ода победителю на сражение за Дунаем при Мачине над турецкой армией».

Мать Завалишина Мария Никитична, урожденная Черняева, воспитывалась в Смольном институте благородных девиц. У Дмитрия были два брата — старший Николай и младший Ипполит — и сестра Екатерина. Детство их прошло в Астрахани, где служил отец, и в материнском имении в Могилевской губернии. После ранней кончины матери семья переехала в Тверь. В 1816 году Дмитрий вслед за старшим братом поступил в Морской кадетский корпус и окончил его в 1819-м вторым по результатам экзаменов. Когда он был еще гардемарин, то в числе лучших воспитанников корпуса

отправился на бриге «Феникс» по Балтийскому морю в Швецию и Данию.

После выпуска он получил чин мичмана и предложение преподавать в корпусе. Он хотел было отказаться: «Я стремился к деятельной, морской и боевой службе и вовсе не чувствовал желания, запрятав себя в учителя в корпусе, пропустить случай к походу». Но отец запретил даже думать об отказе: «Походы от тебя не уйдут, а это небывалая честь, чтобы в твои лета и в твоём чине отечество доверило бы кому воспитание своих сограждан». И Дмитрий согласился. Он преподавал в Морском корпусе математику, астрономию и механику; его лекции слушали будущие герои Севастополя Истомин и Корнилов, исследователь Аляски Загоскин. Завалишин не ограничивался точными науками, он был человек разносторонних интересов, много читал, знал девять языков.

В России в 1820–1821 годах живо обсуждали революции в Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте. Когда в Испании Рафаэль дель Риго взбунтовал полстраны и добился от короля восстановления конституции, радикально настроенная молодежь России тоже стала ждать перемен. Кто-то даже приветствовал убийство российского дипломата Августа фон Коцебу членом немецкой тайной организации якобы в знак протеста против «вредного вмешательства России в дела Германии». В салонах с восторгом читали ходившее в списках стихотворение Пушкина «Кинжал»:

...Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.
Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной...

Эпиграммы на сановников, воспламеняющие воображение стихи — «всё возбуждало и направляло толки на предметы политические», вспоминал Завалишин. Ожидали изменений, говорили о написанной Н. Н. Новосильцевым и П. А. Вяземским «Государственной уставной грамоте Российской империи» — если бы Александр I ее принял, в стране утвердилась бы конституционная монархия. Однако государь отложил документ до лучших времен.

Не дождавшись реформ от императора, «жертвы мысли безрассудной»,

как окрестил их поэт и дипломат Ф. И. Тютчев, начали создавать тайные организации и готовить переворот. «Орден русских рыцарей», Союз спасения, Союз благоденствия, «Морская управа», «Общество Гвардейского экипажа», Северное и Южное — в те годы тайные общества были в моде.

Вот и пылкий образованный юноша Дмитрий Завалишин не избежал этого увлечения: «Чем более встречал я неправосудия, коварства, низких чувств, тем более распалялся и в 1821 г. стал думать об учреждении общества (не тайного) восстановления истины». Он так и назвал будущую организацию — «Вселенский Орден Восстановления истины». «Я всегда верил в силу нравственных начал, — признавался Завалишин, — и был всегда уверен, что лишь бы удалось только отыскать правильную идею, возбудить живую силу, а они совершат свое дело...»

Не одна молодость была причиной его идеализма, в умах образованных людей того времени господствовали утопические идеи Просвещения о преобразовании мира по законам разума и справедливости. Этому весьма способствовали распространение деизма и возникновение союзов «вольных каменщиков» — масонов, копировавших символы и обряды средневекового цеха каменщиков. Они последовательно проходили степени посвящения от ученика до подмастерья и мастера, делились на особые группы — логи, заседания которых совершались в таинственной мистической обстановке. Смысл их деятельности состоял в символической «постройке храма Соломона», что означало служение идеалам правды и добра. Но это на словах. В жизни всё обстояло иначе: если порядки в государстве не соответствовали идеалам заговорщиков, значит, порядки следовало изменить — революцией, восстанием или военным переворотом.

Добавим, что в те годы в светских кругах была чрезвычайно популярна мистика, этим грешил и сам император Александр Павлович. Просветительством, мистикой и масонством были увлечены в то время даже люди духовного звания. Завалишин вспоминал о преподавателе Закона Божия в Морском корпусе, иеромонахе, который однажды в припадке сумасшествия исполосовал образа в церкви. Когда началось следствие, в найденных у священника бумагах прочитали его признание в принадлежности к масонству и страшных душевных муках, терзавших его.

Устав, который Завалишин написал для своего «Ордена Восстановления», придуманные им знаки отличия, печати, одежда очень напоминали масонские, но связь с ложами он категорически отрицал и говорил, что «вольных каменщиков» терпеть не может. «Я не был масоном и весьма их не любил, — говорил он на следствии в 1826 году, — хотя цель

их мне и была неизвестна, но всё давало причины подозревать её злонамеренность... Я самое общество Рылеева полагал составившимся из масонских лож».

Местом действия своего ордена Завалишин выбрал Калифорнию, хотя поначалу об Америке не думал. Назвав свой орден «вселенским», он предполагал, что в него будут вступать разные народы и представители каждой страны будут иметь свое управление. Основание такой организации за рубежом позволило бы, по мысли Завалишина, удалить из России людей беспокойных, праздных, буйных — одним словом, революционеров, — «дав им блестящую приманку». Уже позже, оказавшись в Америке, он назвал еще одну цель: «Назначив местом пребывания ордена в Калифорнии и склоня правителей её области ко вступлению в оной и действуя помощью их, подвер[г]нуть оную владычеству России, а самый Орден её покровительству. Таким образом, утвердись в Америке приобретением богатейшей провинции и прекрасных гаваней, иметь влияние на судьбу её и ограничить могущество Англии и Соединенных Штатов... Избрание же главы Ордена, постановления уставов и все распоряжения, касающиеся до Ордена, предоставлялись самому государю, от коего, следовательно, ничего не могло быть скрыто...» Конечно, он надеялся, что государь назначит его, автора идеи, если не главой ордена, то хотя бы магистром русского языка.

Кругосветка и письмо императору

Мичман Завалишин уже собрался доложить свой план императору, как в это самое время получил от командира фрегата «Крейсер» капитана 2-го ранга Михаила Петровича Лазарева приглашение в кругосветное плавание.

Кругосветка была мечтой всех флотских, желали участвовать в ней многие — да брали немногих. Чтобы попасть в экипаж, молодые офицеры прикладывали все мыслимые и немыслимые усилия, пускали в ход связи, искали протекции. «Я был в большом затруднении, на что решиться», — вспоминал Завалишин. Поразмыслив, он решил согласиться, чтобы познакомиться с Аляской и Калифорнией «для успеха задуманного дела».

Должность ему дали хлопотную и ответственную — ревизора, в его обязанности входило заниматься закупками припасов во время экспедиции. Предполагалось идти в поход на три года, чтобы доставить груз на Камчатку и в поселения Русской Америки. 17 августа 1822-го фрегат «Крейсер» и военный шлюп «Ладога» покинули Кронштадт. В Копенгагене закупили необходимые вещи и припасы и через месяц снова подняли

паруса. Следующая остановка была в Англии. Здесь пришлось задержаться почти на два месяца: ремонтировали фрегат и шлюп, приобретали карты и астрономические инструменты и ждали попутных ветров.

Из английских газет Завалишин узнал о конгрессе в Вероне, где собрались монархи стран Священного союза, чтобы обсудить начавшуюся революцию в Испании. Французский король намеревался совершить интервенцию для защиты испанского трона и желал узнать мнение других монархов. Британия воздержалась, Россия, Австрия и Пруссия встали на сторону Франции. Заручившись их поддержкой, французы в 1823 году отправили армию через Пиренеи, и вскоре революция в Испании была подавлена, а власть короля полностью восстановлена.

Обсуждали на конгрессе и судьбу испанских колоний в Южной и Латинской Америке, которые, воспользовавшись революцией в метрополии, объявили о независимости. Монархи решили не признавать вновь созданные государства и пожелали Испании скорейшего восстановления своей власти в колониях. Прочитав о решениях конгресса, разгневанный мичман Завалишин решил немедленно написать императору, «требуя личного свидания и желая объяснить, что он не туда идет и не туда ведет Россию, куда следует». Первое, о чем думаешь, прочитав эти строки, что перед тобой плод больного воображения, фантазии сумасшедшего. И следующая дата будет, как в дневнике героя Гоголя: «Мартобря 86 числа. Между днем и ночью» или «Никакого числа. День был без числа».

О его письме не знал никто, даже товарищ и сосед по каюте мичман Павел Нахимов, будущий адмирал и победитель в Синопском сражении. Завалишин трезво оценивал свои шансы на успех: этот поступок «мог стоить мне потери всей карьеры, а может быть, и вечного заточения, если бы меня сочли за сумасшедшего». Самое невероятное в этой истории то, что, получив письмо, Александр I потребовал Завалишина к себе. Но фрегат к тому времени уже покинул Британию, затем побывал на Тенерифе, в Бразилии, у берегов Вандименовой земли (Тасмании), на Таити, а в сентябре 1823 года прибыл в Новоархангельск. Здесь-то Завалишина и настиг приказ государя о немедленном возвращении.

На фрегате всполошились. Еще бы: из кругосветки в столицу затребовали мичмана — не каждый день такое бывает. Впрочем, самые худшие опасения не подтвердились: конвоя не было, значит, он не арестован. Надо отдать должное М. П. Лазареву — тот дал подчиненному прекрасную характеристику: «Пользуясь сим случаем, я обязанностью себе поставляю рекомендовать г. Завалишина, как весьма исполнительного и ревностного к службе офицера, и с сим вместе довести до сведения... что в

продолжение более нежели двухлетнего его служения под моим начальством он как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех возложенных на него обязанностей приобрел право на совершенную мою признательность».

Между тем пошли толки, офицеры расспрашивали Завалишина о приказе императора, тот конфузился, ничего не объяснял, лишь бормотал что-то о новом назначении. И ореол загадочности начал окружать Дмитрия Иринарховича.

В мае 1824 года он покинул Аляску, на корабле «Волга» прибыл в Охотск и, проехав всю Россию посуху, оказался в ноябре в столице. Однако встретиться с императором ему было не суждено. Александр к тому времени охладел к либеральным начинаниям — бунт в Семеновском полку и беспорядки в военных поселениях сильно тому поспособствовали. Тем более Россия только что подписала с США конвенцию «о дружеских связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле». Граница фиксировалась по широте 54° 40', при этом рыбная ловля и плавание открывались для судов обеих стран на десять лет. Границей с Британией по-прежнему служили Скалистые горы, ни о каком присоединении Калифорнии речь не шла, о селении и крепости Росс как будто забыли.

Совсем не такого результата ожидал Завалишин. «Конвенции эти предоставляли все выгоды иностранцам, всю же тяжесть содержания колоний оставляли на Р[оссийско]-А[мериканской] компании. Я написал резкую критику на эти конвенции, разбирая их пункт за пунктом и доказывая невыгоду для России... И так как первая конвенция, т. е. с Соединенными Штатами, была заключена при содействии бывшего нашего посла, тайного советника Полетики, то я и начал свою критику так: „На днях появилось самое уродливое произведение русской политики“».

Что же касается самого Завалишина, то было высочайше рекомендовано принять его на службу в Российско-американскую компанию, но в колонии не пускать — дабы не вовлечь Россию «в столкновение с Англиею или Соединенными Штатами».

Кому-то план Завалишина может показаться сродни проекту Манилова по возведению моста, а сам мичман — Хлестаковым и Чичиковым одновременно. Но в том то и дело, что в тот момент у его плана были реальные шансы на успех — если вспомнить ситуацию, в которой оказались тогда земли Верхней Калифорнии.

В 1821 году Мексика объявила о независимости от Испании. Первым главой Мексиканской империи был провозглашен Агустин де Итурбиде под именем Агустина I. Вскоре в Мехико произошел переворот, императора

свергли, и страна стала республикой. Политическим группировкам Мексики, боровшимся за власть, было не до Верхней Калифорнии, поэтому в ней, по словам Завалишина, «царствовало безначалие». Новые власти ограничились назначением губернатора или, как они его называли, президента провинции, выбрали правительство-хунту и собрали налоги, из которых выплатили жалованье солдатам, охранявшим францисканские духовные миссии.

Получив независимость от Испании, Калифорния одновременно потеряла экономическую поддержку метрополии. Момент для реализации плана Завалишина казался самым подходящим. «Нетрудно было, — писал он, — доказать им (калифорнийцам. — *Н. П.*) всю неосновательность надежд и заставить также понять и сознаться, что им предстоит одна будущность — сделаться добычей Англии или Соединенных Штатов, и вероятнее всего — последних; а надобно сказать, что они боялись этого пуще всего. Американцы в их глазах были еретики, да и образцы граждан Соединенных Штатов, которых им приходилось знать, — авантюристы и мелкие торгаши, — мало рекомендовали нацию. Кроме того, доходили слухи, что Соединенные Штаты ни в Луизиане, ни во Флориде, которая недавно была недобросовестно отнята у Испании, не признали прежних прав на поземельное владение. Чтоб избавиться от грозящей опасности и выйти в то же время из своего бедственного положения, почти единственное средство, как они сами видели, состояло в том, чтобы соединиться с Россией».

Такую оценку ситуации разделяли многие. На допросных листах следственного дела Завалишина сохранились пометы — подчеркнуты места его показаний, где речь шла о возможности присоединения Калифорнии. Вполне вероятно, это сделал кто-либо из правителей или акционеров Российско-американской компании. Его инициативу поддержали члены Государственного совета — адмиралы Н. С. Мордвинов и А. С. Шишков. Вот как выглядит в записках Завалишина диалог А. А. Аракчеева и Мордвина, обсуждавших калифорнийский проект:

«— Как осмелился так действовать мичман Завалишин, не будучи на то уполномочен? — спрашивал Аракчеев.

— Всякий патриот, когда ему представится случай, благоприятный отечеству, и о котором нельзя вдруг снести с правительством, так и должен действовать, — отвечал Мордвинов».

Даже весьма далекий от политических дискуссий рубака-гусар, генерал-адъютант В. В. Левашов, член следственной комиссии по делу декабристов, и тот пришел к убеждению: «Калифорния в таком положении

легко могла сделаться театром действий человека, одаренного умом и предприимчивостью. Завалишин имел и то и другое».

Заговорщики

Как же случилось, что план, известный императору и одобренный государственными мужами, привел Завалишина в Петропавловскую крепость? Главной причиной стало уязвленное самолюбие. Завалишин был оскорблен запрещением ехать в колонии и тем, что его единственного (кроме одного провинившегося члена экипажа) не наградили за кругосветку. К тому же он с семейством испытывал в то время денежные затруднения и рассчитывал во время службы в колониях поправить дела, но этим планам не суждено было сбыться. Надежды рухнули — обида осталась и, по признанию Завалишина, «ослепила» его.

В это время его познакомили с К. Ф. Рылеевым, который занимал должность правителя канцелярии компании. Служба позволила Рылееву поправить свои финансовые дела, особенно когда он был принят в состав акционеров и получил, помимо жалованья, десять акций по 500 рублей номиналом каждая. За службу директора наградили его ценным подарком — енотовой шубой с бобровым воротником стоимостью в 700 рублей. Несмотря на такое к нему благоволение, к моменту своего ареста он оказался еще и должен три тысячи рублей компании и 3500 — лично директору Булдакову. Пока он сидел в крепости, компания простила ему все долги.

Вначале Рылеев и Завалишин симпатизировали друг другу. «При первом свидании я заметил в нем ум, познания и свободный образ мыслей», — говорил Рылеев на допросах. Он слушал рассказы Завалишина о Русской Америке, о францисканских миссиях и испанцах в Калифорнии, «о состоянии заведений и промышленности». Была еще одна причина интереса Рылеева: в представлении образованных людей Североамериканские Штаты являлись образцом демократии, обществом, свободным ото всех ограничений, — поистине «раем либералов».

И Завалишин с удовольствием рассказывал. Он вновь почувствовал интерес к себе, ореол загадочности сгущался, и у него затеплилась надежда воплотить проект в жизнь. Вот что он говорил на следствии: «Уже с самого прибытия обращено было на меня внимание заговорщиков. Во-первых, старались узнать причину моего прибытия. По искаженным известиям, до них дошедшим, они полагали общество уже существующим и основывали

надежды соединения».

Дальше — больше. Рылеев намекнул о существовании тайного общества, члены которого мечтают сделать Россию федерацией, переменить самодержавие на представительную монархию, избрать парламент. Он желал знать мнение Завалишина и услышал: тот уже состоит в обществе, чьи отделения есть во всех государствах Европы и Америки. Действует оно и в России, о нем известно императору, и тот его одобряет. Рылеев на допросе показал: «Завалишин открылся мне, что был принят в Англии в общество Восстановления, которое будто бы имеет целью освобождение всего мира».

Признаемся: уяснить происшедшее с Завалишиным непросто — на следствии он трижды менял показания: то отрицал создание «Ордена Восстановления», то объявлял его реально существующим; цели организации тоже называл разные: императору — одни, друзьям — другие, следственной комиссии — третьи. Впрочем, в крепости так вел себя не он один.

О проекте можно узнать не только из следственного дела, но из статей Завалишина, напечатанных после его возвращения из ссылки, и мемуаров, написанных им на закате жизни. Все эти источники по-разному представляют и сам «Орден Восстановления», и деятельность его создателя. Читать воспоминания пожилого и много видевшего человека, к тому же не лишенного литературного дарования, интересно и увлекательно, проходишь по времени, как по страницам приключенческого романа. Там можно найти и осмысление минувшей эпохи, и описание неординарных характеров, и яркие картинки повседневной жизни. Одного ожидать не следует — скрупулезной достоверности. Этим грешат все мемуаристы, и Завалишин не исключение.

Но пренебрегать воспоминаниями Завалишина так же неверно, как и полностью доверять им. Исследователи не раз обращали внимание: факты в них всегда правдивы и подтверждаются другими источниками.

Можно представить, с какой гордостью Завалишин оповестил Рылеева о своей организации, явно намекая, что ее магистром в России является он сам. Осторожный Рылеев просил назвать других членов и ознакомить его с уставом. Завалишин имен не назвал, поскольку «обязан клятвою», а устав представил. В Северном обществе устав прочитали Александр Бестужев, Одоевский, Трубецкой — и даже сделали копию. Трубецкому устав понравился, «он его много занимал», Рылееву — нет: «Сей устав был составлен так, что его можно было толковать и в пользу неограниченной власти, и в пользу свободы народов». Двусмысленность документа,

упорное нежелание Завалишина сообщить имена членов «Ордена Восстановления», знакомство императора с калифорнийским проектом породили у Рылеева подозрения. Он перестал доверять Завалишину, передумал принимать его в Северное общество и другим советовал быть с ним осторожнее.

С тех пор их отношения испортились. Завалишин на допросах именовал бывшего приятеля не иначе как «презренный Рылеев» и говорил об «адском коварстве» его «низкой души». А Кондратий Федорович, открывая масштабы своей организации, называл всё новые имена, о Завалишине же неизменно упоминал с высокомерной усмешкой.

В ноябре 1825 года Завалишин уехал в отпуск: сначала отправился в Москву, затем в Казань и Симбирск, намереваясь пожить в имении отца. Там он узнал о выступлении в Петербурге на Сенатской площади и восстании Черниговского полка на Украине. Арестовали его и доставили в столицу в начале января следующего года, когда допросы шли полным ходом и на них впервые прозвучало его имя.

По его словам, следствия он не боялся, ведь его замыслы были «чистыми и возвышенными». Проект создания ордена Завалишин не скрывал, наоборот, подчеркивал, что о нем знал сам император. На первом допросе ему задали только два вопроса: принадлежал ли он к тайному обществу и знал ли его членов? На оба он отвечал отрицательно. Сказал, что был знаком с Рылеевым и тот трижды предлагал вступить в общество. Об остальных ничего не знал, лишь догадывался. «Я обществу не принадлежал, — говорил он на следствии, — в чем имею письменное доказательство».

Следователи нашли письма Завалишина, в одном он действительно просил императора о встрече: «Ты узнаешь, — и всю жизнь посвящу тебе и отечеству. Не хочу более оставаться в неизвестности — призови, требуй!» Тогда ли было написано это письмо, позже — неизвестно. И хотя ничего конкретного в письме не сообщалось, Завалишин утверждал, что хотел открыть императору преступные замыслы заговорщиков.

Между тем Рылеев, Трубецкой и Одоевский на допросах показали: членом их общества Завалишин не был. Выходит, он невиновен? Чтобы разобраться в этой непростой ситуации, Николай I вызвал Завалишина к себе. Они долго беседовали о флоте, колониях, образовании флотских офицеров. Император, которому Завалишин явно понравился, не только отпустил его, но и предложил изложить все его проекты письменно и отправить во вновь созданный комитет по преобразованию флота. Завалишин, в свою очередь, был совершенно очарован Николаем I.

«Обвинен, привезен и оправдан», — с гордостью сообщил он своему другу Феопемпту Лутковскому.

Ему дали новое назначение — в кабинет Морского музея — и положили немалое жалованье: две тысячи рублей в год. Ободренный августейшей милостью лейтенант 8-го флотского экипажа Завалишин с рвением начал приводить в образцовый порядок коллекции музея и дела мастерской, где изготавливали модели кораблей.

Донос

Казалось, жизнь стала налаживаться. Однако полупризнание Завалишина стоило ему дорого. В феврале 1826 года находившийся в крепости мичман Василий Дивов решил дать новые показания. Что стало причиной его откровений — обещание ли скорого освобождения и награды тому, кто полностью откроет все замыслы заговорщиков, тяготы ли заточения — неизвестно. Завалишин описывал суровые условия содержания узников без прикрас: «Во время известного наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 года крепость была залита водою, которою пропитались вал и стены крепости, так что и в 1825 году была страшная сырость. Вдобавок к тому в каждой амбразуре построены были клетки из сырого дерева, и в этих-то клетках и содержали обвиненных. Эти клетки были так тесны, что едва доставало места для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клетка наполнялась непроницаемым туманом, так что сидя на кровати, нельзя было видеть двери на расстоянии двух аршин (1 метр 142 сантиметра. — Н. П.). Но лишь только закрывали печь, то делался от нее удушливый смрад, а пар, охлаждаясь, буквально лил потоком со стен, так что в день выносили по двадцать и более тазов воды. Флюсы, ревматизмы, страшные головные болезни и пр. были неизбежным следствием такого положения...»

Мичман Дивов заявил, что истинной целью «Вселенского Ордена» было вовсе не «восстановление истины и распространение веры христианской» и не «восстановление прав государей», как Завалишин говорил императору Александру, а «распространение свободомыслия и восстановление прав народных». И Дмитрия Завалишина вновь арестовали.

Попытка всё отрицать ни к чему не привела — за показаниями Дивова последовали признания лейтенанта Антона Арбузова и братьев Александра и Петра Беляевых, утверждавших, что Завалишин своими рассказами об «Ордене Восстановления» «переменил их образ мыслей» и вовлек в

преступные разговоры. Ему припомнили и вольнолюбивые стихи, и сожаление о казненном Риго, и осуждение испанцев за то, что «выпустили короля из рук». Обвинения росли как снежный ком, начались очные ставки.

Наконец, после четырех месяцев в крепости Завалишин признался: он действительно говорил, что Россия может стать федеративной республикой, критиковал действия правительства, ставил в пример Испанию. В то же время он твердо стоял на своем: «Орден Восстановления» — плод его фантазии, никого он в него не принимал и всё сочинил сам — и устав, и знаки отличия, и сделанные в Иркутске печати, «кои, как оружие в руках дитяти, по безрассудности моей и высокому о себе мечтанию привели меня в то положение, в коем ныне нахожусь». На вопрос, почему вовремя не донес на общество Рылеева, честно ответил: «Казалось сие предательством, шпионством». В прощении на имя императора молил о снисхождении, называл себя «жертвой несчастного тщеславия» и просил отправить в тобольский монастырь.

Надо отдать должное Завалишину — в отличие от товарищей по несчастью он ни одного имени так и не назвал: «Никто не пошел за мной в крепость». В итоге он был обвинен в том, что «принадлежал к тайному обществу с знанием сокровенной цели», отнесен к первому разряду преступников и приговорен к отсечению головы, замененному двадцатью годами каторжных работ.

Однако на этом злоключения магистра «Ордена Восстановления» не закончились. Когда следствие по делу 14 декабря уже было завершено, приговор оглашен и осужденные ожидали этапирования в Сибирь, на Дмитрия Завалишина поступил новый донос. Теперь его обвиняли в государственной измене, связях с иностранными правительствами и получении денежных средств «для произведения смут в России». Снова забрезжила перспектива вместо Нерчинских рудников отправиться на эшафот. Обвиняемый потребовал очной ставки с доносчиком — им оказался... его младший брат Ипполит.

Завалишин так объяснял поступок брата: «Когда я прибыл в Петербург из Америки в 1824 году, то нашел его запутанным в одно из таких дурных дел, которое грозило ему позорным наказанием и выключкою из училища в том случае, если не будет уплачена довольно значительная сумма». Дмитрий покрыл долг брата, простил ему участие в неблагоприятной истории, но потребовал взяться за ум.

Обещание-то «непутевый Ипполит» дал, вот только выполнять его не торопился. Вскоре Дмитрий оказался в крепости. Если он под следствием, рассудил Ипполит, то любое показание против него следственная комиссия

примет за истину, а после казни брата можно получить большую часть наследства. В общем, вечная история Каина и Авеля, помноженная на денежные затруднения.

Ипполит часто бывал у брата, видел у него на столе бумаги на иностранных языках, счета, векселя — ведь тот в кругосветке управлял хозяйственной частью, а по окончании экспедиции готовил отчет. Он решил, что этих документов будет достаточно для доноса, и приплел их в качестве доказательств — авось разбираться не будут.

Однако разбираться стали, и самым тщательным образом. Николай I поручил расследование генерал-адъютанту В. В. Левашову. «Всё, что токмо навлекало хотя тень подозрения, малейшая двусмысленность, — докладывал Левашов императору, — приводимы были в возможную ясность сличением с обстоятельствами времени и места и допросами Завалишина, ответы его снова сличались с прежними показаниями и с бумагами; малейшее противоречие определяло новые вопросы и улики, — словом, всё, что токмо можно было сделать к раскрытию истины, — сделано».

Опросили всех, с кем Завалишин был в кругосветке. Первыми дали показания капитан-лейтенант Никольский и капитан-лейтенант Матвей Муравьев, бывший правитель русских колоний в Америке — они оба находились в тот момент в Петербурге. 19 сентября 1826 года на кронштадский рейд прибыл «Азов», и на допрос вызвали лейтенантов Анненкова, Лутковского, Нахимова, Купреянова, мичманов Бутенева, Домашенко, Павла Муравьева, Путятин и, наконец, самого капитана 1-го ранга Лазарева. О содержании доноса уже было известно, и офицеры прекрасно понимали: для них от показаний на допросе зависит карьера, для Завалишина — жизнь.

Следователи внимательно прочли бумаги Завалишина, сравнили показания капитана Лазарева и всех офицеров, ходивших с ним на «Крейсере», и пришли к выводу: «Завалишин не был ни агентом, ни под влиянием какой-либо иностранной державы или партии... он сделался злодеем уже в России». Приговор государь оставил без изменения. «Непутевого» Ипполита осудили за ложный донос и разжаловали в солдаты без лишения дворянства.

Завалишин отбыл весь положенный срок каторги и вышел на поселение в Читу, где 7 августа 1839 года венчался с дочерью горного чиновника Аполлинарией Смольяниновой. После амнистии 1856 года его перевели в Казань, а позже разрешили поселиться в Москве. Он много занимался общественной деятельностью, печатался в журналах, после

смерти супруги женился во второй раз.

Прошло 40 лет. Пережив предательство и разочарование, заключение в крепости, каторжные работы в Читинском остроге и Петровском Заводе, вернувшийся из ссылки Завалишин вполне реалистично оценивал пройденный им путь. Главным своим достижением он считал сделанное в Русской Америке. «Если учреждение Ордена Восстановления допускало смотреть на меня как на восторженного юношу, увлекшегося, под влиянием господствовавших тогда мистических идей, к идеальным мечтательным целям, то основательность, с какою было обдумано и устроено дело присоединения Калифорнии, и то полное знание состояния колоний и требований их, в связи с общему государственною пользою, равно как и практичность предложенных мною реформ, показали во мне самого положительного человека». Чем же занимался мичман в Америке?

Аляска

Третьего сентября 1823 года, под вечер, фрегат «Крейсер» подошел к острову Ситха. С палубы хорошо было видно, как вечерняя заря еще окрашивала розовым воды залива, крепость на горе и сияющий крест на церковке, но тьма уже обступала со всех сторон, размывала линию горизонта, словно художник кистью, смыкала небо и море в одну темнеющую бездну. На «Крейсере» отсалютовали — но крепость молчала. Опасаясь становиться на якорь в незнакомом месте, Лазарев приказал повернуть корабль в море и стал ждать.

А в это время в Новоархангельске готовили пушки совсем не для салюта: в темноте фрегат приняли за английский корабль. «Прибытие наше в Ситху навело большой страх на колонии», — вспоминал Завалишин. Главный правитель Муравьев выслал к фрегату байдарку, но чиновник не решился подниматься на палубу и спросил название корабля. То ли со слухом у него было не в порядке, то ли со зрением, но Муравьеву он доложил, что корабль называется «Клестер». Смешная ошибка — однако главному правителю было не до смеха. На всякий случай он отправил в лодке под российским флагом другого чиновника, потолковее. Тот привез записку от Лазарева и тем разрешил недоразумение.

Утро разбудило теплым солнечным лучом, успокоило и рассеяло ночные страхи. Но постоянства в погоде на Аляске не бывает. «Вам не нравится погода? — спрашивают здесь. — Через 20 минут будет другая». Так и случилось. Пока швартовались, небо затянуло низкими облаками,

задул жестокий ветер, заморосил дождь, и природа капризно сменила свое благостное умиротворение на осеннее ненастье. Но это было только начало. Когда сошли на берег, узнали, что продовольствия мало и купить его можно только за огромные деньги. Настроение ухудшилось. «Зимовать тут очень дурно», — заключил Нахимов в письме, отправленном из Америки.

1823 год выдался особенно тяжелым. Зимой дожди не прекращались ни на день, дул холодный, пронизывающий ветер. Даже промысловики, привыкшие работать в любое ненастье и выходить в море хоть в шторм, и те ворчали на погоду, на сырую одежду и обувь. Положение тогда спас Хлебников — привез в январе зерно из Росса. А в марте в залив вошли огромные косяки сельди, и ее было так много, что тянули сетями от рассвета до темноты, нагружали лодки доверху. Теперь муки и рыбы при самой жесткой экономии могло хватить до лета.

В мае 1823 года с Камчатки вернулся шлюп «Ладога», отправленный туда Лазаревым, но хлеба не привез, доставил одни депеши. Руководители компании сообщали, что из Петербурга «ожидать нечего», и советовали Муравьеву рассчитывать на собственные силы. Впрочем, из столицы ничего не присылали и в 1822 году — правление компании пребывало тогда в кризисе, ему было не до колоний.

На «Ладоге» прибыл к новому месту службы священник Иоанн Вениаминов. После знакомства с ним офицеры решили держать Великий пост и причаститься на Пасху. Решено — сделано. Среди причастников был и Дмитрий Завалишин. Отец Иоанн записал в дневнике 2 апреля 1824 года: «Исповедовал некоторых офицеров фрегата „Крейсер“ по собственному желанию их и также здешней конторы правителя и приказчика. Имена их: капитан фрегата Михайло Петрович Лазарев — капитан 2-го ранга и кавалер, лейтенант Михайло Дмитриевич Анненков, мичманы Дмитрий Иринархович Завалишин, Павел Матвеевич Муравьев и Иван Петрович Бутенин (Бутенев. — *Н. П.*). Правитель Кирилл Тимофеевич Хлебников и Григорий Иванович Сунгуров».

Лазарев трезво оценил ситуацию с продовольствием в колониях, посоветовался с Муравьевым и принял решение идти в Сан-Франциско закупать зерно. Вообще-то Главное правление компании запрещало в Америке покупать что-либо у иностранцев, но флотские офицеры, не считавшие руководство компании своим начальством, нарушали это распоряжение.

Перед выходом из порта пришлось основательно поработать, и задали эту работу... крысы. За время перехода их развелось столько, что они

принялись грызть всё подряд: паруса, канаты, кожаные вещи, прогрызли даже деревянную бочку с ромом! Ром весь вытек, а может, они его и выпили. Матросы выгружали имущество с фрегата на берег и окуривали трюмы каменным углем и сушеной морской капустой.

Четырнадцатого ноября «Крейсер» наконец покинул Ситху, а 1 декабря прибыл в Сан-Франциско. Там продовольствия было в избытке, зато ощущалась острая нужда в промышленных товарах. Когда Лазарев послал шлюпку в порт, чтобы узнать, почему с берега не салютуют, комендант Сан-Франциско признался: нет пороха, пришлите зарядов — и мы охотно поприветствуем вас пушечными залпами.

Во время перехода в Сан-Франциско у берегов Ситхи, фрегат попал в жестокий шторм. Завалишин в это время командовал вахтой, простудился и «схватил жестокую горячку». Он неделю тяжело болел, по прибытии корабля в порт оставался на нем, а когда наконец сошел на берег, встретил своего старого друга Лутковского.

С Феопемптом Лутковским он учился в Морском корпусе и хорошо знал этого умного, образованного, говорившего на нескольких европейских языках офицера с прекрасными манерами и тонким чувством юмора. Гардемарином Лутковский участвовал в кругосветной экспедиции под командованием В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка». По выпуске из корпуса ушел в 1821 году на шлюпе «Аполлон» к берегам Америки. Когда «Крейсер» пришел сменить шлюп, однокашники встретились.

Во время следствия по делу декабристов Лутковский признался, что сообщил Завалишину «некоторые сведения о Калифорнии, состоявшие [в] статистическом ее положении, а равно и в том, что там одни только монахи образованны... назвал Завалишину главных жителей Калифорнии». На вопрос следователей, зачем понадобилась эта информация, отвечал: «Завалишин открыл мне намерение свое вступить в службу Российско-американской Компании — поселиться в селении Росс и ласковым обращением с индейцами более и более привязать их к России и тем распространить ее владения».

В Калифорнии они пробыли вместе около трех недель. Лутковский представил Завалишина небольшому местному обществу, описал характеры чиновников и монахов духовных миссий. Молодые офицеры сдружились и так много времени проводили вместе, что их стали называть «двумя томами одной книги».

Несмотря на краткость своего пребывания в Русской Америке — с сентября 1823-го по май 1824 года, — Завалишин успел объездить всю северную часть Верхней Калифорнии. Его обязанности по закупке продовольствия требовали постоянных разъездов, воспользовавшись этим, он осмотрел самые отдаленные уголки — не из одной любознательности, но и движимый желанием воплотить свой проект в жизнь. Он отправлялся в миссии Сан-Рафаэль и Сан-Франциско-Солано, отметив, что последняя была основана на северном берегу залива Сан-Франциско «именно с целью, чтобы стеснить распространение русской колонии Росс»; бывал в Сан-Пабло, видел тогда еще полноводную реку Сакраменто, на берегах которой предполагал устроить «новые русские колонии»; неоднократно посещал Сан-Хосе и Санта-Клару; продвигаясь всё дальше на юг, трудным и опасным путем достиг Санта-Круса, чтобы осмотреть заброшенные серебряные рудники. Он ехал по прериям, преодолевал горные перевалы, поднимался на уснувшие древние вулканы Калаверы и спускался в овраги, приезжал в Марипосу, которая будет обжита старателями в годы «золотой лихорадки»... Иногда проделывал верхом до 150 верст в сутки! Не был он только в Россе.

Свои наблюдения он записал и опубликовал после возвращения из ссылки в самых читаемых журналах того времени: «Русском вестнике» М. Н. Каткова, «Русской старине» М. И. Семева, «Древней и новой России» С. Н. Шубинского и П. А. Ефремова. В те годы многие писали и говорили о добыче золота в Калифорнии, но Завалишин видел главную ценность края в ином: залежи драгоценных металлов могут быстро истощиться, а превосходный климат, богатейшие почвы, близость к океану, удобные незамерзающие гавани — это непреходяще.

Завалишин считал, что наступил самый подходящий момент для расширения русских владений в Америке. Конечно, присоединить Калифорнию к России «вооруженною рукою» означало осложнить отношения с Испанией, Британией и США. Поэтому Завалишин предложил другой путь: Калифорния должна добровольно присоединиться к России. «К сей цели и устремились все мои действия».

«Две партии было тогда в Калифорнии, — вспоминал Завалишин, — мексиканская и испанская. Партия мексиканская заключала в себе всех старших военных чиновников; королевская, или испанская, — всех миссионеров и живущих в деревнях». Возглавлял первую партию президент Пабло Висенте де Сола, сторонник сотрудничества с Британией и США. Поскольку привлечь его на свою сторону Завалишин не видел никакой возможности, он предполагал заменить его Хосе Антонио де ла

Гуэрра-и-Норьегой, комендантом Санта-Барбары, человеком умным и влиятельным; в свое время ему предлагали пост президента, но он отказался.

Его-то Завалишин и пытался убедить письмом «принять президентство», рассчитывая, что, как только хунта (совет) выберет Норьегу президентом, тот объявит Калифорнию независимой от Мексики, дабы она «могла быть в состоянии располагать своею участию». Вот для чего он предпринимал путешествия по Калифорнии: виделся и советовался с миссионерами, переписывался с членами хунты. «Преклонил в свою сторону двух членов (из четырех) Секретной Юнты» (хунты. — *Н. П.*), третий также был согласен. «Назначил свидание Нориеге — всё приходило уже к окончанию, — но скорое отбытие фрегата положило конец действиям моим в Калифорнии».

Что касается испанской партии, которую составляли по большей части миссионеры, то ее влияние было незначительно, и будущее францисканских духовных миссий в республиканской Мексике было, мягко говоря, туманно. Если взбунтуются индейские племена, протестантские Британия и США вряд ли окажут помощь католическим монахам. Когда в 1824 году восставшие индейцы южных миссий Калифорнии убили солдат, а миссионеров сожгли живьем на кострах, местные власти обратились за поддержкой к Российско-американской компании. Главный правитель прислал оружие и боеприпасы, и мятеж был подавлен. Трагические события стали дополнительным аргументом в пользу проекта Завалишина.

Это был не единственный случай расправы с миссионерами. В 1832 году испанские солдаты, наведавшиеся в Росс, рассказали, как индейцы, жившие в миссии Сан-Рафаэль, воспользовавшись отъездом охранников, разграбили ее и ушли в горы, соединились там с местными племенами и толпой в тысячу человек обратили в бегство плохо вооруженных солдат. «В скором времени сие происшествие разнеслось по всем местам и сделало впечатление также и на наших индейцев, — докладывал Врангель. — Они говорят, что ежели испанцы им не могли ничего сделать, то русские еще менее в состоянии, почитая кроткое обхождение с ними за трусость». Но Завалишин планировал налаживать с ними отношения, чтобы «сохранить и развить еще более доброе расположение к русским».

Был у него и еще один план: выкупить в России у мелкопоместных дворян «несколько семейств дельных хлебопашцев и перевезти их в Калифорнию». Так что, по его мнению, Калифорнии недоставало лишь безопасности и русских переселенцев.

Миссиям принадлежали богатые земельные владения, которые обрабатывали подневольные индейцы. «Сначала иезуиты, а потом францисканские монахи были главными действующими лицами в Калифорнии, а потому и имели не только преобладающее, но даже исключительное значение», — писал Завалишин.

Первая миссия, где он побывал, находилась в Сан-Франциско. Возглавлял ее падре Томас — отец Фома, как называли его русские. Завалишин, часто приезжавший в Сан-Франциско по хозяйственным делам, использовал любую возможность попрактиковаться в испанском языке и беседовал с настоятелем на разные темы. Падре, в свою очередь, стремился убедить собеседника в преимуществах католицизма. Видом он был суров, характером настойчив, в спорах ни на какие компромиссы не шел, особенно в вопросах веры, и методы убеждения выбирал не всегда достойные сана. Завалишин окрестил его «фанатиком», в глаза именовал Торквемадой, на что тот не обижался, принимая сравнение за похвалу. «В наших религиозных прениях он сказал мне однажды... если бы он был убежден, что для спасения моей души нужно бросить меня сейчас же в огонь, то он ни минуты не задумался бы сделать это, и я уверен, что он непременно бы так поступил», — вспоминал Завалишин.

Доказывая православным офицерам существование чистилища, отец Томас однажды так увлекся, что, когда аргументы были исчерпаны, а офицеры все не соглашались, запер Нахимова, Бутенева и Завалишина в комнате, кишашей насекомыми, и отказывался открывать дверь, пока те не признают, что чистилище всё же есть. Моряки дверь выломали и тем положили конец богословской дискуссии. Неудачная попытка обращения не прекратила встреч Завалишина с францисканцем — не так много населения было в Калифорнии и не так близко друг к другу располагались миссии и деревни, чтобы портить отношения из-за несходства взглядов на религиозные догматы.

К тому же католические монахи играли ключевую роль в плане Завалишина. «Миссионеры испанские, будучи ревностные фанатики, приезжают сюда единственно для распространения христианской веры... и они не расположены были ни к независимости, ни к республиканскому правлению». Их должен был заинтересовать «Орден Восстановления», поскольку «учреждение такового Ордена весьма согласно с желанием и намерением миссионеров». Но некоторые основания опасаться русских у

падре Томаса всё же были, и не только из-за поломанной двери. Когда «Крейсер» и «Ладога» бросили якоря в заливе Сан-Франциско, там уже стоял шлюп «Аполлон»; кроме них, в гавани находились два вооруженных пушками судна Российско-американской компании; таким образом, у берегов Калифорнии собралась целая русская флотилия. Отец Томас искренне уверовал, что такое скопление кораблей — дело совсем не случайное: русские вознамерились «насильственно овладеть Калифорнией».

А тут еще с фрегата «Крейсер» сбежали несколько матросов-музыкантов, и Лазарев предположил, что они укрылись у падре Томаса. Когда вооруженные моряки явились к нему требовать выдачи беглецов, падре окончательно решил: русские не только идут — они уже пришли. К счастью, всё закончилось миром — матросов вскоре поймали и вернули на корабль.

Завалишин не раз говорил, что испанцы не считали Калифорнию важным владением и не особо дорожили ею: «Имея в виду лишь обращение язычников-индейцев в католичество, испанцы мало заботились о благосостоянии страны, поставленной природой в самые благоприятные условия». Второе, на что он обращал внимание, — ненависть индейцев к испанцам.

О враждебном отношении коренного населения Америки к завоевателям писали все русские моряки, исследователи и путешественники; это бросалось в глаза и одновременно удивляло: почему 500 индейцев живут в миссии под охраной трех — пяти солдат и священника и не делают попыток бежать? Познакомившись с индейцами поближе, понимали: в покорности их удерживал не только страх перед огнестрельным оружием, но и сохранившееся с былых времен преклонение перед «белыми людьми». Впрочем, с годами индейцы убеждались: «белые» не имеют перед ними никаких преимуществ. Само обращение индейцев в католичество происходило так же, как и во времена первых конкистадоров. «В Калифорнии не было проповеди, — писал Завалишин, — а бывали облавы на диких индейцев. Захваченных заковывали в железа, крестили насильно и держали в железах до тех пор, пока не приручатся». Как здесь не вспомнить противоположный пример — взаимоотношения святителя Иннокентия с колошами и алеутами!

Из соображений безопасности испанцы строили свои миссии как неприступные цитадели. Главное здание представляло собой замкнутый четырехугольник с глухими стенами и окнами, выходящими только во внутренний двор; церковь, кельи монахов; отделение для индейских детей

шести-семи лет, которых держали в качестве заложников; мастерские, кладовые, несколько домиков для охраны — такой увидел миссию Завалишин в 1824 году. Население некоторых миссий доходило в эту пору до тысячи человек.

Члены тайных обществ были противниками рабства в любой его форме, что, впрочем, не мешало некоторым из них владеть сотнями крепостных. Завалишин, горячо осуждая рабство, был последователен: в его послужном списке в графе «Сколько душ крестьян имеет и в каком месте» указано: «Не имеет».

Описывая Бразилию, Завалишин упомянул невольничий рынок: «Посещение... произвело на нас самое тяжелое впечатление при виде осмотра людей, как скотов, и клеймения их раскаленным железом, „тавром“ покупателя. Это впечатление так живо отразилось на наших лицах, что возбудило злобные взгляды и продавца, и покупателей на нас, непрощенных свидетелей. На... дворцовой площади, которую нам необходимо было переходить, сойдя с пристани, куда бы мы ни шли, мы ежеминутно видели обнаженных до пояса, клейменых негров и негритянок...»

Так же горячо Завалишин осуждал жестокие способы обращения индейцев Калифорнии в христианство, называл систему воспитания детей в миссиях «инквизиторско-полицейской», а плоды ее считал губительными для аборигенов: «Большинство оказывалось отупелым, как бы лишенным естественного, даже здравого смысла, утратившим хорошие качества диких и не усвоившим в то же время хороших качеств испанцев». А меньшинство? Те, кто не смирился, бежали из миссий или поднимали восстания, как это случилось в Санта-Крус.

Как уже говорилось, получив независимость, Калифорния и вся Мексика лишились экономической поддержки метрополии. Именно этот период и наблюдал Завалишин во время своего пребывания в Америке. Раньше испанские власти запрещали своим колониям торговать с иностранцами, но теперь Калифорния была вынуждена вести торговлю, если не контрабандную, то полулегальную.

Состояние миссий в 1820-е годы, по наблюдениям Завалишина, было плачевным. Всё церковное имущество — утварь, облачения, музыкальные инструменты, украшения — пришло в негодность. «Мне было очень странно видеть, что в новой миссии Сан-Франциско-Солано какие-то старые, дребезжащие клавикорды (чуть ли не оставленные еще Резановым), поставленные в глубине сарая, заменявшего церковь...» Настоятель, падре Хосе де Альтамира, служил мессу один, без органиста и певчих. При такой

бедности думали уже не об облавах на индейцев, а о том, чтобы выжить, занимались поисками новых источников финансирования и пытались разрабатывать залежи серебряной руды.

Когда Мексика провозгласила независимость, порты формально принадлежавшей ей Калифорнии открылись для судов всех стран: плати «якорные деньги», пошлину и торгуй чем хочешь. Для настоятелей миссий приход русских моряков и торговцев становился настоящим праздником — им с большой выгодой продавали зерно и муку, а покупали у них промышленные товары, которые Российско-американская компания загружала в трюмы кораблей.

Второй настоятель, с которым познакомился Завалишин, — Хосе де Альтамира — предстает совсем не похожим на «фанатика» Томаса. Человек умный и честолюбивый, он «был скорее политик и воин, нежели монах... Он носил всегда, подобно всем светским испанцам, ножик или кинжал за кожею, которою они обертывают икры, и которые заменяют у них голенища сапога, так как сапог они не носят, а башмаки». Биографию падре Завалишин не рассказывает, но коротко упоминает о блестящей карьере, которую сулило ему аристократическое происхождение, и намекает на некие обстоятельства, что лишили его карьеры и «забросили на темное поприще миссионера в неизвестном еще тогда углу света». Видимо падре не смирился с таким поворотом судьбы и проявлял большую активность, именно его усилиями была организована новая миссия. По утверждению Завалишина, Альтамира стал самым горячим участником создания «Ордена Восстановления» и воплощения в жизнь Калифорнийского проекта, ему он адресовал из России письма. «Он совершенно вошел во все мои виды и разделил намерения — и был мне ключом к узнаванию всех лиц значащих и незначащих».

Завалишину импонировало и то, что индейцы очень любили падре. Природная ли мягкость, увлеченность ли политическими идеями были причиной, но падре Хосе «не обременял индейцев строгим исполнением обрядов и не был придирчив к ним вообще», как заметил Завалишин. Во время допроса Завалишин показал, что «Альтамيره известно было все, что касается до Ордена». И что орден еще только учреждается, и что Завалишин его создатель: «он первый признал меня, в миссии своей 5/17 февраля, почему я и стал считать себя магистром с сего времени». Уже потом он принял в свой орден Норьегу. Не прервал он отношений с Альтамирой и Норьегой и когда покинул Калифорнию, о чем говорил во время следствия: «Посылая им подарки, сколько жалованье мое позволяло мне делать, и писав к ним всякий раз как имел случай. Последнее письмо,

на языке французском и испанском, было послано в прошлом году (1825-м. — Н. П.) — и имело целью раздражить их против Англии...»

Встречался Завалишин и с начальником миссионеров — отцом-президентом или, как его называли, падре-президентом. Перед самым возвращением «Крейсера» в Россию начальник миссионеров и президент провинции приехали на фрегат с визитом. Беседовать с падре полагалось иеромонаху фрегата, но тот до пострига служил есаулом в Войске Донском, прекрасно разбирался в лошадях, однако ученостью не блистал. Завалишину поручили переводить беседу отцов, вот здесь-то и случился конфуз: «отец-президент стал обращаться к нашему иеромонаху с вопросами о греко-российской церкви, о догматах, обрядах и положении духовенства, о нравственности в народе, а наш иеромонах все только и спрашивал его, что о лошадях и обо всем к ним относящемся». Пришлось Завалишину самому сочинять за иеромонаха вопросы и ответы.

Испанцы и испанки

Для небольшого испанского общества прибытие русских кораблей в Сан-Франциско всегда становилось настоящим событием. И для офицеров после долгого похода и перед предстоящим крейсированием у Аляски посещение Сан-Франциско было удовольствием.

Испанское население Калифорнии составляли в основном военные и их семьи. «Это было не войско в благородном смысле этого слова, но и не солдатчина, — писал Завалишин. — Глядя на их рыцарские доспехи из толстой кожи как достаточной защиты от стрел индейцев, их шлемы и латы со щитами, украшенными гербом Испании (и это уже после отпадения от нее), их можно скорее принять за донкихотов, людей не на своем месте и не своего времени (*deplacés et déclassés*), продолжавших жить в воображаемой сфере, а вследствие этого и действовать подчас соответственно этому фальшивому положению».

Описывая этих американских донкихотов, Завалишин отмечает благородство их манер, деликатность и щепетильность в вопросах чести, простоту взаимоотношений без чинов и званий, умение веселиться без пошлости и пьянства, особенную грацию женщин. Но первое, что бросилось в глаза, — необыкновенное высокомерие потомков Кортеса и Писарро. Даже францисканские монахи подшучивали над заносчивостью испанцев, которые чрезвычайно гордились тем, что первыми нанесли поражение Наполеону.

Чувство собственного достоинства — пожалуй, единственное наследство благородных идалго, сохраненное ими со времен империи. Завалишин очень уважительно отзывался об умении испанцев переносить нищету: «Я не помню ни одного примера попрошайничества, вымаливания, навязчивости с услугами с целью получить что-нибудь и помню несколько случаев вполне бескорыстных услуг, какие они оказывали мне, служа, например, проводниками в очень опасных местах. Вообще они сносили свое оскудение, даже, можно сказать, положительную нищету, с большим достоинством, облагораживавшим их и в рубище — так, поистине, следовало иногда буквально называть их одежду». О былых временах изобилия напоминали лишь сохранившиеся кое у кого столовые приборы из серебра да окованные серебром седла и серебряный набор на уздечках.

Лошадей в Калифорнии было в избытке, все хорошей андалузской породы. Каждый испанец имел несколько лошадей, а кто побогаче — целые табуны. «Здесь испанец шагу не ступит пешком и, раз севши на коня, неохотно с него сходит, так что даже въезжает нередко в комнату (через высокие, по обычаю, двери), чтобы спросить о чем-нибудь». И мужчины, и женщины прекрасно ездили верхом, а другой возможности передвигаться по Калифорнии не было: дорог еще не проложили — только тропы — и даже телег не знали.

Русские офицеры отмечали отвагу и храбрость калифорнийских испанцев. Горячность тамошних мужчин доходила порой до безрассудства, но столкновения между ними случались нечасто, в основном из-за ревности. Завалишин описывает поединки на ножах, свидетелем которых был, и даже называет две системы нападения: андалузскую и наваррскую: «Низкорослый и ловкий андалузец находит более удобным наносить удар снизу, высокорослый и сильный наваррец ломит с плеча, наносит удар сверху. Был, впрочем, еще особенный и весьма опасный способ драться на ножах, состоявший в выкидывании с необычайною ловкостью и силою ножа из рукава. При нас был ранен один солдат этим способом так, что очень длинный нож вошел в тело до черенка».

Сравниться в темпераменте с испанскими мужчинами могли только испанские женщины; случалось, и они оказывались друг с другом «на ножах» — точнее, на саблях. Один из воинственных женских танцев Завалишин описал во всех подробностях. Танец этот, больше напоминающий драматический спектакль, представлял поединок двух девиц. Каждая из них пообещала осужденному на смерть пленнику спасение, если тот женится на ней. И вот жаждущий освобождения пленник опрометчиво дает слово обеим, рассчитывая, что не одна, так

другая непременно вызволит его из темницы. Однако на его беду девицы приходят спасать его одновременно.

Сначала они действуют друг на друга убеждениями, уговаривая соперницу уступить. Не договорившись, берут в руки оружие, то самое, с которым пришли освобождать пленника. И это не опереточные картонные мечи, а настоящие тяжелые испанские сабли, девицы орудуют ими над головой пленника, пока тот стоит на коленях с завязанными глазами, ожидая конца поединка. Все танцевальные фигуры, больше напоминающие военные маневры, сопровождались музыкой и пением. Так и не выяснив, чья любовь сильнее, и устав размахивать саблями, девицы, наконец, приходят к пониманию, кто же главный виновник их бед, — и убивают его совместными усилиями. Остальные женщины под заунывное пение и тоскливую музыку уносят убиенного за двери.

И молодежь, и пожилые испанцы принимали в представлении самое живое участие: «Все, даже старики и старухи... следили за ходом действия». Они выкрикивали одобрение участникам: «Хорошо, молодец!» — или давали советы: «Правее, малютка!» Между зажигательными танцами распевали куплеты:

Когда сердце загорится,
То выбрасывает вскоре
Чрез окна дома^[9]
Яркое пламя.

Среди девушек популярны были и такие песенки:

Матушка, о матушка!
Ты приставила ко мне караульных,
Но если я сама себя не сберегу,
Никто меня не сбережет.

Когда Завалишин описывал испанское общество, в центре его внимания всегда оказывались женщины, у которых он находил и врожденное благородство манер, и особенную грацию, и остроумие, и находчивость, и ловкость, и, конечно, красоту. «Это было почти сплошное население красивых женщин, а такие как Мария-Антония, дочь коменданта, прозванная русскими офицерами Мадонною, Мария Хозефа,

племянница президента, Мария дель Кармель, прозванная Марипоза (Бабочка), и Мария Франциска... считались бы, конечно, у нас первоклассными красавицами».

Чем больше воодушевления и поэтических сравнений в записках мичмана, тем сильнее начинаешь подозревать его в личных симпатиях. Да и как устоять молодому офицеру, если вокруг «сплошное население» красивых женщин? Здесь уже одним этнографическим интересом не ограничишься.

Офицеры знакомились с испанскими красавицами на балах и вечеринках. С фрегата свозили на берег музыкальные инструменты, вина, закуски, посуду, столовое белье; испанцы приносили провизию; русские и испанские повара готовили яства совместными усилиями. Балы устраивали в доме губернатора либо коменданта Сан-Франциско. Подготовкой празднеств распоряжались их родственницы, чаще других — дочь коменданта Мария Энкарнасьон, которую матросы величали «барышня Коронация» и очень любили за приветливость.

Климат Калифорнии, отдых после тяжелого похода, красота испанских женщин вдохновляли офицеров на ухаживания, и неудивительно, что они вдруг начинали сочинять стихи:

Чувств новых грудь полна,
Горю, томлюся я;
К чему-то стремлюся душой,
С неведомой, сладкой тоской!
Быстрее волнуется кровь!
Не это ль любовь?
Кумир всех нежных сердец,
Земного блаженства венец!..

И далее в том же духе. Незатейливо — но для признаний вполне подходит. Завалишин неизменно подчеркивал: в танцах испанки отдавали предпочтение русским.

Мичман мог часто отлучаться с фрегата, и у него было больше возможностей для заведения знакомств, чем у других офицеров. Он признавался: «В поездках моих в миссию мне чуть не каждый день случалось проезжать мимо того места, где женщины из президии мыли белье, подобно царевне Навзикае, все вместе в одном обществе, начиная от сестры президента провинции, жены и дочерей коменданта до простых

солдаток. Бывало, едешь за кустами, подъедешь вплоть и думаешь, всё еще что никого нет. Соседки ведут между собою тихий разговор (*platica*), никогда не перекрикиваются. Если моют одинокие женщины, то еще скорее можно догадаться об их присутствии, ибо в таком случае обыкновенно слышишь, бывало, пение, большею частию какую-нибудь духовную песнь...»

Можно не сомневаться: дорога мичмана пролегла рядом с таким замечательным местом не случайно. Вполне вероятно, что причиной (или следствием) восхищения Завалишина испанками был роман с одной из них. Недаром в своих записках он дает понять, что многие сеньориты охотно пошли бы замуж за русских моряков — при условии, что они не будут менять свою веру и останутся жить в Калифорнии. Здешнее общество было небольшим, мужчины ничем, кроме службы, не интересовались, от скуки играли в карты и наблюдали за петушиными боями. По сравнению с ними образованные русские офицеры, ходившие в кругосветку да еще и, подобно Завалишину, знающие испанский, конечно, выглядели блестящей партией. Правда, похвастаться богатством никто из них не мог.

Воспитанные в строгих католических традициях испанки не позволяли себе никаких вольностей, что Завалишин неоднократно подчеркивал: «Женщины держали себя очень осторожно, с большим тактом и достоинством, и никаких любовных интриг ни с офицерами, ни с матросами не завязывали даже и в шутку». Но разговоры о чувствах они вели и «с удовольствием слушали о том, что неслыханные у них смешанные браки у нас, напротив, вовсе не редкость». В Калифорнии еще была памятна романтическая помолвка камергера Резанова с Марией Консепсьон Аргуэльо. Не делал ли и Завалишин предложение одной из калифорнийских чаровниц?

Обычно словоохотливый, о своих сердечных делах он ничего не говорит. Но из трех писем, привезенных ему из Калифорнии, одно было написано некоей Марией Хосе, что подтвердил мичман Муравьев на допросе. О чем писала девушка, мы не узнаем — этого письма в изъятых следствием бумагах Завалишина не обнаружено. В то же время всё, что касалось его политических проектов, Завалишин тщательно берег — даже черновики, в зашифрованном или открытом виде. Вряд ли Мария писала ему как магистру «Ордена Восстановления»; скорее, письмо было личного характера, а потому адресат не стал его хранить. Возможно, это послание было не единственным. В рассказе о кругосветном плавании, напечатанном в 1877 году, Завалишин с необыкновенной теплотой вспоминал дни, проведенные в Калифорнии, и заключал свое повествование признанием:

«Очень тяжело расставаться... неудивительно, что нас провожали с непритворными слезами и напоминали потом о себе письмами».

Была ли история взаимоотношений Завалишина и Марии Хосе похожа на роман Резанова и Кончиты? Параллель напрашивается сама собой: прагматичный подход дипломата Резанова во взаимоотношениях с испанцами — и калифорнийский проект Завалишина; помолвка и скорый отъезд Резанова на родину — и внезапный вызов Завалишина в Петербург; ожидание юной Кончитой возвращения жениха — и письмо Марии Хосе; скоропостижная кончина Резанова — и 20 лет каторги, по сути, гражданская смерть Завалишина. Оба — и дипломат, и моряк — подчеркивали, что действовали в Америке исключительно в интересах России. Действительно, польза от их действий была. Но были, наверное, и чувства — в этом Резанов признался в предсмертном послании. Завалишин, видимо, тоже руководствовался не одними государственными интересами, когда горячо доказывал сначала императору Александру I, а затем его преемнику Николаю I острую необходимость для себя вернуться в Калифорнию.

Пресидио

Кроме католических миссий Завалишин побывал в пресидио, которые называл «президиями» — хотя они и охранялись военными, но «ни в каком случае... не заслуживали названия крепостей, как иные неправильно их иногда называли». Проживало в каждом пресидио около пятисот индейцев — меньше, чем в миссиях, и разбросаны они были по всей Калифорнии, порой расстояние между ними составляло до 90 верст.

Всего он называет четыре пресидио: самая северная — Сан-Франциско на берегу одноименного залива, «самая важная в политическом и торговом отношении», поскольку ее посещают все иностранные суда, к югу от нее — Монтерей, где находилось управление всей Испанской Калифорнией и проживал президент, Санта-Барбара и Сан-Диего. Пресидио Сан-Франциско он описал довольно подробно: «Большое, четырехугольное, одноэтажное, из необожженного кирпича здание, которого наружная сторона была глухая и поэтому и должна была заменять вал или крепостную стену и составлять главную защиту против нападения диких. Внутри, кругом всего здания, шла галерея или навес, служивший для сообщения всех помещений. Перед единственными воротами стояли внутри две пушки; в Сан-Франциско имелся особый начальник этой

артиллерии, он же начальствовал и батареей, построенною на мысу, при входе в залив, под выстрелами которой и должны были проходить суда». В случае нападения «диких» население окрестных деревень и миссий укрывалось в крепости, на обширный внутренний двор сгоняли скот и свозили имущество.

По мере уменьшения опасности нападения в глухих стенах стали появляться проходы, с внешней стороны лепились пристройки — кладовые, пекарни, склады, сараи. Так что в 1824 году, когда там был Завалишин, «президия Сан-Франциско представляла [собой] уже довольно безобразную грудю полуразрушенных жилых помещений». В одной из таких пристроек, приспособленных под пекарню, команды русских кораблей пекли для себя хлеб и сушили сухари на обратную дорогу.

Жилые помещения испанцев комфортом не отличались: каменные или земляные полы, окна без стекол, закрывавшиеся жалюзи. В холода комнаты согревали углями в горшках или жаровнях. Завалишину как ревизору экспедиции отвели в пресидио комнату, но жить в таком неприспособленном помещении было не очень удобно, и по приказу командира мастеровые настелили привычные для русского человека деревянные полы, застеклили окна, привезли с фрегата запасной медный камин. И вот к Завалишину стали приходить сначала офицеры в свободное от службы время, затем — из любопытства — дамы; в конце концов, его жилище стало местом встреч и свиданий. Женщины приносили с собой рукоделие, читали, беседовали с офицерами; в комнатах стало таклюдно, особенно в праздники, что мичману было уже не до работы.

Праздники отмечали часто, порой по два раза — и не только потому, что испанцы жили по григорианскому календарю, а русские по юлианскому. Испанцы пришли в Америку с востока, русские — с запада, и разница во времяисчислении составляла целые сутки. Так что любители веселиться праздновали каждое воскресенье два дня подряд.

Испанцы очень любили являться на праздники и балы, и рачительный Завалишин дал этому простое объяснение: «Всегда была наша музыка, наши вина и десерт, наша посуда, прислуга и повар; испанцы же доставляли только помещение и простую провизию, которая там ни-по-чем, и приглашали дамское общество». Но для планов Завалишина хорошие отношения с местным населением были залогом успеха: «Это было... не последнею причиной, почему они благосклонно отнеслись к моим проектам насчет устройства будущей Калифорнии».

Кроме миссий и пресидио были в Калифорнии еще алдеи — «просто ничтожные деревни, хотя и носившие иногда пышные названия городов,

как, например, Лос-Анжелес (нынешний мегаполис Лос-Анджелес. — Н. П.), Сан-Хозе». В этих деревнях, состоявших из двух десятков домов, селились отставные солдаты. Испании было невыгодно привозить из Европы пополнение военных, поэтому правительство всячески поощряло отставников обзаводиться домами, семьями, чтобы набирать солдат уже из рожденных в Америке. Военная служба, заметил Завалишин, была там не сильно обременительна, а жалованье — вполне приличное для Америки: даже рядовой получал в год от 140 до 160 пиастров (песо), что составляло от 180 до 210 рублей серебром. Для сравнения: мичманы за кругосветный поход получали по 600 рублей в год.

Встречались в Калифорнии и небольшие фермы — ранчо, и хутора с амбарами, куда индейцы прямо с полей привозили зерно, складывали кожи, шерсть; здесь же жили они сами и стояли их лошади.

Бесхозяйственность по-испански

Когда Завалишин называл калифорнийских испанцев донкихотами, то для такого сравнения у него были веские основания. Вспомним, как герой Сервантеса рассуждал о канувшем в Лету золотом веке, когда достаточно было протянуть руку, и природа щедро отдавала свои плоды: «Кривой лемех тяжелого плуга тогда еще не осмеливался разверзать и исследовать милосердную утробу праматери нашей, ибо плодоносное ее и просторное лоно всюду и добровольно наделяло детей, владевших ею в ту пору, всем, что только могло насытить их, напитать и порадовать». Вот так и жители Калифорнии ждали от природы исключительно милостей.

Какой там плуг с лемехом! — Завалишин был потрясен, когда увидел, как пахут поля, принадлежащие миссии Сан-Франциско-Солано: «За недостатком земледельческих орудий было срублено лавровое дерево, имеющее ветви чрезвычайно извилистые и крепкие. Концы ветвей были заострены, к дереву припрягли несколько пар быков и стали таскать его вдоль и поперек по полю, высохшему от обычной осенней засухи, и выжегши на нем предварительно всю траву. Вот и вся пахота!»

Такой способ обработки земли он окрестил «варварским» и «младенческим». Вспаханное поле засеяли в сезон дождей, на исходе декабря, а в середине января Завалишин увидел его покрытым густой и высокой зеленью. И урожай получали превосходный: пшеница родится сам-10, ячмень — сам-20, кукуруза — сам-120.

Мяса тоже хватало с избытком: «Стада были так велики, что хозяева не

знали им счета и определяли принадлежность стада тому или другому лицу по месту, где оно паслось». Пока стояли в Калифорнии, матросы ежедневно получали двойную порцию свежего мяса прекрасного качества. И за какую цену! «За живого быка мы платили два испанских пиастра, и это, собственно, только за труды поймать его и доставить к месту». Бычью шкуру возвращали продавцу, он ее выделывал и потом продавал — это была единственная статья калифорнийского экспорта. Стол офицеров разнообразили дичью, ее не покупали — добывали сами. Самые меткие стрелки из матросов ежедневно отправлялись на берег и приносили гусей, уток, дупелей, куропаток. Офицеры тоже охотились, за раз стреляли полтора-два десятка гусей.

Желая показать, какими обильными были охотничьи трофеи, Завалишин поведал такую историю. Один из офицеров, Михаил Кюхельбекер (брат Вильгельма по прозвищу «Кюхля»), взял с собой на охоту денщика, чтобы тот нес все, что настреляет его господин. Денщик тот был большой плут, и когда количество добытой птицы приблизилось к двум десяткам, он повалился на землю и начал стонать и охать, жалуясь на боль в ноге. Добрый Кюхельбекер поверил ему, взвалил на себя всю добычу, для денщика вырезал палку и велел идти потихоньку домой. Конечно, фельдшер никаких повреждений ноги при осмотре не нашел, но офицер никак не хотел поверить обману и все уверял, что денщик подвернул ногу.

Офицеры в длительном походе скучали не по свежему мясу, а по молоку и сливкам, с которыми пили чай и кофе. Коров на фрегате пробовали заводить, но безуспешно, а сгущенное и порошковое молоко стоило очень дорого.

Основными продуктами на столе калифорнийцев были мясо, молоко, овощи, у тех, кто побогаче — шоколад отличного качества. Чай и кофе они не пили и готовить их не умели. Завалишин поведал, как однажды падре де Альтамира, заметив, что офицеры после обеда пьют на фрегате кофе, решил сделать ему приятное: «он купил у приказчика Российско-Американской компании кофе, пережег его почти в уголь, настоял его в чайнике как чай и подал мне с торжеством». Завалишин, конечно, поблагодарил за внимание и заботу, но не мог не расхохотаться, увидев удивление падре, отведавшего напиток собственного приготовления.

Примитивной была не только обработка земли: ни жерновов, ни ветряных, ни водяных мельниц в Калифорнии не знали, индианки делали муку, растирая зерна на каменной плите, подобно тому, как в России растирают краски. Из муки пекли пресные лепешки. «Оттого и выходило, что между тем как пуд пшеницы в зерне обходился в рубль серебром, мука,

правда превосходная, обходилась от двадцати до двадцати четырех рублей, да доставать ее можно было только в небольших количествах, фунта два, три, на пирожное», — сетовал хозяйственный мичман. Приходилось морякам покупать у испанцев зерно, самим молоть муку — хорошо, что из России взяли ручные жернова, делать печи и выпекать хлеб для команды.

Наблюдательный Завалишин немало страниц посвятил описанию традиций, привычек, уклада жизни испанцев. И руководил им не только исследовательский интерес. Напомним, что его калифорнийский проект предполагал соседство русских и испанцев в Америке, отсюда и внимание, и стремление изучить детали быта во всех тонкостях.

У калифорнийских испанцев наблюдался «полный недостаток в практических знаниях» — такой диагноз поставил Завалишин, понаблюдав, как они ведут хозяйство. Их многочисленный скот пасся круглый год на прекрасных травах, молоко было в изобилии и отменного качества, но масла и сливок испанцы делать не умели, как не умели коптить, солить мясо и рыбу, приготавливать сухой бульон, сушить плоды, ягоды и варить варенье, словом, не заготавливали ничего впрок. «Все приготовление мяса состояло в том, что изрезав его тонкими пластинками и сильно натерши ломтики с обеих сторон смесью соли с толченым стручковым перцем, они вялили его на солнце». Посты католики испанцы соблюдали строго, но рыбы ловили мало, даже не знали снастей. Чтобы построить лодку, с усмешкой замечает моряк Завалишин, «должны были пустить проживать в президии одного англичанина... заставив его наперед принять католичество».

Но зачем испанцам при таком природном изобилии заготавливать продукты впрок? — У практичного и даже прижимистого Завалишина такой вопрос не возникал: заготовленные впрок продукты испанцы могли продавать морякам и получать большую прибыль. В России еще в древности изобрели множество способов сохранить до следующего урожая всё выращенное и добытое. Когда моряки уходили в длительный поход, то брали с собой квашеную капусту и соленое мясо, варенье и сушеные ягоды, соленую рыбу и овощи. Способы заготовок были всем известны, небогатые помещики сами руководили этим процессом в своих имениях.

Вот как описывает автор «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардт сезонные заготовки: «При помощи моей (недаром же я химик: всё-таки и в поваренном деле могу понять суть) Авдотья, обладающая необыкновенными кулинарными способностями и старанием, а также присущими каждой бабе знаниями, как следует печь хлеб, делать щи и пироги, стала отлично готовить мне кушанье и разные запасы на зиму —

пикули, маринованные грибки, наливки, консервы из рыбы и раков, варенье, сливочные сыры... Всё идет у нас отлично: и масло выделяваем превосходное, и бархатный сливочный сыр... и раков маринуем, и ветчину солим, и гусей коптим, и колбасы чиним, и рябчиков жарим не хуже, чем у Дюссо (знаменитого столичного ресторатора. — Н. П.)».

Потому Завалишин искренне недоумевал, глядя на природное изобилие Калифорнии и вопиющую непрактичность испанцев. Но он был оптимистом, этот «всезнающий» Завалишин, и надеялся: пусть благородные идальго охоты хозяйствовать не имеют — жизненная необходимость должна будет взять свое, им придется обратиться за опытом и поддержкой к иностранцам. К кому? — Надежд на поддержку Мексики, как справедливо полагал Завалишин, у испанцев было мало, да и сама принадлежность Калифорнии Мексике оставалась чисто формальной. К тому же в случае необходимости защитить их Мексика не могла, она не имела собственного военного флота. Завалишин напомнил, что в 1830-е годы, когда пираты напали на Монтерей и жители Калифорнии потребовали защиты, президент Мексики прислал им на подмогу... 300 каторжников. После чего грабежей и беспорядков только прибавилось.

Оставалось обратиться к русским. С ними испанцы давно соседствуют в Америке, имеют дружеские и торговые связи. Единственным серьезным конкурентом России Завалишин считал Северо-Американские штаты, но они вовсе не собирались помогать испанцам и уже давно «острили на них зубы».

Индейцы

Когда Завалишин публиковал свои статьи об Аляске и Калифорнии, в русских журналах печатали переводы романов Фенимора Купера. Публика зачитывалась похождениями зверобоев, пионеров, следопытов, разведчиков прерий, «неистовый Виссарион» Белинский в статье «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море», опубликованной в «Отечественных записках» (1841. Т. XIV. № 1), отзывался о произведениях американского писателя с горячей симпатией: «...На созданиях Купера лежит какой-то особый отпечаток: с мыслию о них тотчас переносишься в девственные леса Америки, на ее необъятные степи, покрытые травой выше человеческого роста, — степи, на которых бродят стада бизонов, таятся краснокожие дети Великого Духа, ведущие непримиримую брань между собою и с одолевающими их бледнолицыми людьми...» Особенный отклик у

читателей находило стремление Купера противопоставить мир природы, в согласии с которым жили коренные народы Америки и частью которого были они сами, и уничтожающий его мир наживы, что развращал и самих индейцев. И в то же время его произведения разрушали идиллические представления читающей публики о «диких и неиспорченных» туземцах, формировали их реальные образы.

Благодаря романам Купера в России зародился и не исчезал многие десятилетия интерес к жизни индейцев, а рассказы путешественников и моряков поддерживали этот интерес, заставляли вольно или невольно сравнивать написанное очевидцами и придуманное американским писателем.

Конечно, Завалишин не избежал характерного для людей той эпохи взгляда на «дикарей». Но он испытывал несомненное сочувствие и расположение к ним и подчеркивал, что индейцы относились к русским гораздо лучше, чем к испанцам. В качестве доказательства он приводит такой эпизод.

Однажды в «крепостце» Сан-Франциско он проходил со своим приятелем Ф. Лутковским мимо тюрьмы, где находился под усиленной охраной индеец Помпонио. Этого предводителя отряда, наводившего ужас на всю округу, испанцы называли «разбойник», а индейцы помогали ему и давали убежище — для них он был защитником, героем вроде Робин Гуда. И все же Помпонио схватили и посадили в тюрьму, позже его расстреляли.

Закованный в цепи, он грелся на солнышке у дверей тюрьмы. Увидев русских офицеров, он обратился к ним по-испански:

«— Мне хотелось с вами поговорить, дон Деметрио!.. Ведь вы два раза были в моих руках. И какой был соблазн! И как разбирала меня охота укокошить этого испанца, Хозе де ла Крус, который был тогда вашим проводником. У! я бы всех их истребил!

— Но за что же ты меня-то пощадил, когда ты, как известно, не щадил никого, кто только попадался тебе в руки?

— За то, что вы и сами по себе были всегда ласковы и милостивы к бедному индейцу, ведь вас довольно знают везде, и в миссиях и в ранчериях; но кроме того, ведь мы знаем, что вы пришли отнять эту землю у проклятых испанцев и освободить бедных индейцев! Индейцу тогда будет хорошо!»

Насколько этот диалог, переданный Завалишиным, соответствовал реальности, трудно сказать; говорить о себе хорошо и много — естественная черта всех мемуаристов, не только Завалишина. Но его постоянное общение с аборигенами, желание расположить их к себе

подарками, купленными на собственные деньги, подтвердили на допросах все офицеры фрегата. «Я знаю, что всякий мой приезд в миссию был для них праздником. Как ни ворчат, бывало, и ни торгуются со мной миссионеры, а я всё-таки выпрошу кому-нибудь прощение или смягчение наказания за дисциплинарные проступки». Один из индейских вождей обещал Завалишину, если русские займут территорию к северу от Росса, переселиться туда со всем племенем и в знак расположения подарил пояс.

Доброе отношение индейцев к русским Завалишин не объяснял только своими действиями, по его мнению, причины находились гораздо глубже — в особенностях русского характера, во многовековой привычке русского народа жить по соседству с иноверцами и другими народами. «Кто изучил русский народный характер, тому хорошо известно, что русские если не возбуждаются какими-нибудь особенными внешними обстоятельствами, очень добродушны и уживчивы со всеми... Русский не презирает ни дикого, ни иноверца; и мы видели, например, в Сибири, как православные жили в одном доме с евреями... при такой совместной жизни русского с евреем богослужебные книги тех и других стояли на одной полке, и в отсутствие русского... еврейские девочки наблюдали за лампадкой перед распятием Спасителя».

Так же, без презрения и насмешек, относились русские и к «диким» народам, говоря, «это так по их вере значит» или «это такая их нация, обычай у них». Потому индейцы любили добродушных русских матросов.

Спустя много лет Завалишин вспомнил этот эпизод не для того, чтобы представить себя в самом выгодном свете; он был убежден: занятие Калифорнии Россией было бы естественным и возможным. Оставалось лишь найти форму соглашения, удобную и выгодную обеим сторонам. И совершить это нужно было как можно скорее. Главная опасность для России, по мнению Завалишина, исходила не от индейцев и даже не испанцев и англичан, а от американцев, энергично продвигавшихся на запад.

Численность населения Верхней (Новой) Калифорнии составляла, по разным оценкам, от шести до десяти тысяч человек испанцев и крещеных индейцев. Сколько было «диких» туземцев, неизвестно, ибо их никто не считал. В сравнении с другими племенами, описанными в романах Купера, индейцев Калифорнии Завалишин находил весьма кроткими: «Конечно, и их доводили иногда до ожесточения зверским обращением, и тогда они совершали с попавшимися в их руки испанцами, особенно миссионерами, зверские поступки; но в их взаимных отношениях незаметно было той суровости и ожесточения как у других племен. Несомненно, что при

хорошем обращении и при правильно направленном воспитании они способны были к развитию: это доказывают многие примеры в миссиях».

Смертность среди индейцев в миссиях была велика: за два года в Сан-Франциско, по донесениям правителя Русской Америки в 1817 году, умерли 600 человек. Причинами их гибели были не только жестокое обращение и тяжелые работы, но и привезенные европейцами болезни.

Жизнь, нравы и обычаи калифорнийских индейцев Завалишин внимательно изучал, делал зарисовки их украшений, оружия и предметов быта. Он заметил, что сплетенные ими корзины и шляпы отличались необыкновенной легкостью, прочностью и не пропускали воду. Свои головные украшения, пояса, наружные стороны корзин и другие вещи индейцы украшали искусно и терпеливо подобранными разноцветными перьями. Завалишин описывает подаренный ему пояс, «переходивший, по преданию, уже несколько поколений в одном племени от одного главного начальника к другому как один из знаков их достоинства и нисколько не утративший своей свежести, несмотря на давнее употребление». При аресте в 1826 году в России у него нашли еще два головных убора из перьев.

Оружие индейцев — деревянные луки с упругой тетивой, которую далеко не каждый сможет натянуть, и стрелы с зазубренными каменными наконечниками, смазанными ядом, — несмотря на примитивность, он считал весьма опасным. И только в одном, по мнению моряка Завалишина, калифорнийские туземцы оказались совершенными «младенцами» — в преодолении водной стихии «они не дошли даже до изобретения плота». По воде они передвигались так: связав два пучка камыша, раздвигали их посередине, пролезали между ними и гребли коротким веслом, похожим на лопату. Камыш позволял держаться на плаву и не тонуть, однако лодкой такое средство передвижения никак не назовешь. Завалишин называл его примитивным, особенно в сравнении с байдарками алеутов, которые не только умело их изготавливали, но и превосходно ими управляли.

Каков был итог его деятельности в Калифорнии? «Хотя я исполнения своих намерений не достиг, — сказал он на следствии, — но цель моя была достигнута отчасти. Я расположил всех в пользу России, раздражил противу Англии и Соед[иненных] Штатов; приуготовил их к принятию Ордена советами, увещаниями и просьбами убедить многих облегчить участь индейцев... Нижний класс меня любил — и воспоминание обо мне не изгладилось и поныне, что заверят все офицеры фрегата, бывшие гораздо после меня уже в Калифорнии».

Конечно, не только внезапный отъезд Завалишина из Америки был

причиной его неудачи; он прекрасно понимал, что окончательно решение принималось на самом высоком уровне — а там решительности-то и не было.

По мнению Завалишина, попытка приобрести Калифорнию мирным путем представилась еще раз, в 1835–1836 годах. В это время главный правитель барон Ф. П. Врангель попытался договориться с властями Мексики о расширении российских владений в Северной Калифорнии. Мексиканское правительство молодой республики охотно согласилось заключить торговое соглашение и уступить территорию — на 20 миль к северу и на 20 миль к югу от Росса — в обмен на дипломатическое признание Мексики Россией. И хотя министр иностранных дел Нессельроде (имевший прозвище «Кисельвроде») обещал рассмотреть вопрос «в скором времени», однако в Петербурге явно не торопились признавать отпавшую от Испании колонию. В итоге вопрос так и не был решен, и Россия установила дипломатические отношения с Мексикой только в 1890 году.

Задолго до этого, в 1846 году, на территорию Мексики вторглись войска США, и в результате проигранной войны Мексика потеряла половину своей территории — всю Верхнюю Калифорнию. «Между тем как мы не смели ни двинуться вперед, ни даже расшириться на занятом уже нами бесспорно месте, по реке Славянке, окрещенной русским родным названием, — американский корабельщик прямо занимает место, никого не спрашиваясь», — горько заключал Завалишин.

Расставание Завалишина с Калифорнией было овеяно легкой грустью. Фрегат быстро поймал попутный ветер и легко вышел из залива в открытое море. А моряки расставались с берегом не так легко, они еще долго — пока можно было видеть — смотрели в подзорные трубы на тех, кто остался на мысу, далеко уходящем в воды залива. «Не без сожаления и мы оставляли Калифорнию, — признается Завалишин, — где нашли и радушный прием, и отдых, и изобилие всего, что нам было нужно, и удовольствие».

Новоархангельск

В Новоархангельск вернулись без приключений и вовремя — в марте начинался лов сельди, и колоши съехались в залив на своих батах, байдарках и байдарках. В это время случилось происшествие, которое еще раз доказало: без защиты военных кораблей население русских колоний вполне могла постигнуть печальная участь.

Весна и лето 1824 года выдались сухими и теплыми, природа как будто возвращала долги за прошлый год, и урожай надеялись получить большой. Чтобы запастись свежими овощами, которых там всегда не хватало, Лазарев приказал устроить на берегу огороды. Матросы вскопали землю, посадили привезенную из Калифорнии картошку, посеяли репу. Колоши очень любили овощи, однако, как заметил Завалишин, сами выращивать их ленились и решили воспользоваться плодами чужих трудов — ночью выкопали только что посаженную картошку. Главный правитель потребовал найти и выдать воров.

«Сначала колоши хотели свалить всю вину на ребятишек, но огород был на отдельном острове, и ребятишки без содействия взрослых не могли, конечно, туда забраться. Когда же объявили колошам, что такое объяснение их не принимается, а чтобы они непременно отыскиали и выдали действительных виновных... то колоши в ответ на это осадили крепость и в свою очередь потребовали возвращения своих аманатов (заложников), постоянно живших в крепости, угрожая в противном случае силою проникнуть в крепость и истребить находящееся за крепостию русское селение».

Одними угрозами колоши не ограничились — они толпами собрались под стенами нижней крепости. Дело принимало нешуточный оборот. Хотя крепость и окружал частокол, но он был ненадежен: «Стена, ограждавшая церковь, адмиралтейство, казармы и магазины, состояла из толстого частокола, или тына, что было вполне достаточно против стрел или даже пуль диких, в случае их нападения; но, к несчастью, каменистая почва не позволяла везде углублять тын в самую землю, а его вдабливали в толстые брусья и поддерживали с обеих сторон боковыми подпорками». Достаточно было выдернуть подпорки, и частокол упал бы сам — через несколько лет колоши именно так и поступили.

Чтобы не подпускать нападавших близко, на верхнем укреплении держали наготове пушки. Но то ли артиллеристы сплеховали, то ли случилось что-то непредвиденное, только колоши вдруг оказались прямо под стенами.

Лазарев, как только увидел грозящую крепости опасность, немедленно начал действовать. К этому времени офицеры основательно исследовали и промерили глубины залива, проходы между мелкими островами, некоторые из проходов оказались настолько глубоки, что фрегат мог подойти прямо к крепости. Лазарев приказал поставить фрегат так, чтобы он мог продольным огнем обстрелять частокол. Колоши не обратили внимания на приготовления на корабле, а когда главный правитель через переводчика

указал им на фрегат — было поздно. Один вид заряженных картечью орудий охладил воинственный пыл колошей и заставил выдать виновных. Впрочем, их вскоре отпустили, пригрозив в случае повторения подобных действий запретить ловить сельдь в заливе. На том всё и успокоилось.

Завалишин рассказывал, что со временем Лазарев даже разрешил вождям племен подняться на корабль. Колошей более всего заинтересовали две вещи: пушки и... тромбон, восхитивший их вовсе не величественным и трагичным звучанием, как можно подумать, а раздвижной трубой.

Эта самая труба приводила в восторг всех аборигенов Бразилии, Тасмании, Новой Зеландии; извлечение звуков с ее помощью представлялось им каким-то магическим действием, а сам музыкант — полубогом и, разумеется, важнейшим лицом на корабле. На Таити, едва шлюпка причаливала, тромбониста несли на берег на руках — единственного из всей команды.

«Крейсер» находился у берегов Русской Америки с сентября 1823 года по декабрь 1824-го, а Завалишин уехал в мае 1824 года. Офицеры промеряли глубины, уточняли карты, наблюдали за ремонтом фрегата, сверяли хронометры. Скудную, однообразную жизнь на берегу скрашивали соревнования по стрельбе из ружей между промышленниками и колошами. В свободное время охотились. Особенно любопытна была охота на колибри — пистолеты для этого заряжали песком. Завалишин обращает внимание: «В такой широте (57° сев.) может водиться колибри, доказательство умеренности в Ситхе климата».

Еще одним развлечением в Ситхе был театр — его устроил один из промысловиков. «В первом ряду были места, разумеется, для офицеров, на стульях, а „дамы“ (жены приказчиков и пр.) сидели во втором ряду на скамейках; за ними помещалась уже остальная публика — стоя; музыка была, конечно, с фрегата». Пьесы для постановки выбирались веселые, например комическая опера «Со всем прибором сатана, или Сумбурщица жена». Порой после окончания спектакля дирижер объявлял: «Завтрашний день, по случаю отправления директора театра на работу, представления не будет». Офицеры от души веселились, слушая такие объявления, находили театр забавным и — вновь приходили на спектакли, потому как других развлечений там не было.

Когда заканчивался сезон лова сельди, между матросами фрегата и туземцами устраивались гонки на лодках. Моряки выходили в море на шлюпках, колоши — на батах, алеуты — на байдарках, мичманы судили соревнования.

«Колоши в наших колониях имели выдолбленные боты (баты. — Н.

П.), не уступавшие в ходу лучшим гребным судам, даже вэль-ботам и гичкам английской постройки, а алеуты носились даже по океану в своих байдарках и ботах или кожаных байдарах».

Некоторые наблюдения Завалишина оказались интересными и, можно сказать, уникальными — например, описание редута Озерского в 1824 году. «Недалеко от Новоархангельска существует озеро, называемое Глубокое; это в миниатюре изображение Байкала, длиною верст тридцать и очень узкое». Почему озеро напомнило Завалишину Байкал? — И то и другое имеет вулканическое происхождение, и горячие ключи в окрестностях Глубокого — неоспоримое доказательство сходства. «Из этого озера вода стремится по утесам и камням водопадом в один из заливов океана, и на этих-то утесах и камнях устроено, как бы висящее в воздухе, деревянное укрепление, составляющее так называемый редут». На фрегатском баркасе от Новоархангельска до редута нужно было пройти верст 25–30, потому что приходилось добираться кружным путем, по глубине. А Завалишин обыкновенно брал байдарку, чтобы плыть напрямик, и только в одном месте, на мелководье, приходилось ее перетаскивать; если же в заливе случалось волнение, байдарку перекатывало через песчаный перешеек.

Редут состоял из небольшого укрытия и водяной мельницы, на ней мололи купленное в Сан-Франциско зерно, и мичман ездил на мельницу следить за помолом. Начальником редута в 1824 году был Шмаков, мещанин из Томска, человек в тех краях легендарный. Когда Завалишин познакомился со Шмаковым, тому было уже 68 лет. В редуте висела картина, изображавшая один из многочисленных подвигов начальника — единоборство с медведем, из которого охотник вышел победителем, о чем и сообщала подпись под картиной.

Рассказывал Шмаков об этом невероятном поединке без тени хвастовства и обращал внимание слушателей исключительно на «бесчестность» медведя.

— А в чем бесчестность-то? — спрашивали заинтригованные слушатели.

— Нет чтоб на равных схватиться, крест на крест, а он, подлец, под силки хватает. Тулуп спас. Ну вот, стал он, значит, драть меня. А я ему как рывкну в глаза! Медведь, трус, хватку и ослабил. Тут уж я кулаком да в морду ему, в морду! Оба глаза вышиб, морду в кровь размозжил.

— И что же?

— Ну, он меня из лап-то и выпустил.

Дивились, хмыкали, смотрели на кряжистого мужика с могучими кулаками, без единого седого волоса на голове, с полным ртом крепких

зубов и... верили.

Другой его подвиг имел и свидетелей, и вещественные доказательства. Однажды на редут напали несколько сотен колошей с винтовками, а в редуте всего 17 человек вместе с начальником. Но отсиделись, дождались подмоги. Шмаков с гордостью показывал всем многочисленные пули, засевшие в стенах укрепления, — доказательство осады.

А вот о том, как колоши едва не захватили его в плен, рассказывать не любил — стыдился. Между тем дело было так.

Однажды Шмаков, выйдя из леса на берег, случайно наткнулся на пятерых колошей. Те радостно закричали — мол, наконец-то ты нам попался, — на что он хладнокровно отвечал:

— Еще бы не попался! Я вас сам искал.

— Зачем ты нас искал? — удивились туземцы.

— А чтобы узнать, кто лучше стреляет — вы или я. Пойдемте в крепость, там уже и цель готова. Пусть стреляет лучший из вас. Если я проиграю — с меня две бутылки рома; проиграет ваш стрелок — мне бобра.

«Колоши насчет искусства в стрельбе очень самолюбивы, — отмечает Завалишин, — но к крепости не поехали, не желая упустить случая овладеть Шмаковым; но и отказаться от состязания было стыдно».

Посоветовавшись между собой, туземцы объявили:

— В крепость не пойдем. Здесь давай стрелять!

— Здесь так здесь, — отвечал Шмаков как можно равнодушнее. — Будь по-вашему. Только пусть сначала самый лучший из вас стреляет, а потом я.

— А во что целить?

— Вот хоть шапку мою на сук повесьте, — сказал он, снимая меховую шапку и показывая на далеко стоящее одинокое дерево.

Когда один из колошей отправился вешать шапку и отошел уже на достаточное расстояние, а другой начал целиться, Шмаков с усмешкой сказал остальным:

— Да крикните, чтоб шапку не держал. А то ваш стрелок еще в лоб его хватит.

Двое колошей пошли по направлению к дереву, чтобы товарищи лучше их расслышали. Шмаков только этого и ждал: мигом выхватил ружье у приготовившегося стрелять, повалил его, отпихнул другого и бросился к стоявшей неподалеку лодке. Оттолкнулся веслом от берега — и лодка понеслась по протокам между островами. Так и спасся.

Завалишин старался и в ссылке читать всё, что печаталось в журналах

о Русской Америке, «бывшей некогда поприщем и целию моей самой напряженной деятельности», — писал он в 1849 году из Читы в Тобольск Ивану Пущину. Он внимательно следил за публикациями, перебирал в памяти события, чтобы вновь убедиться: его предложение присоединить Калифорнию было вполне жизненно. Более того, история подтвердила его правоту: в 1824 году у России шансов на это было больше, чем у США.

Узнав о смерти Петра Ивановича Полетики, бывшего посланника России в США, Завалишин припомнил когда-то произошедший между ними разговор.

— Все это совершенно справедливо, — услышав предостережения Завалишина о захвате Калифорнии США, сказал Полетика. — Впрочем... это не сбудется еще и через сто лет.

Завалишин не согласился — и двадцати лет может быть достаточно. Разговор происходил в 1825 году. «В 1846 г. Соед(иненные) Шт(аты) заняли окончательно Калифорнию, — писал он Пущину. — Итак, мы оба ошиблись — я одним годом, он целым почти веком!» Но видеть подтверждение своей прозорливости ему было горько. «Странно только, как мало справедливого во всем том, что пишут о этой стране», — сетовал он. И потому взялся за перо.

Вся жизнь Завалишина и в ссылке, и по возвращении была проникнута самыми разнообразными общественными заботами; недаром братья Бестужевы в шутку называли его «наш Пик-Мирандоль»^[10] (и «l'omniscient^[11] Завалишин»).

Спустя годы он сохранил эти качества и всё так же поражал широтой своих интересов. Вот каким увидел его в 1860 году писатель-народник С. В. Максимов: «...среднего роста, сухой и подвижный старичок, судя по возрасту (уже тогда под 50 лет), по внешним приемам и по виду казавшийся нервным юношей. Только глубокие морщины на лице выдавали следы тяжело прожитого прошлого, и русский паричок не скрывал следов долгих лет, проведенных в неустанных умственных занятиях». При этом он сохранил не только стройность фигуры и военную выправку, но и юношеский интерес ко многим вещам: «...сельская жизнь одинаково увлекала его живую натуру, как и книги, и литературные занятия, посвященные на этот раз исключительно Амуру и судьбе выселенных туда забайкальских казаков». Завалишин по-сибирски приветливо принимал знакомых и незнакомых, угощал собственноручно выращенными огурцами, вишнями, дынями и арбузами, потчевал домашними сливками «поразительной густоты и аромата». Внимательно слушал собеседника и

сам занимательно рассказывал о житье своих товарищей в Чите и Петровском Заводе. «...никто, идущий на Амур и обратно, не обходил оригинального и уютного домика». Конечно, от собеседника не ускользнула склонность Дмитрия Иринарховича к хвастовству, но «рядом с этим, и как заслоняющая ширма, выделяется его и полная отрешенность от всяких личных интересов как черта, ярко рисующая характер всей его деятельности и проходящая красной нитью через всю его жизнь».

Забвение личного ради служения — вот стержень характера неугомонного Завалишина, который привел его на край света, в Русскую Америку, чтобы попытаться присоединить Калифорнию к России. Все дальнейшие испытания стали тем оселком, на котором отточились лучшие черты характера этого мужественного человека.

Святитель Иннокентий (Вениаминов)

Апостол Аляски и Сибири

Как Попов стал Вениаминовым

Непросто понять в наш прагматичный век, когда ум сосредоточен на поисках удовольствий и комфорта, и наш внутренний человек, убаюканный достижениями технического прогресса, все чаще молчит: почему Вениаминов вдруг, в один момент, решился оставить устроенную жизнь на обжитом месте и отправиться в далекую Америку просвещать алеутов и тлинкитов? Но то, что для нас сегодня является загадкой, для него самого тайной вовсе не было. «От Господа исправляются человеку пути его и... все мы, служители Церкви Его, не что иное, как орудие в руках Его. Ему угодно было назначить мне поприще служения в Америке — и это исполнилось, несмотря даже на противление воли моей» — так объяснял он свое неожиданное и для него самого решение, которое тем не менее оказалось крепко связано с его сердечным желанием.

Когда имя архиепископа Иннокентия (Вениаминова), будущего митрополита Московского и Коломенского, стало известно всей России, его знакомый по Иркутской семинарии протоиерей Прокопий Громов написал и опубликовал в журнале биографию святителя. В ней он рассказал о необыкновенном мальчике, который в четыре года уже читал Апостол в пасхальную службу, затем окончил семинарию, стал священником и, увлеченный рассказами о неведомых землях, уехал на край света просвещать аборигенов.

Преосвященный Иннокентий прочитал свою биографию — и остался недоволен, но вовсе не потому, что автор допустил неточности. «Не на эти ошибки я хочу указать. Для одного этого не стоило бы и пера в руки брать. Кому, кроме моих родных, какая надобность знать — в тот или другой день я родился, в том или другом месяце помер отец мой? Но далее говорится, что я четырех лет на пятом читал уже Апостол за литургиею. Это слишком много сказано! Этого пропустить уже нельзя; иначе это может подать иным повод думать обо мне что-нибудь необычайное, или приравнивать меня Бог знает к кому! И потому я пройду всю статью, напечатанную в Духовной Беседе, поправляя оную, где нужно, и дополню ее некоторыми сведениями

— во славу Божию».

Так благодаря публикации, которая совсем не порадовала архиерея своей очевидной лестью, появилась возможность узнать от него самого, что побудило его совершить миссионерский подвиг, хотя и рассказал он о своей жизни немного и с присущей ему скромностью.

«В метрических книгах, хранящихся в Иркутской духовной консистории, точно написано, что я родился 11 сентября (1797 года), — говорил святитель о своем рождении. — Но мне покойная мать моя сказывала, что я родился в день Андриана и Натальи...», то есть 26 августа (8 сентября по новому стилю). В семье пономаря Евсевия Ивановича Попова и его жены Феклы Саввишны новорожденный был седьмым. Нарекли мальчика именем Иоанн, в память преподобного Иоанна, патриарха Цареградского (VI век).

О первых годах жизни Вани Попова известно мало. Прошли они в селе Анга, что по-сибирски широко раскинулось на обоих берегах реки в 200 верстах к северу от Иркутска. Когда-то он описал свое детство и проделанный им путь из Иркутска в Америку, но в 1858 году во время пожара в Якутске его бумаги сгорели. Больше он к тем записям не возвращался, а в родном селе любил бывать, заезжал туда при первой возможности. И в 1840 году, когда принял постриг и возвращался из Петербурга в Америку уже Иннокентием, епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, и когда по несколько раз объезжал свою обширную епархию, — он непременно сворачивал с тракта, служил молебен в родной Ильинской церкви, заходил в свой старый дом, который с годами сгорбился, врос в землю, так что приходилось низко склонять голову под притолокой, будто кланяясь в пояс родителям, ушедшим в мир иной.

Он вспоминал, что грамоте действительно начал учиться рано — на пятом году жизни; но учил его не дядя, как написал автор биографии, а отец, который тогда тяжело болел и почти всё время проводил в постели. Осенью 1803 года Евсевий Иванович умер, не дожив до сорока шести лет и оставив вдову с четырьмя малолетними детьми без всяких средств. Чтобы не умереть с голоду, Фекла Саввишна отдала шестилетнего Ваню в дом его родного дяди по отцу — Димитрия Попова, который жил здесь же, в Анге.

Семья дяди за богатством не гналась, но хозяйство имела крепкое, дядя умел и плотничать, и столярничать, стоило переступить порог их дома, как сразу было видно мужскую руку и мужской догляд за всем. Он и Ваню стал приохочивать к инструменту.

Дядя служил дьяконом в Ильинской церкви и по вечерам начал

обучать Ваню читать Псалтирь, затем Часовник. Вскоре мальчик действительно читал в церкви Апостол — на седьмом или восьмом году жизни, точно не помнит — зато хорошо запомнил, что было это в праздник Рождества Христова. Да и как такое забыть — ведь Апостол обычно читают за литургией взрослые, особенно в большие праздники, а здесь доверили мальчику. И потому он запомнил ту рождественскую службу на всю жизнь.

Обрадованная его успехами мать надеялась, что он станет пономарем в церкви, как отец, и семья получит подмогу. Она подала прошение — но получила отказ. Зато принять мальчика в Иркутскую семинарию епархиальное начальство согласилось. И пришлось Ване на девятом году жизни проститься с матушкой, братьями и сестрами и уехать из родного села в далекий и пугающий своей неизвестностью большой город.

Неблизкий путь из Анги в Иркутск пролегал мимо Качуга, где Лена круто поворачивала свое извилистое русло, будто указуя место для большого села в образовавшейся излучине реки, и где караваны купеческих подвод всегда делали остановку для отдыха. Ваня вместе со взрослыми напился чаю на постоялом дворе, поел напеченных матушкой шанег и пошел к реке.

Кругом было тихо, ни души, только наст скрипел под катанками. Буйная нравом Лена сейчас мирно спала, скованная льдом, и Ваня долго смотрел с высокого берега на ее заснеженное русло, что угадывалось лишь по прибрежным зарослям сухой замершей травы, и казалось, не одна Лена спит — белое безмолвие навсегда сковало все живое вокруг, весна забыла его родную Сибирь и возрождения не будет. По малости лет он еще не понимал, что его жизнь, как и река, тоже делала сейчас крутой поворот, он лишь остро чувствовал тоску по дому, вспоминал ласковые матушкины ладони, которые стискивали его на прощание.

Словно подслушав его безрадостные мысли, внезапно задул злой хиус, стал высекать из глаз невольные слезы, настырно забираться в длинные, не по Ваниному росту рукава отцовского зипуна. Что-то ждет его там, в далеком городе? Как примут в семинарии? Пойдет ли учеба? На память ему приходили рассказы о казаках — первопроходцах Сибири и Америки, кто дерзко и упрямо шел напролом, ночевал в снегу, сплавался по рекам, тонул в полыньях, вяз в болотах, но, несмотря на все преграды, все-таки вышел к Великому океану. «Помни: ты — сибиряк, — повторял дядя, — значит, выступишь». И напоминал слова псалма: «Господь мне Помощник, и не убоюсь, что сотворит мне человек». Вспомнил Ваня дядино напутствие — и незнакомый Иркутск представился не таким уж и страшным.

В те годы иркутская семинария располагалась на левом берегу Ангары, в Вознесенском мужском монастыре, где непременно старались побывать все, кто переваливал за Урал, — ехали и шли промышленные, купцы, отставные солдаты, странники-богомольцы. Основал монастырь в XVII веке известный своей благочестивой жизнью старец Герасим, и с тех пор паломники нескончаемой рекой притекали в обитель. Три храма, братский корпус, гостиница для паломников, семинария с большой библиотекой, хозяйственные постройки — все радовало глаз своей обихоженностью в монастыре. Но в XX столетии жизнь монастыря круто изменилась, он опустел, постройки начали хиреть и разрушаться. В единственном уцелевшем Успенском храме сейчас вновь идут службы, монастырь возрождается, но, к несчастью, здание семинарии уберечь не смогли — не так давно оно сгорело. И только старые лиственницы, сквозь воздушную крону которых сияет голубизной небо и по-сибирски бодрое солнце, еще помнят звонкие голоса мальчишек семинарии, среди которых раздавался и голос Вани Попова.

Учился Ваня в семинарии 11 лет. Изучал богословские науки и светские — историю, географию, словесность, языки — латынь и греческий, учился на «отлично», «прекрасно» и «превосходно» — такие оценки проставлены в его ведомости. А вот жилось ему без домашней поддержки трудно и голодно. «Чистого ржаного хлеба (без мякины) до выхода из семинарии не пробовал», — вспоминал Иннокентий. Заметим — ржаного, о пшеничном он, выросший без отца, и не помышлял. У кого из семинаристов был в семье достаток — тем помогали, а мать Вани сама еле концы с концами сводила, уж какая там помощь. Но, видно, сильна оказалась молитва Феклы Саввишны о сыне, раз выдержал Ваня первые, самые сложные, годы учебы, не сбился с пути, а вскоре у него появилась и поддержка — дядя Димитрий, овдовев, принял постриг и переехал в Иркутский Вознесенский монастырь.

Из окон семинарии Ангара видна далеко, и хотя она и крутит порой опасные воронки, но в городе течет приметно тихо, по-домашнему неспешно, будто оглядывая предместья: вот горделиво и осанисто выступают добротные, украшенные затейливыми узорами в тонком деревянном кружеве дома, с крепкими воротами на кованых петлях, из тех ворот выходят по утрам на базар с плетеными кошелками хозяйки, такие же дородные и осанистые, похожие на свои дома. А вот там прилепились неказистые, ссутулившиеся, стесняющиеся своей неприглядности домишки, как родной дом Вани в Анге, с подслеповатыми, вросшими по самому землю окнами, в которые и солнечный луч боится заглядывать.

По воскресным дням Ваня выходил с друзьями в город. Переправлялись на лодке на правый берег Ангары, шли по деревянным, весело поскрипывающим на разные голоса, словно в переключке, мостовым, дивились на каменные дома, любовались церквями, возведенными богатыми иркутскими купцами, — Тихвинской, Знаменской, Благовещенской, нарядной Крестовоздвиженской и сохранившейся со времен деревянного Иркутского острога древней Спасской, Богоявленским собором на высоком обрывистом берегу.

Нагулявшись, шли на базар. Не покупать — посмотреть, за погляд, как известно, денег не берут. В рыбном ряду громоздились бочки с омулями и хариусами, рыбыны яростно били хвостами, изгибали серебристые спины, норовя выскочить на волю. В другом ряду теснились кадушки с солеными груздями и хрусткой капустой, из третьего подмигивали разноцветными глазками ягоды — брусника, клюква, черника — так и хотелось запустить руку в берестяные туеса да попробовать, рядом — кедровые орехи, мед с пасеки, жирная бурятская сметана, в которой деревянная ложка стоит и не падает, а там — замороженное молоко на палочке, что само просится в рот. Ядреный дух конского навоза и рыбы смешивался с острым, кислым запахом овчинных тулупов, и приправленные крепким морозцем, сдобренные хвоей запахи били в нос, будоражили, глаза разбегались — не устоять! Как говорится, а страсти так и треплют, так и бьют по бокам. Вот потому в город семинаристов отпускали нечасто — слишком много соблазнов таил он в себе, и не каждый мог свои страсти одолеть, голодному, известно, хлеб и во сне видится.

Когда оканчивались классы в семинарии, Ваня отправлялся к дяде и пропадал у него в келье до вечерней службы. Дядя все так же столярничал и слесарничал, как и в Анге, но Ивану более, чем орудовать молотком и стамеской, нравилось разглядывать загадочный часовой механизм — там дело тонкое, оно мастерства, внимания да терпения требует. А дядя нет-нет да и напомним — терпение ведет к смирению. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Вскоре Иван так приохотился к часовому делу, что дядиных уроков ему стало не хватать.

В это время в Иркутск приехал часовой мастер, чтобы сделать часы на городскую колокольню, поселили его недалеко от семинарии, и Ваня начал к нему захаживать. Сначала Клим учил вытачивать шестерни и колеса, потом Иван сам изготовил из подручных материалов водяные часы, которые каждый час ударяли в колокольчик, чем удивляли и веселили семинаристов. После окончания семинарии он уже и часы чинил, и механические органы с духовной музыкой делал для продажи — вот так

бедность заставила Ивана Попова стать мастером на все руки. Это умение впоследствии пригодилось ему в миссионерской службе, а жизнь впроголодь научила переносить терпеливо, без ропота, нужду.

Он и в своих детях старался воспитывать терпение и смирение. Когда его сын Гавриил, став священником, прислал отцу письмо с просьбой выслать денег, тот ответил: «Ты просишь у меня денег. Я бы дал тебе охотно, но гораздо будет лучше, если ты потерпишь нужду. Кто не испытал нужду, тот не может верить нуждающимся и тот худой хозяин, а худой хозяин — худой пастырь...» И денег не выслал. А когда его дочь потеряла первенца, он, плача о своем внуке, писал ее сестре: «Ежели везде будет счастье, то как раз забудешь и Бога и возмечтаешь, что ты необходимо нужный человек».

Одновременно с Ваней в семинарии учились несколько Поповых, и чтобы их как-то различать, к фамилии прибавляли название места, откуда они родом. Так, Ваню называли Попов — Ангинский, другого Ивана Попова — Тункинский. Но случалось, семинаристы-однофамильцы получали и новые фамилии, как они сами шутили, «по церквам, по цветам, по камням, по скотам, и яко восхощет его преосвященство». Из семинарий выходили Борисоглебские и Космодемьянские, Тюльпановы и Туберозовы, Бриллиантовы и Жемчужниковы, Смарагдовы и Яхонтовы. Одинаковые фамилии иногда переводили на греческий или латынь, и тогда Соловьев становился Аэдоницким, Зайцев — Лаговским. Нерадивых нарекали Фараоновыми и Лентовскими (от *лат.* лентус — медлительный) или как Попова-Тункинского, любившего заложить за воротник, — Дулькамаровым («сладко-горьким»).

Добрых нравом и прилежных в учении нарекали Добролюбковыми, Правдолюбковыми, Усердовыми и Добронравовыми, а кого-то и Фортунатовыми (от *лат.* фортуна — удача). И Ваня тоже мог получить такую благозвучную фамилию — по отзывам преподавателей он показывал хорошие способности, однако его преосвященство «восхотело» наградить ученика иначе.

В ту пору епископом Иркутским и Нерчинским был Вениамин (Багрянский), известный своей миссионерской деятельностью. В свое время он рукоположил во епископа Кадьякского Иоасафа (Болотова) и активно выступал за прославление святителя Иннокентия Иркутского (Кульчицкого). В 1814 году епископ скончался, и ректор решил наградить прилежного ученика Попова фамилий Вениаминов — в память о почившем епископе. Выбор был, конечно, не случайным — можно сказать, его путь к миссионерству начался с перемены фамилии. Впоследствии новая фамилия

сохранилась как единственная, с нею он и был прославлен в 1977 году в лике святых.

Пока Иван учился в семинарии, матушка Фекла Саввишна не оставляла попыток устроить его пономарем на место отца, подавала прошение за прошением — и отказ следовал за отказом. Отчего? — Ведь в те годы в Иркутской епархии остро не хватало и духовенства, и церковнослужителей. Остается только плечами пожать на такую несообразность, но Иннокентий увидел в этом промысел: «потому, что мне суждено служить не на месте моей родины, а в Америке».

Ректор семинарии обратил внимание на Ивана Попова — Вениаминова и рекомендовал для поступления в Духовную академию в Санкт-Петербурге, их было всего двое из выпуска, кто должен был поехать в столицу. Учиться в академии было перспективно: выпускник мог рассчитывать на самые высокие ступени церковной иерархии. Однако двадцатилетний семинарист мечтал о другом — он решил жениться и в марте 1817 году подал прошение на имя епископа о вступлении в брак с дочерью священника Екатериной Ивановной Шариной. Ректор своего согласия, конечно, строптивому семинаристу не дал бы. Но получилось иначе.

К тому времени семинария переехала в новое здание на правом берегу Ангары, а ректор остался жить в монастыре и каждый день, отправляясь в семинарию, переправлялся через реку. «Река Ангара... в тот год (1817), при вскрытии своем, на многие дни прекратила всякое сообщение монастыря с городом, — вспоминал Вениаминов. — Лед на ней сначала прошел было почти совсем, а потом опять остановился на несколько дней и так плотно, что известный тогда в Иркутске монастырский послушник Иванушко перешел чрез него с одного берега на другой».

Ректор — не послушник, по льду переходить с одного берега на другой не будет. И оказался он надолго отрезанным от города, чем и воспользовался Попов-Вениаминов. Когда лед сошел, семинарист был уже женат. «Не будь этого случая — тогда, конечно, ректор не позволил бы подавать мне просьбы о женитьбе. И тогда мне пришлось бы ехать в академию, а не в Америку». Вот так, не по его воле, а по промыслу, строилась лестница, по которой, ступенька за ступенькой, ему предстояло дошагать до неведомой земли на краю света.

По окончании семинарии он был рукоположен во диакона и назначен служить в Благовещенской церкви и в приходском училище учителем 1-го класса. А вскоре, в мае 1821 года, его рукоположили во священника.

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы располагалась на углу Большой и Благовещенской улиц (ныне Карла Маркса и Володарского), в центре Иркутска, и была построена в 1758 году на средства знаменитого иркутского купца Ивана Бечевина. Он прославился тем, что выстроил три храма в Иркутске и снарядил за свой счет экспедицию для изучения «полуденных и северных стран». Бот «Святой Гавриил» ушел к Алеутским островам, где энтузиасты исследовали и описывали новые земли, открыли остров Унга — самый большой из островов Шумагина, и, наконец, достигли Аляски.

Матерая Америка влекла купцов и промысловиков не одной корыстью и торговой выгодой, она тянула к себе не знавших крепостной тягости сибиряков, как всякая новая и еще неизведанная земля, не давала им спать спокойно, пока оставались неоткрытыми и неизученными реки, горы, острова и проливы, неувиденными племена, живущие на островах и в глубине материка.

Благовещенский храм, где отец Иоанн начинал свое служение, до наших дней не сохранился, и не ветхость была тому причиной — иркутские купцы строили надежно и основательно, ему бы еще стоять и стоять не одно десятилетие. Но в 30-е годы XX века по распоряжению властей храм разобрали, чтобы на его месте выстроить жилой дом. Будто предвидя печальную судьбу своего первого храма и желая сохранить память о нем, Вениаминов, став архиепископом, заложил в 1858 году вместе с генерал-губернатором Николаем Муравьевым на Амуре собор во имя Благовещения, который со временем дал имя городу Благовещенску.

Приход у молодого священника был самый что ни на есть сибирский: на службы чинно шествовали со своими семействами и становились у самой солеи разбогатевшие на торговле чаем и пушниной купцы, поодаль занимал места городской люд победнее и попроще, среди них мелькали лица крещеных бурят и алеутов, а в притворе переминались отбывшие каторгу и оставшиеся в Сибири политические и уголовники, — словом, как на ковчеге: «каждой твари по паре». Особенно много было в приходе промысловиков из Российско-американской компании, они возвращались с Алеутских островов, Аляски, из Калифорнии и оседали в Иркутске.

Осенью — едва начался Филиппов пост — появился у отца Иоанна в приходе человек. Был он не молод, лицо обветрено, но одеждой чист и по всему видно не беден. Звали его Иван Крюков, на службы он ходил с женой

— алеуткой. Жил Крюков неподалеку и как-то пригласил отца Иоанна к себе на чай после воскресной литургии. Разговорились. Оказалось, Крюков 40 лет прожил среди алеутов в Америке, с их помощью выстроил деревянную часовню, управлял промысловой артелью, потом заведовал Уналашкинской конторой и за отличную службу получил солидную премию от компании. О чем он только не рассказывал! — О промысле морских бобров, о китах и сивучах, об огнедышащих сопках, гнездилищах орлов и гусей. Но более — об алеутах: о том, какие они честные, добрые и отзывчивые.

— Одно плохо, — завершил он свой рассказ, — священников там нет.

— Как нет? — удивился отец Иоанн. — Я слышал, в Америке служат монахи из Валаамского монастыря.

— Верно, монахи еще при Шелихове прибыли на Кадьяк. Отцы Ювеналий и Макарий церковь срубили и почти всех местных окрестили. В Синоде даже хотели викариатство учредить кадьякское, да не получилось — архимандрит Иоасаф, блаженной памяти, погиб вместе со всей свитой, когда возвращался в Америку. — Крюков перекрестился.

— Среди них и мой двоюродный брат, Дмитрий Попов, — вспомнил отец Иоанн. — Я тогда еще ребенком был, матушка сказывала, брат на клиросе пел. Упокой, Господи, его душу.

Помолчали.

— С тех пор из монахов кто умер, кто вернулся на Валаам, — продолжал Крюков. — Один Герман остался, живет на острове Еловом, именуется Новым Валаамом. Огород развел. — Крюков усмехнулся. — Репу, капусту содит, учит местных картошку выращивать. Школу открыл, крестит алеутов. Сам Баранов покойный, — Крюков с уважением ткнул пальцем куда-то вверх, — доверял Герману.

— А говорите, священства нет.

— Герман не священник, — пояснил Крюков. — Он простой монах.

— Отчего же не рукополагается?

— Говорят, по смирению своему считает себя недостойным.

О трудах Германа (Аляскинского) и о нем самом Вениаминов будет слышан в Америке от русских и крещеных аборигенов. Когда в Валаамском монастыре начали собирать сведения о миссионерском подвиге Германа и прислали Вениаминову письмо с просьбой рассказать о монахе, он чужих историй пересказывать не стал, зато поведал о молитвенной помощи отца Германа в случившемся лично с ним происшествии.

В 1842 году корабль, на котором плыл Вениаминов, попал в жестокий шторм и довольно продолжительное время — несколько дней — не мог

войти в Кадьякскую гавань. Как моряки не пытались лавировать в море, то отправляя парусник под ветер «во всех рифы», то, наоборот, убирая паруса, ничего не получалось. После сороковой попытки моряков одолеть ветер страдавший морской болезнью Вениаминов наконец взмолился, глядя на остров Еловый: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер». Не прошло и четверти часа, как ветер утих, шторм прекратился и измученная команда наконец ввела корабль в гавань. Такова оказалась помощь святого Германа по молитвам святого Иннокентия.

— Так на все оседлости наши в Америке один священник, иеромонах Афанасий, на Кадьяке, — завершил Крюков свой рассказ и пригладил бороду. — От Кадьяка до Уналашки каждый день не наплаваешься. Ежели кто помрет — и отпеть некому... Ох-хо... Вот если бы кто из священства приехал к нам на Уналашку, да остался бы!

— Кто ж поедет на край света по доброй воле? Отцы-то все с семьями. Вот хоть меня возьми — матушка Екатерина недавно родила, сынок Кеша в люльке лежит, мама моя Фекла Саввишна с нами живет, да брат младший Стефан из Анги приехал. Как они-то?

— И то верно, — вздыхал Крюков и опять принимался за свое: — А какие, батюшка, алеуты терпеливые!..

Так и беседовали они месяц за месяцем — Крюков рассказывал о тяжелой, но нескучной жизни в неведомом краю, о красоте Лисьих островов, об отзывчивости алеутов к слову Божию, а отец Иоанн рассказням внимал, да глух оставался, никакие убеждения его не трогали.

«Да и в самом деле, мог ли я или был ли мне какой расчет, судя по-человечески, — признавался Вениаминов, — ехать бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже любви у своих прихожан, в виду и на счету у своего начальства, имел уже собственный свой дом, получал доходу более, чем тот оклад, который назначался в Уналашке?» По-человечески — оно, конечно, так — да вышло совсем не так.

Как раз в это время епископ Михаил (Бурдуков) распорядился опросить священников епархии и узнать: не желает ли кто из них ехать служить на Уналашку. Кто откажется — спросить о причинах.

Священство Иркутска живо обсуждало событие между собой, Иоанн тоже принял участие. Говорил прямо: ежели что случится с нами там, на краю света, кто позаботится о вдовах и детях? Он по себе знал, каково это, остаться без кормильца, помнил, как они с матушкой едва по миру не пошли. И если начальство не замечает нужды священников, живущих за десять верст от него, то есть начальства, что будет с теми, кто уедет за

десять тысяч верст? Поговорили — и дружно отказались. Иоанн Вениаминов в отказе написал: «ехать отказываюсь по причине отдаленности сего места».

Свой письменный отказ он принес в дом епископа. Его пригласили в гостиную и просили обождать. Первый раз он был в покоях преосвященного, волновался, осматривался, как вдруг двери отворились, появился епископ, а с ним — старый знакомый Иван Крюков. Оказалось, перед отъездом на Уналашку он пришел проститься с его преосвященством.

— Так говорите, алеуты усердны к молитве? — спрашивал епископ Крюкова с улыбкой.

— Да, ваше преосвященство, и нравом они добрые, и к слышанию слова Божия расположены, а кто крещен — к молитве очень усерден.

Не раз слышал эти слова отец Иоанн, но в ту минуту они будто впервые прозвучали. Так случается — слышишь Евангелие или молитву много раз, уже наизусть знаешь, не раз сам объяснял смысл, и вдруг — это бывает одно мгновение — будто пелена с глаз спадет: вот оно, про меня сказано и для меня написано. «Я вдруг, можно сказать, весь загорелся желанием ехать к таким людям». Принесенный отказ скомкал, сунул в карман и с той минуты лишь ждал, чтобы объявить епископу о желании ехать на Уналашку.

Услышав просьбу священника, его преосвященство удивленно поднял брови, оглядел молодого человека, тот под суровым взглядом глаз не отвел.

— Посмотрим, — уклончиво ответил епископ.

А вскоре вынес резолюцию: «Многие из священнослужителей отказались от служения в столь важной и подобно апостольской миссии по причинам совершенно неуважительным, и потому консистория имеет дать жребий... (таким-то) диаконам, и тот, кому падет жребий, должен отправиться непременно». Вениаминова в том списке не оказалось, и он огорчился, можно сказать, отчаялся — неужто теперь, когда уже все решено и осталось лишь сообщить жене да матери, — откажут?

Кинули жребий — выпало ехать диакону, приятелю Иоанна по семинарии. Тот — в ноги его преосвященству, молит о снисхождении, мол, родители старые, жена больная, не сегодня завтра помрет:

— Помилосердствуйте — готов хоть в солдаты пойти! Лишь бы не ехать в Америку!

Тяжела оказалась епископская длань — диакона за неповиновение в солдаты и отправили. Много лет спустя Иоанн узнал о судьбе бедолаги — отслужив 15 лет солдатом в Красноярске, тот умер и до самого своего

смертного часа горько раскаивался в упрямстве. А жена, к слову, пережила его на четверть века.

Пришлось епископу дать благословение Вениаминову. Вот так, можно сказать, неожиданно для самого себя 26-летний священник принял решение ехать на край света просвещать алеутов.

Дома его ждали слезы матери и обмороки жены, просьбы подумать о годовалом сыне и мольбы изменить намерение — но он твердо стоял на своем. «Я легко расстался с родиной», — скажет он, вспоминая свой отъезд из Иркутска. А в автобиографической записке пояснит: «Пусть мой пример будет новым доказательством той истины, что от Господа исправляются человеку пути его и что все мы, служители церкви Его, не что иное, как орудие в руках Его. Ему угодно было назначить мне поприще служения в Америке — и это исполнилось, несмотря даже на противление воли моей».

Открывалась новая глава его земного поприща, как сказал герой Н. Лескова протоиерей Туберозов: «жизнь кончилась, начинается житие».

«Свет мал, а Россия велика»

Так однажды сказал спутник И. Гончарова по кругосветному путешествию на фрегате «Паллада». Писателя его слова восхитили, а вскоре он и сам убедился в их справедливости, проехав после кругосветки всю Россию — от Охотского моря до Петербурга — и описав свои впечатления в одном из самых увлекательных очерков.

Семейству Вениаминовых тоже предстояло проделать путь по России, и путь немалый, но в обратном направлении — от Иркутска до Охотска, затем, обогнув Камчатку, по морям Охотскому и Берингову до Русской Америки.

Сейчас поезда преодолевают тысячи километров за день, самолетам требуется времени и того меньше: из Москвы до Иркутска шесть часов лету. Пружина часов раскручивается все быстрее, расстояния будто исчезают, поглощенные неведомой, таинственной силой, скрытой в загадочном часовом механизме, они измеряются уже не поприщами и днями пути, как когда-то, а все чаще иными единицами — денежным выражением стоимости билета на поезд или самолет. Сегодня в дороге особенно и не поразмышляешь — не успели отправиться, как пришла пора готовиться к выходу.

У современников Иннокентия времени размышлять было предостаточно, они, можно сказать, проживали в пути большую часть

своей жизни и не считали это чем-то выдающимся. Так, преодолевший шесть тысяч верст от Иркутска до Охотского моря по казенной надобности человек именовался в России не путешественником, как в Европе, а «проезжим». И таких «проезжих», скачущих на почтовых в разные концы империи, покрывающих расстояния в несколько Европ, были десятки и сотни. Но то были мужчины — чиновники, статские и военные, купцы и миссионеры-монахи, а в семействе Вениаминовых — две женщины и годовалый Кеня.

Отцу Иоанну определенно было о чем поразмышлять дорогой, и то, что он впоследствии будет советовать другим, было им самым осознанно и выстрадано. «Нести свой крест — значит не только терпеливо переносить трудности, случающиеся с нами по независящим от нас обстоятельствам, но также налагать на себя посильный подвиг, сообразный со словом Господним и нужный нам для духовного совершенствования», — писал он в «Указании пути в Царствие Небесное». Его близким тоже предстояло совершить подвиг для духовного совершенствования — и матери Фекле Саввишне, и матушке Екатерине, и младшему брату, который впоследствии станет священником, и даже годовалому младенцу.

Путь им предстоял претяжелый. Судите сами: из Иркутска семья отца Иоанна выехала 1 мая 1823 года, до Аляски добрались 20 октября — полгода в пути. И какого пути! До Киренска ехали на лошадях, затем плыли на барже по Лене до Якутска, у Якутска переправились в лодках на правый берег Лены и через горы пошли к морю.

Это только легко написать: «пошли через горы к морю». А на деле они преодолели не какие-то там живописные холмы — настоящий Монблан Якутии, ответвление Станового хребта — «позвоночника Земли», чьи голые обледенелые вершины, именуемые в тех краях гольцами, и мрачные темные ущелья, поросшие лесом, наводили ужас своей неприступностью и на выдавших виды путешественников. Вот как преодолел грозный хребет Джугджур И. Гончаров, вернувшийся из кругосветки: «Камни заговорили под ногами. Вереницей, зигзагами, потянулся караван по тропинке. Две выючные лошади перевернулись через голову, одна с моими чемоданами. Ее бросили на горе и пошли дальше. Я шел с двумя якутами, один вел меня на кушаке, другой поддерживал сзади. Я садился раз семь отдыхать...»

Спустя много лет Вениаминов и губернатор Камчатки В. Завойко откроют более удобный и короткий путь к морю, на берегу которого будет основан порт Аян. Но в 1823 году отец Иоанн вместе с семьей ехал к Охотску, труднодоступному с суши и не столь удобному, как Аянский порт, на море.

Где же они ночевали и останавливались для отдыха? — В поварнях. «При этом слове, конечно, представится вам и повар, пожалуй, в воображении запахнет бифстексом, котлетами...» — шутил И. Гончаров. В действительности поварня — это необитаемая юрта с очагом посередине и отверстием наверху для выхода дыма. «Если хотите ее сделать настоящей поварней, то привезите с собой повара, да кстати уж и провизии, а иногда и дров, где лесу нет; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, соседей нет кругом; прямо на тысячу или больше верст пустыня, направо другая, налево третья и так далее».

Приходилось везти с собой всё — и постель, и провизию, и посуду, и даже дрова. А кругом безмолвные, безлюдные, пустынные земли с нагромождениями камней, топкие болота с безжалостной мошкой, редкие мелколесья. «Надо быть отчаянным поэтом, чтоб на тысячах верст наслаждаться величием пустынного и скукой собственного молчания», — признавался Гончаров. Или горячим молитвенником, добавим, как отец Иоанн, чтобы отправиться в далекое путешествие с младенцем, слушать вздохи и упреки женщин, с трудом переносивших лишения, и не только добраться до Америки без потерь, но даже с прибавлением — уже на Аляске у Вениаминовых родился второй сын.

В Охотске отдыхали и ждали транспорт до Камчатки, откуда предстояло плыть на Ситху. «Что сказать вам об Охотске? — писал отец Иоанн. — Представьте, если бы кому-нибудь пришла мысль вдруг создать город на пустом и безлюдном месте и вследствие этого он бы устроил присутственные места, дом для служащих, магазины, верфь, гражданскую и военную больницы... послал бы полный комплект чиновников и стражу, словом, сделал бы все, что требуется для города, но о гражданах и забыл бы...»

В этом городе не было жителей — только проезжие, а живущие вокруг тунгусы редко навевались в Охотск. Не бывали в нем по многу лет и священники — «потому что не на чем ехать», а если и находилось на чем — то за свой счет, начальство за прогоны не платило. Когда в 1840-е годы Вениаминов вернется в эти края уже епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, то посетит самые труднодоступные места, в том числе и Охотск, обходя пешком и объезжая свою безмерную и беспримерную епархию на кораблях и байдарках, оленях и лошадях, на собачьих упряжках, алеутских батах и индейских каноэ.

В Новоархангельске они прожили до июля 1824 года, ожидая транспорта на Уналашку. Отец Иоанн в это время служил в церкви Михаила Архангела и, «дабы не праздно жить здесь», преподавал в

училище. Наконец, 29 июля 1824 года семейство Вениаминовых благополучно вышло на берег Уналашки.

Царство ветров

Остров Уналашка — самый крупный камешек в ожерелье Лисьих островов, которое нанизала на нитку неведомая рука, желая украсить могучую грудь Бобрового моря и тем выделить, отличить его от других морей в семье Великого океана. Хотя сегодня Бобровое море именуют Беринговым, оно по-прежнему омывает студеной волной берега Азии и Америки, а Лисьи, вместе с другими островами Алеутской гряды, напоминают о временах, когда и сами острова, и северо-западный берег матерой Америки были российскими — потому что открыли их русские мореходы.

«Вожделенной страной моей» называл Уналашку отец Иоанн. Он прожил там десять лет, исходил, изъездил остров вдоль и поперек, исплавал все его бухты и заливы, поднимался в горы и спускался в ущелья и каждый раз заново — словно видел в первый раз — ощущал обаяние его неяркой, скромной красоты. Летом он исследовал Уналашку и соседние острова, а зимой читал записки путешественников, когда научился языку алеутов — беседовал со стариками, записывал их предания и сказки, были и небылицы о происхождении Алеутских островов.

В своем трехтомном сочинении «Записки об Уналашкинском отделе» он пишет: «Остров Уналашка по-алеутски называется ауань алахсха или науань алахсха — то есть вот это алахсха... длина его простирается до 150, ширина самая большая более 50 верст, а в западной (половине. — Н. П.) — не более 10». Хлебникову остров очертаниями напоминал серп молодой луны, на первый — да и на второй — взгляд казался суровым и нелюдимым. Вениаминов смотрел на остров другими глазами, и его «местоположением, видами и даже картинами... с истинным удовольствием сердца наслаждался».

Форму острова он тоже описал иначе: «северо-западная сторона его изгибается почти под прямым углом, а южная — несколько колесом». Горы разделяют его на две неравные части — восточную, отмеченную высокими вершинами и хребтами, что теснятся длинной грядой, и западную — там горы пониже и между ними расстилаются равнины с густой и сочной травой. В северо-западной части острова горделиво возвышается местная достопримечательность — огнедышащая сопка Макушинская, ее высота

составляет 5,5 тысячи английских футов, как заметил Вениаминов, «по измерению Ф. Литке». С прославленным мореплавателем и ученым они познакомятся в 1827 году на Уналашке и потом долгие годы будут писать друг другу, Вениаминов — сообщая свои наблюдения, Литке — высоко оценивая деятельность священника как исследователя.

О сопке с вулканом говорили многие мореходы, последний раз его извержение видели в конце XVIII века. Вениаминов «извержения пламени» не видел, но вулкан, как заправский курильщик, дымил все годы, не переставая, и время от времени погромыхивал, откашливаясь.

На острове было несколько малых бухт и три бухты для больших судов — Корабельная или Бобровая, Английская — куда заходил с экспедицией Кук, и самая безопасная — Капитанская, в этой лучшей гавани Алеутских островов впоследствии расположится военно-морская база США Датч-Харбор.

Рек на острове оказалось немало, все они были неширокие и неглубокие — не в пример Лене или Иртышу, но с чистой, хрустальной прозрачности водой и студеной до ломоты в зубах. Начало они брали в горах, встречались и те, что вытекали из озер, как Ангара из Байкала. В хорошей воде и рыбы много — кижуч, горбуша, гольцы, в море — палтус, треска, калага (навага). Ко времени прибытия Вениаминова каланов на островах уже основательно повывели, киты, сивучи, нерпы, котики и моржи приходили редко. А вот другого зверья все еще хватало, особенно много было лисиц — потому острова и назвали Лисьими — черно-бурых, красных и сиводушек, бегали ушканы (зайцы), встречались тарбаганы (сурки). Птиц гнезилось великое множество — орлы, гуси, утки, чайки, не считая мелких пташек, которые услаждали слух в хорошую погоду, как в райском саду, и настраивали на поэтический лад.

«Представьте себе, что мы сидим на гладкой, сухой, покрытой травами и цветами подошве подоблачной горы, — описывал Вениаминов свои впечатления в письме. — Подле алмазного ручейка, катящегося по разноцветным камушкам между берегов гладких, ровных, усеянных цветами, в коей играют золотые рыбки, ну, хотя не золотые, а жирные гольцы. Перед нами поодаль на гладкой пространной долине более тридцати человек собирают сено, припевая песни на разных голосах и языках. А там вдали пасутся тучные стада, ну, хоть не стада, а двенадцать компанейских коров... при обширном озере охотник скрадывает жирных уток. Дамы наши, поднявшись немного на гору, собирали ягоды, все, какие здесь есть. Мы же, пока варился чай, неводили золотых рыбок — ведь, право, картина!...»

Пейзажи долин в погожую пору рождали романтическое настроение, потому что в остальное время года приходилось довольствоваться унылым и однообразным видом покрытых снегом горных хребтов. Природа как будто хотела успеть расцвести в короткое северное лето цветами и травами, созреть плодами и щедро порадовать обитателей суровых мест, примирить их с неизбежностью наступления холодов.

Чуть иронично, с легкой усмешкой, описывает красоты Уналашки отец Иоанн, — и рыбки там золотые — «ну хотя не золотые, а жирные гольцы», и по-библейски тучные стада — «ну хоть не стада, а двенадцать коров». Он почти доволен своей жизнью на новом месте — «поелику, будучи здоров, могу быть весел, спокоен, безбеден и счастлив. Это от меня зависит, а более что нужно?».

Что нужно? — Ну, наверное, дом для семьи: четверо взрослых и двое младенцев не птахи — хотя и птахи гнезда вьют, и звери норы роют — где-то жить нужно. В первое время поселились в полуземлянке, сложенной из плах и насыпанной поверх землей. Легко догадаться, какие речи говорила матушка Екатерина, увидев их первобытное жилище — и это после просторного и теплого иркутского дома с большой печью! Отец Иоанн и сам готов был избу рубить — недаром у дяди Димитрия в учениках ходил, и помощников бы нашел — да не из чего рубить, не рос лес на острове. «Кусточки, листочки, травочки, цветочки... очки и проч. Все было и есть, да только лесочков-то нет», — сетовал он. Море изредка выбрасывало на берег плавник — вырванные с корнем деревья, будто с недоброй усмешкой напоминая островитянам: мол, есть на свете тенистые ельники и светлые березовые рощи, есть — да не про вашу честь. Печи в землянках топили высушенным плавником и кустарником, который в изобилии рос на острове. А ведь семейству еще провизия нужна, запасы на зиму, младенцам — молоко. «В рассуждении своего состояния я не могу сказать вам, что я доволен, поелику я человек, а человек чем может быть доволен?» Но он молод, здоров и уже потому — счастлив.

Первое, написанное им прошение — о выделении семейству коровы. Корову дали — и еще 30 пудов муки ржаной, 10 — пшеничной, булки, сухари, 5 пудов круп, 3 пуда масла, 2 пуда сахара, 10 фунтов чаю, по 2,5 пуда мыла и свечей, ведро водки и 2,5 пуда табаку — это на год за счет компании, жалованье положили годовое 1200 рублей. Но и провизию, и жалованье нередко задерживали, порой на полгода, а то и на год. Так, в 1826 году компания задолжала священнику 500 рублей, то есть почти половину жалованья.

И приходилось самим сушить рыбу, копать огород, собирать ягоды,

солить грибы и одновременно вести наблюдения. «Изобилие ягод зависит от количества снегов, зимою лежащих, — замечал Вениаминов, — и от теплоты весенних месяцев, а созревание — от теплоты летней». Иногда по весне ягод завязывалось много, особенно малины, но если лето случалось короткое, она не успевала вызреть. Кроме малины собирали чернику, голубицу, клюкву, княженику и «самую лучшую из всех здешних ягод по своему аромату — землянику», особенно сладкой и пахучей она росла на низких и песчаных местах.

В его записках есть целая глава с описанием растений Уналашки, обязательным указанием их названий на латыни, объяснением мест произрастания и особенностей. Чего только нет в этом списке! — с неизменными дополнениями, съедобные ли растения и ягоды, и если съедобны — то каковы на вкус. Вот, к примеру, известная северным народам шикша (водяника) — «ягоды сии в некоторых местах имеют очень порядочный вкус, и только одни эти ягоды алеуты собирают и запасают на зиму». Или красная ягода, по-алеутски какамагдин, то есть сухие ягоды, похожие на красную смородину, их в пищу не употребляют, «потому что от излишнего употребления оной делается головная боль». Черная или медвежья ягода, видом напоминающая черную смородину, по-алеутски чикатун, «производит рвоту».

Ива, ольховник, бузина, замечал он, не растут как в Сибири, вертикально, а стелются по земле. Описывая растущую на острове флору, не забывал упомянуть отсутствующую: так, привычных русскому глазу ромашки, полыни и крапивы он там не встретил. Зато нашел обилие грибов — белые, красные, величиной иногда с тарелку, маслята и самые сибирские — грузди, — их было особенно много дождливой осенью и, что приятно, — «всегда без червей».

Травы в долинах росли густые и высокие, корма для коров хватало, но скот, на удивление, тучностью не отличался. «И это, я полагаю, оттого, что травы здешние... от испарения моря и недостатка солнечного света водянисты и не столь питательны». К тому же через три — пять лет пастбища неизбежно зарастали сорной травой, и приходилось косить на новом месте. Никто, кроме священника, коров в личном хозяйстве не держал. «Содержание коров очень затруднительно и дорого, ибо сена надобно приготовить не меньше, как на шесть месяцев».

Свиней и коз русские пытались заводить, но они, гуляя по острову, разрывали землянки алеутов и доставляли много других неприятностей. Свиней несколько раз перевозили для откорма на безлюдные соседние острова, однако животные или замерзали, или дичали. Для коз сена на зиму

требовалось не меньше, чем для коров, и лучшего качества. А вот уток и кур держали, хотя и не помногу, но все семьи, и вольный воздух острова сотворил с курами удивительное превращение: они там хорошо летали, «так что о них нельзя уже сказать, что курица не птица». Чего на острове действительно не хватало, как считал Вениаминов, так это лошадей, корму для них было достаточно, «по мнению моему, здесь весьма удобно и нужно иметь лошадей».

Описывая топографию острова, Вениаминов начертил карту с указанием бухт и течений в проливах, селений и числа жителей в них, он изучал вулканы и льды, исследовал флору и фауну, горные породы, почвы и минералы. Почва острова состояла в основном из «красноватой глины или черной вулканической сажи, перемешанной с песком и присыпанной землей от 3 до 12 дюймов». Что и говорить, это не чернозем Центральной России или Новороссии, вырастить на такой почве что-либо трудно. А вот яшма, халцедон, кварц, сиенит, змеевик, гранит, обсидиан, вулканический туф и песчаник встречались в избытке. Хлебников увлекался собиранием минералов, составил большую коллекцию, и Вениаминов присылал ему камни.

Всех, кто видел Уналашку с борта корабля или ступал на ее каменистый берег, удивляло: почему на материковой Аляске лес растет в изобилии, а на острове его нет? Вениаминов слышал и читал мнения исследователей о причинах подобного явления и не соглашался, что сильные ветры препятствовали росту деревьев: «напротив, потому здесь так сильно дуют ветры, что нет лесу». В 1803 году из Ситхи привезли и посадили несколько саженцев елок, они прижились, и спустя 20 лет Вениаминов увидел их стройными и крепкими. Раз деревья приживаются — значит, нужно их сажать. «Как видно по пластам земли, еще не слишком давно начали одеваться растениями здешние острова. И потому стоит опытным лесоведам посеять здесь подходящие климату растения — и зашумят дубравы и рощи».

Что могло вырасти на островах, где погода не баловала теплом не то, что лишним — необходимым? Алеуты земледелием не занимались, но семьи русских пытались сеять хлеб и разводить огороды. Как и полагается естествоиспытателю, Вениаминов проводил опыты и наблюдения, каждую из культур пытался вырастить сам и начинал описание с традиционной фразы ученого — «опыты показали». Итак, «опыты показали»: картофель, репа, редька, морковь и свекла растут прекрасно, особенно крупной и вкусной получается репа. А вот картофель мелкий — «не крупнее пули», урожай бывает сам-четыре, иногда сам-семь, что для северных краев

совсем неплохо. Огурцы и капуста не созревают, то есть посевы всходят, но не успевают завязаться «даже под стеклами» — это означало: отец Иоанн и теплицы на острове строил. Та же история с самыми необходимыми и популярными культурами — пшеницей, ячменем и горохом, они тоже всходили, но не успевали вызреть в короткое лето.

Начинания отца Иоанна быстро распространялись по острову, недаром он заметил, что после 1826 года, то есть после его приезда, уже и алеуты приохотились к земледелию. Пришлось ему наставлять своих прихожан не только в вопросах вероисповедания, но и в огородничестве: картофель у них не родился оттого, что слишком глубоко закапывали, пока ростки покажутся — зима наступит. Он же и сроки посадки определил: «Садят в первой половине мая, а собирают в последних числах сентября или в первых октября». Удобрение использовали оригинальное — морскую капусту.

Но как бы ни пытались возделывать здешнюю землю, сколько бы труда в нее ни вкладывали, отдавала она крохи, да и те неохотно. И если север России называют полосой рискованного земледелия, то на Уналашке рискованна и сама жизнь. «Здесь человек не рискует одною только водою и воздухом, — писал отец Иоанн, — а все прочее зависит от случая».

Климат островов оказался тяжел даже для закаленных и неизнеженных комфортом сибиряков. В Сибири зима суровая, но воздух сух, в году много солнечных дней, бодрое сияние небесного светила примиряет и с поздней весной, которая будто примеривается: поторопиться к сибирякам или еще испытать их на прочность; коротким и нежарким летом и продолжительной сухой осенью. Иная погода на островах.

Начать с того, что привычных времен года здесь нет. «Можно сказать решительно, что здесь нет обыкновенных времен года, но вместо всех их здесь царствует вечная осень», — писал Вениаминов, определяя единственный сезон острова как нечто среднее между августом и ноябрем. Только по растительности и можно было догадаться — зима или лето, и по календарю, конечно. Хотя острова лежат на несколько градусов южнее, чем расположенная рядом Ситха, средняя температура на Уналашке вдвое ниже, чем на Аляске, и составляет плюс 3,5 градуса С.

Погоду делают на островах ветры — стоит задуть ветрам с моря или с запада, как температура резко падает и становится холодно даже на солнце, и, наоборот, — если дует восточный или южный ветер, наступает ощутимое потепление. В календарное лето воздух может прогреваться до плюс 20–25 градусов, пока не задуют холодные ветры, такое же непостоянство наблюдается и зимой. Скажем, установилась в декабре

морозная погода, температура понизилась до минус 16 градусов С, выпал и лег снег, можно сказать, зима вступила в свои права. Но вот подул восточный или южный ветер — и тотчас температура повысилась до плюсовой, наступает оттепель, и если ветры не утихают несколько дней подряд, даже в низинах сходит снег. Переменились ветры — возвращается мороз.

Вениаминов описал такую «зиму» в феврале 1826 года — с 9-го по 28-е было так тепло, что появилась трава, а с 1 марта вернулась настоящая зима, лег глубокий снег и пролежал до середины мая. Старожилы рассказывали, случалось, снег выпадал и летом, в августе, и приходилось собирать ягоды в рукавицах, выкапывая их из-под снега.

1828 год принес островитянам нескончаемые беды, вот как описывал «местные обстоятельства» отец Иоанн в письме. «Нынешняя зима у нас была очень снежна и довольна холодна (морозу было до 13 град{усов}^[12]. И продолжалась почти до половины мая, в половине мая были льды у Аляски, и тогда морозу там было 5 град{усов}. Еманы, или козы, бывшие здесь, все погибли от неимения пищи. Правда, досталось и коровам, до половины почти убавило. Лето стоит самое худое, дождливое и туманное, рыб почти совсем нет... Ягоды еще не созрели, да и едва ли созреют, ибо все еще цветки, а ягодки еще впереди. Мы были вчера в поле (12 авг{уста}), и малина еще цветет, а шикша чуть начинает. И так все что-то не веселит, и нынешняя зима, однако, надоест всем, и особенно питающимся рыбою».

Несмотря на тяжелый климат, алеуты и русские болели редко, чаще инфекцию привозили к ним на кораблях, и тогда эпидемия выкашивала и так немногочисленное население островов. «Прошедшею осенью здесь были поветрия: кашель и колотье. И почти всех перебрала и убавила народонаселения, и особенно на Унге, где она была в октябре. Меня Бог избавил, и едва ли не я один только не испытал ее. Сказывают, что завез сию заразу нам „Рюрик“ с островов...»

Вениаминов десять лет вел метеорологические наблюдения, измерял температуру и показания барометра, заносил их в журнал и отправлял на кораблях компании в Петербург. Он описывал календарную весну, которая наступала не ранее середины апреля, и лето, что устанавливалось с середины июля, наблюдал, как в октябре приходит осень и с середины декабря — зима. Он подсчитывал сухие и дождливые, ясные и безоблачные дни, солнечных оказалось в году от 100 до 160; замечал, при каких ветрах выпадал сухой и при каких — мокрый снег; в какие месяцы обыкновенно сходили туманы, он даже описал некое свечение у горизонта,

напоминающее северное сияние, что случилось в феврале 1831 года. Его метеорологические наблюдения получили высокую оценку Ф. П. Литке, будущего президента Петербургской академии наук. «Поблаговолите отцу Иоанна, — просил он в письме Ф. П. Врангелю, — не от моего лица, а от лица науки за продолжение его присылок... Я твердо уверен, что он по всем отношениям мог быть полезнее всех своих собратьев, вместе сложенных и помноженных на десять».

Анализируя многолетние наблюдения, Вениаминов определил факторы, влияющие на погоду в Уналашкинском отделе. Первый из них — холодное море, что окружает острова, в нем температура редко поднималась до плюс 6 градусов, и «ветер, с которой бы стороны ни задул, пробегаая пространство моря, должен принять и температуру, близкую температуре воды». К тому же острова лежали на границе двух морей, «одно касается экватора, а другое — полюса», и потому здесь «вечные облака», замечал отец Иоанн. Влияли на климат и понижали температуры льды, их почти каждую зиму пригоняли к островам волны Берингова моря, да и сама почва острова из-за неглубоких снегов промерзала от 4 до 10 дюймов. И конечно, влияли на климат горы, вершины которых покрывали вечные снега, если ветер задувал с гор, то «пронизывал до костей».

Старожилы острова вспоминали, что раньше лето было теплее, зима — морознее, снега — глубже и ветров было гораздо меньше, и если уж они задували, то «во всякое время года дули свои известные ветра». Но времени, когда бы ветры вовсе не дули, старожилы не помнили. Как определил Вениаминов, поистине — «здешнее место есть царство ветров».

Честные «дикари» и «культурные» мздоимцы

Населению островов и Аляски Вениаминов посвятил два тома своих «Записок...», подробно описав внешность, характер, уклад жизни, привычки и обычаи аборигенов, созданные ими сказания и мифы. В то время когда Вениаминов жил на Уналашке, К. Хлебников собирал материал для своих «Записок о колониях в Америке» и нередко просил отца Иоанна расспросить старожил о том или ином событии, собрать сведения о жителях. Так, подвигнув Вениаминова к разысканиям и наблюдениям, Кирилл Тимофеевич стал невольным вдохновителем его литературных трудов. Сам Вениаминов, проявляя необычайную скромность, своей писательской работе значения не придавал, называл «маранием»: «...я не думал никогда быть сочинителем, ничего не собирал, но если угодно вам...

я постараюсь вам доставить все то, что я могу спросить-узнать-собрать-заметить-сказать и проч., проч. касательно здешних происшествий». Свои заметки он переслал и великодушно предложил Хлебникову, не смущаясь, использовать их и даже напечатать под своим именем. Однако Хлебников высоко оценил труды отца Иоанна, в ссылках не забывал указывать его имя и хлопотал об издании «Записок...» Вениаминова в Петербурге. «Книга эта... замечательна тем, что написана прекрасным, легким и живым языком», — отзывался о ней И. Гончаров.

Алеутов описывали многие из тех, кто побывал на островах: правитель Баранов, когда зимовал на Уналашке, мореплаватели Давыдов и Сарычев, ученый Лангсдорф и священник Вениаминов. Сравнивая эти описания, нетрудно заметить очевидные различия: у Вениаминова алеуты выглядят совсем иными людьми. Нет, особенности их бытовой жизни остались теми же, и в оценке характера алеутов нет и намека на прекраснодушие — но мы не найдем и естественного, казалось бы, отвращения и брезгливости к «диким». С доброй и участливой улыбкой смотрит он на алеутов, в то же время взгляд его глубок и внимателен, замечания остры и точны, они выдают в нем тонкого психолога. Не придавая значения своему «маранию», Вениаминов тем не менее уловил и обозначил главное в письме: «Писатель должен не только знать и понимать свой предмет, но и чувствовать, живо чувствовать».

Итак, алеуты в описании Вениаминова невысоки, худощавы, цвет лица их смуглый, волосы черны и жестковаты, усов и бород у мужчин почти ни у кого нет, лишь старики носят небольшую седую бородку, ступни и кисти рук грубы и велики, маленькой женской ножки, по замечанию автора, в тех краях не встретить. Лица скуласты, но не так резко очерчены, как у якутов, зубы удивительно «белы, чисты и всегда здоровы», брови над темно-кариими глазами круглы и черны, ресницы густые, но не длинные, щеки полные, особенно у женщин и детей.

Ноги кривы, ступают они пятками не внутрь, а наружу, так что редко какой русский пройдет след в след за алеутом по тропке, проложенной им в снегу. «Но зато алеут, когда сидит в своей однолючной байдарке, и, разумеется, в своем национальном костюме, совсем другой человек, чем на земле; в то время кажется, что он создан для байдарки, или байдарка изобретена для того, чтобы показать его с самой лучшей стороны. Случалось мне видеть несколько раз русских, сидящих в байдарке, но никто из них, даже из самых бойких и статных, не делает такого вида, как самый обыкновенный алеут». Алеуты поражали русских остротой своего зрения, они раньше их замечали в море приближающуюся байдарку,

быстрее начинали различать лица сидящих в ней и благодаря великолепному глазомеру правильно могли рассчитать скорость волны, а уж превзойти их на море никто из русских промысловиков не мог. Прекрасное зрение алеуты сохраняли до глубокой старости и очков не носили.

Вениаминов, без преувеличения, пропел гимн алеутской байдарке и мастерству алеутов управлять ею и говорил он со знанием дела — байдарка долгие годы была для него главным средством передвижения. Но еще более он поражался чрезвычайной выносливости алеутов: «Мне случалось езжать с ними от 14 до даже до 20 часов, не приставая к берегу, и во время таковых переездов они останавливались не более 1 разу и не более как минут на 15». Он восхищался силой и неутомимостью алеутов, ему случалось проходить с ними за один день от 35 до 50 верст, при этом его спутники несли на себе поклажу весом от полутора до двух пудов, и не одни мужчины — женщины тоже! Если отец Иоанн не уставал удивляться алеутам, мы, читая эти строки, — его выносливости и физической силе.

Он отмечал в жителях островов и Аляски храбрость, когда они охотились на медведей с одним луком или ружьем, в одиночку въезжали на байдарке в стадо китов и нередко проявляли завидную ловкость и находчивость. Так, один охотник при нападении на него медведя успел схватить зверя за уши и сесть на него верхом, а потом заколол его. «Они не боятся моря и зверей, но боятся только людей (и весьма справедливо)», — заключал отец Иоанн.

Основной пищей алеутов была сушено-вяленая рыба — юкола, которую, раскрошив, обязательно смешивали с китовым жиром. Если есть ее долгое время без жира, появлялся кровавый понос и человек умирал. С жиром ели и ягоды, размяв их; собственно, это были основные блюда алеутов, которые готовили алеутские женщины. Мясо они тоже ели, но чаще в сыром или вяленом виде, хотя иногда могли его если не поджарить, то разогреть на огне.

Назвать алеутов «всеядными», как камчадалов, по мнению Вениаминова, было нельзя. Они вовсе не ели грибов и не употребляли в пищу овощи, если земля под огород была унавожена. Разводить животных и птиц, выращивать овощи и хлеб алеуты научились у русских, от них же переняли и любовь к чаю, напитку необходимому в «местах прохладных и без водочных». Многие так пристрастились к чаепитию, что готовы были променять рюмку водки на чашку крепкого чая.

О вкусах не спорят, вот и Вениаминов не спорил, не осмеивал вкусы алеутов, назвав их гастрономические предпочтения одним словом —

«особенные»: «Чтобы с аппетитом кушать китовину или квашеные рыбы головки, и кислую икру считать деликатным кушаньем — для этого точно надобно иметь свой вкус».

Прожив с алеутами бок о бок десять лет, выслушивая их рассказы, отец Иоанн имел возможность изучать их характер во всех проявлениях и в самых разных обстоятельствах, тем и ценны его заметки, что о своих соседях он знал не понаслышке. Особенно хорошо человек виден в деле. Каково было первое делание священника и миссионера? — возведение храма. Когда из Ситхи доставили на Уналашку еловый лес, он еще говорил с алеутами через толмача, и все же работа пошла скоро, помощниками алеуты оказались толковыми и способными.

Сначала отец Иоанн служил под открытым небом, потом в недостроенном храме — первая литургия прошла 1 августа 1824 года, и в память об этом событии ежегодно совершали вокруг селения крестный ход. 29 июля 1826 года храм был освящен в честь Вознесения Господня. Деревянный храм, построенный руками Вениаминова, до наших дней не дожил, но в перестроенном виде церковь Вознесения стоит на Уналашке и поныне, иконы, перед которыми молился святитель, и вся утварь бережно сохраняются алеутами.

Пока возводили храм, они перенимали плотницкое, столярное, слесарное дело, учились ремеслу кузнецов и купоров (бондарей). После храма срубили избу для семейства священника — за годы пребывания в Америке матушка Екатерина родила еще шестерых.

Со временем алеуты научились у отца Иоанна сапожному делу и портняжному, он заметил, что они «смышлены и умеют выгадать время и материал» — а это уже признак мастерства. Освоили и другие ремесла, и даже починку и изготовление часов, что так любил Вениаминов.

Среди мальчишек он заметил креола Василия Крюкова, тот проявлял внимание к живописи и оказался талантливым мальчиком, под руководством отца Иоанна начал писать иконы для храма. Схватывал быстро и вскоре стал отличным живописцем, рисовал портреты удивительной похожести — стоило ему взглянуть на человека два-три раза — и тот являлся «живым на бумаге, со всеми выражениями лица».

Алеуты перенимали не одни ремесла, им оказались по душе интеллектуальные игры, они так полюбили шахматы, что на островах Прибылова «решительно все мужчины шахматисты». К освоению грамоты в зрелом возрасте проявляли способности и «большую охоту учиться», особенно после того, как появились книги на их языке. Когда отец Иоанн покидал острова, почти все их население было не только крещеным, но и

по большей части грамотным.

У каждого народа — при всем различии индивидуальностей — есть общие черты характера, они позволяют обрисовать легко узнаваемый портрет. Конечно, есть особенности, есть исключения, которые могут и не вписаться в коллективный образ, но тем самым они лишь подтвердят его существование. По наблюдениям Вениаминова, в алеутах исключений нет: «они совершенно все как будто отлиты в одну и ту же форму». 1500 человек рассеяны на пространстве почти в 1500 верст, никогда не видели тех, кто живет в отдаленных селениях, — и оттого единообразие в характере еще более заметно и удивительно.

Первое качество, которое так бросалось в глаза Вениаминову, — это терпение. Их терпеливость доходила «почти до бесчувствия, кажется, невозможно придумать такой трудности и такого невыносимого обстоятельства, которое поколебало бы алеута и заставило его роптать». Он может голодать три-четыре дня и никогда не даст знать, догадаться можно лишь по бледности его лица. Когда же удастся найти съестное, он не бросается с жадностью на пищу, но отдает ее прежде детям, которые тоже привыкли не сильно беспокоить родителей, и только вытащив байдарку на берег и прибрав инструмент, алеут спокойно, медленно принимается за первый кусок.

Так же терпеливо алеуты переносят боль. Вениаминову не раз приходилось помогать попавшим в клепцы (капкан), откуда ногу нельзя просто вынуть, «но должно расколоть палку, в которой утверждены зубки, и потом продеть их сквозь кость ноги». И всегда алеут «спокойно и с возможным хладнокровием дает сделать операцию». Если рядом никого не оказывалось, он проделывал эту мучительную операцию самостоятельно.

И в работе им тоже была свойственна терпеливость. Принимаются они за работу не быстро, с неохотой, «даже мешковато», но работают целый день до тех пор, пока не выбьются из сил. Вениаминов описал случай, когда он и его спутник, оставив байдарку, были вынуждены идти в соседнее селение пешком. Алеуты нанялись помогать, надеялись дойти быстро, никакой еды с собой в дорогу не взяли. Идти пришлось 25 верст, с поклажей не менее пуда на каждого. «Дороги совсем не было, крутые горы покрыты были полузамерзшим снегом, по которому не было видно ни малейшего следа; при том же вдруг сделался противный ветер со снегом, и со столь сильными шквалами, что почти останавливал человека. Тягость на плечах, тощий желудок и целый день такого трудного пути... Но несмотря на то, они так были спокойны, бодры и даже веселы, что эти трудности для них как будто ничего не значили».

В другой раз внезапный дождь застиг их в байдарке и один алеут промок до костей. Не имея во что переодеться, на берегу он вместе со всеми ставил палатку, собирал хворост, и когда все уселись к огню, «он был весел и шутил со своими товарищами, слегка выжимая бывшую на нем парку, мокрую как лужа... Если бы ему товарищи не дали другой парки, то он также безропотно и спокойно лег и ночевал бы в своей мокрой. Вот как терпелив алеут!»

Может быть, их терпеливость происходила от душевной черствости, неспособности к тонким чувствам и переживаниям? — Нет, это не так. Отец Иоанн замечал в алеутах и нежность к своим детям, и внимательность к пожилым родителям, заботу о них, доходившую порой до самоотречения, им было знакомо и чувство собственного достоинства, оскорблявшееся только одним брошенным в их сторону брезгливым взглядом. Ничто, свойственное другим народам, не было им чуждо. «Алеут очень умеет чувствовать печаль и радость, но очень равнодушно встречает и переносит их. Всякую горестию или потерю кого-либо из близких сердцу он будет тронут и даже может быть поражен, но никогда не придет в отчаяние. А чтобы плакать, стонать или рыдать, то это неслыханное дело даже между женщинами и детьми».

Алеуты умели ценить добро и были способны отличать «существенное, прочное, от блестящего», не отчаиваясь в горе, они не выказывали и чрезмерного восторга в радости. «Правда, на лице его видно бывает удовольствие, но всегда спокойное и умеренное». И главная причина их сдержанности — все та же, так поражающая Вениаминова терпеливость, которая происходила от привычки с детства переносить сначала физические лишения, а потом и душевные страдания, скрывая свои чувства под маской равнодушия.

Наблюдая за алеутами день за днем, Вениаминов заметил в них упорство. Сибирякам эта черта характера хорошо знакома, они и сами ею обладают в полной мере — как упрутся во что-нибудь — не отстанут, пока не доведут начатое до конца. Имеет эта черта сибирского характера и свою неприглядную изнанку: насколько они упорны в хорошем деле, настолько же и в дурном. Жители островов оказались такими же несгибаемыми упрямыми.

Если алеут задумает сделать что-нибудь, не противное закону, он исполнит начатое до конца, невзирая ни на какие преграды, даже с риском для здоровья и жизни, и при этом не ожидая для себя никакой прибыли или награды. Но уж если заупрямится — никакие ласки и посулы его не тронут, даже страх наказания не заставит изменить намерения.

Вениаминов рассказал об одном таком случае дурного упрямства. «Девушка 15 лет по обстоятельствам принуждена была показать на одного человека в деле очень серьезном, совсем не имея понятия о следствиях этого, через девять лет открылось, что она показала совершенно ложно, по научению других. Но показавши один раз, она не хотела переменить своего слова и под жестоким наказанием говорила одно и то же».

Замечал Вениаминов и другие неприглядные черты характера алеутов. «Алеуты ленивы. Это надобно сказать прямо и без всяких обиняков... деятельны только на время». Раньше алеуты были неопрятны и нечистоплотны, женщины — поголовно неряхи, но познакомившись с русскими банями, все полюбили мыться и париться, так что готовы были каждый день топить баню.

Все население обоего пола любило крепкий табак, который не курили, но нюхали, он считался ценностью, и на него можно выменять что угодно. Познакомившись с водкой, некоторые так пристрастились к ней, что в их языке даже появились слова «пьяница» и «дурацкая вода».

«Главной склонностью» алеутов Вениаминов называл сластолюбие, о чем говорил их обычай иметь несколько жен, богатые люди и тойоны держали еще и наложниц из пленных. Было распространено у них и многомужество, нередко женщины имели двух мужей — главного и помощника, как его называли русские, «половинщика». Многомужниц никто не осуждал, даже наоборот, хвалили за расторопность и домовитость, потому что им приходилось готовить, шить одежду, чинить байдарки в двойном размере. Искоренять эти обычаи священникам было нелегко, требовалось время, но все же Вениаминов замечал, как с принятием христианства «появились границы этого порока».

Вениаминов обратил внимание на отсутствие у алеутов склонности к воровству, у них не было ни замков, ни затворов — всё на виду, — и очень заинтересовался таким явлением. Оттого ли не воруют, что некуда девать украденное? или из боязни наказания? — И то и другое он находил верным. Но почему алеуты не воруют даже из удалства, как колоши? Оказывается, по их вере (до крещения) воровство считалось делом постыдным и греховным. «Нельзя сказать, что они ничего не воруют. Нет! — почти каждый из них сам сознается в этом; но воровство у них так мелко, так детско, что почти не стоит названия воровства». Кому как не отцу Иоанну было знать о мелких грешках тех, кого он исповедовал? Если бы он был заезжим миссионером, который приезжает на время, крестит, совершает требы и уезжает, то он не знал бы, что алеут возьмет чужое только в крайнем случае — если острая необходимость или голод его заставят, и

ровно столько, сколько нужно для преодоления нужды. Но священник жил среди них, знал об условиях тамошней суровой жизни не понаслышке, видел, что голод — их ежегодный гость, он приходил к алеутам каждую весну. Когда запасы сушеной рыбы заканчивались, а ветры не позволяли выйти в открытое море, они голодали три-четыре дня подряд.

Если кому-то все же удавалось выйти в море, он раздавал добытое нуждающимся — «а не нуждающиеся никогда не будут просить» — и оставлял себе столько, сколько нужно, чтобы накормить свою семью. Алеут не ждал от других ни благодарности, ни платы, это было его естественным поведением. «Добродетель это или обычай?» — вопрошает Вениаминов, как будто вспомнив известную поговорку «выдали нужду за добродетель». — «Пусть и обычай, но нельзя не почитать его как в исполняющих, так и в учредивших такое святое обыкновение».

Вениаминов заметил, что алеуты, как и сибиряки, не любили обещать напрасно, но если уж обещали, то исполняли непременно. Он рассказал об алеуте Тараканове с острова Умнак, который подарил ему пару палтусей юколы, когда Вениаминов приплывал на остров, но спутники священника забыли подарок на берегу. Случилось это в августе, Тараканов убрал рыбу и стал ждать случая передать ее отцу Иоанну. Он не съел ее даже в голодные месяцы, в ноябре и декабре, когда в море выходили редко, и в январе передал подарок в целости и сохранности.

Если среди алеутов не было воровства ради обогащения, то не было и обычая судить за воровство и обман. Как-то Вениаминов стал свидетелем редкого явления, случившегося единожды за десять лет его жизни на Уналашке, — суда над алеутом, взявшим чужие торбасы (сапоги из оленьего меха). «Надобно было видеть эту забавную сцену. Бедный виновный стоял безответно, с поникшею головою, а взбесившиеся судьи, то есть все старики и пожилые, каждый порознь и все вместе, как петухи, подбегали к нему и с какими-то жестами, похожими на судорожные движения, делали ему жесточайшие выговоры: что он срамит всех алеутов, что им стыдно теперь приехать в гавань и пр...» Пристыдили — и разошлись. Вот и весь суд.

Размышляя о характере алеутов, Вениаминов пришел к убеждению: алеуты «всегда и при всех положениях довольны своим состоянием, а в случае нужды... надеются на свое терпение». Получается, алеуты — идеальные христиане, если они с рождения отличаются неприязнательностью и кротостью? Чтобы у нас не сложилось восторженного и далекого от реальности представления об этом народе, отец Иоанн возвращает нас с небес на землю: алеут, оказывается, доволен

своей жизнью оттого, что беспечен и ленив, «не заботится о завтрашнем дне, потому и достает только на один день». Отсюда происходят и незамеченные среди них стяжательство и стремление к богатству. И все же, в чем бы ни коренились причины аскетизма, довольства жизнью и терпеливости алеутов, которые с такой любовью подметил и описал Вениаминов, — эти черты помогали утверждению в них христианских добродетелей. «Терпеливость их и обычай помогать друг другу в нужде, суть такие превосходные качества, при которых очень легко и прочно можно утвердить в них истинное христианство. Материалы превосходны, лишь бы только были руки и средства».

Нельзя сказать, чтобы алеуты совсем не хотели улучшить свое состояние — «это не свойственно человеку. Но это их желание, в сравнении с другими образованными народами, чрезвычайно умеренно, слабо и, можно сказать, ничтожно». Вениаминов не случайно сравнил здесь алеутов с образованными народами. В цивилизации, где всё взвешено, измерено и подсчитано, на алеутов, живущих в нищете, могли смотреть лишь с одной точки — сверху вниз, объясняя их непритязательность неразвитостью: дикарю потому-де ничего не нужно, что он пещерный человек и живет на краю света, а там и взять нечего.

Иное дело «культурные» люди, им всегда есть к чему стремиться, чтобы обеспечить всем необходимым себя и свое семейство. С одним таким «культурным» человеком, который, наверное, тоже искал достатка для своей семьи, Вениаминов встретился в Петербурге в 1840 году.

Это был чиновник Духовной консистории, куда Вениаминов явился для прописки паспорта. Поглощенный государственными заботами *sub-ego-cuius*, как назвал его Вениаминов (то есть подьячий — *sub* — под — *ego* — я — *cuius*-чей), будто не замечал сидевшего перед ним священника. А между тем отец Иоанн, по собственному признанию, «не без греховного помысла» рассчитывал на внимание — по Петербургу уже ходили о нем слухи, его называли не иначе как «Вениаминов-американец», к тому же не заметить могучего роста осанистого батюшку с наградами на груди — редко встречающимися у священников его возраста наперстным крестом и орденом Святой Анны — было невозможно.

— Что вам надобно? — наконец, устав не замечать посетителя, обратился к нему чиновник.

— Я из Америки, прошу прописать мой паспорт.

Напрасно Вениаминов рассчитывал на внимание, известность и внушительный вид — этим подьячих не пронять, у них свое мерило значимости. Чиновник молча положил паспорт на стол и начал сверху

накладывать бумаги, демонстрируя сверхъестественную загруженность.

— Господин столоначальник! — не выдержал отец Иоанн. — Сделайте одолжение, не задерживайте меня, я еще должен успеть сегодня с визитом к митрополиту и обер-прокурору Синода.

Не поднимая глаз от бумаг, чиновник буркнул безо всякого почтения:

— И без вашего паспорта много дел, — и начал очинивать гусиное перо. Обмакнув его в чернильницу, он вывел на листе бумаги цифру «25» — и придвинул листок священнику. К этому времени Вениаминов-американец знал уже все диалекты алеутского и колошского языков, составил словари и написал грамматику, умел говорить на латыни с католиками-миссионерами на богословские темы, научился договариваться с приказчиками Российско-американской конторы и командирами военных кораблей. И только язык чиновников-мздоимцев остался ему незнаком!

Не дождавшись реакции несведущего посетителя, столоначальник зачеркнул «25» и написал «15». Тот продолжал сидеть молча, пораженный столь бесстыдным вымогательством. Когда появилось «по крайней мере 10», отец Иоанн, уже не сдерживая себя, поднялся и грозно навис всей могучей фигурой над тщедушным чиновником:

— Милостивый государь! Я уже доложил, что приехал из Америки, где прожил пятнадцать лет среди дикарей, и сам — дикарь! Я сейчас войду в присутствие без вашего участия и сам доложу о себе!

— Вас оштрафуют, — попытался унять Вениаминова ошарашенный чиновник.

— Да, и деньги пойдут в казну, а не в ваш карман!

Паспорт строптивому батюшке прописали бесплатно. Этот эпизод, смеясь, он рассказал в тот же день обер-прокурору, и тот выслушал, не удивившись. А вот рассказы о характере и обычаях «диких» так пленили главу Синода, что он предложил Вениаминову приходить к нему в любой день без всякого доклада.

Рассказывая об обычаях и традициях жителей далеких островов и Аляски, отец Иоанн нередко задумывался над тем, насколько полезно этим народам просвещение. Он и о самом просвещении много размышлял, сравнивал его с образованием, явно различая их. Просвещение он понимал не как образование одного ума, но как нравственное совершенствование, иначе зачем нужны познания? Как писал Вениаминов, улучшится ли нравственное состояние «дикаря», когда он узнает, что не солнце вращается вокруг земли, а наоборот? И принесет ли пользу алеутам знакомство с привычками и обычаями цивилизованных народов? «Счастливее ли будет дикарь в быту своем, когда он из звериной шкуры переоденется в сукно и

шелк, а в то же время переймет с ними и все злоупотребления производителей и потребителей?» Не следует думать, что Вениаминов призывал оставить усилия распространения христианства и образования в Америке, нет, он говорил о том, что положительные стороны просвещения всем известны — алеуты больше не убивают своих рабов, прекратились междоусобные войны, они обучились грамоте, ремеслам, огородничеству, их пища стала разнообразнее, а сами они чистоплотнее. Но он выражал опасение, что, приучая алеута к чистоплотности, не содрать бы с него «и природной его кожи, и тем не изуродовать его. Надобно выводить дикарей из мрака невежества на свет познаний, но осторожно, чтобы не ослепить их и может быть навсегда. И искореняя... ложные правила их нравственности, не сделать их совсем без правил».

Каких изменений Вениаминов опасался? Увидев роскошь, какой прежде не знали, и не имея возможности улучшить свою жизнь, алеуты познакомились с чувством зависти, научились жаловаться и унижаться, а ведь раньше, замечал Вениаминов, они стыдились подобных проявлений. Прежде они имели обычай делиться последним куском рыбы, не думая о завтрашнем дне, «ныне просвещение им внушает: помни, что ты — отец семейства, ты должен заботиться о них». Они научились новым ремеслам, но стали забывать прежние, национальные — виртуозное управление байдаркой, промысловую ловлю морского зверя и даже свои многовековые приемы врачевания.

Но главную беду он видел в другом: «Прежде они свои обычаи исполняли строго, тех, кто нарушал их, ожидало всеобщее презрение и даже смерть». Теперь они узнали новые правила нравственной жизни, но вместе с ними познакомились и с необязательностью их исполнения, снисходительным отношением культурных людей к собственным слабостям и стали перенимать это снисхождение. «И алеуты привыкают пользоваться всеобщей амнистией». Вот что волновало и тревожило отца Иоанна, заставляло испытывать сомнения в необходимости изменять жизнь алеутов с «дикой» на «цивилизованную», если в последней он видел все меньше исполнения нравственных законов и все большее оскудение веры.

«Чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца»

Миссионерство сродни учительству. И то и другое по своей сути есть служение, бескорыстное несение тягот, и положительный результат этого нелегкого труда совсем не гарантирован. Зато если случается успех, он

всегда очевиден, и тогда деятельность миссионера и учителя можно уподобить выезду на улицу с двусторонним движением: появилось встречное — маршрут выбран правильно, нет — произошла ошибка. И кто же в ней виноват? Если миссионер или учитель не был услышан, значит, не нашел нужного слова и верного подхода, и как бы ни тщился он выказать свое красноречие и ученость — обречен слушать лишь звуки собственного голоса. Хорошо, если в тишине, а то и в грохоте школьного шума, в случае миссионерства — побиваемый аборигенами, не понявшими его проповеди. Какой же подход верный? Когда говоришь лишь о своем — даже на их языке или через переводчика, — отклика не жди. А вот когда о их жизни, о том, что их волнует и беспокоит, о их сомнениях и переживаниях, — тогда появляется шанс быть услышанным.

Десять лет Вениаминов безвыездно прожил среди алеутов. Его внимательный взгляд на привычки соседей, размышления об их характере привели его к убеждению, что не внешние причины заставили алеутов поменять веру, отнюдь. Обычно называли две причины крещения «диких» — принуждение и материальные выгоды для новокрещеных, то есть традиционные кнут и пряник.

Вениаминов не сбрасывал со счетов насилия над островитянами, особенно в ответ на убийство тлинкитами русских во время войны 1802 года, тем не менее он не нашел и следов принудительного крещения алеутов — власти «никогда и не думали принуждать их к тому». Он находил несостоятельным также утверждение, будто крещенные освобождались от уплаты ясака. Во-первых, «платеж ясака был очень незначителен и они платили его когда и чем хотели»; во-вторых, новообращенные освобождались от уплаты лишь на время, но не навсегда.

Не соглашался он и с тем, что другие миссионеры объясняли набожность алеутов их внутренней потребностью, неудовлетворенностью прежней верой. «Эти средства только могут заставить принять новую Веру, а не могут быть побуждением к тому, чтобы сделаться ревностным и верным исполнителем правил новой Веры. Алеуты же остались примерно набожны и поныне», — писал он в своем сочинении «Состояние православной церкви в Российской Америке», напечатанном в 1840 году.

Тогда что же? — Один только характер и «расположение души» он видел причиной «скорого и истинного обращения алеутов в христианство». Так вот почему он так внимательно всматривался в них! Его вывод был построен на многолетнем наблюдении за поведением алеутов в различных ситуациях, их исповедях и беседах с ними. Он дал себе труд изучить аборигенов, но взгляд его не был холодным взглядом беспристрастно

взирающего на «дикарей» естествоиспытателя-этнолога. Алеуты стали для него соседями, теми, кто разделял с ним беды и радости, многие — соратниками и друзьями, со временем — с любовью пасомым стадом, за которое он нес ответственность. Как опытный садовник прививает ветку плодоносящей яблони на дичку, так Вениаминов прививал христианство на многовековое наследие аборигенов без насилия, сохраняя их язык, традиции, привычки.

Заметим, размышляя над причинами набожности алеутов, он ни единым словом или намеком не упомянул о себе как о миссионере и проповеднике, а ведь первой причиной успешности его служения был он сам. Он учил не одним словом — своей жизнью, когда десять лет терпеливо сносил причуды местного климата, не роптал на нищету и лишение привычных удобств, не перечил грубым и хамоватым приказчикам контор и не оспаривал распоряжений высокого флотского начальства. Алеуты стали свидетелями негромкого делания приехавшего к ним человека и смогли оценить его любовь к ним. Смирение, терпение, участие и великодушие, о котором он говорил в проповедях, в первую очередь проявлял он сам.

В кратком изложении основ православной веры, названном «Указание пути в Царствие Небесное», он поучал алеутов: «...мы не должны выставлять себя перед другими. Например, помогаешь ли ближним, подаешь ли милостыню, живешь ли благочестивее людей, тебя окружающих, или ты разумнее и учение своих знакомых, или вообще чем-либо превосходишь других, — не гордись этим ни перед другими, ни перед собой, потому что все, что ты имеешь доброго и похвального, это не твое, но дар Божий; твои же одни грехи и слабости».

Как же проходила жизнь крещеных алеутов до приезда Вениаминова? Храма на островах не было, службы за отсутствием постоянного священника не велись, и молились аборигены, как умели и как были научены еще отцом Макарием, посетившим Алеутские острова в 1796 году. Но тот языка алеутов не знал, толмачей, кто был способен перевести христианские истины, кроме общих понятий о Боге, при нем не было. Бывали на Уналашке и священники кораблей, идущих на Аляску, но случалось это нечасто, и оставались они на островах ненадолго, только исполняли требы и времени на беседы и поучения не имели. К тому же бытовало мнение, что алеуты по причине своей «дикости» и «некультурности» вообще не способны осознать и усвоить абстрактные понятия.

Вениаминов был иного мнения об уме и набожности алеутов. Приехав

на острова, он обнаружил, что алеуты после крещения совершенно оставили шаманство, уничтожили все маски и бубны, начисто забыли песни и даже суеверия. Как ни пытался отец Иоанн с любознательностью исследователя узнать что-либо о прежних обрядах и услышать какие-нибудь заклинания, никто их вспомнить уже не мог.

До времени его прибытия алеуты «веровали и молились точно *неведомому Богу*», писал Вениаминов. Выделяя последние слова курсивом, он напоминал апостола Павла, посетившего родину эллинов. Проповедуя в Афинах, апостол увидел среди прочих алтарей языческим богам один с надписью «неведомому Богу» и понял, что посеянные им семена благовествования лягут в подготовленную почву, если еще ничего не зная о Спасителе, премудрые греки уже приготовили Ему жертвенник. Его проповедь принесла плоды, апостола Павла стали называть апостолом язычников, ведь до него считалось возможным проповедовать христианство только среди иудеев, но не среди тех, кто не знает единого Бога.

Так и святитель Иннокентий, названный апостолом Аляски и Сибири, наперекор распространенным представлениям об отсталости и неразвитости алеутов, нес им слово Божие.

Ничто так не радовало и не «улаждало моего сердца, как их усердие, или правильнее сказать, жажда к слышанию слова Божия, так, что скорее утомится самый неутомимый проповедник, чем ослабнет их внимание». Как только отец Иоанн приплывал или приезжал в какое-либо селение, все его жители, оставив свои дела, даже самые важные, по первому его зову собирались слушать поучения и «с удивительным вниманием слушали их, не отвлекаясь, не сводя глаз, и даже, можно сказать, самые нежные матери в это время делали как бы бесчувственные к плачу детей своих...». К слышанию слова Божия алеуты проявляли необыкновенное, давно не виденное в России стремление, к самим проповедникам — сердечное радушие и «видимое удовольствие». Ведь каждый приезд «адака» (отца) был возможностью слышать обращенное к ним наставление, проповедь по какому-либо случаю, возможность приобщиться Святых Тайн — «истинным праздником, Пасхою». Алеуты даже больных приносили к причалу, чтобы и те увидели священника и приняли благословение.

Так же внимательны алеуты были во время богослужения, стояли на молитве «удивительно твердо». «Во все время продолжения службы, хотя бы то было и 4 часа, как например, в первые дни на Страстной неделе, всякий из них и даже самые дети стоят не переступая с ноги на ногу, так что по выходе их из церкви можно даже перечесть, сколько их было, смотря

на их места, где они стояли. Во время служения или чтения, которое из них очень немногие понимают, они ни по каким причинам не оглянутся ни назад, ни на стороны, и всегда смотрят или на образ, или к небу, или на иконы».

Такое поведение заслуживало в глазах Вениаминова тем большей похвалы, что алеуты легко перенимали привычки живущих рядом с ними русских, и привычки не всегда добрые. Обычай приходить в церковь не к началу службы или привычку проявлять «слишком неумеренную подвижность» в храме алеуты не хотели перенимать, напротив, лишь только услышат колокол — тотчас все в церкви. Приношение в церковь они делали охотно, ежегодно до 1330 рублей, а общие их доходы, вместе с получаемой от компании платой, составляли 13 300 рублей — то есть приносили десятую часть. Их приношения «...конечно не всегда по чистому побуждению сердца, и принося Богу лепту, желают получить и временное, и вечное благополучие; но в них, как еще в новых христианах, это очень извинительно...».

К соблюдению постов алеуты относились ревностно, как подчеркивает Вениаминов, «совершенно без всякого... принуждения». Никакой перемены пищи со скоромной на постную они себе позволить не могли, их пища была всегда одинакова — та, что удавалось добыть в море, и запасы они делали очень небольшие. Готовясь к причастию на Пасху, они в последние дни Страстной недели постились «в полном значении сего слова» — то есть вообще переставали есть. «Говеют всегда и все, так что во все время пребывания моего у них почти не было ни одного... который бы не был у исповеди и св. Причастия за леностью и нерачением».

Вениаминов с удовлетворением наблюдал, как менялись характер и привычки принявших новую веру алеутов. Поссорившись, алеуты не вступали в перепалку или тем более драку, у них не было привычки давать волю рукам или языку, обыкновенно они переставали разговаривать, «молчание обидимого бывает обидчику жесточе самого наказания». Совершенное их молчание могло длиться несколько дней, но если молчаливники начинали готовиться к причастию — непременно заговаривали и примирялись.

Доказательства улучшения нравственности алеутов Вениаминов видел в исчезновении обычая убивать колгов (рабов) во время захоронения их умершего владельца, в прекращении вражды и войн между селениями, в увеличении рождаемости и сокращении числа незаконнорожденных. Так, если за первые три года его пребывания на островах ежегодно рождалось не менее 34 детей, из которых семеро были незаконнорожденными, то к

1839 году, когда он покидал Америку, соотношение было 40 к одному.

Их исповедь была всегда самой искренней, «в исчислении грехов алеуты не забудут сказать и об украденной иголке и сказанном слове»; исповедуя их из года в год, Вениаминов замечал «большие успехи в исправлении себя, а в некоторых даже совершенное исправление».

До перевода Вениаминовым на алеутский язык молитв алеуты, как наблюдал священник, все же пытались постигнуть основы христианской веры. «Мне случалось видеть, как иногда кто-нибудь из алеутов, совершенно не зная по-русски ни слова, почти целый день сидит и читает Псалтирь славянскую или Четь-Минею». Когда же появились книги на их родном языке, даже старики начали учиться грамоте.

Знавал он среди алеутов и усердных молитвенников. Он говорил не о тех, кто научился креститься и произносить слова молитвы в храме, а о совершении внутренней молитвы, ибо «молящийся внутренне отнюдь не с тем молится, чтобы на него смотрели, потому что на него никто не взглянет» в церкви. Среди таких молитвенников он называет умершего Нила Захарова («живых нельзя представлять в пример»), который «почти каждую ночь, когда все затихнет, молился у церкви, и это он делал так скрытно, что обычай его только перед смертью открылся и то нечаянным образом. Я уверен, что есть и другие подобные ему молитвенники».

Такие успехи могли порадовать любого миссионера и проповедника, они были явным знаком встречного движения. Порадовали они и Вениаминова, но он получил гораздо больше, чем наблюдение положительных результатов своих трудов, его награда была несравненно выше — он испытал «сладостные и невыразимые прикосновения Благодати» и оттого приносил «алеутам благодарность более, чем они мне за мои труды». Он твердо знал и повторял неоднократно с завидной скромностью — успехи в миссионерстве кроются не в личности миссионера, а в воле Господней. Будет благоволение — будет и результат, не будет — никакие усилия самого красноречивого проповедника не помогут.

Иеромонаха Феофила, отправлявшегося служить на Аляску, Вениаминов наставлял: «Христианство есть потребность, удовлетворение и утешение преимущественно сердца, а не одного ума, и поэтому в преподавании учения веры надобно стараться действовать более на сердце, нежели на ум. Любопытство ума ненасыσιμο. Но кто сердцем восчувствует потребность веры, вкусит и утешений ее, — тот примет ее скоро и удобно, и она в нем будет не бесплодна. Но чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца. От избытка бо сердца уста глаголют. И потому только

тот, кто исполнен и избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей-же не возмогут противиться сердца слушающих, и которые верно указуют как, где и что говорить. Итак, примечай и лови минуты сердечного расположения слушающих тебя. Сие время всегда благоприятно для сеяния слова Божия».

Алеутская грамматика

Когда Вениаминов начал изучать алеутский язык, письменности у алеутов не было. На алеутско-лисьевском языке тогда говорили около 1500 человек, если считать вместе с атхинскими алеутами — не более 2200. В общении алеуты обходились без письменности, свои предания, сказки и песни они хранили в памяти и передавали изустно; иностранцы не выражали желаний изучать алеутский язык, поэтому составлять грамматику алеутского языка Вениаминов поначалу посчитал «бесполезным трудом». Однако исследователи Русской Америки рассуждали иначе, особенно близко познакомившись с Вениаминовым и наблюдая результаты его деятельности среди алеутов. И основатель Географического общества Литке, и неутомимый в своих трудах на Американском континенте Хлебников были убеждены в необходимости создать алеутский алфавит и записать сведения о живущих на островах народах, чтобы сохранить их культурное наследие. Литке в каждом письме побуждал Вениаминова к лингвистическим занятиям, снабжал нужными книгами, и в результате отец Иоанн принялся за работу. «...если бы не вы, — писал он члену-корреспонденту Академии наук Литке в 1835 году, — то бы никогда я не вздумал составлять грамматики; и если филологи найдут в ней что-либо любопытное, то они должны более благодарить вас, нежели меня».

Он назвал свой труд «Опыт алеутской грамматики» и опубликовал его в 1846 году, посвятив «с усердием» Императорской Академии наук. Грамматика состоит из введения, собственно правил грамматики и словаря наиболее распространенных слов алеутского языка. «Составляя букварь, я не хотел ни изобретать особенных букв, ни занять иностранных, но преимущественно употребил буквы русского языка». Сначала он изучал разговорный язык, записывал бытовые слова, затем — отвлеченные понятия. Его записи вызвали неизменный интерес у алеутов, они охотно помогали ему, а крещенный в детстве алеутский тоен Иван Паньков, знавший русскую грамматику, стал верным помощником в

лингвистических изысканиях отца Иоанна. Его участие было отмечено на титульном листе напечатанного в 1840 году Евангелия от Матфея на алеутском языке.

Другим его помощником стал креол отец Иаков Нецветов, служивший священником на Атхе, о котором Вениаминов отзывался как о «миссионере, каких у нас и в целой России очень мало». Вениаминов переводил на лисьевский (восточный) диалект алеутского языка, Нецветов правил его перевод и составлял примечания для атхинских (западных) алеутов. Так были переведены на алеутско-лисьевский язык краткий Катехизис, Евангелия от Матфея и Луки, Деяния апостолов, Священная история и сочинение Вениаминова «Указание пути в Царствие Небесное».

В алеутском языке оказалось много существительных, и особенно он был богат названиями мест, для каждой бухточки, мыска, залива, ручейка и камня в нем сыскалось особое, неповторимое слово. Придумали алеуты названия и для всех видов птиц, промысловых рыб и животных, а вот выращенные на огороде овощи называли одним словом — «репа».

Обратил Вениаминов внимание и на такую особенность: алеуты любили изобретать новые слова, проявляя в этом деле неистощимую выдумку, причиной их словотворчества стала боязнь оскорбить или укорить владельцев имен-прозвищ, которые те носили до крещения. Так, если человек прежде носил имя Самляк (яйцо), то в его присутствии птичьи яйца придумали именовать «птичьей икрой»; чтобы не произносить имя Какидах (кижуч), эту разновидность лососевых называли «последняя рыба», а для Аткидаха (треска) изобрели слово «чухчук», и с тех пор треску в тех краях иначе и не называют. Любопытно, что алеуты, которые всегда ходили с непокрытой головой, называли русских «людьми в шапках».

Алеутский язык не беден глаголами, они изменяются по числам, лицам, наклонениям и временам. Кроме того, к глаголам добавлялись частицы изменяемые и неизменяемые, так что, к примеру, «не убей» имело пять вариантов с одним корнем. Применение этих частиц позволяло разнообразить и без того красивый язык алеутов, добавляло оттенки и вкладывало новый смысл в действие. Если к глаголу «молился» добавляли частицу «сига» — это означало «молился совершенно, истинно», частицу «сигасяда» — «очень сильно», «та» — «не один раз». Соединение двух последних частиц — «сигатасяда» — говорило о действии с величайшим напряжением, о совершенной, истинной молитве, происходившей не один раз. Но такое выражение применялось лишь в одном случае — когда речь шла о Богочеловеке.

При всем многообразии, красоте и звучности алеутского языка в нем

совсем отсутствовали глаголы, связанные с отвлеченными понятиями, — святить, умствовать, благословлять, и потому не всякую мысль было просто перевести на алеутский. Так, «благослови клянущих» отец Иоанн переводил как «о ругающих тебя говори хорошо». Большую сложность для перевода священных текстов и молитв создавало также отсутствие наречий, отглагольных существительных, оканчивающихся на — ние. Поэтому перевод некоторых фраз требовал громоздкой конструкции, например, «чтение святых книг весьма полезно» звучало в переводе на алеутский «ежели кто читает святые книги, тому польза есть», а словосочетание «оно ведет к Богопознанию» — «из святых книг мы узнаем Бога».

Религиозные понятия в языке алеутов присутствовали и до крещения, они употребляли слова «Бог или Творец», «грех» — то, что осуждается, «дух, рай» — жилище богов, «ад» — жилище дьявола. После крещения появились новые слова, а старые наполнились новым смыслом. Царствие Небесное переводили как «свет и день Божий», слова «священник» — «начальник праздника и молитвы», «святой» — «светлый», «Троица» — «трисуший», «Богородица» — «родившая Бога». Иногда Иннокентию в переводе помогал сибирский диалект, к примеру, о смерти некрещеного инородца в Сибири говорили не «умер», а «пропал». Вот также и в алеутском языке понятие смерти как перехода христианина в иную жизнь обозначали словом «танакадалик» — «перестал жить или гостить на земле», в отличие от «асхалик», которое употребляли, говоря о прекращении жизни любого живого существа. Глагол «поднимаю» (лежачего) приобрел и второй смысл — спасаю, избавляю, а прежнее слово «поклоняюсь» (молюсь идолам) — стало означать «у меня голова трясется».

Изучая характер алеутов, Вениаминов не уставал удивляться их терпеливости, качеству, которое, по его мнению, воспитали в них тяжелый климат и нещедрая природа островов, и язык конечно отразил эту особенность их натуры. Слова «терпеть» в алеутском языке он не обнаружил, в самом деле, зачем создавать слово для обозначения естественного состояния? «Терпеть или переносить страдания тела и души для алеут есть дело обыкновенное... которое не составляет, по их мнению, ни добродетели, ни порока». Не знали они и слов «прощать» и «сержусь»: «Тот, кто умеет забывать обиды, доверчив, не завистлив и свято уважает религию — не может быть коварен... тот, кто с первого раза и всем сердцем принял строгую и явно противную главной склонности его религию, — должен иметь добрую, простую душу и сердце». Не нашел Вениаминов в алеутском языке слов «гордость», «тщеславие», «пронырство», «хитрость»,

«коварство» — этих качеств он не обнаружил и в характере алеутов, хотя понятие зла у них, конечно, было, как и слово, его обозначающее.

Их терпеливость и умение не копить обиды были прекрасной почвой для возделывания христианского терпения и прощения, постоянная необходимость приспособливаться к тяжелому климату рождала умение принимать жизнь такой, какая она есть, и любить ее. Недаром на алеутском языке «люблю жизнь» означало «забочусь о жизни, питаюсь».

В заключительной части своей грамматики Вениаминов приводит несколько записанных им алеутских стихов с переводом на русский.

Душа моя, душа во мне есть вот!

Кости мои, кости во мне есть вот!

Тело мое, тело у меня есть вот!

Тебя ищу, тебя нахожу,

И так мне говори, добро мне говори.

Многие из записанных им стихов содержали рассуждения о вере и отличались соединением алеутского текста и русских слов. Особенно прославился своими сочинениями среди алеутов Иван Курбатов, живший в Бельковском селении на Аляске. Вениаминов познакомился с ним в 1829 году, а к моменту отъезда священника из Америки в 1834 году поэт сочинил уже целую книгу о Священной истории.

Записывал Вениаминов и алеутские песни. Разнообразием мелодий, правда, они не отличались, — он насчитал всего две-три, и ритм оставался неизменным во всех напевах. Пляска тоже была однообразной — при первом ударе в бубен приседали, при втором — приседали еще ниже, в паузе выпрямлялись. Вот и весь танец. «Пляшут без всяких правил во времени, порядке и числе лиц», — удивлялся Вениаминов. Но плясать, распевать песни, сочинять стихи и рассказывать сказки алеуты очень любили и с удовольствием наблюдали, как отец Иоанн слушает их и записывает.

«Жатвы здесь много»

Освоение русскими Америки шло рука об руку с распространением христианства и просвещения местного населения. Первую школу для алеутских мальчиков, где они обучались русскому языку, открыл в 1784 году Шелихов на Кадьяке. Алеуты охотно отдавали своих сыновей в обучение, с каждым годом число выпускников, знающих русский язык, росло, и в 1805 году школу преобразовали в училище. Со временем еще одно училище открыли в Новоархангельске.

С самого основания и школа, и училище существовали на средства жертвователей и компании, обучение и проживание мальчиков также оплачивала компания с тем условием, что выпускники должны были отработать несколько лет в Америке переводчиками, писарями, матросами, конторщиками, мастерами. Наиболее способных учеников отправляли в Иркутск и Петербург продолжать обучение, после окончания они возвращались в Америку.

Поскольку преподавателей из России не присылали, учительствовали в школе все, кто мог — промышленники, мореходы, миссионеры, возглавлял училище на Кадьяке долгие годы иеромонах Гедеон. Принял на себя звание учителя и смотрителя училища в Новоархангельске и отец Иоанн, когда прибыл в Америку с семейством.

Перебравшись на Уналашку, он продолжил учительствовать — в первый год набрал в школу 22 мальчика, на следующий год — 30. Сначала они обучались русскому языку, затем три года осваивали программу одноклассной церковно-приходской школы: Закон Божий, чтение, счет, письмо, церковное пение. Компания обеспечивала школу всем необходимым — бумагой, чернилами, карандашами, книгами, мальчиков одевали в зимнее и летнее платье. По предложению правителя Америки П. Е. Чистякова в 1820-е годы открылась школа с пансионом и для алеутских девочек, набирали их из самых бедных семейств, обучали грамоте, рукоделиям и ведению домашнего хозяйства. Как заметил Вениаминов, матери отдавали своих дочерей в обучение «с благодарностью к благодетелям». Грамотные алеуты шли служить в компанию, получали жалованье, окончившие школу алеутки выходили замуж за русских.

Не всё проходило в жизни училища гладко, и причины недовольства Вениаминова своей педагогической деятельностью зависели порой совсем не от него. «Вы пишете, что надеялись услышать о добрых успехах нашего училища, — отвечал он в 1827 году на письмо Хлебникова. — С прискорбием сердца скажу вам, что не таковы оказались успехи, каких надобно было ожидать... Жестокая ныне здесь бывшая зима, так что с половины октября и даже до марта нельзя было заниматься в училище,

поелику в нем печки нет. А также недостаток бумаги писчей был немаловажною причиною. И ученики писали на песке прежде. Но сколь бы ни были сии причины обстоятельны и важны, все мне стыдно...»

Отцу Иоанну было стыдно, а приказчики, которые получали деньги на содержание школы и должны были позаботиться о печке и бумаге, — стыда не ведали. Самые лучшие начинания зачастую упирались в неисполнительность и останавливались без движения, а то и вовсе пропадали. В 1823 году офицеры и экипаж фрегата «Крейсер» собрали и пожертвовали значительную сумму на строительство церкви в селении Росс, как записал в своем калифорнийском дневнике Вениаминов, но с уходом фрегата в Кронштадт деньги бесследно исчезли.

Мы никогда не узнали бы о взаимоотношениях священника с местной властью, если бы не его письма Хлебникову, от которого он ничего не скрывал, да и сам правитель конторы порой давал такие поручения священнику, которые вовсе не подобали его сану, — но больше положиться было не на кого.

В 1829 году Вениаминову довелось познакомиться на Аляске с Федором Лаврентьевичем Колмаковым — личностью примечательной и всем известной в Америке. В его характере и поступках соединились черты как будто несоединимые и доведенные до крайней степени своего проявления: практичность и ловкость в торговле уживались с бескорыстным стремлением открывать новые земли; внимательность к людям и умение найти подход к любому, желание нести веру язычникам — со способностью пускаться во все тяжкие. Словом, типичный характер русского человека, который мог произрасти где угодно на просторах России. Но Колмакову суждено было родиться в Тобольске, столице огромного края, именуемого Сибирью. В молодости он уехал из родного Тобольска, добрался до Америки — и остался в ней навсегда.

Известно, что происходил он из семьи небогатых тобольских мещан, служил ямщиком, уже на Аляске познакомился с Барановым, стал его доверенным лицом и по его поручению совершил нелегкий и опасный вояж с Аляски в Иркутск. А с 1816 года стал жить в Америке безвыездно, женился на алеутке, которая родила ему сына Петра.

С ним он объездил всю юго-западную часть Аляски, исследовал Кенайский залив, сплавлялся на байдаре по рекам Кукоквим и Кыгым, по поручению компании основал одиночки (небольшие фактории) в бассейне этих рек, Ново-Александровский редут на реке Нушагак, который после его кончины в 1841 году переименовали в Колмаковский. Он прекрасно знал нравы и обычаи алеутов, в записках Хлебникова много интересных

сведений сообщено «со слов Колмакова», эти рассказы выдавали в байдарщике человека умного и наблюдательного.

Вот, к примеру, как алеуты воспитывали детей: «Детей никогда родители не наказывают. Если взрослый сын сделал отцу какую-либо обиду, то отец, не выговаривая сыну, приглашает своего лучшего друга в баню, отдарит его чем-нибудь и наедине тихонько просит его, чтоб он сказал сыну, что [тот] поступил дурно и чтобы вперед того не делал». Или о подвигах промысловиков — алеутов: «Каждый собирает памятник своим промыслам. Так, например, от каждого убитого им оленя выбивает он зуб и пришивает те зубы на ремень в два, три и более рядов плотно один к другому и таковым ремнем опоясывается. Пояс этот имеет великую у них ценность и есть, конечно, верный знак достоинства промышленника».

Он прекрасно умел договариваться с алеутами, индейцами и эскимосами, (его сын был при нем переводчиком), одаривал их, вручал тойонам медали, выменивал и покупал у них меха с большой прибылью для компании. И везде крестил по праву православного мирянина «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Число крещенных им превышало 60 человек!

Но была у этого необыкновенного человека весьма обыкновенная и пагубная страсть — любовь к «дурацкой воде». Хлебников знал о его пристрастии и пытался уберечь, как мог. Когда Колмаков заказал для себя в Новоархангельске ром, Хлебников бутылку прислал, но посылку вручили Вениаминову, с тем чтобы отец Иоанн выдавал Колмакову спиртное небольшими порциями. «Я вам дал слово не давать ему бедового напитка дотол, пока не исправятся делами, но письмо ваше к нему, бывшее в пакете, изменило дело». И что же? Колмакову хватило совести не просить у священника, с которым они были едва знакомы, отдать бутылку, этот умелец находить выход из самых щепетильных ситуаций решил пойти на хитрость.

Он явился к Вениаминову, чинно поклонился, перекрестился на икону и сел на лавку.

— Отец Иоанн, я письмо от Кирилла Тимофеевича получил, — вынул из глубин синей сибирки сложенный лист бумаги и положил на стол. — Да прочесть не могу. Сделайте милость, скажите, об чем он пишет — вы его руку, верно, лучше мово умеете разбирать.

Вениаминов глянул на управляющего, тот отвел глаза, принялся старательно разглядывать складень на столе, мешки с грузом в углу, свои ладони с загрубевшей, как моржовая шкура, кожей.

— И какое же место вы, Федор Лаврентьевич, разобрать не можете? —

Вениаминов взял письмо.

— Да каку-то вещь он мне послал, пишет «посылаю вам шт-ти тр». А каку вещь? — Не разберу.

Вениаминов прочел, вздохнул, пряча улыбку.

— Как будто «штоф рому» писано, Федор Лаврентьевич.

— Неужто?! — с деланным удивлением воскликнул Колмаков, радостно ударив себя по коленям. — И де ж он, штоф-то?

Колмаков пошарил по сторонам глазами, остановил свой взгляд на мешках, и вдруг из густой, уже припорошенной сединой, черной бородинки вырвалось:

Ох я, сукин сын, камаринский мужик,

Задрал ножки та й на печке лежу.

Вениаминов хмыкнул, пригладил бороду, но останавливать певца не стал. Достал из мешка четырехгранную бутылку:

— Штоф-то, любезный Федор Лаврентьевич, вот он. Да только не велено вам его отдавать — приказано наливать порциями.

Песня оборвалась. Колмаков так и застыл, не завершив рассказ о молодой жене, над которой «выкамаривался».

— Кажный день по наперстку?

— Не каждый. И тут моей воли мало, — ответил Вениаминов.

Вот чем приходилось заниматься отцу Иоанну на краю света — не только служить священником, миссионером и учителем, но быть еще и надзирателем! Не в его характере было жаловаться, но с алеутами он договаривался быстрее, чем со служащими компании.

«Вам желательно знать, каково мы живем с господином правителем, — докладывал он Хлебникову в 1827 году о главе Уналашкинской конторы. — Хорошо и согласно. Потому что я человек, хотя и не без глупостей, однако ж и не так глуп, чтобы не научиться жить с людьми всякого характера. Уступчивость и молчание с терпением всегда суть вернейшее средство жить согласно с человеком и весьма странного характера, а Родион Яковлевич [Петровский] человек смиренный и непьющий». Между строк этой реляции так и слышишь, что находить согласие со «смирненным» больших трудов стоило, недаром известие о его смене Вениаминов назвал — от души — «радостнейшим» событием 1828 года. Что ж, воры и самодуры и в Америке всё те же.

Со временем у отца Иоанна сформировалось стойкое убеждение — лучшим правителем конторы может быть лишь человек военный, офицер. Конечно, и офицеры бывают разные, но Вениаминов был уверен — при них и порядок, и спрос будут строже. «Офицеру много побуждений внешних быть исполнителем верным», его главные мотивы — честь, чувство собственного достоинства, желание показать себя в службе с лучшей стороны, уже одних этих качеств довольно для продвижения дела вперед. А если назначат человека «почтеннейшего, опытнейшего и честнейшего» — добрый результат гарантирован.

И еще к одному мнению он пришел, прожив десять лет на островах: как алеуты не могут существовать без компании, так и компания без алеутов. «Как бы кто не думал, а я так думаю. И готов утверждать», — возражал он противникам компании. Лучшее средство сохранять взаимную заинтересованность — хорошо платить алеутам за промыслы и следить за тем, чтобы продаваемые им товары «были как можно добротнее и в большем количестве. А более, кажется, ничего не нужно».

Суету, разногласия и бытовые неурядицы отец Иоанн старался оставлять за порогом храма, главным для него по-прежнему оставались служение, учительство, миссионерство и переводы — только этих дел хватило бы на братию целого монастыря, а он занимался всем этим один. И еще успевал много читать, особенно по лингвистике и философии, в каждом письме Врангелю, Литке и Хлебникову присылал списки интересующих его книг. Неизменным адресатом его писем был «почтеннейший Кирилл Тимофеевич» Хлебников, с ним он мог обсуждать прочитанное, говорить на любые темы без боязни быть непонятым, с большим уважением и доверием относился к его мнению. «Вы знаете, как тяжело мыслить и не иметь кому открыть их... Теперь мне легко стало», — часто признавался он в письмах. «Вы пишете о печальных событиях в России с сожалением и удивлением, — отвечал он на сообщение Хлебникова о выступлении декабристов. — Конечно, стоит сожаления и удивления. Таковой переворот, а может быть еще не кончившийся, дай Боже, чтобы все утихло».

Хлебников переписывался с Завалишиным, читал альманах К. Рылеева и А. Бестужева-Марлинского «Полярная звезда», который ему пересылали в Америку, и только на этом основании был внесен в «Алфавит декабристов». Хлебников сочувствовал декабристам — и только, но выступление заговорщиков с оружием в руках вызвало у него «сожаление и удивление».

И Вениаминов был знаком с Завалишиным, он встречался с ним в

Ситхе, исповедовал и причащал на Пасху в 1824 году. Но идей заговорщиков не разделял, о чем говорил прямо и без обиняков в письме Хлебникову: «О вы, великие, просвещенные умы! Какой стыд, какой срам навлекли вы на нашу Россию!.. Ах! вообразить горестно и стыдно — революция в России... Все сие служит новым доказательством, что человек и самый просвещенный есть человек — „ложь“, по слову Давида. И что истинное просвещение состоит в образовании сердца — при необходимых сведениях...» Эту мысль он часто повторял в своих письмах, сравнивал непосредственность и чистоту сердца «диких», среди которых прожил много лет, с «мнящими быти мудрыми», но лишенными веры просвещенными людьми: «мы с нашим просвещением далеко, далеко уклонились от пути к совершенству».

Вениаминов живо интересовался событиями, происходившими в мире, и порой ему удавалось узнать новости раньше, чем правителям конторы, поскольку корабли компании, направляясь в Новоархангельск, прежде заходили на Уналашку. «Вы изволили писать, что персияне начали с нами воевать, а я скажу вам, что у нас еще и с турками война. 30 тыс. армия двинулась к границам Турции под предводительством (помнится) Ветгенштелна (Витгенштейна. — *Н. П.*). А в Средиземное море отправились флоты российский, английский и французский соединенно действовать против их. Последний под началом нашего адмирала, а Англия, владычица морей, не захотела подчинить свой флот нам. Наш флот, кажется, под командою графа Гайдена (Гейдена. — *Н. П.*) и Михаила Петровича Лазарева, там же, на корабле, и, сказывают, уже было морское сражение, и М. П. Лазарев был в первом огне. У персиян отнято много, и гора Арарат уже в нашем владении...» Он не только слышал о двух войнах, которые вела Россия в 1828–1829 годах, но и рассказывал о них Хлебникову с гордостью за русский флаг, знал в подробностях о Наваринском сражении и его участниках — Лазареве и Нахимове, с которыми встречался в Америке.

Любознательный и неутомимый нрав отца Иоанна не позволял ему сидеть сиднем на Уналашке, он использовал любую возможность посмотреть другие земли и отправиться дальше, на север. Сначала он исследовал близлежащие острова — между Уналашкой и Унимаком, которые впоследствии назовут островами Креницына. Затем на кораблях компании побывал на островах Прибылова, на полуострове Алякса, как тогда называли Аляску, и полуострове Нушагак в Бристольском заливе, в Александровской крепости в устье реки Нушагак. Он вполне освоил морское дело, в его письмах то и дело мелькают морские словечки и

выражения, вроде «шли крутой бейдевинд», хотя от морской болезни избавился не сразу и даже принимал на борту настойку из корней, которые ему присылал бывалый мореход Хлебников. Конечно, на островах служил литургии, знакомился с русскими служащими — «ибо там русские в самом деле русски» — но более всего желал увидеть, есть ли возможность «обратить диких». Вот как он рассказывает об основании в 1829 году Нушагакского прихода — самого северного в Америке.

Первый раз, когда Вениаминов служил в Александровском редуте в Нушагаке, это было в июне, на литургию приехали пять эскимосов (аглегмютов). Смотрели и слушали «с чрезвычайным вниманием и не без благоговения». По окончании службы отец Иоанн в простых и доступных выражениях, через переводчика, объяснил суть происходящего за литургией: «мы здесь приносим жертву истинному Богу, живому Творцу неба, земли и людей».

На следующую службу, в первых числах июля, приехали уже 14 человек. Он так же беседовал с ними, быстрого результата не ожидал, но надеялся, что успеет «по крайней мере бросить первые семена». Выслушав его внимательно, один молодой человек спросил: «Отчего это... я чего не хочу и не желаю думать и делать, то думаю и делаю?» Вопрос эскимоса несказанно порадовал отца Иоанна — если человек задает такие вопросы, значит, он размышляет, а «думать способны только умные». Он по опыту знал — говорить о вере нужно только с тем, у кого появились вопросы, есть предмет для разговора — значит, есть и надежда быть понятым и услышанным.

Отец Иоанн побеседовал с каждым из них и каждому задал вопрос: «Не желаете ли вступить в число верующих христиан?» Одиннадцать человек ответили согласием, двенадцатый сообщил, что хотел бы, — но он шаман. Это не беда, отвечал священник, если он перестанет шаманить, то может креститься. Тот согласился и уговорил тринадцатого, который тоже оказался шаманом. «А 14-й сказал: „Мне что-то не хочется быть христианином“, и я отпустил его с миром и уверением, что я никого не буду принуждать, а отдаю на полную волю. Итак, 13 человек диких по воле Всемогущего обратились усердно и добровольно, без всякого обещания и получения подарков и наград. (Кроме крестиков, по крещении им данных)».

На следующий день, при всеобщем стечении народа, он крестил в реке Нушагак 13 взрослых. Эскимоски-христианки приносили младенцев, и священник их тоже крестил в реке. «Жатвы здесь много и доброе дело», — заключил Вениаминов свой рассказ о начале Нушагакской общины.

Дальнейшее просвещение эскимосов, считал он, сподручнее будет проводить священнику храма Воскресения Христова в Кадыке — и добираться удобнее, и язык один.

Рассказывая о крещении эскимосов в письме Хлебникову, он подчеркивал: сие «прошу покорно не причесть мне в хвостовство» и признавался: им двигало лишь одно желание — «лично увериться» в возможности обращения, и он вполне убедился в этом. «И желание мое исполнилось в полной мере. Слава Богу! И благодарность вам, что вы мне доставили случай быть там».

Шли годы, и оставались тяготы житейские — забота о хлебе насущном для все возрастающего семейства, задержка компанией жалованья и продовольствия, необходимость ладить с приказчиками конторы, из которых редко кто не был любителем заложить за воротник, и все та же «вечная осень» островов. А еще — знакомые всем миссионерам и учителям сомнения в нужности своего служения.

По договору с компанией пребывание священников в Америке составляло пять лет, первый срок Вениаминова заканчивался в 1829 году. Летом 1828 года он подал прошение на выезд: «желаю увидеть свою родину, коей и дым сладок, как сказал наш почтеннейший и незабвенный историограф... Если служение мое здесь может быть полезно и заслуживает какую-нибудь награду, то я не прошу и не желаю никакой более, как только удовлетворения моих прошений. А ежели служение мое бесполезно, то прошу вывести меня, как бесполезного». Однако стремления Вениаминова вернуться в Иркутск не одобрили правители компании, а еще более — ученые.

Первым о его переводе с Уналашки в столицу Русской Америки — Новоархангельск — начал ходатайствовать Литке, и причиной была заинтересованность Академии наук в исследованиях Вениаминова. «Как бы я желал, чтобы тебе удалось перевести его в Ситху, — признавался Литке в письме Ф. П. Врангелю. — Если это сбудется, то поналяг на него, чтобы он занялся языком колош с обыкновенною его основательностью. Это даст прекрасные результаты... Этот человек мне необыкновенно понравился. Жаль его, кажется, здесь не слишком любят; в моих глазах это еще ничего не доказывает. Я несказанно был бы рад, если бы ты его полюбил и мог бы удержать в том краю; его, кажется, вынудили уже оттуда проситься...»

Хлопоты ли Врангеля, ходатайство ли Литке или активное нежелание не чистых на руку приказчиков Уналашкинской конторы иметь рядом с собой молодого энергичного священника были тому причиной — только в ноябре 1834 года Вениаминов был переведен в Новоархангельск.

В современной жизни о тайнах говорят мало, да и самих тайн уже не осталось, а те немногие, что еще существуют, ученые со временем непременно исследуют и объяснят — и сомнений в том нет. Свой первоначальный, истинный смысл слово «тайна» сохранило в иных реалиях, где оно осталось основой, корнем слова «таинства», их сутью. Там под видимым действием совершается невидимое, и совершается самым непостижимым образом, так что осмысливать — не осмыслишь и объяснять — не объяснишь, — на то оно и тайна.

Вот так же трудно объяснить успех миссионерства Вениаминова. Вроде бы способы, которыми он побеждал язычество и невежество, были давно известны, ничего нового он на этом поприще не изобрел, но каким неодинаковым по результатам бывало применение этих средств: одни миссионеры едва успевали спастись от преследования язычников, после отъезда других новая вера забывалась и возвращались прежние шаманские камлания, а у Вениаминова — «и поле обильно, и жатва добра».

С тех пор прошло полтора столетия. Алеутскими островами владеет другое государство, но до сих пор в далекой, оторванной от России и будто приткнувшейся к краю света Уналашке потомки крещеных алеутов именуют себя православными и молятся перед теми же иконами, перед какими молился отец Иоанн, в построенной им церкви Вознесения. Поистине — тайна.

За десять лет жизни на Алеутских островах Вениаминов создал крепкую православную общину, составившую один из приходов Русской Америки. Всего же их было четыре, по числу промысловых контор компании: Уналашкинский, Атхинский, Нушегакский и Ситхинский. Среди прихожан Ситхинской церкви Архангела Михаила кого только не было — русские, креолы, алеуты, эскимосы, а вот крещеных тлинкитов или, как называли их русские, колошей — единицы. Когда в 1818 году индейцы убили двух вооруженных русских промысловиков, ушедших в лес срубить дерево, едва вновь не вспыхнула война. Тогдашний правитель Америки капитан-лейтенант Л. А. Гagemейстер, известный своими решительными действиями в кругосветках, и здесь поступил круто: на рассвете три баркаса с вооруженными людьми и короткоствольной корронадой, заряженной картечью, подошли к лагерю колошей. На одном из баркасов был молодой Ф. П. Литке, в ту пору лейтенант флота, и видел происходящее воочию.

Сначала вид заряженной пушки привел индейцев в панику. Но вскоре навстречу морякам вышло боевое каноэ со знаменитым вождем Катлианом, о котором при жизни и спустя столетие после его смерти ходили легенды. «Дабы держать колош в границах, — вспоминал Литке, — Г[агемейстер] приказал другому катеру, на котором была корронада, заехать с носа к колошенскому бату и навести корронаду прямо вдоль оногo; зажженные фитили были готовы; четверо из колош в свою очередь приложились ружьями в тех людей, кои держали фитили». Все замерли.

— Зачем ты приехал, куцкеуан^[13]?! — выкрикнул вождь. — Если убивать — тогда сними с меня медаль, ты сам мне ее повесил! — Он распахнул плащ на груди. — Убей меня одного!

— Мне не нужна твоя жизнь, Катлиан! Мы приехали не воевать. Выдай убийц моих людей!

Катлиан молча выслушал перевод, затем наклонился к молодому человеку, державшему одного из канониров на прицеле. Тот что-то сказал вождю.

— Киксади их не убивали! — Катлиан приложил руку к сердцу. — Мой племянник сказал, их убили воины кагвантаны. Твои люди рубили деревья на их земле.

Клан кагвантанов жил в селении Чаатлк-Ну на берегу Погибшего пролива, и то была не обычная деревушка из нескольких хижин, а настоящая крепость с десятью пушками, которые индейцы выменяли на меха и ровдуги (выделанные оленьи шкуры) у американских торговцев оружием. Здравомысленно рассудив, Гагемейстер на штурм укрепления не пошел. В ситуации возникла пауза: и война не началась — и мира не было.

Оставался второй путь — переговоры — его и выбрал пришедший на смену Гагемейстеру С. И. Яновский, зять покойного А. Баранова. Решив, что погибших не вернуть, а мщение — удел варваров, он заключил с колошами мир по индейским обычаям: обменялся заложниками. К колошам поехали мальчишки-креолы, индейцы прислали двух племянников вождя кагвантанов. По замыслу Яновского, так он сумел избежать войны, восстановил — пусть хрупкий — но мир, и приобрел толмачей колошского языка, которых в Ситхе остро не хватало. «Мы имеем преобладающую нужду в колошенских толмачах, — докладывал Яновский правлению компании, — должны все переговоры вести через колошенок, живущих у русских, которые преданы своим, переводят не то, что должно, а при этом колошам пересказывают все, что у нас делается...»

Мир с тлинкитами установился, мальчишки через год вернулись домой, но правление компании осталось не довольным действиями Яновского,

расценив их как уступку индейцам и проявление слабости. Хлебников был убежден, что колоши лишь внешне воздерживаются от открытых действий, но сердца их «наполнены мщением»: «Злейшие из них ежегодно занимаются планами о нападении на крепость... Они твердят, что мы заняли места, где жили их предки, лишили их выгод от промысла зверей, пользуемся в лучших местах рыбной ловлей». С правом индейцев иметь свою землю не поспоришь. Вот американцы и не спорили — после покупки Аляски и захвата Калифорнии они хладнокровно загнали индейцев в резервации, чем обрекли на вымирание, и без колебаний заняли принадлежавшие коренным народам земли.

А руководство компании все искало компромисс в конфликте с колошами. Наконец, в 1821 году тлинкитам разрешили вернуться на место их исконного поселения под Новоархангельском — к подножию кекура. Это позволяло наладить с индейцами контакт, оставаясь под защитой своих пушек. К тому же новые правила компании запрещали требовать с туземцев ясак или какую-либо иную дань, это также должно было расположить колошей к русским. Так что к моменту приезда Вениаминова в Ситху колоши, по выражению главного правителя Муравьева, «были уже не те». Однако «нога русского священника почти не касалась их порога, — говорил Вениаминов, — не только с намерением благовествования мира, но даже из простого любопытства».

Не раз и не два собирался Вениаминов начать проповедь у колошей, крещеный толмач по имени Гедеон уже приходил на занятия в школу, однако как будто все что-то мешало, не пускало священника в лагерь индейцев. «...разные обстоятельства и случаи, впрочем, самые маловажные и даже иногда, скажу откровенно, какое-то нежелание и неохота удерживали меня и заставляли откладывать мое намерение день ото дня, так что мне стало уже стыдно самого себя», — признавался отец Иоанн. Он дал себе твердое обещание идти к ним по окончании Святых, как вдруг выяснилось: у колошей началась оспа, и заболели как раз в той юрте, которую священник наметил первой для посещения.

Если бы Вениаминов успел у них побывать, можно не сомневаться — причину болезни индейцы объяснили бы приходом «русского колдуна и шамана». Описывая возможные последствия такого хода событий, отец Иоанн даже не гибели своей опасался, хотя она была вполне вероятна, и не вновь вспыхнувшей вражды — его посещение перед эпидемией «на полстолетия заградило бы дорогу благовестникам Слова, на которых колоши всегда смотрели бы как на злых вестников гибели и смерти. Но слава Богу, все устрояющему во благо!».

Эпидемия распространялась среди колошей стремительно. За два месяца их скончалось около трехсот человек — только среди живших вокруг крепости. Шаманы ежедневно камлали, без устали окуривали юрты и селения, но ежедневно умирало по 8–12 колошей, в то время как живущие по соседству русские не болели вовсе. Колоши решили узнать причину — и услышали о прививках. Размышляли, обсуждали, наконец, самые смелые рискнули просить врача сделать им прививки. Увидев результат, вслед за ними начали приходить остальные — сначала молодые мужчины, потом — постарше, затем — женщины с детьми. Самыми нестигаемыми оказались старики, они от прививок наотрез отказались, упорно продолжали верить в заклинания и почти все умерли от оспы, вместе с шаманами. Так эпидемия серьезно поколебала языческую веру колошей.

Если до эпидемии кого-нибудь из колошей попытались бы привить насильно (хотя никто и не пытался это делать), то, как заметил Вениаминов, привитый «вырвал бы у себя то место», где была прививка. Теперь ситуация изменилась. Получалось, как в поговорке: не было бы счастья — да несчастье помогло. Эпидемия и помощь «белых пришельцев», их готовность прийти на выручку расположили колошей к русским более, нежели все меры, предпринимаемые в предыдущие годы; они проложили Вениаминову не дорогу — пока только узенькую тропочку — к сердцам индейцев. Теперь колоши воспринимали его уже не как пришедшего из стана врагов, но как человека, знающего более их и — главное — не желающего им зла. Индейцы со вниманием слушали его. «... ежели они еще не скоро будут христианами, — осторожно замечал Вениаминов, — то по крайней мере они стоят уже на той ступени, что слушают, или по крайней мере начали слушать Слово спасения».

Вениаминов не только проповедовал, он расспрашивал колошей об их вере, обычаях и традициях, о том, какие обряды они совершают при создании семьи, рождении ребенка, погребении умершего, как распределяют обязанности в семье, как воспитывают детей, он изучал язык и характер колошей. Это был труд, великий труд священника, без коего проповедь не могла быть успешной и не могли возникнуть доверие и уважение.

Вениаминов узнал, что сами колоши именовали себя тлинкитами, «с прибавлением антукуан, то есть люди повсеместные, или люди всех селений. Англичане их называют общим именем индейцы (Indians) или strait natives — „уроженцы проливов (Принца Валлийского и пр.)“». Откуда появилось слово «колоши» — неизвестно, может быть, предполагал

Вениаминов, от «колюжи» или «калужки» — женского украшения в виде деревянной палочки, продеваемой ими в нижнюю губу.

«Колоши совсем другого происхождения, нежели алеуты и все прочие народы, населяющие тогда Российскую Америку, — записывал Вениаминов свои наблюдения. — Это показывает их наружный вид, который очень резко отличается от тех: большие, черные... глаза, лицо правильное, нескуловатое, рост вообще средний, важная осанка и поступь грудью вперед...» Предания колошей также доказывали, что «они пришли не с запада, как алеуты, но с востока, с берегов Америки, находящихся против Шарлотских островов».

И характером они отличались от алеутов — энергичны, деятельны, сметливы, большие любители вести торговлю, прекрасные ремесленники. Их лодки (баты), одеяла из козьего пуха, плащи из выделанных оленьих шкур, деревянные фигурки и шкатулки удивляли прочностью и красотой отделки, оригинальностью орнамента и цветовой палитрой, какая не встречалась у других народов Америки. «Правда, нужда и опыты суть великие учителя, могущие умудрить и самого несмысля», — со знанием дела отмечал поднаторевший в ремеслах Вениаминов. И все же для изготовления таких сложных вещей, как кинжалы, фигурки из черного сланцевого камня, одной необходимости мало, здесь требуются ум и сноровка.

День ото дня он все больше узнавал характер, способности и привычки индейцев. Сравнивая их с алеутами, отмечал, что таких «добрых и похвальных» качеств, как терпение, прощение, бескорыстие, — колоши не имели. Они умели без ропота сносить боль, голод и холод и даже любили демонстрировать свое равнодушие к этим испытаниям, но терпения в душевных страданиях, позволяющего перенести обиду, оскорбление, презрение, — у них не было вовсе.

Вениаминов замечал, что домашними делами мужчины-колоши никогда не занимались, и вовсе не от лени, — занятия эти, по их мнению, были приличны только женщинам и рабам. Особое положение мужчин отражали и особенности их языка. Желая назвать какую-либо часть тела человека, они добавляли к ней «ка», что означало — мужчина (человек). Так, живот или брюхо мужчины будет «каюгу», говоря о женщине или животном, «ка» заменяли на «ту», и беременная женщина в переводе на колошский — «тукатгата», где «тукат» — в брюхе, «гат» — ребенок, «а» — сидит или есть.

Присматриваясь к женщинам-колошенкам, он находил их удивительно деятельными, и не только в домашнем быту, но и в торговле, случалось, на

заработанные ими средства они содержали и себя, и детей, и мужа. Колошенки в Ситхе «никогда не упустят случая вынести на рынок для продажи чего-нибудь из местных произведений»: плащи из выделанных шкур, сплетенные из трав подстилки, связанные из козьего пуха одеяла, если их нет — собранную малину или приготовленную юколу. Для того чтобы найти хоть какой-то заработок, они «не щадят ни трудов, ни силы, и ни ног своих. И также с охотою нанимаются работать в огородах». В отличие от алеуток женщины-колошенки были чистоплотны и аккуратны, свое жилище и себя содержали в опрятности, уделяли внимание воспитанию детей.

Он заметил, что колоши более алеутов способны к обучению и образованию, они быстро выучивали русский язык, особенно женщины, но «то, что собственно называется природным умом, у алеутов выше, нежели у колош». Вениаминов обратил внимание на тщеславие колошей — отправляясь в гости к русским, они надевали свои лучшие, непременно европейские наряды, при встрече старались держать себя важно, с достоинством, независимо. «Но кто не тщеславен? — справедливо вопрошал отец Иоанн. — Кто из обыкновенных людей не хочет показать свое преимущество и то, что в нем есть хорошего?» Поведение колошей он находил вполне естественным, демонстрацию независимости и свободы объяснял просто и с пониманием — «это возвышает их в собственных глазах». Читая эти строки, поневоле проникаешься уважением к самому Вениаминову как исследователю, его бережному и чуткому отношению к «диким».

Колоши без сомнения чувствовали и ценили уважительное отношение священника к себе, испытывали ответное чувство и умели его выказать. Они приглашали его в гости и принимали с неизменным радушием, каждому хотелось, чтобы он посетил его юрту и побеседовал с его семьей. Вениаминову запомнился такой эпизод. В один из вечеров он пришел в юрту знакомого колоша. Огонь в очаге, устроенном в середине юрты, едва тлел, хозяину, молодому индейцу, все никак не удавалось наладить достойный гостя свет — дрова были сырыми и не загорались. Тогда он вскочил со своего места, снял крышку с искусно выделанного деревянного ящика, которые очень ценились среди индейцев, и бросил ее на растопку.

— Зачем же портить такую красивую вещь?! — не удержавшись, воскликнул священник.

— Ничего, — невозмутимо ответил индеец. — Сделаю новую.

Вспоминал он и такой эпизод. Как-то он служил литию на кладбище, двое колошей шли по лесу и, не видя священника, затянули свои песни, но

тоэн, который присутствовал при погребении, послал сказать, чтобы те прекратили петь. Узнав причину запрещения, они тотчас умолкли.

С самым пристальным вниманием Вениаминов выслушивал рассказы колошей о своей вере, и это вполне объяснимо — проповеднику мало действовать на сердце, нужно еще и к разуму обращаться. «Основания шаманской веры суть следующие, — записывал он итог бесед и наблюдений, — держащие сию веру признают Творца вселенной под тем или другим образом и названием, но удаляют Его от мироправления, между Творцом и людьми они ставят несколько разрядов духов добрых и злых, но кажется вместе добрых и злых, смотря по обстоятельствам, и все мироправление передают им в полную их власть». Творца мира они называли Эль, и живет он, по их представлениям, далеко — внутри материка, о своем присутствии дает знать восточными ветрами. У него есть сын, который часто выступает заступником людей и избавляет их от гнева отца, он любит людей более, нежели его отец, дает им пищу, посылает удачу в ловле рыбы и на охоте. Основные догматы веры колошей и правила жизни заложены в многочисленных мифах и рассказах об Эле.

Шаманы выполняли функцию посредников между духами и людьми, имели огромное влияние на жизнь колошей и были главным препятствием к их крещению. Самыми знаменитыми шаманами были двое — один жил в Чилкате, другой — в Якутате, и второй был так силен, что, по мнению колошей, не допустил среди своего племени распространение оспы. Ходили слухи, что шаманы пробовали насылать злых духов на русских и даже будто бы подбрасывали в юколу и ягоды оспенные струпья. Но русские оспой не болели, и колоши объясняли это тем, что нынешние шаманы ослабели, утратили свои способности общаться с духами. Вениаминов по этому поводу заметил: «Тот, кто не хочет верить или отстать от своих мнений и в самых очевидных причинах, подтверждающих противное мнение — найдет свои причины: так и некоторые из колош говорят и думают, что нынешние шаманы потому не столь могущественны как прежние, что они невоздержанны и слабы».

Своих умерших шаманов колоши не сжигали, как других покойников, а оставляли в лесу, на высоком помосте, уверяя, что они сохраняются нетленными. Но Вениаминов и это утверждение опроверг: «в одном месте мне случалось видеть гроб шамана, и труп его совершенно сгнил».

Вениаминов замечал: у колошей для всякого явления в природе есть свое объяснение, свой миф — незамысловатый, но оригинальный и на другие непохожий. Проникшись уважением к священнику, они задавали ему вопросы не только о вере, но и об устройстве мироздания. Их

интересовало: что означают пятна на луне? Откуда произошли солнце и другие небесные светила? Отчего бывает затмение и что оно означает? Их любознательность и пытливость показали — колоши склонны к размышлениям, значит, способны к пониманию основ христианской веры.

Вот как начиналось просвещение колошей. В 1837 году Вениаминов совершал литургию в Стахине, но не внутри крепости, а за ее стенами, чтобы колоши посмотрели и послушали. Пришло около 1500 человек, «окружив место священнодействия, смотрели на служение наше во все продолжение его с любопытством и большим вниманием и благопристойностью, достойною не дикаря. После того я отправлял еще раз литургию на том же месте и обряд погребения на кладбище, и колоши смотрели с тем же вниманием и даже уважением...».

Во время каждой встречи с колошами Вениаминов не упускал случая объяснить им какую-нибудь евангельскую истину и однажды услышал вопрос: «Что будет там, по смерти, тем людям, которые здесь делают добро?» Священника вопрос порадовал — это был хороший сигнал, значит, его беседы не прошли бесследно. Впоследствии тоэн Куатхе, задавший вопрос о посмертной жизни, совершил и вовсе неординарный поступок.

Когда он задумал перенести свое жилище на новое место, то по обычаю должен был убить нескольких рабов и уложить их останки в основание дома. Но Куатхе никого убивать не стал — одного, мальчика, он отдал на воспитание русским — чтобы «он был русский», а другого раба — для прислуги больному и бедному старику из колошей, с тем чтобы после смерти старика раб получил свободу. Конечно, замечает Вениаминов, «отпускать на волю колгов (рабов. — *Н. П.*) не есть необыкновенное дело между колошами, но отпускать их с таким намерением есть первый поступок между ними». В качестве поощрения христианского поведения тоэну от имени российского императора вручили подарок — очень ценившиеся среди тлинкитов европейский кафтан и шляпу.

Распространение христианства среди колошей проходило не быстро, Вениаминов действовал осторожно, постепенно, события не подгонял и за числом крещеных не гнался. Он никому напрямую не предлагал креститься, «ожидал их собственного вызова, и тех, кои сами изъявляли желание креститься, принимал с полной охотой, но всегда испрашивал согласия на то тоэнов и особенно матерей, желающих креститься (и всегда получал согласие), что им очень нравилось». И вот результат: к 1840 году Ситхинская церковь «близка к тому, чтобы умножиться в числе членов своих вдвое, втрое и даже до пяти крат». Если в 1804 году колоши «как лютые звери, искали ловить русских и терзать их, а в 1837 г. я один, ночью,

ходил к ним в их жилища, и не только был безопасен, но и принимаем с радушием. Еще в 1819 г. колоши смотрели на русских, как на врагов своих, и мстили за кровь своих предков (убитых при взятии их крепости), а в 1836 г. они приходили к русским, как к друзьям своим, просили о помощи и добросовестно давали знать о неприязненных расположениях своих собратий».

В одном отец Иоанн ошибся — в прогнозе: он считал, что колоши, как наиболее развитые из всех северо-американцев, «наверное, со временем будут господствующим народом... начиная от Берингова пролива и до Калифорнийского залива, а может быть, и далее». Отец Иоанн не смог предвидеть их печальную участь. Аляскинским индейцам повезло больше, чем их сородичам, жившим на плодородных землях, но их численность все равно существенно сократилась — тлинкитов, например, к концу XIX столетия стало меньше втрое, а их язык, богатством которого так восхищался Вениаминов, был почти вытеснен английским.

После продажи селения и крепости Росс, Аляски и островов Вениаминов продолжал внимательно следить за событиями в Америке, наблюдая развернувшуюся на континенте экспансию США.

В Новоархангельске отец Иоанн, кроме прямых обязанностей, имел, как он написал в дневнике, «посторонние занятия»: преподавал два раза в неделю Закон Божий в училище, продолжал вести по поручению Ф. П. Врангеля ежедневные метеорологические наблюдения, завершил «Записки об островах Уналашкинского отдела», третий том которых посвящен колошам, составил алфавит их языка, написал «Замечания о колошском и кадьякском языках» со словарем в тысячу слов.

Слышанию слова Божия на родном языке он придавал огромное значение, оно есть для человека «пища, питающая его душу... вода, утоляющая его жаждущую душу... есть светильник, сияющий в темном месте, пока придет день, взойдя в сердце... Без слова Божия человек гладен, жаждущ, слеп и мертв духовно», — писал он в предисловии к изданию Евангелия на алеутском языке. Перевод был тяжелейшим трудом, требующим времени и максимального напряжения сил, и не всегда ему удавалось найти в местных языках соответствующие слова, которые вполне выражали бы суть текста. Потому он не считал свой перевод совершенным, окончательным и предостерегал читателей — не нужно делать из него догму, следует пытаться постигнуть не букву, но сам дух Слова.

Вот что он писал по этому поводу в своем сочинении «Указание пути в Царствие Небесное», переведенном им на алеутский и колошский языки: «Изучать священные книги надо в простоте сердца, без предубеждения и

излишней пытливости, не силясь проникнуть в то, что скрыто от нас премудростью Божией, но вникать в то, что относится к нашему исправлению. Все, что нам необходимо знать для спасения, то в Писании изложено очень понятно и обстоятельно». Его простые и безыскусные объяснения сегодня по-прежнему понятны новоначальным христианам, как и в те далекие времена, когда были написаны для «диких» народов Америки. Они ясны и точны, как точны сделанные им собственноручно часы для колокольни церкви Святого Михаила Архангела. Спустя столетие та колокольня уже изрядно покривилась от ветхости, а часы все так же исправно показывали время.

Селение Росс

В Ситхинский приход, помимо самого острова Ситха, входило еще и селение Росс; однако из-за его удаленности священники бывали там не каждый год, и служащие компании вместе с крещеными «калифорняками» надолго оказывались без окормления. Летом 1836 года в Калифорнию шел корабль, и Вениаминов, получив согласие главного правителя Америки и отслужив молебен «хотящим плыть по водам», 30 июня отправился в самый отдаленный уголок своего прихода.

При ясной погоде и попутном ветре корабль бежал быстро. Первые дни отца Иоанна, как всегда, мучила морская болезнь — его постоянная спутница, и все же путешествием он был доволен: в воскресенье «отправлял на море часы», подсчитывал, какое расстояние корабль проходил за сутки, вглядывался в незнакомые берега, окутанные столь частым в тех местах туманом. Через две недели корабль бросил якорь в заливе Бодега, и на следующее утро Вениаминов ступил на берег Калифорнии.

Воды залива весело плескались под ярким безоблачным небом, переливались в многочисленных бухтах на разные оттенки — от густого индиго до нежного сизого, холмы живописным амфитеатром окаймляли залив, а вдалеке манила взоры вершина горы, освещенная солнцем. Для того, кто прожил безвыездно 12 лет на Аляске и Алеутских островах, в этом царстве холода, ветров и вечной осени, Калифорния с ее жарким солнцем, богатой растительностью и обилием фруктов должна была показаться земным раем. «Надобно сознаться, что, благодаря Творению, воздух в Калифорнии — голубое, чистое небо», — с удовольствием отметил отец Иоанн в своем путевом журнале.

Селение Росс лежало в 35 верстах от залива, и священник с дьяконом, наняв верховых лошадей, отправились в путь. Горные хребты, увенчанные стройными, величественными соснами, густые заросли чапареля в прохладных тенистых лесах, где трепещущие нежной листвой клены соседствовали с могучими дубами и темнеющими потрескавшейся от времени корой эвкалиптами, которые помнили еще первых белых пришельцев на континент, каньоны с их сочной, изумрудной травой и хрупкие маки, раскрывшие свои огромные — с блюдце величиной — алые цветки навстречу путникам, — все восхищало в Калифорнии разнообразием и буйством красок. Пять часов пути до Росса пролетели незаметно, и к вечеру путники прибыли на место.

Росс оказался небольшим селением из двадцати четырех домов и нескольких алеутских барабор, со всех сторон окруженным пашнями и лесами, «в середине коего находится четырехугольная небольшая деревянная ограда, имеющая 2 оборонительные будки с несколькими пушками и вмещающая в себя часовню, дом правителя, контору, магазин, казармы и несколько квартир для почетных жителей. Здесь мужеска пола 154 и 39 индейцев крещеных». Так выглядел Росс в 1836 году.

Храма в крепости не было и, как замечает Вениаминов, быть не могло — «ибо место сие не есть русское, но принадлежащее Калифорнии». Еще при Кускове в крепости выстроили небольшую деревянную часовню во имя Святой Троицы, куда во время службы могло поместиться едва ли человек двадцать. Убранство часовни удивило Вениаминова своей чрезвычайной простотой, если не сказать бедностью — ее украшали лишь два небольших образа в серебряных окладах. Он невольно сравнил ее с часовней на острове Святого Павла, где проживало 30 семейств крещеных алеутов, которые не пропускали ни одной службы, когда к ним приезжал священник, и украшали свою часовню как могли. Иное дело Росс — «здешняя часовня почти совершенно не имеет никакого дохода от прихожан и притом русских, чрезвычайно редко посещающих ее».

С прибытием отца Иоанна церковная жизнь возобновилась. Службы пошли каждый день, вечерня, утренья и часы следовали своим чередом, по средам и пятницам проходило венчание, в субботу утром — крещение. Как в Иркутске, на Уналашке и в Новоархангельске, он также после служб собирал детей для бесед, начинал с азов — рассказывал о вере, учил, как стоять в храме, как совершать крестное знамение, отвечал на вопросы. И вскоре и русские, и «калифорняки» стали приходить в часовню чаще, уже не пропускали служб, и по воскресеньям у него причащалось от 25 до 40 человек.

Не служил Вениаминов всего несколько дней, когда заболел — резкие колебания температур в этом районе Калифорнии оказались опасными даже для молодого крепкого организма. «Простудиться здесь так легко, что и родившиеся здесь жители Росса почти ежегодно бывают больны по причине быстрого перехода от жары в холод. Сии переходы могут быть от 28 до 8 градусов и не менее как в 2 часа. Еще будучи в горах, вы находитесь в жару несносном. Но, спустившись с горы, вы вдруг вступаете в туман при температуре даже 7 градусов». Эти самые туманы были опасны и для людей, и для урожаев и даже в свое время стали одной из причин обсуждения вопроса о переносе селения в другое место, с более благоприятным климатом. И тем не менее хозяйственная жизнь в Россе процветала, в дневнике отца Иоанна нет и намека на нехватку каких-либо жизненно важных припасов.

Почти два месяца прожил Вениаминов в Россе и в августе вернулся в Сан-Франциско, откуда должен был уходить в Ситху корабль компании. Однако выяснилось, что отплытие по разным причинам откладывалось и ранее середины сентября корабль в море не выйдет. Тогда отец Иоанн решил воспользоваться этим временем, чтобы побывать в католических миссиях.

До Калифорнии Вениаминов ни католических служб, ни самих священников не видел, зато они были знакомы с ним, точнее, с его детищем — органом. Мастерить механические органы — оркестрионы — с записанной на валиках музыкой Вениаминов научился еще в семинарии, он изготавливал их из подручных материалов и продавал в Иркутске. На Уналашке, когда компания то и дело задерживала жалованье и продовольствие и семья остро нуждалась в хлебе насущном, он вспомнил свои занятия механикой. «Почтеннейший Кирилл Тимофеевич, — писал он в Новоархангельск Хлебникову, — на бриге „Головин“ я ныне отправил орган, с тем чтобы он был продан в Калифорнии... Для меня все равно, пиастры или марки. Но если удастся взять за оный хлеб, то в таком случае прошу мне сверх положенной провизии пудов до сорока. А прочий хлеб, если угодно, возьмите в компанию — и по цене какой угодно».

Первоначально Вениаминов назначил немалую цену органу — 500 рублей, но изготовление оркестриона требовало дорогих материалов — красного дерева для отделки, отлитого органного ключа, выточенных винтов и пр. Чуть ниже в письме он называет уже другую цену — 400 рублей и добавляет, видимо, наскучив этой торговлей: «...а, впрочем, предоставляю в полную вашу волю и прошу считать его как бы вашей собственностью». Хлебников был человеком практичным и в торговле

опытным, потому отец Иоанн и доверил ему продажу механизма, он и в других, более деликатных вопросах с ним советовался.

В том же письме он просил Хлебникова скрыть имя мастера органа, объясняя это появлением возможных кривотолков: «...могут подумать, что нужда в содержании или бедное жалованье мое принуждают меня делать органы и торговать ими и проч., или я не занимаюсь своею существенною должностью, а употребляю время на стяжание имения... Итак, всегда, кажется, будет лучше, если не узнают моего имени, а паче звания». Но и здесь он не настаивал, не считал свое мнение истиной и оставлял все на усмотрение Хлебникова, к которому испытывал «почтение и благорасположение».

Известно, что орган, изготовленный Вениаминовым, до монахов дошел, и особенно им понравился валик с плясовой музыкой, где был записан «Камаринский». Они с радостью купили орган и сразу же заказали еще один: «...если он дойдет сохранно, т. е. не испортившись сам собою (как я думаю), будет угодно падрам Reverendis Simis Patribus (почтенным Святым Отцам. — Н. П.) еще иметь и другой орган, с их нотами, то извольте дать слово, что будет готов через год и даже такой же величины и с двумя валами». Так что отцы настоятели если и не знали имя мастера, сделавшего орган, то с самим механизмом были знакомы хорошо.

О миссионерской деятельности иезуитов и францисканцев в Америке Вениаминов был наслышан от моряков — как уже говорилось, индейцев ловили, насильно крестили и заставляли работать на благо церкви и ее служителей. Литке вспоминал, как они обедали у губернатора в саду под звон кандалов индейцев, работавших неподалеку, и никто из испанцев не испытывал при этом никаких угрызений совести.

Вениаминов слышал рассказы о фанатизме католиков и ненависти к ним индейцев, но как миссионер, проживший не один год среди «диких» и много чего насмотревшийся, желал все увидеть собственными глазами. Первой миссией, куда он направился, была миссия Сан-Рафаэль, основанная в 1817 году. «И здесь я в первый раз увидел католическую церковь и монаха Францисканского ордена». Настоятель миссии не говорил по-русски, отец Иоанн не знал испанского, и пришлось им объясняться... на латыни. Вот когда пригодился «мертвый» язык, зубрежка которого так надоедала в семинарии! Вениаминов порадовался, что занятий древними языками не пропускал, и объяснялся с отцом настоятелем «сколько мог».

Следующей на его пути была миссия святого Франциска, затем — Сан-Хосе, где они гостили пять дней, так что у отца Иоанна появилась возможность внимательно рассмотреть все здания и постройки, заглянуть в

мастерские, побывать в школе, погулять по фруктовым садам, попробовать персики и виноград. «Миссии все построены весьма единообразно, — записал он в журнале, — а именно — главное, называемое „миссия“, есть большое четырехугольное здание, имеющее в середине двор, сложенное из нежженных кирпичей и крытое черепицей. Одна сторона отделяется для церкви, другая — для падре, а прочие — или кладовые, или мастерские. Подле нее тянутся несколько корпусов из такого же материала для индейцев — особо для женатых и особо для холостых».

Вениаминов несколько раз присутствовал на католической мессе, с любопытством разглядывал утварь, ризницу, видел погребение по католическому обряду, крещение младенцев. Он узнал, что настоятели миссий так же, как и он, изучали языки местных племен, правда, ни письменность для них они не создали, ни переводов Священного Писания, но учили грамоте и молитвам мальчиков в школах — единственных учебных заведениях во всей Калифорнии, обучали индейцев земледелию и садоводству. Он расспрашивал, сравнивал, размышлял. Обратил внимание, что отцы-францисканцы сами лечили заболевших индейцев и тем завоевывали их расположение. Поэтому, став митрополитом, он предложил в семинариях сократить число светских наук и вместо них ввести обучение азам медицины, напоминая — многие «апостолы... прежде врачевали, а потом учили». И еще ратовал за изучение местных языков, например, якутского, который в Якутии будущим миссионерам более нужен, нежели французский или немецкий.

Настоятель миссии Сан-Хосе падре Хосе Мария Гонсалес оказался человеком радушным, гостеприимным, словоохотливым, отец Иоанн характеризовал его как «образованнейшего и добрейшего из всех его собратий даже по всей Калифорнии». Падре охотно отвечал на вопросы православного священника и, «по благосклонности своей ко мне, почти ничего не оставил такого, чтобы мне не показать». Конечно, Вениаминов сравнивал калифорнийских индейцев с колошами и заметил, что первые хотя и отличались более миролюбивым характером, но способностей колошей не имели, были вовсе не развиты — «едва ли умеют объяснить что-нибудь». Да и какая может быть развитость у тех, кто живет закованным в кандалы?

После революции в Мексике и последовавшей вслед за ней секуляризацией католические миссии к 1837 году одна за другой лишились права иметь индейцев-рабов. Когда Вениаминов был в Калифорнии, из двадцати одной миссии это право сохранилось лишь за двумя — Сан-Хосе и Санта-Клара. Мнение Вениаминова о революциях известно, не изменил

он его и после бесед с падре. «...правительство Мексики отобрало индейцев, дав им свободу гражданства или, сказать справедливее, свободу лениться. Но сия миссия весьма хорошо устроена, и индейцы очень довольны настоящим падрю, который их кормит довольно сытно и порядочно одевает». А вот правительство Мексики не предоставило индейцам ничего — ни работы, ни школы, ни врачей, ни защиты от американских пиратов — только гражданство.

Из замечаний отца Иоанна вовсе не следует, что он был сторонником рабства — отнюдь. В 1840-е годы, став архиереем, он советовал руководству компании не привозить в Америку крестьян из России, потому что те плохо переносили местный климат, а выкупать рабов у колошей, крестить, учить, давать работу и свободу. Напомним, в России юридическая зависимость крестьян от своих владельцев будет отменена лишь 20 лет спустя, в 1861 году.

А вот в соседних с Калифорнией Соединенных Штатах рабство будет цвести пышным цветом еще долгие годы, и на Севере, и на Юге, где на плантациях использовали исключительно труд чернокожих. При этом содержание одного работника хозяину обходилось всего в 15 долларов в год, и было выгоднее не лечить, а покупать новых рабов вместо заболевших. И первый шаг к отмене рабства в США — чисто формальный, мало что изменивший в жизни чернокожих — будет сделан лишь в 1865 году.

Епископ Камчатский, Курильский и Алеутский

В Ситхе Вениаминова ожидало радостное известие — Академия наук наградила его грамматику алеутского языка Демидовской премией. Теперь надлежало выправить текст грамматики («Ах! Что-то с нею, с моею бедною и глупою дочерью сделалось или делается!»), напечатать в Петербурге, желательно, конечно, «под своим надзором» — поскольку ни наборщики, ни редакторы, ни цензоры алеутского языка не знали и отпечатанный прежде Катехизис содержал множество ошибок и досадных опечаток. «...я намерен досовершить по возможности то, что я сделал для лисьевцев, т. е. снова перепечатать Катехизис. Вот самая побудительнейшая и единственная причина быть мне в Петербурге. И в обеспечении всех издержек, нужных как на написание, так на переезды, прожитие, я ныне отчислил сумму и покорнейше прошу вас, — писал он Хлебникову, — если возможно, вместо банка принять оную в капитал компании, это даст мне

лишнее средство ознакомиться с Петербургом».

Итак, Вениаминовым двигало не столько желание посмотреть столицу, сколько необходимость печатать, с разрешения Синода и под своим наблюдением, Священное Писание для алеутов и колошей. Для этой цели он откладывал деньги из своих и без того небольших доходов. До Петербурга можно было добираться двумя путями: через Сибирь или морем, точнее океанами — Тихим и Атлантическим. Идти кругом света, как он признавался, была его «любимая мечта», сибирский характер, унаследованный от предков-первопроходцев, не давал покоя, не позволял сидеть на одном месте. К тому же кругосветка принесла бы ощутимую финансовую поддержку семье Вениаминова, в которой воспитывалось семеро детей, — всем участникам после завершения похода платили двойное жалованье. Он написал прошение, чтобы его взяли на казенное судно (одного, без семейства), даже «на матросской порции, лишь бы только взяли». Компания его прошение удовлетворила.

В 1838 году он отправил детей, жену и мать в Иркутск, получил благословение и рекомендательные письма в Святейший синод от преосвященного Нила (впоследствии архиепископа Ярославского) и вместе с дочерью Феклой ступил на палубу корабля «Николай». «...боюсь, чтобы не хлыстнуться», — высказывал он в письме свои опасения, употребив сибирское словечко, что означало «упасть, поскользнувшись». Нет, он не поскользнулся — все 7 месяцев и 14 дней кругосветного плавания прошли замечательно. Посетили Гонолулу, Сандвичевы острова, видели мыс Горн, восхищались природой Таити, он шутливо опроверг поговорку «понимает, как свинья в апельсинах»: «сколько мне пришлось наблюдать за свиньями острова Таити, то они, при множестве там фруктов, всегда отдавали предпочтение апельсинам», заходили в Рио-де-Жанейро и через Атлантику в июне 1839 года пришли в Кронштадт.

В Петербурге и Москве он собирал пожертвования, церковную утварь, облачения, иконы для церквей и часовен в Америке, в домах знакомых — Свербеевых, Чаадаевых, у Шереметевых на Воздвиженке, на Троицком подворье, где он останавливался, — везде рассказывал об алеутах и колошах. Многие, кому довелось его видеть и слышать, разделяли мнение митрополита Филарета (Дроздова): есть «в этом человеке что-то апостольское».

В 1839 году, на Рождество Христово, его возвели в сан протоиерея соборной церкви Святого Михаила Архангела в Новоархангельске, а еще через год, когда он овдовел и принял постриг с именем Иннокентий, его рукоположили во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. И как

когда-то неожиданным для него самого оказалось его решение ехать в Америку, так неожиданным оказалось и решение Синода поставить его во главе новой — самой обширной в России — епархии. «До 6-го ноября 1840 года, т. е. до того времени, как я стал собираться ехать в Америку, ни речи, ни мысли не было ни у кого об учреждении архиерейской кафедры в Америке», — вспоминал он.

...Весна 1842 года оказалась холодной, ветреной и поздней даже для Аляски, она как будто не желала приходить в этот охваченный белым безмолвием край, где в конце мая не зеленело еще ни кустика, ни травинки и только глыбы льда все наносило ветром и течением к берегам, не давало забыть суровую зиму, какую не помнили уже лет двадцать здешние старожилы. Иннокентий плыл из Новоархангельска на бриге «Охотск» с экспедицией лейтенанта Загоскина к своему любимому острову Уналашка. Восемь лет прошло с тех пор, как он прощался со своей паствой, уезжая на Ситху и думая, что не вернется сюда никогда. Кто жив среди его знакомцев? Как изменились алеуты? В Ситхе они теперь стараются походить на русских — мужчины ходят в куртках и сюртуках, женщины — в ситцевых платьях, у замужних головы платками покрыты. Лаврентий Загоскин, с которым отец Иоанн познакомился накануне отплытия, обратил внимание на то, что алеутки стремятся выйти замуж за русских или за креолов. А 15 лет назад, вспоминал отец Иоанн, алеуты русских еще сторонились.

Он осматривал берега, вдоль которых вместе с семьей плыл в первый раз на Алеутские острова. Вот знакомые очертания острова Угамок, до Уналашки уже недалеко осталось. «Сегодня 25 мая, — подсчитывал он, — значит, успею». Ему хотелось прибыть на остров 27 мая, накануне праздника Вознесения, чтобы служить в построенной им вместе с алеутами церкви. Однако мы предполагаем...

Внезапно воду под кливером зарябило, да так сильно, будто течение переменялось, но Вениаминов, присмотревшись, определил: нет, это не течение, такая рябь с наветренной стороны — верной признак грядущей бури. Он прекрасно знал все особенности местного «царства ветров», где и полчаса одинаковой погоды не бывает, а если задует северо-западный ветер, не то что погода — время года поменяется! Командир брига был наслышан о Вениаминове-американце и спорить не стал: едва успели убрать бом-брамсели, как с северо-запада налетел ветер такой силы, что море вмиг побелело, а могучий бриг уложило бортом на воду. С трудом команде удалось выпрямить судно, и всю ночь и следующие сутки никто не спал, сменяясь, удерживали бриг в проливе, не давали ветру вынести его в

океан. Наконец, 27 мая ветер поменялся и шквал отступил. «Охотск» обогнул остров Акуан и благополучно спустился к гавани. А уже вечером того же дня Вениаминов служил всенощную в церкви Вознесения.

«Нет слов, — вспоминал Загоскин, — для выражения тех чувств, которыми были преисполнены туземные жители при встрече своего владыки». Восемь лет назад они прощались с ним навсегда, и вдруг он здесь, да еще первым епископом Русской Америки! «Не было слушателя, который бы не прослезился от умиления и радости при кратком приветственном слове святителя». Так Иннокентий вновь вернулся туда, где начинал свой миссионерский подвиг.

Все годы его руководства епархией прошли в неустанных трудах и дальних поездках. Он стал деятельным помощником генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского в его реформах. В 1852 году кафедра епископа была перенесена в Якутск, и преосвященный Иннокентий переехал туда. Не желая оставлять жителей Русской Америки без пастырского попечения, он в 1858 году добился создания там отдельной епархии. Тогда же он принял участие в переговорах генерал-губернатора с китайскими послами в Айгуни, результатом которых стало присоединение к России Амурского края. В том же году он перенес епископскую кафедру в станицу Усть-Зейскую, на месте которой позже возник город Благовещенск. Но там святителю довелось прожить недолго — в 1867 году он был вызван в столицу и в январе следующего года назначен преемником почившего митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова).

В последний день января 1879 года высокопреосвященнейший Иннокентий (Вениаминов) окончил земные дни и был погребен в приделе праведного Филарета Духовского храма Свято-Троицкой Сергиевой лавры рядом со своим предшественником. Спустя почти 100 лет, 6 октября 1977-го, Иннокентий, митрополит Московский, был прославлен в лике святителей Русской православной церковью и Православной церковью в Америке.

Лаврентий Загоскин

Первопроходец «земель неизвестных»

«На каждой версте по Загоскину»

В декабре 1838 года Лаврентий Загоскин поступил на службу в Российско-американскую компанию. Сказать, чтобы он с детства мечтал служить в торговой компании, никак нельзя — он собирался стать военным моряком. И стал им — командовал кораблем в составе Каспийской флотилии, участвовал в войне с Персией. Но прославился он на иной стезе. Как начертано на памятной доске возле села Семирублевое (Бахтемир) в Икрянском районе Астраханской области, там «произошло событие, в результате которого Российский военно-морской флот потерял успешного военачальника, а мировая наука обрела известного путешественника, исследователя Русской Америки — Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии». Случившееся на Каспии несчастье перечеркнуло, как думал Загоскин, его едва начавшуюся службу и поставило крест на дальнейшей карьере, но оно же подвигло его отправиться на край света, в «неизвестные земли», чтобы сделать их «известными» и рассказать миру о самой отдаленной точке на карте России.

Первое, что вспоминаешь, услышав фамилию Загоскина, — это сцену из «Ревизора» Гоголя.

«Анна Андреевна. Так, верно и „Юрий Милославский“ ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение».

В 30-е годы XIX века М. Н. Загоскин был, пожалуй, самым популярным писателем и драматургом, его роман «Юрий Милославский» перевели на шесть языков и переиздали семь раз, и не было такой гостиницы во всей России, где бы его не читали. Автор знаменитого романа доводился родней семье Загоскина. В Пензенском уезде Пензенской губернии, там, где находилось имение отца Лаврентия, Загоскиных было много, как сказал Салтыков-Щедрин, «куда, бывало, не повернись — на каждой версте по

Загоскину», и все они состояли между собой в дальнем или близком родстве.

Родился Лаврентий Загоскин 19 мая (по другим сведениям — 21-го) 1808 года в семье отставного секунд-майора и мелкопоместного дворянина Алексея Николаевича Загоскина. Назвали мальчика в честь прадеда, героя Нарвской баталии времен Северной войны. Всего Фекла Петровна родила пятерых — у Лаврентия было три сестры и младший брат.

Самым счастливым периодом в жизни Лаврентия было детство, проведенное в отцовском имении под Пензой. Его первые воспоминания связаны с приходом весны, переездом из города в имение, ожиданием Пасхи: «...со страхом и радостью готовились мы, дети, к заутрене светлого Воскресения. Помню старичка малограмотного священника, обходящего с крестом и свечою, с приветствием „Христос Воскресе“ и всегда, особо батюшке... кланявшегося. Помню, что и мне батюшка позволял обходить с иконами кругом церкви. Помню разлив окружавших Краснополье обеих рек Вязовки и Каменки и речи, что переезду нету, что там-то искупали, там-то едва не потонул».

Матушку он почти не помнил — она умерла, когда ему исполнилось пять лет. Но рядом с любящим и заботливым отцом, братом и сестрами, особенно старшей, Варварой, с которой дружил всю жизнь, он поначалу не почувствовал горечь утраты. Острое ощущение сиротства он испытал позже, в 1820 году, когда оказался в Петербурге, в приготовительном пансионе Морского корпуса. В самый радостный день — Светлое Пасхальное воскресенье, который так любил праздновать в имении, он был печален, в тот день его окружали чужие лица, потому что ко всем мальчикам приехали родные, а к нему — никто.

Почему отец отдал его в Морской корпус? Доходы от небольших имений не могли прокормить мелкопоместных дворян, и потому все дворянские сыновья шли служить — кто по военной, кто по гражданской стезе. Без должного образования на службу не брали, и приходилось родителям выбирать учебное заведение по карману: Первый и Второй шляхетские корпуса требовали больших трат, пребывание же сыновей в Морском корпусе было вполне по карману и небогатым людям. Вот так мальчики из степных и лесных губерний России, порой не видевшие до поступления в корпус не только океанов и морей, но и полноводных рек, становились моряками.

В 1822 году Загоскин поступил в Морской кадетский корпус, через год был зачислен в гардемарины. Располагался корпус, из стен которого вышли все прославленные флотоводцы России, в Петербурге, на Васильевском острове. Инспекторами классов Загоскина были известные мореплаватели В. М. Головнин и И. Ф. Крузенштерн, командирами роты — П. М. Новосильский и С. А. Ширинский-Шихматов, физике, математике, астрономии и механике его учили М. Ф. Горковенко и Д. И. Завалишин. Загоскин и его друг по корпусу А. И. Зеленой опубликовали воспоминания о своем обучении, в которых нашлось место и шуткам, и анекдотам, и словам благодарности наставникам и учителям.

Особенно запомнилось им посещение корпуса Николаем I и его братом Михаилом. Лаврентий в тот день был дежурным и запомнил, как открылись двери, вошли двое молодых, незнакомых ему генералов, и один из них спросил: «Где батальонный командир?» Гардемарин побежал показывать квартиру командира, и вскоре князь Шихматов, хорошо знавший императора в лицо, уже представлял ему офицеров.

Император и великий князь пошли по корпусным коридорам, заходили в классы, а шедший впереди них офицер распахивал двери и называл преподаваемый там предмет. За недостатком помещений в одном из классов в разные дни проходили занятия танцами, фехтованием и уроки Закона Божия.

— Танцевальный класс, — громко произнес офицер, открывая двери. И вошедший вслед за ним император увидел священника, беседовавшего с кадетами.

— Это и по учителю заметно, — пошутил император.

Осмотрев классы, лазарет, который почти всегда пустовал, император обратился к директору корпуса, герою Сеньявинской кампании П. М. Рожнову:

— А где у вас дортуары?

Слово «дортуар», обозначающее спальню в учебных заведениях, употребляли редко, и то ли убеленный сединами директор не знал его, то ли не расслышал, но ответил невпопад:

— Вокруг всего корпуса, ваше величество.

Его ответ еще долго гулял среди кадетов и был предметом их нескончаемых шуток. Несмотря на случившиеся во время его посещения казусы, император остался доволен и директором, и учителями, и условиями жизни в корпусе. А вот внешним видом будущих морских офицеров — нет. И на следующий день перед строем гардемарин и кадетов зачитали приказ по корпусу, который потом пересказывало не одно

поколение: «кадетов выбрить, выстричь, дать им бодрую осанку и молодецкий взгляд».

Шутки шутками, но моряки, сравнивая отношение к флоту двух императоров — Александра I и Николая I, — неизменно отдавали должное младшему из братьев. Как написал Загоскин, «молодой государь постиг значение флота для своего государства». Николая I можно было бы упрекнуть в политических просчетах, но выделение им немалых средств на постройку новых кораблей, появление мощного Черноморского флота с его базой в Севастополе, который так раздражал Францию и Великобританию, русские моряки оценили должным образом. «Воля императора возродила флот, влила дух», — говорил Загоскин.

Обучение в корпусе Лаврентий окончил в 1826 году шестым по успеваемости — среди восьмидесяти — и, получив звание мичмана, отправился служить в Астрахань, в Каспийскую флотилию.

На Хвалынском море

Начало своей службы Загоскин описал в рассказе «Воспоминания о Каспии», напечатанном в 1836 году в журнале «Сын отечества». Рассказ автобиографичен, но написан от лица вымышленного героя Зорского. Такой прием позволил Загоскину «олитературить» свои воспоминания, придать реальным событиям большей художественности, яркости и занимательности. Правда, исследователям его биографии приходится просеивать сквозь сито подлинности описанные в рассказе события, но зато «Воспоминания...» много говорят о литературных способностях автора, отражают его чувства и впечатления.

Итак, после окончания корпуса герой рассказа сначала едет домой, в отпуск. Отвыкнув за годы учебы в корпусе от женского общества, он почти месяц привыкал к сестрам, а «прочих женщин бегал, как огня». Отдохнув, отправляется к месту службы, в Астрахань. Вместе с ним едет его дядька Сергей — этот Савельич Загоскиных был «золотой человек». «Помню, бывало, как он в деревне стриг меня с братом, потом овец, потом шил платье сестрам, потом учил грамоте комнатных мальчиков». Не мудрено, что такого на все руки мастера отправили с молодым человеком, уезжавшим служить на границу.

Каспий, который в древности называли Хвалынским морем, и Астрахань еще в далеком XVI веке стали южными форпостами России. Там хозяйничали казаки, селились отставные солдаты и однодворцы и на

степных приволжских берегах проживали вместе русские, татары, калмыки, греки, выше по Волге получали земли при Екатерине Великой немецкие колонисты.

Астрахань была полувосточным, полуазиатским городом. Золотые кресты древних соборов Астраханского кремля соседствовали с полумесяцами на куполах мечетей, дома русских, весело глядящие на улицы окнами с разукрашенными ставнями, чередовались с домами татар, которые скрывали от посторонних глаз глухие заборы. По немощеным улочкам катили щегольские коляски, сновали купеческие тарантасы, тарахтели татарские телеги, скакали всадники верхом на лошадях и неспешно ступали груженные тюками верблюды.

Добавляло экзотики и близкое соседство с Персией: астраханские мужчины носили шелковые халаты, в домах висели ковры, рядом с которыми стояли низенькие оттоманки со множеством подушек, а на них сидели хозяин с гостями, сложив ноги калачиком. Все это многообразие напоминало пестрое восточное покрывало, разноцветные нити которого, переплетаясь, создавали неповторимый узор. Мичман Загоскин не раз вспоминал на Каспии строки из поэмы Пушкина:

Какая смесь одежд и лиц,

Племен, наречий, состояний.

Вскоре он и сам ощутил своеобразие природы низовьев Волги, где у самого Каспия она делится на множество рукавов, образуя затоны, в которые по весне приходит нереститься осетр, почувствовал в полной мере маету полуденного зноя, когда и дождь не приносит желанной прохлады, слышал таинственную, загадочную тишину затонов, покой которых нарушают лишь шуршание камыша о днище лодки да крики фазанов, увидел серебро сверкавшей на солнце чешуи двухаршинных осетров, едва выловленных и тотчас разделанных на берегу. И узнал, каково это, когда вездесущий песок хрустит на зубах, забивает глаза и нос, просачивается сквозь ставни, едва задует юго-восточный ветер.

Мичману предстояло принять под свое командование шкоут — так в Астрахани называли «всякое мореходное судно, поднимающее более 1000 четвертей муки». Это он напишет потом, спустя много лет, а когда в 1826 году отправился на поиски своего шкоута, то понятия не имел, как выглядят торговые суда. Проехав 20 верст от города, как было указано в

предписании, он не нашел ничего похожего на «Святую Марию» — так назывался его шкоут. Следующие десять верст он «бестолково мыкался в многочисленных рукавах Волги, заплывая из одного ее колена в другое». Когда, наконец, встречные указали командиру его корабль, «кровь хлынула мне в голову, кажется, я покраснел». «Как теперь помню эту корму с двумя окнами, украшенными резьбою», точно в крестьянском доме Московской или Владимирской губернии, под окнами две фигуры «с открытой грудью, с рыбьими хвостами, с когтями и коронами на головах держали рог изобилия: цветы, рыбы, животные, всякая дрянь сыпались из него в пространство между окнами». Под стать корме были и мачты — на клотике грот-мачты восседал петух с распущенным хвостом, похожий на фазана. Здесь же, на баке, жил и настоящий петух, служивший будильником. Да, не таким мичман представлял в мечтах свой первый корабль. Как же он предстанет на мостике этакой разукрашенной посуды перед знакомыми офицерами в Астрахани? А если его и барышни увидят? В тот момент он, наверное, пожалел, что не остался служить на Балтике.

Каюта командира по живописности не уступала корме: посреди райского сада гулял персидский шах в окружении оленей, волков, коров и собак, а на стене, рядом с кроватью под пологом, «была изображена Сусанна, выходящая из купальни в натуральном неглиже», и подглядывающие за ней старцы, которые сидели «в персидских папах с отверстыми ртами, выпускающие каждый по ярлычку с подписью: чохаякши» — что означало полное одобрение. Если на палубе мичман изумлялся и краснел, то при виде каюты расхохотался.

После осмотра корабля пришла очередь его знакомства с командой. На шкоуты набирали вольнонаемных рабочих, которых именовали «мазуры». Когда команда выстроилась на палубе, то мичман увидел «поэму Пушкина „Разбойники“ в лицах». Кого там только не было! — татарин, калмык, армянин, астраханский мещанин, однодворец, бурлак и «чиновник 14 класса, зарекшийся не пить и не отыскивать бесчестья». Одеты они были кто во что горазд: бурлак в красной рубахе, чиновник в платье, забрызганном чернилами, калмык «почти безо всего».

Возглавлял эту разношерстную компанию лоцман, высокий, лет тридцати мужчина с красиво подстриженными в скобку волосами и окладистой бородой. Александр Михайлов — так звали лоцмана, уроженца Астрахани — одет был в красную персидского шелка рубаху, синие шаровары, заправленные в сапоги, на плечи по местной моде был накинут синий халат, рукава и полы которого оторачивал розовый коленкор.

Выяснилось, что Михайлов неграмотный, но его неграмотность не так

удивила мичмана, как способность лоцмана обходиться без карты.

«— А как вы плаваете? — изумленно спросил выпускник морского корпуса.

— Да вот, барин, по лоту да по горам, — отвечал лоцман. — Кавказ куда далече виден».

Вскоре мичман убедился в справедливости поговорки о том, что одежда, по которой встречают, еще ничего не говорит о дельности человека. Народ в его команде был все здоровый, работающий, кроме чиновника, но и того приспособили к делу — «он служил им вместо гуслей». А лоцман оказался настоящим самородком мореходной науки. Он не только знал наизусть все россыпи и середки — так называли на Волге речные мели в устье и в середине реки — но и учил мичмана местному диалекту, без знания которого начинающему капитану пришлось бы туго.

«— Скоро ли дойдем мы до Харбайского селения? — спросил я лоцмана.

— Да вот пройдем ерик, что налево-то, потом обогнем вот тот рыночек, тут и видно будет Бирючью косу, а тут и ям и брандвахта; да когда б не могильный бугор, так с этого же яра можно было бы видеть карантин».

На каждое слово требовалось объяснение. Ериком называли на Волге малый проток, рыночком — речной мыс, яром — крутой берег, а ямой или ямом именовали глубокое место, окруженное со всех сторон отмелями. На Аляске Загоскин нет-нет да и вставлял в описание американской жизни астраханские словечки, называя заимки «караван-сараями», а речные отмели «середкой». Вскоре он привык и к своему шкоуту, и к новому месту, научился вязать сети и не бояться укусов змей, спасаться ночью от гудящих комаров в пологе и даже получать удовольствие от местной кухни: «уха из стерлядей с пельменями, жареная осетрина составляли простой их обед». От такого «простого обеда» не отказались бы не только в его родной Пензе, но и в самой столице, и как, должно быть, часто он вспоминал его в голодном походе на Аляске!

Водить корабли на Каспии оказалось делом непростым, особенно шкоуты, которые «плавают, как летают гуси — только по прямому направлению». Опытные моряки знают, какой ветер несет отраду, а какого нужно опасаться. На Черном море осенью и зимой свирепствует бора, погубившая немало людей и кораблей, на Байкале с севера гонит волну баргузин, на Аляске пробирает до костей близзard, и на Каспии нет-нет да и потянет с русских равнин холодком. Зато с юго-востока летом всегда веет теплый и легкий ветерок — не ветер, удовольствие! Астраханцы именуют его «чурешнин». «Почему так?» — спросил Загоскин и получил ответ:

«Персы пекут лепешки-чуреки, потому и ветер оттуда называют „чурешнин“».

Но случались на Каспии и шторма. «...Море кипело, облака то в исполинских размерах, то раздробленные, напирали, гнали друг друга, невозможно было поставить паруса, править их по курсу, при ужасных рысках судна мы черпали воду то наветренным, то подветренным бортом...» Там молодой командир узнал всю справедливость еще одной поговорки: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался...» После того шторма даже некрещеный калмык обещал поставить свечку Николаю-угоднику.

Персидская война

В июле 1826 года Персия объявила войну России. 60-тысячная персидская армия, возглавляемая Аббас-мирзой, вторглась на территорию Нагорного Карабаха. После того как Персия в 1813 году утратила Восточное Закавказье, Британия всячески подстрекала шаха к войне с Россией. Шах колебался, но денежная субсидия в 200 тысяч туманов помогла ему принять решение, и вскоре в портах Персии уже выгружали оружие с английских кораблей.

Боевые действия на Кавказе против персидской армии вел 12-тысячный Отдельный Кавказский корпус под командованием Алексея Петровича Ермолова, а с 1827 года руководство корпусом принял генерал Иван Федорович Паскевич. Суда Каспийской флотилии доставляли из Астрахани боеприпасы и продовольствие в порты Сальяны и Божий Промысел на Куре. «Персидская война открыла новую деятельность в Каспийском море, — вспоминал Загоскин, — все купеческие суда жителей Астрахани наняты были казною». Поступил в распоряжение командования и шкоут «Святая Мария».

В июне 1827 года Загоскин вышел с грузом из Астрахани, направляясь в Сальяны. Порт охраняли всего две роты Каспийского батальона, которых персы отрезали от расположения основных войск корпуса, и они, сидя без боеприпасов и продовольствия, со дня на день ожидали нападения персов, знавших об их бедственном положении. Надо ли говорить, что Загоскина на его шкоуте каспийцы встретили как ангела-хранителя.

Получив боеприпасы и подкрепление, офицеры предложили мичману сделать попытку прорваться к нашим войскам. Вооружение шкоута составляли фальконет и пушка на носу — не ахти какая мощь, но Загоскин

«брызнул в них картечью — они удалились на благородную дистанцию» — так он шутливо описал это удалое дело. Артиллерии у персов не было, атаковать они не решились, и вскоре шкуут, поднявшись вверх по Куре, достиг расположения отряда полковника П. Е. Кромина.

В сентябре Загоскин вновь совершил рейд по Каспию: доставил припасы из Астрахани в Сальяны, на обратном пути забрал груз из Баку и вернулся в Астрахань. Участие мичмана Загоскина в боевых действиях Николай I отметил выражением ему «высочайшего благоволения», медалью «За персидскую войну» и выдачей в 1832 году годового жалованья.

Несчастье на Каспии

Вместе с окончанием войны завершил свою двадцатилетнюю службу и шкуут «Святая Мария» — севшее на мель судно хозяин бросил догнивать в камышах Каспия. А Загоскин перешел на сторожевой гардкоут. В 1831 году мичман стал адъютантом командира Астраханского порта и Каспийской флотилии контр-адмирала Д. Л. Челеева, на следующий год был произведен в лейтенанты и назначен командиром парохода «Аракс». Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше.

В июне 1833 года он получил задание отбуксировать на своем пароходе два бота в Астрахань. Встали на якорь у села Семирублевое, что в дельте Волги. Офицеры ботов провели вечер у Загоскина на пароходе, ночевать отправились на свои корабли. Ночью на «Араксе» случился пожар, пароход сгорел за четверть часа, к счастью, команда успела спастись.

Комиссия из Петербурга, расследовавшая происшествие, установила, что пожар произошел от непогашенной в пассажирской каюте свечи. Загоскин своей вины не признал. Военный суд вынес суровый приговор: двух нижних чинов, которые, выгораживая командира, давали ложные показания, расстрелять, «прочим отсечь по два пальца», Загоскина разжаловать, лишить дворянства и «казнить смертью».

Челеев первым вступился за своего адъютанта — обратился с письмом в Морское министерство и просил учесть возраст, боевые заслуги и неумышленный характер преступления. Военный губернатор Астрахани также просил начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова о снисхождении офицеру сгоревшего парохода и его команде. Написал рапорт Меншикову и сам осужденный, где осмеливался «умолять вашу светлость о защите несчастного».

В 1834 году Адмиралтейский совет постановил: поскольку подлинного виновника установить не удалось и пожар случился не по злому умыслу, вина Загоскина состоит в небрежном исполнении своих обязанностей. В итоге лейтенанта разжаловали в матросы 2-й статьи, унтер-офицеров — в рядовые, нижним чинам в качестве наказания зачли их пребывание под арестом во время следствия. Убытки в размере 11 тысяч рублей приняли на счет казны. Буквально через неделю император смягчил наказание — Загоскина разжаловали без лишения дворянства. Спустя еще три месяца, в канун Пасхи, ему вернули прежний чин и назначили служить в 9-й флотский экипаж на Балтийское море.

Наказание-то смягчили — а след остался. Если бы речь шла о рядовом нарушении дисциплины, никто бы о нем потом и не вспомнил; даже такие прославленные моряки, как Нахимов, в молодости не избежали гауптвахты. Но о командире, который не уберег свой корабль в мирное время, говорили долго, и пятно ложилось на всю жизнь. Восстановить свое доброе имя можно было, лишь совершив подвиг — не меньше. «В минуту получения прощения, — признавался Загоскин в 1846 году, — я дал обет принести все свои способности и жизнь пользам служения отечеству».

На Балтике, где Загоскин отслужил после несчастья четыре года, проявить себя было трудно: там главным образом демонстрировали образцовое содержание кораблей перед императором. Кто жаждал активной деятельности, переводился на Черное море — там Кавказ кипел боевыми действиями и Черноморский флот, крейсируя вдоль берегов, защищал гарнизоны фортов от нападения горцев. У черноморских моряков, как говорил адмирал М. П. Лазарев, была в то время «самая лихая служба». Перед Загоскиным было два пути — или просить перевод с Балтики на Черное море, что в то время приравнялось к ссылке в Сибирь, или отправиться дальше Сибири — в Америку. Помог случай — и Загоскин поступил на службу в Российско-американскую компанию.

Приехав в Новоархангельск и ознакомившись с тамошней службой, он увидел: здесь можно совершить то, к чему он так стремился. Он сообщил главному правителю колоний Ивану Антоновичу Купреянову, с которым был знаком еще по службе на Каспии, «о готовности принять на себя обозрение неизвестных стран внутренности наших владений». Его стремление вполне совпадало с задачами компании, и Ф. П. Врангель, который занимал на тот момент должность одного из директоров Главного правления, дал свое согласие. Руководил подготовкой экспедиции Адольф Карлович Этолин, принявший пост главного правителя колоний после Купреянова.

Цели, которые компания поставила перед экспедицией, были, казалось бы, сугубо коммерческими — предстояло ответить на вопросы: «Где выгоднее и удобнее основать редуты и посты так, чтобы один не мешал другому в торговых оборотах с туземцами? Какие выбирать пути в этой изобильной реками стране для удобнейшей коммерции между редутами и морским берегом? Какие принять меры для того, чтобы промыслы из этой части материка не переходили на азиатский берег, а попадали бы в руки компании?» Однако это требовало самого пристального изучения и прибрежных, и внутренних земель Аляски.

По впадавшим в залив Коцебу рекам местные ежегодно свозили меха и продавали их чукчам, переплывающим или переезжающим по льду Берингова пролива. Чтобы меха не шли мимо компании, Загоскину следовало определить место для основания нового редута на берегу залива. Второй его задачей было исследовать территорию от Михайловского редута на берегу залива Нортон до верховий рек Квикпак и Кускоквим. Ему поручалось «составить, по возможности, удовлетворительное описание страны, орошаемой этими реками, и определить удобнейшие и ближайшие переносы из одной реки в другую», то есть кратчайшие пути.

Русские промысловики давно слышали от местных о Большой реке, что берет начало высоко в снежных горах, бурлит на каменистых порогах, петляет по лежащей между двумя горными хребтами холмистой долине, похожей на корыто, а в низовьях соединяет свои многочисленные рукава в дельту и отдает воды в залив Нортон. Эскимосы называли нижнее и среднее течение реки Квикпак — «Большая река»; племена, жившие в верховьях, именовали ее Юкон — на их языке это тоже означало «Большая река». Тогда исследователи Аляски еще не знали, что Квикпак и Юкон — два названия одной реки, имеющей протяженность более трех тысяч верст. Выяснили это лишь во второй половине XIX века и назвали полноводный Юкон главной рекой Аляски, сохранив название Квикпак за одним из ее многочисленных притоков.

Бассейны Квикпака и Кускоквима в середине XIX столетия были мало исследованы. В 1817–1819 годах Петр Григорьевич Корсаковский, пройдя по берегу Бристольского залива на север, добрался до одного из притоков Квикпака. Он же открыл большое озеро Илиамна (Илямна) и реку Нушагак, в устье которой основали Александровский редут, что позволило, по словам Загоскина, «знакомиться с внутренними жителями материка».

В 1829–1830 годах прапорщик Иван Васильев, служивший на судах компании штурманом, пытался исследовать территорию между Александровским редутом и заливом Нортон, однако ему помешали дожди, не прекращавшиеся всё лето. И всё же часть задуманного Васильев смог осуществить: в первое лето он описал реку и озеро Нушагак, во второе — открыл судоходную реку Кускоквим, прошел всё ее среднее течение и возвратился в Александровский редут берегом моря.

Особенно успешным стало изучение бассейнов рек после основания в 1833 году редута Святого Михаила на южном берегу залива Нортон. Используя редут как базу для экспедиций, исследователи весной и летом продвигались вглубь материка на байдарках и байдарках, а зимой — на собачьих упряжках.

Самых значительных результатов в освоении материковой Аляски достиг знаменитый в Русской Америке Ф. Л. Колмаков. Он успешно торговал с туземцами, обращал их в христианство и, как писал Загоскин, «утвердил влияние наше над окружающими племенами». «Этот доблестный старик, — с восторгом отзывался Загоскин о Колмакове, — действовал побарановски: выбрав место при впадении Хулитнака в Кускоквим, он оставил там на житье креола Лукина, бывшего толмачом у Васильева, с тремя человеками туземцев... и сбор пушных промыслов превзошел ожидание». Колмаков прошел вверх по реке более сотни миль, познакомился с местными племенами, произвел старейшину одного из них «в наибольших» и наградил медалью «Союзные России», в четырех ближайших селениях утвердил тойонов, поставил десятских для ведения торговли и перенес свою заимку на берега реки Квыгым.

Несгибаемый дух этого уже немолодого сподвижника Баранова, прозванного «неусыпным», удивлял более, нежели его выносливость. Вот Колмаков вместе с медалями раздает тойонам столь нравившиеся им фуражки из красного сукна; вот выменивает у них рыбу на чрезвычайно ценившиеся среди туземцев «пеколки железные с барашком» — ножи для кройки шкур; вот предписывает Лукину нанимать гребцов из туземцев только за «достойную» плату.

Дело, начатое Федором Колмаковым, продолжил его сын Петр. В 1838 году он прошел вдоль реки Инноко — крупнейшего притока Квикпака, перевалил через гору Кускоквим и спустился к морю; большую часть своего маршрута он сумел нанести на карту, чем облегчил освоение этого края последующим экспедициям.

В 1833–1835 годах Андрей Кондратьевич Глазунов, штурман компании, прошел дельту Квикпака, его нижнее течение и земли между

двумя заливами Берингова моря — Нортоном и Кускоквимом, описал свой маршрут, а спустя три года вместе со штурманом Петром Васильевичем Малаховым, тоже сыном русского и туземки, добрался до устья Нулато и построил там еще один редут. К 1840 году в компании уже хорошо знали нижнее и среднее течение Юкона, а редут Нулато стал первым постоянным поселением в Центральной Аляске.

Но, к сожалению, многие из этих землепроходцев не имели должного образования, и оставленные ими описания и замеры невозможно было использовать. Впрочем, Загоскин высоко ценил сделанное предшественниками: «Довольно, что они с сердечным убеждением в пользу отечеству приносили на жертву служения компании и силы свои и здоровье». Теперь ему предстояло продолжить начатое этими мужественными людьми.

Команда и снаряжение

Первого мая 1842 года Загоскин переехал на бриг «Охотск». Открывалась новая глава его жизни. О чем думал он в тот момент? Вспоминал ли Андрея Глазунова, который зимой в походе от голода ел свои сапоги? Размышлял ли с тревогой о лишениях, что ожидали его? В письме другу Загоскин признавался: труд предстоит немалый, но и цель, которую он поставил перед собой, велика — открыть «неизвестные» земли. «Если Бог приведет исполнить всё это и пробраться в кенайский редут Св. Николая, то мне слава». И молодой, полный сил морской офицер только просил у Бога твердости, чтобы перенести все испытания, а в успешном завершении дела нисколько не сомневался. «Я как-то был уверен в благополучном возвращении», — напишет он в своей книге «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах» (СПб., 1847). Уверенность — половина успеха, без нее и начинать дело не стоит. К тому же он хотел заставить всех забыть, наконец, о злополучном происшествии на Каспии, так круто изменившем его судьбу.

Главный правитель Русской Америки А. К. Этолин посоветовал Загоскину взять с собой креолов — сыновей русских и туземок — как более привычных «к бродячей жизни и недостатку пищи», и лейтенант, у которого еще не было опыта в организации экспедиций, последовал этому совету. И только в походе увидел, как велика разница между креолами, выросшими в Новоархангельске и привыкшими жить на обеспечении

компании, и теми, кто с детства учился выживать.

Из первых получались хорошие исполнители; они работали в порту и служили матросами на кораблях, но не умели охотиться, управлять байдарой и уж тем более делать ее. Вторые умели всё: ставить ловушки и добывать зверя, плести сети и ловить рыбу, шить из шкур одежду и обувь, заготавливать впрок провизию, лечить заболевших и раненых травами и кореньями — словом, они и сами не пропадут, и другим пропасть не дадут, с ними в предстоящих испытаниях шансов выжить намного больше. Загоскин обратил внимание, что и туземки не только умело вели домашнее хозяйство, но и ловко управляли байдарой и ловили рыбу не хуже мужчин, тогда как замужние креолки из Михайловского редута не смогли ответить на самые простые его вопросы: сколько хлеба выпекается из пуда муки, сколько мыла уйдет на стирку определенного количества белья? «Не знаем-с, — говорили они, — хлеб мы получаем готовый от хлебопека, мыла дают, сколько выйдет».

Эти молодые особы были выпускницами женской школы, основанной в 1837 году супругой главного правителя колоний И. А. Купреянова. Там их научили ловко вальсировать, грациозно плясать французские кадрили, прекрасно вязать шарфы, косыночки, шапочки и читать «Мертвые души» Гоголя. Загоскин порицал такое никчемное для Америки воспитание. После отъезда Купреянова из колоний школьную программу пересмотрели. «В настоящее время каждая воспитанница учится шить и выделывать птичьи шкуры, кишечные камлеи (непромокаемую промысловую одежду из кишок морского зверя. — *Н. П.*), плести из травы и корней различную домашнюю утварь, рогожки и прочее, что весьма полезно женщине, которой предстоит разделять труды своего мужа на родине», — заметил Загоскин.

По его наблюдениям, «нецивилизованных» алеутов и эскимосов, умеющих выживать в суровых условиях Аляски, с каждым годом становилось всё меньше, и причиной тому было их соседство с русскими: «Христианская вера сблизила алеутов по духу с нами; наши обычаи с жадностью перенимаются ими». Об утрате самобытности местных племен сокрушался и отец Иоанн Вениаминов (позже епископ Иннокентий), тщаниями которого алеуты перенимали новую веру и новые обычаи. Но что-либо изменить было трудно: соседствующие этносы либо смешиваются, рождая особую, оригинальную культуру, как, например, в Латинской Америке; либо один полностью поглощает другой, как случилось с жившими когда-то на Эльбе славянскими племенами, исчезнувшими во времена немецкой колонизации; либо, что бывает

нечасто, оба этноса сохраняют свою идентичность, взаимно обогащая друг друга, как, скажем, татарский или башкирский с русским.

Гибкая политика компании и осторожное, без принудительного навязывания веры, миссионерство святителя Иннокентия позволили местным племенам войти в мир православия, сохранив свои культуру, язык и обычаи. В верховьях Кукоквима до сих пор существует деревня, в которой фамилии индейцев звучат совсем не по-американски: Николай, Деннис, Исай, Григори, Васили, Петруска (Петрушка) и Илуска (Илюшка); да и сама деревня, где проживает менее сотни человек, называется Николай. Даже спустя полтора столетия после продажи Аляски лингвисты обнаружили в местном языке, на котором говорят пожилые жители деревни, много русских слов: Бог, икона, Пасха, сухари, мука, масло, банка, бочка, бутылка, ключ, карты... Потомки крещеных аборигенов бережно хранят русское наследие и гордятся им. Недаром на языке их предков белый американец назывался просто «гуссук», а русский — «гуссукпиак», что означало «истинный белый человек».

В экспедицию вместе с Загоскиным отправились четверо креолов: Николай Шмаков, Тимофей Глазунов, Прокопий Вертопрахов и Павел Акляюк — все «охотники», то есть добровольцы. Лейтенант особо отмечал, что никого не заставлял идти. Пятый тоже вызвался сам — матрос 15-го флотского экипажа Яков Махов, денщик Загоскина; он вполне мог остаться в Новоархангельске, но «не решился отстать» от своего офицера и предпочел отправиться вместе с ним. Шестого, креола Григория Курочкина, который знал языки местных племен, приняли в команду на Кадьяке. Курочкин был крещен и обучен грамоте, служил дьяконом в кадьянской церкви. Для экспедиции личность толмача имела огромное значение; по его образованности, отмечал Загоскин, «можно было судить о верности передаваемых им сведений».

Компания выделила на снаряжение экспедиции 3051 рубль 83⁴/₇ копейки серебром. Большая часть этой суммы была потрачена на закупку инструментов: хронометра, секстанта, компасов, термометров, — а также оружия, съестных припасов и одежды. Покупали и товары для обмена с туземцами: крупный красный и белый бисер, табак и цукли (особый вид раковин, добываемых на островах Королевы Шарлотты). После завершения экспедиции все приборы и оставшиеся товары были возвращены компании; туда же были переданы и приобретенные у туземцев меха, так что поход Загоскина еще и принес прибыль в 655 рублей.

За два года и четыре месяца экспедиции компания заплатила Загоскину

четыре тысячи рублей жалованья — столько получали чиновники в Охотске, на Камчатке и в Русской Америке — и премию в 1714 рублей. Однако богатым он не стал — даже наоборот: в экспедиции он истратил из собственных средств тысячу рублей на покупку продовольствия, предметов быта, оружия и украшений местных племен для своей коллекции, награждение команды и приобретение подарков туземцам, а жалованье отправлял своим сестрам Варваре и Прасковье для уплаты долгов после смерти отца.

К казенным деньгам Загоскин относился рачительно, лишнего не тратил, где мог — экономил. Как-то на «Охотске» сломался судовой хронометр, и епископ Иннокентий, плывший на том же корабле из Новоархангельска, починил его. Загоскин наблюдал за его работой, расспрашивал. «Я пригляделся к делу и, с малолетства привыкнув точить разные мелочи, имел всегда при себе несколько небольших инструментов». Когда в походе у Загоскина сломался карманный хронометр, он вспомнил уроки владыки Иннокентия и починил механизм. «Напоминаю собратиям по службе, — писал лейтенант, — что многое то пригодится в жизни к делу, что как бы забавою служило нам в детстве».

Морем в залив Нортон

Четвертого мая 1842 года бриг «Охотск» поднял паруса. Предстояло пройти от Ситхи до Алеутских островов, затем, минуя мыс Румянцева, войти в залив Нортон, выгрузиться в редуте Святого Михаила, где Загоскину надлежало отдать распоряжения о подготовке припасов для экспедиции, а самому на бриге следовать на север, в залив Коцебу, чтобы отыскать место для поселения в заливе (как говорили местные, губе) Эшшольца.

Оставляя за кормой Новоархангельск, бриг быстро вышел на ветер и через десять дней достиг островов Шумагина. 19 мая зашли на остров Унга, сдали товары и приняли «пушной промысел» компании. В праздник Вознесения сошли на берег на Уналашке, где пробыли несколько дней. Затем миновали остров Святого Георгия и 8 июня бросили якорь в гавани острова Святого Павла.

Обычно к началу календарного лета Бристольский залив очищался от льда; но зима 1842 года, по мнению старожилов, выдалась самой суровой за последние 20 лет, и в первых числах июня лед едва тронулся. Теперь команда у лееров заворуженно смотрела, как течение кружило по заливу

ледяные глыбы, прибивало их к острову и они теснились у берега, напирали, истово сокрушая друг друга, а набежавший ветер уносил обломки всё дальше в залив. Это было восхитительное и одновременно жуткое зрелище торжества стихии, которую человек вряд ли сможет когда обуздать; даже солнце, точно залюбовавшись редкой картиной, не торопилось уйти на покой, продлевая и без того долгий июньский день.

На закате в гавань вошла груженная байдара — прибыл с провизией управляющий островом немолодой, но крепкий и бодрый креол Шапошников, которого Загоскин назвал «почтенным стариком». Команда приступила к работе: поднимали на борт свежую воду, китовое и сивучье мясо, яйца морских птиц, в изобилии гнездившихся на острове, — пять часов ушло на погрузку. Между делом пересказали управляющему вести из Новоархангельска, а от него узнали местные новости, и они оказались нерадостными: лед только четверо суток как оторвало от острова, нечего и думать идти дальше на север.

Пока стояли в гавани, Загоскин прикупил шкуры морского льва — сивуча. Из них алеуты изготавливали камлейки и непромокаемые голенища для сапог-торбасов, подошвы подшивали кожей с ласт — ее ребристая, морщинистая поверхность не скользила и была удобна для ходьбы по прибрежным камням.

Ожидая, когда залив очистится ото льда, командир приказал лечь в дрейф. Десять суток в густом, как кисель, сыром и холодном тумане экипаж брига и команда Загоскина развлекались тем, что ловили треску на удочку, смотрели, как ударялись на лету о паруса и падали на палубу чайки и конюги, а еще вкушали дары моря. «На Уналашке, — вспоминал Загоскин, — я отведывал китовое мясо, которое вкусом и видом, показалось мне, подходит к говядине. Здесь на бриге угощали нас каждодневно студнем и соусом из сиучьих ластов. Из рук повара-художника, конечно, сиучий ласт займет не последнее место на столе гастронома, но, приготовленный полуалеутом, не теряет той особенности, которая свойственна мясу всех животных, питающихся произведениями моря». Под соусами тогда понимали не подливки, как в современной кухне, а сами блюда, мясные и рыбные, приготовленные с овощами; для тех голодных мест соус и студень были настоящими деликатесами.

Наконец заметно потеплело, задул юго-западный ветер, термометр показывал летнюю, такую долгожданную температуру плюс 19 градусов. Казалось, о льдах можно забыть, и бриг взял курс на север. До острова Святого Лаврентия оставалось не более 70 миль, когда с борта увидели не отдельные льдины, а «необозримые равнины неподвижного льду». Бриг —

не ледокол, и пришлось вновь повернуть в море и ждать.

Ожидание проходило не в одиночестве — моржи с детенышами окружили корабль и, оглушая ревом, «то царапались... то кувыркались, то, вылезая на ближние льдины, как бы с удивлением смотрели на чуждого соседа». В иное время команда не упустила бы случая настрелять моржей, но сейчас было не до охоты. Девять суток бриг, то утыкаясь в сплошное ледяное поле, то с помощью весел и легкого южного ветерка выбираясь на вольную воду, шел между островом Святого Лаврентия и матерой Америкой. Наконец, 9 июля начал попадаться плавник — верный признак, что ледяную гряду прорвало. Днем вошли в залив Нортон, а следующим утром подошли к редуту Святого Михаила. Морская часть экспедиции закончилась, предстояло пешеходное освоение неведомых земель.

Редут Святого Михаила

В дневниках, которые Загоскин вел во время экспедиции, он коротко писал о маршрутах, измерениях; туда же заносил рассказы старожилов об истории поселений компании.

Михайловский редут был основан в 1833 году Михаилом Дмитриевичем Тебеньковым, ставшим впоследствии главным правителем Русской Америки, и назван именем его небесного покровителя — архистратига Михаила. Находился редут, как определил Загоскин, «в широте 63° 28' 45" N, долготе 161° 44' 01" западнее от Гринвича, на юго-восточной стороне острова» в заливе Нортон. После возведения редута остров стал называться на русских картах островом Святого Михаила. Редут сохранился до сих пор, только именуют его теперь Форт-Сент-Майкл. В период «золотой лихорадки» вокруг редута возник палаточный городок, где искатели счастья, отчаянные авантюристы вроде героя Джека Лондона Элама Харниша по прозвищу Время-не-ждет ожидали транспортные суда, чтобы отправиться вверх по Юкону и Клондайку столбить участки и мыть золото. Когда россыпи оскудели, а деньги, вырученные от продажи золотого песка и самородков, были потрачены, старателей-одиночек сменили солидные компании, ведущие глубинные разработки, палаточный городок исчез, и редут вернулся к прежней тихой и спокойной жизни. До Второй мировой войны (впрочем, и после нее) он оставался немногочисленным — число его жителей не превышало полутора сотен человек.

В год основания редута в нем поселилось и того меньше — 25

мужчин. Жили все в большой избе, специально перевезенной из Новоархангельска, над которой возвышалась каланча, где стоял дозорный. В той же избе хранили товары и торговали. Как оказалось, место выбрали удачное — торговля сразу пошла бойко, редкий день к берегу не приставали байдары с верховьев Юкона. Аборигены обменивали меха на медные котлы и чайники, полюбившиеся им прочностью, железные ножи и топоры, цветные хлопчатобумажные ткани, табак, бисер — им украшали праздничные одежды, он же служил валютой при обмене с другими племенами. Однако такая оживленная торговля оказалась вовсе не по нраву коренным жителям близлежащего острова Аяк (*Sledge Island*), привыкшим собирать дань пушниной с окрестных племен, и они задумали убрать конкурентов.

В 1836 году к северо-западной оконечности острова Святого Михаила, названной Куком мысом Стефенса, прибыли на десяти байдарках не меньше двухсот человек, высадились и стали ждать подходящего момента для захвата редута. Он вскоре представился: девять жителей редута отправились на баркасе собирать лес-плавник. Аякцы решили сначала напасть на них, а затем на редут.

По заведенному еще Шелиховым правилу никто не должен был выходить из редутов поодиночке и безоружным, и потому все служащие имели ружья. Однако нападение произошло столь неожиданно, а силы нападавших были так велики, что семеро поселенцев оказались ранены стрелами в первые же минуты, а один убит. Спас всех архангельский мещанин Курепов, человек недюжинной силы и к тому же сметливый. С криком «За мной, ребята! Бог нам в помощь!» он бросился к ближней байдаре, оставленной неприятелем на берегу, в одиночку сдвинул ее в воду. Остальные кинулись в лодку, и она тотчас отвалила от берега. Ошеломленные таким поворотом событий аякцы попытались было стрелять по байдаре, но Курепов и здесь не растерялся — наклонил байдару, и толстый моржовый лавтак, которым было обтянуто днище, принял на себя неприятельские стрелы.

До редута добрались в полночь, считая его уже захваченным. Курепов отправился на разведку. Оказалось, что неприятеля в редуте нет. Всех подняли по тревоге и стали ждать нападения. Однако торговые конкуренты предпочли отказаться от боевых действий и с тех пор на южном берегу залива больше не появлялись. А редут после этой истории обнесли четырехметровым частоколом и поставили две башни с шестью пушками.

Впрочем, лейтенант вполне разделял мнение тех управляющих, кто считал ограды более опасными, чем их отсутствие, ведь по

малочисленности населения редутов часовых на башнях не держали, подобраться к частоколу незамеченным было легко, как и перемахнуть через него, особенно зимой, когда наносило снег. Так что поставленная на открытом месте изба была более безопасна. Загоскин именовал редут «так называемая крепость». «В настоящее время в редуте находятся следующие строения: дом для управляющего редутом, казарма для служителей, два магазина — товарный и провиантский, амбар для складки туземных запасов, баня и кухня в одной связи (под одной крышей. — Н. П.)». За оградой стояли кузница, дом для приезжающих туземцев и часовня, срубленная 1 октября 1842 года. В Михайловском редуте Загоскин прожил три месяца.

Ученое самолюбие и хозяйственные заботы

Особенность экспедиций, организованных Российско-американской компанией, состояла в том, что их участники, решая сугубо практические задачи, не ограничивались торговлей, но одновременно проводили и научные изыскания. Пока служащие компании должны были готовить в редуте снаряжение для экспедиции, инструкция предписывала лейтенанту отправиться к побережью залива Коцебу «для обозрения в губе Эшшольца удобного места к основанию заселения». В отчете он написал, будто оправдываясь, что войти в залив не смог из-за позднего таяния льдов в Беринговом проливе, оговорившись, что подобное обстоятельство вовсе не исключает появления кораблей в полярных морях — это доказали экспедиции Кука, Коцебу, Васильева, Бича. Загоскин тоже мечтал узнать: «Бывают ли годы, в которые льды не выносятся из зунда Коцебу?» И не это ли стало причиной, по которой знаменитый Кук прошел мимо залива, вовсе его не заметя? Эти вопросы требовали морских исследований, однако Загоскин остался в редуте.

Управляющий редутом был в Америке человек новый, только вступал в должность, а его предшественник сдавал дела, и потому оба были заняты. Не могли помочь лейтенанту ни староста редута — он страдал ревматизмом и едва таскал ноги, — ни переводчик, который отправлялся с отрядом в Нулато; другой переводчик, участвовавший прежде в экспедиции Кашеварова и назначенный к Загоскину, участвовать в новой экспедиции наотрез отказался: «в ту пору был холост, а теперь имеет двух жен-красавиц и через них, живя в соседстве с русскими, ни в чем не нуждается». Выходило, что из двадцати девяти служащих компании

заниматься подготовкой экспедиции было некому, в чем лейтенант убедился буквально в первые же часы своего пребывания в редуте.

Когда подошло время обеда, оказалось, что команде Загоскина никто ничего не приготовил и есть им, кроме хлеба, нечего. Обескураженный лейтенант, зная, что в редуте служат два повара, отправился за разъяснением к управляющему, однако тот ответил: «Один, ваше благородие, из числа означенных в поварах, хлебопек и сушит сухари для отправляющихся в поход; другой таскает воду, варит лафтаки (здесь — мясо тюленя. — Н. П.) или что попало собакам, смотрит за ними и прислуживает ему, управляющему». Да и готовить не из чего — рыбы нет, а покупать у туземцев дорого. Впрочем, сами служащие, как заметил Загоскин, не голодали: они еще по весне настреляли птицы, а для разнообразия стола ходили подкармливаться к своим шнягам — так называли на Аляске приятелей и приятельниц из туземцев.

Команда Загоскина птицей запастись не успела, шнягами тоже пока не обзавелась, и он принял решение в соответствии с обстановкой: не обращая внимания на предостережения управляющего («На то нет разрешения начальства!», «Опасно ходить в лес, кругом — дикие!»), отрядил в лес стрелка, и на другой день в редут привезли тушу оленя, вскоре подстрелили еще четырех — и проблема с продовольствием на время была решена. Пусть аляскинской сноровки лейтенант пока не имел, но служба на Каспии его тоже многому научила, да и боевой опыт выручал.

Прожив неделю в редуте, лейтенант понял: готовить экспедицию придется самому. «Как ни щекотало мое ученое самолюбие такое поручение», говорил он об исследовании залива Коцебу, однако научные открытия на время уступили место хозяйственным заботам, пусть и менее интересным, но жизненно важным. Ведь оттого, насколько тщательно будут приготовлены припасы, зимняя одежда и обувь, построены байдары и нарты, какие куплены собаки, зависело не одно исполнение приказа, но жизнь его спутников и его самого.

Как выяснилось потом в походе, даже его догляд не принес должного результата. Хотя все и поспело к сроку «довольно в сносном виде», но вид этот оказался «несообразным» тому, что требовалось. Чтобы что-то узнать, необходимо это почувствовать и испытать самому — истина проста и бесспорна, однако постигает ее каждый самостоятельно. И лейтенант Загоскин узнал на собственном опыте, сколько требуется взять с собой провианта, чтобы не голодать, и как поступать, если его не хватит, как не отморозить ноги во время ночлега на снегу, каким образом расположить к себе туземцев, — и еще много других тонкостей выживания на Аляске.

Впрочем, не все его время и силы тратились исключительно на хозяйственные хлопоты. Он занимался в редуте астрономическими вычислениями, уточнял координаты мест, собирал сведения о жизни туземцев, местной флоре и фауне, геологии. Вот каким предстает остров Святого Михаила в его описании: «...весь остров на исторической памяти народов поднялся от действия подземных вулканических сил. Остров Св. Михаила имеет самое большое протяжение от юга к северу $7\frac{1}{2}$ и от востока к западу $8\frac{1}{2}$ миль». Загоскин по морской привычке мерил расстояния в милях, что в переводе означало: протяженность острова с юга на север составляла около 14 километров, с запада на восток — 15 километров.

На острове созревало немало ягод. Первыми поспевали голубика и морошка, в августе — шикша и княженика, в сентябре зрела брусника, «нежнейший» вкус которой Загоскин вполне оценил, когда собирали ее, схваченную первым морозцем. Зелени, так необходимой в северных широтах, произрастало на Аляске мало, но русские приспособились собирать дикую петрушку, щавель и крапиву, из которой варили щи, научились у туземцев весной — в самое голодное время — отыскивать корни, «улюг-наг-ят» и макаршу, ее сладковатый, мучнистый корень добавляли в пироги, блины, лепешки и даже ели в сыром виде — на десерт.

Росли березы и кустарник, который тянулся не вверх, а стелился, как и везде в тундре, по земле, образуя густые заросли и источая по весне смолистый аромат. В его книге содержится подробнейшее описание растительности острова и материковой Аляски, он собрал богатый травник и коллекции птиц, насекомых.

В Америке Загоскин познакомился с препаратором Академии наук Ильей Вознесенским. У них оказалось много общего — оба были молоды, любознательны и наблюдательны. Как выразился Загоскин, Вознесенский «успел во многих из нас вдохнуть страсть к собиранию». Он обучил лейтенанта грамотно формировать коллекции, кольцевать птиц, и Загоскин, по собственному признанию, «сделался минеролог, энтомолог, конхиолог, зоолог и пр., всеми возможными, что называется редкостями, уставлена и обвешана моя хата».

Подробно описанный Загоскиным животный мир Аляски представлял в то время не один научный интерес, но был хлебом насущным для всех, кто туда отправлялся. Впрочем, хлеба-то как раз аборигены Аляски и не знали, а вот без рыбы прожить бы не смогли. Вареная, жареная, кислая, мороженная (строганина), сушеная, полувяленая — она была и есть

настоящим хлебом Севера, и потому, выбирая место для поселения, там всегда смотрели в первую очередь на рыбность ближайшей реки.

По наблюдениям Загоскина, лососевых в Михайловском редуте — горбуши, хайки и кижуча — добывали мало, приходилось выменивать у туземцев не только меха, но и рыбу для себя и собак. Местные ловили в заливе вахню — навагу, весной и осенью хорошо шли терпуга, камбала, корюшка, зубатка, которую именовали на Аляске «морским налимом», и ее шкурой черного цвета туземцы любили оторачивать свои нарядные камлеи. «За пять таких шкур жители Квихпака платят бобра первого сорту». Сельди было немного — она подходила к острову на исходе апреля, когда залив еще был подо льдом. Сиг и нельма обходили редут стороной и шли напрямик из моря в пресные воды Квихпака.

Но если рыбы в редуте не хватало, то оленей, по выражению Загоскина, бродили вокруг «неисчислимые стада». Лейтенант за два года, проведенных в походе, наловчился, как говорят охотники, «скрадывать»: «Нет ничего утомительнее в оленьей охоте, как отыскивать его след, и нет приятнее, как скрадывать его: забываешь жестокость стужи и неотвязчивость комаров. Олень лениво переступает, оглядывается, щиплет мох там и сям, — лежите не шевелясь; олень ест прилежно, — ползите, но всегда с подветра. Табун в ходу, — бегите к нему смело; табун встал, — будьте как вкопанные, имея ружье у ноги: вас легко сочтут за пень или кокору. Скрали в меру, выпалили, повалили или нет — не ваше дело: патрон в дуло, будьте готовы: табун, сделав круг и желая рассмотреть, часто набегает на человека». В этом случае говорили: олень «дикует», и горе охотнику, если он не спрятался.

Один из креолов, прибывших с Загоскиным в редут, как-то утром отправился охотиться на оленя, а вечером вернулся без ружья, рукавиц и шапки — при морозе-то в 20 градусов!

— Где же ты, братец, ружье-то потерял? — спросил его лейтенант.

— Мой не знает, как пришел, — оправдывался охотник. — Олень скакает, мой прячет голову, потом ничего не находит!

Оказалось, стадо оленей, почуяв опасность, бросилось в ту сторону, где сидел охотник, и едва не растоптало его.

Тунгусы охотились на оленей, расставляя петли и самострелы, так же поступали и опытные русские охотники на Аляске. Но удачливые стрелки тоже приходили не с пустыми руками. В 1842 году посланный Загоскиным стрелок «в две недели добыл пять, а в 1844 г. в три недели 10 оленей», в год два охотника могли привозить в редут до 100 оленей, что, по его подсчетам, составляло 500 пудов мяса.

И олений мех высоко ценился среди туземцев — легкий, мягкий, он прекрасно согревал, не намокал в метель, с него достаточно было стряхнуть снег. Он имел только один недостаток: быстро вытирался. Эскимосы выношенную зимнюю одежду использовали как летнюю и через год-два обновляли свой зимний «гардероб», приобретая новые оленьи шкуры.

Кроме оленей охотились на волков, лисиц, норок, ондатр, именуемых «американским выхухолем», добывали выдр, каланов, в заливе били на льду нерп, белух и маклаков — морских зайцев.

Загоскин заметил, что с двадцатых чисел апреля появлялись и весь май летели над островом вереницы лебедей, гусей, журавлей, одни птицы оставались в устье Квихпака, другие — с августа садились на озера острова, так что весной и осенью «ловкий стрелок набивает штук по пятидесяти в день из засадок или на перелетах», уток же стреляли все лето. Одно лишь перечисление видов морских птиц, залетающих на остров, занимает в книге Загоскина не одну страницу и может служить справочником для орнитологов. Здесь «топорок, ипатка, рыболов белоперый и зеленоперые, мартышка северная и разбойник, куликов шесть видов, из которых один малой величины с красно-желтым ошейником и перепонками на ногах, плавает в летнее время стадами по бухте». Из береговых птиц на остров прилетали северный воробей, снегирь, «красно-бурая ласточка, сорочка с серым хохлом, весьма редкая, — видел всего одну, куропатка подгородная, филин белый с черными пятнами и сыч дымчатый». Некоторые из этих птиц и сегодня называются так же, другие — благодаря его описанию — вполне узнаваемы зоологами. Так, «рыболов белоперый и зеленоперые» — разновидности полярных чаек, «мартышка северная» — полярная крачка, «разбойник» — один из видов поморников, северный воробей — сибирский вьюрок.

Остров Святого Михаила отделяло от материка множество протоков, при впадении в море они соединялись и образовывали у редута небольшую бухту, обозначенную на русских картах как залив Тебенькова. Одним из поручений Академии наук, которые выполнял лейтенант Загоскин, было измерение уровня воды в протоках во время приливов и отливов, поскольку от этого зависел подъем воды у редута. За год до его прибытия на остров, в 1841 году, в редут прислали футшток и поручили проводить измерения некоему печорскому мещанину. Когда Загоскин открыл журнал записей, стало ясно, что этот «грамотей» вовсе не знал, как говорят моряки, румбов компаса и определял направления ветров «с реки», «с канавы» или «со Стефенса», а высоту воды измерял «семь с верхом», «шесть по марку» и

«без пальца шесть». По рассказам старожилов этот мещанин явно не стремился положить жизнь на алтарь науки, зато его каждый день видели на вечерних посиделках, где этот «певец и рассказчик великий» запомнился всем.

Пришлось Загоскину вести наблюдения сызнава. В результате он вывел средний уровень подъема воды в восемь футов и пять дюймов. В отличие от печорского мещанина Загоскин проявил себя наблюдателем дотошным и педантичным, на веру ничего не принимал, предпочитал проводить изыскания самостоятельно: «Я вообще опасался помещать те сведения о неизвестных нам местах, которые не мог проверить личным наблюдением, согласным с показанием нескольких туземцев и толковостию перевода толмачей».

Вел он и метеорологические наблюдения, измерял температуру воды и воздуха, определял направления ветров в разные месяцы. «В редуте Св. Михаила четыре времени года, — писал он, — невзирая, что снег остается в оврагах иногда до исхода мая, а лед держится в бухте иногда и более того, с марта начинаются оттепели и с половины апреля наступает вообще ясная хорошая погода». Лето 1842 года закончилось первыми заморозками 7 сентября, в конце месяца лег и уже более не таял снег. Но бывали годы, когда он выпадал и раньше, в середине сентября, а вслед за тем вставала и бухта. В октябре и первой половине ноября случались «ярчайшие сполохи», но больших северных сияний он в редуте не видел.

Выращивать хлеб на острове не представлялось возможным, а вот разводить огороды, сажать капусту, редьку и репу — вполне, и заготавливать сено для рогатого скота тоже было можно. Но служащие компании хозяйства не вели, из животных держали только собак.

Несмотря на обилие озер, хорошую воду на острове еще нужно было поискать. Зимой и весной топили снег, летом и осенью собирали дождевую воду, за чистой отправлялись на материк, где прямо против редута били родники.

На острове находилось два туземных селения или, как их называли русские, *жила*. Загоскин часто повторял в своей книге, что времени на изучение языков и составление словарей местных наречий у него не было, но как деятельный исследователь, внимательно относившийся к языку, он все же записывал наиболее употребимые слова, пользовался и «колониальным сленгом», обращал внимание на завезенные русскими из Архангельска, Вологды и Сибири словечки, использовал по привычке и каспийские диалектизмы. Порой услышанное приводило его в восторг: «без логики и этимологии простой народ как-то всегда удачно, не

выковыывая слов, дает приличные названия». Но здесь он, пожалуй, ошибся: в слове «жило» есть и этимология, и своя логика. Селение, село или деревня в русском языке обозначает место для оседлого проживания, туземцы же часто перемещались — то в летники и зимники, а то и вовсе оставляли старые поселения и заводили новые. Так что название «жило» — от слов «жилое место» — было выбрано для них очень удачно.

Одно туземное жило расположилось под боком у редута «и до оспы было многочисленно, но нынче состоит всего из 19 душ обоего пола. Оно называется Тачик или Агаххляк», — пишет Загоскин и тут же поясняет этимологию этих топонимов. «Собственно Тачик на туземном языке означает залив или бухту... Агаххляк есть полезное или способное к заселению место». Место действительно оказалось полезным — сюда собирались для обмена товарами туземцы, и в то время, когда там жил Загоскин, оно сохранило свои выгоды: «соседство с русскими, доставляя возможность иметь легкими способами европейские товары, обеспечивает все нужды их домашнего быта».

Второе жило — Атхвик — находилось на мысе Стефенс и было более многочисленно — там проживало 45 человек. Прежде туземных жил на побережье залива Нортон было намного больше. «Куда же девался народ?» — спрашивал туземцев и старожилов Загоскин, подсчитывая народонаселение и составляя статистические таблицы. Оказалось, многих унесла оспа. «Тяжка была кара, ниспосланная на них провидением, — замечает Загоскин и как христианин добавляет: — но велика и благодать — оставшиеся все христиане». О том, как Вениаминов крестил туземцев после оспы, Загоскин слышал от него самого на Уналашке.

Убавили население также войны между племенами и стычки жителей соседних селений. Однако, как замечает Загоскин, «нам также известно, что во всех местах, в которых основываются заселения Компании на материке, междоусобные вражды туземцев потухают сами собою или прекращаются посредством русских». И святитель Иннокентий отмечал, что крещение алеутов, эскимосов и колошей — не сразу, со временем — но все же вело к замирению племен.

Что почем на Аляске

Даже во времена конфликтов торговля между племенами, жившими на побережье залива Нортон и обосновавшимися в глубине материка, не прекращалась — так велика была в ней потребность. Поморцы доставляли

на Юкон жир морских животных, олени шкуры, лавтаки для байдар и байдарок, иногда — выменянный у европейцев табак, инструменты, медные котлы, взамен получали меха речных бобров, выдр, соболей, росомах и лисиц всех цветов, деревянную посуду и материал для сооружения нарт.

На Аляске главную ценность имели, конечно же, не деньги, а меха и бисер. Первые меняли поштучно или связками, второй считали нитками. Из одного фунта (410 граммов) бисера выходило 12 сажений (2 метра 10 сантиметров) нитей. Загоскин составил целую таблицу цен на пушные товары — этакий аляскинский прейскурант 1840-х годов. Так, шкура чернобурой лисы стоила 12 шкур взрослых оленей, или 10 шкур новорожденных оленят, либо 20 «папушек» — связок табачных листьев, а за рыжую — как ее называли в Америке, красную — лису давали лишь одну оленью шкуру, за росомаху или волка — от десяти до пятнадцати, за двух соболей — одну. Правда, соболь использовался скорее как расчетная единица; обычно их меняли не по одному, а связками по 22 штуки — столько требовалось на пошив парки; называлась такая связка «тулун».

Жир нерпы, макляка, белуги (так в XIX веке называли кита-белуху) вытапливали и продавали в маклячьих пузырях. Без жира, как уже говорилось, не обходилось ни одно туземное блюдо — он шел и в рыбу, и в сушеное мясо, и в толченые ягоды; использовали его также для освещения. Самым лучшим по чистоте и вкусу — точнее, полному отсутствию вкуса — считался белужий жир, его вытапливали до тысячи пудов в год. Стоил он дорого: за пузырь, в зависимости от его размеров, давали от четырех до пятнадцати первосортных бобровых шкур.

С компанией туземцы тоже торговали — покупали табак, который одни племена нюхали, другие курили; железные и медные котлы, очень любившиеся им медные чайники; топоры, ножи, иглы, одежду. Вот как описывает Загоскин «базарный день» на Аляске: «Приученные к нашим изделиям, туземцы бросились было на колошинские накидки, но по неимению достаточного количества бобров принуждены были набираться других товаров; только один не вытерпел: дал 15 бобров за накидку черного сукна, с красными крестами и оторочкой. Разобрали с охотой одеяльные рубахи, переданные за ненадобностью от экспедиции. Каждый прикрыл голову фуражкой синего сукна с красным околышем, запасся на год табаком, бисером, огнивом, маклячьими ремнями для ловли оленей, и чрез час промысел в числе 164 бобров, 4 выдр, 2 оленей и 2 шкур черных медведей перешел к управляющему. Беззаботные дети Севера нарядились и заплясали».

Порой туземцам так нравились одежда или инструменты русских, что приходилось отдавать их даром или выменивать в ущерб себе. Но на какие убытки не пойдешь для установления добрых отношений с соседями! Здесь главное не мелочиться, как верно заметил Загоскин — «не иметь чего-либо заветного, как у англичан»; и тогда байдарщик артели или управляющий редутом, снявший с себя последние торбасы, чтобы отдать туземцам, приобретал у них необыкновенную популярность. Говоря об англичанах, Загоскин, видимо, намекал на судьбу Джеймса Кука: конфликт на Гавайях, приведший к его гибели, вспыхнул из-за того, что туземцы сначала украли с английского корабля клещи, а затем увели шлюпку.

Знание местных обычаев и психологии туземцев помогало выстраивать взаимоотношения с ними, потому Загоскин в своей книге уделил этому вопросу особое внимание. И речь шла не о деталях, а о главном, основном: то, что представляло ценность для «белых людей», в глазах коренного населения было ничтожно — и наоборот. Мореплаватель и гидрограф Г. А. Сарычев, побывавший в Америке в 1790–1791 годах, рассказывал, как угощал чаем индейца: тот не только выпил чай, но и забрал себе чашку, искренне полагая, что она прилагается к напитку, и был удивлен, когда Сарычев потребовал ее вернуть. В другой раз индейцы пришли к нему в гости, когда он приготовился обедать, и офицер пригласил их разделить с ним трапезу — в результате гости молниеносно съели весь обед, нисколько не заботясь о голодном хозяине.

Загоскин отметил, что еще десять лет назад местные племена использовали каменные топоры и костяные иглы, разводили огонь трением двух деревянных палочек, не знали домашней посуды, бобров убивали исключительно ради мяса. Познакомившись с культурой «белых людей», туземцы многому у них научились. Однако Загоскин, человек неравнодушный, считал негуманным предлагать им бисер, табак и кольца, когда они нуждались в одежде и пище. Прожив несколько лет на Аляске, он пришел к убеждению: «Туземец Севера, как дитя, требует воспитания; образование его зависит от нас. В настоящее время для благоденствия на земле ему нужно ружье и десять гряд картофеля». Обучение местных жителей разведению огородов означало для них возможность делать запасы, чтобы не зависеть целиком от удачи в море или на охоте. Опасаться, что оружие, проданное туземцам, будет направлено против служащих компании, не стоило — в ближнем бою кремневые ружья были бесполезны, им предпочитали копье или кинжал.

Что, по мнению Загоскина, действительно нужно было сделать на Аляске, так это запретить хищническую добычу пушного зверя. «В

противном случае... бобры истребятся, олени отойдут вглубь материка, как это и замечается в округах Александровского и Николаевского редутов».

Голос Загоскина был услышан в Главном правлении компании, и по рекомендациям лейтенанта А. К. Этолин составил соответствующие инструкции. В них управляющим редутами предписывалось объяснять туземцам, что истребление бобров, уничтожение их жилищ, особенно весной, когда звери ожидают потомство, ведет к полному исчезновению животных и что, поступая таким образом, они лишают себя доходов в будущем.

Предприимчивость и любознательность Загоскина не вписывались в жесткие рамки полученных им инструкций. Он давал советы по ведению торговли, предлагал назначать на должности в редуты людей не только грамотных, но и способных организовать экспедицию, привести пушные промыслы в определенную систему, наконец, крестить туземцев. Он был убежден: «Торгаш должен замениться человеком образованным».

Он и сам продолжал традиции русского духовенства и мирян на Аляске, которые крестили туземцев, — Глазунова, Малахова, отца и сына Колмаковых, Лукиных. В 1844 году индейцы-инкилики всем племенем пришли просить «белого тойона» и приехавшего в редут священника окрестить их, как подчеркнул Загоскин, «без всякого принуждения или убеждения», и он с радостью согласился стать крестным отцом.

От Паленого к Толстому

Инструкция предписывала лейтенанту использовать в качестве основной базы экспедиции расположенную в Нулато одиночку — так в тех краях называли поселение, основанное для торговли с местными и состоявшее всего из одной избы, в которой жили управляющий и служащие. Для зимнего похода необходимо было заранее перевезти туда запасы, и Загоскин собрался переправлять их из редута на лодке. Однако с лодкой, как и с хлебом насущным, всё оказалось непросто. Лодку-то из Новоархангельска доставили, но не успели поставить на нее ни руль, ни весла, ни паруса; мало того, за время пути она совершенно рассохлась.

Здесь Загоскину пригодился морской опыт — под его руководством лодку быстро проконопатили и осмолили. Казалось бы, грузи и отправляйся в поход. Но опять приключилась заминка: вместе с лодкой прислали бочонок рома, который полагался команде редута раз в год (к слову, вскоре компания начала борьбу с пьянством, и с 1846 года в колониях

запретили продажу спиртного). Пришлось ждать, пока прикончат ром.

Спустя три дня, когда началась погрузка, выяснилось, что одной лодки мало. Загоскин уже было отчаялся, но тут пришел на помощь управляющий — выделил байдару с условием, что на ней доставят груз еще и в одиночку Икогмют. Наконец, все приготовления были завершены. Загоскин отправил лодку с тремя людьми к устью Уналаклита, а сам 1 августа вышел на байдаре.

Прямым курсом прошли до первого мыса, названного Паленым. Здесь лейтенант провел счисления и записал координаты. На современной карте Аляски сохранилось немало названий, которые русские мореходы давали островам, мысам, заливам и бухтам: Сухой, Опасный, Низкий, Каменный, Тонкий, Толстый. Некоторые названия ныне переведены на английский язык, другие сохранили первоначальный вид: *Aspid* (Аспид), *Kovrizhka* (Коврижка), *Krishka* (Крышка), *Kriwoi* (Кривой), *Rukavitsie* (Рукавицы), *Shapka* (Шапка), *Siroi* (Сырой), *Sobaka* (Собака) и *Kliuchef* (Ключ). И хотя они вряд ли понятны современным американцам, но до сих пор существуют на карте, напоминая о походах русских моряков и промысловиков.

На Паленом заночевали, вместо ужина напились чаю и на следующий день прибыли в жило Кикхтагук. Здесь проживали 28 человек, но Загоскин застал лишь двоих — старуху и юношу; остальные отправились за рыбой на дальние реки. Местное население Аляски после эпидемии оспы 1838 года сильно поредело, и по пути членам экспедиции встречалось много жил, брошенных туземцами. Лишь привыкшие к родным местам старики неохотно покидали их. В одной хижине лейтенант с товарищами увидел старого туземца — его жена и все дети умерли от оспы, но он остался в своем доме вместе с внуками.

Жило сохранилось потому, что было удачно расположено: сюда по притокам Квикпака туземцы свозили для продажи меха и служащие компании приплывали за товарами на байдарках. «Мы шли напрямки, — записывал Загоскин в дневнике. — Берег за бухтою утесист, от 40 до 60 футов высоты. Достойно замечания, что на некоторых из прибрежных утесов лежал снег и, как говорили мне старожилы редута, никогда не тает. Проезжая близ таких природных ледников, чувствуешь особую прохладу».

В бухте у мыса Ныгвильнук заночевали прямо на берегу. На скалистых островках в море видели гнездилища морских птиц, в воде вокруг островков — стаи дальневосточной наваги и гольцов. На счастье, встретили туземца, у которого купили несколько жирных рыб; пока варили уху, Загоскин у костра писал в дневнике: «Гольцов два вида в

Северо-западной Америке. Один вид, который входит в реки с моря, вместе с горбушею по весне, другой — постоянно проживающий в реках и озерах. Так, в Новоархангельске, в озерке, находящемся близ селения, водятся гольцы, величиною в 2 фута. Здесь, по приморью Нортонтова залива, в речках, в него впадающих, попадают также оба вида гольцов». Примечательно и такое его сообщение: «В круглой бухте, в осыпях песчано-глинистых яров, находят кости ископаемых слонов и мастодонтов. Некоторые кости ребер, берцовая кость и несколько так называемых клыков были привезены нынешнею весною в редут». Найденные клыки включил в свою коллекцию Илья Гаврилович Вознесенский.

По этим местам в 1834 году проходил и Андрей Глазунов. Неопытный проводник вел его по всем изгибам реки Анвиг 22 дня, они с трудом пробирались сквозь заросли по талому мартовскому снегу. А обратный путь с надежным провожатым занял всего три дня! Несмотря на все тяготы похода, Глазунов оставил описание этих мест.

Третьего августа всё утро Загоскин с товарищами плыли в густом тумане; когда он рассеялся, увидели мыс Толстый. Этот мыс славился среди туземцев как лучшее место для ловли оленей, а среди русских — богатыми урожаями красной смородины. После мыса «шли бечевой» — тянули байдару на веревке против течения по неширокой полосе прибрежного мелководья, называемого в тех краях «лайдой». На дне, обнажившемся во время отлива, Загоскин обнаружил зерна кварца, кругляки яшмы кирпичного цвета и лигнита — бурой ископаемой древесины.

После полудня ветер усилился, закружились буруны, обдавая пеной, и байдару решили вытащить на берег. И как ни старались делать это аккуратно, обтягивающий днище лавтак все же лопнул. Сопровождавший их от Кикхтагука туземец взялся чинить, а команда разбрелась кто куда: собирать грибы, ягоды, отслеживать оленя. Наконец, и ветер утих, и байдару починили. Но едва спустили ее на воду, лавтак вновь лопнул — а с ним и терпение лейтенанта.

С проезжавшим мимо на лодке туземцем Загоскин передал в редут записку о присылке баркаса, а сам отправился в Уналаклик пешком — «для прогулки», с одним провожатым.

Пешком в Уналаклик

Вышли в шесть утра. Было начало августа, стояла теплая, ясная погода, с залива надувал легкий ветерок. Сразу за Толстым мысом берег

изгибался и цепь прибрежных гор, окаймлявших залив, уступала место равнинной тундре. Все чаще стали попадаться небольшие и мелкие, как блюдца, озера, отлогий песчаный берег весь был завален выкидным лесом. Через три с половиной часа вышли к устью реки Уналаклик.

Место впадения реки в залив оказалось нешироким — не более 60 сажен — и неглубоким, во время отлива, как заметил Загоскин, показывался «каменистый середок», и байдарам приходилось его обходить слева или справа. Но дальше от берега становилось заметно глубже, в 1837 году в двух милях от берега стоял бриг «Квихпак». По хронометру Загоскин определил координаты места — «широта $63^{\circ} 53' 34''$ и долгота $160^{\circ} 22' 00''$ к западу от Гринвича. Впоследствии, в зимнее мое пребывание в Уналаклике долгота места найдена по расстояниям Луны от Солнца $160^{\circ} 30' 16''$, которая и принята за истинную».

Основанное компанией поселение Уналаклик располагалось на правом берегу реки и состояло всего из одной избы да нескольких вешал для сушки рыбы. Здесь же хранились и рыбные запасы для редута, охраняемые туземцем, жившим в этой избе. Никто на них не покушался до 1841 года. Но тем летом в Квихпак пришло мало рыбы, и местные растащили около трех тысяч юкол и пятьсот штук соленой рыбы. Загоскин заметил: если между туземцами воровство считалось тяжким преступлением и укравший наказывался презрением, то «стянуть что-нибудь у русского и не быть пойманным становилось в удальство». В Михайловском редуте знали о разграбленном складе рыбы, но управляющий никаких действий для поиска и наказания виновных не предпринял. Загоскин свое мнение об управляющем выразил коротко: «жил барином».

До эпидемии оспы туземное жило располагалось на противоположном, левом берегу реки Уналаклик, и было многолюдно, о чем напоминали многочисленные сохранившиеся ямы очагов. После эпидемии оставшиеся в живых перебрались на правый берег, поближе к компанейской избе.

Загоскин насчитал в двух небольших зимниках 13 душ и подробно описал, как строились и что собой представляли зимники туземцев приморья. На предназначенном для жилища месте выкапывали землю — на аршин или более, затем ставили опоры, на них горизонтально, с некоторым наклоном к середине укладывали толстые бревна, сверху засыпали землей. По форме сооружение напоминало пирамиду, издалика казалось холмом. Наверху жилища оставляли отверстие — окно, под которым устраивали очаг. Пол в зимнике настилали досками.

Попасть в зимник можно было только одним способом: ползком на

четвереньках через узкий и низкий лаз, «по нечистоте, невообразимой для просвещенного человека и невыразимой словами: тут собачий кал, замерзшая человеческая урина, пепел, кости, шерсть и пр. и пр. и пр...По обеим сторонам от входа, в полутора футах от полу, во всю длину зимника, настланы нары... Это столы, диваны, кровати туземцев. Травяные рогожи, или церелы, развешанные поперек нар, указывают на отделения семейств одного от другого. В передней стороне, на полках и под ними, сохраняются пузыри с жиром, котлы, кондаки, калуги и всякий домашний скарб».

Летники строили из жердей, накрывали их шкурами или берестой, полов и очага не делали. Свет проникал через дверь и небольшие окна, которые ночью и в дождь занавешивали кусками шкур.

Загоскин пробыл в Уналаклике всего три дня, но этого времени оказалось достаточно, чтобы увидеть все преимущества селения перед Михайловским редутом: здесь были лес, песчаный грунт, позволявший сажать картофель, чистая родниковая вода, изобилие рыбы — кета и горбуша, морские сиги, гольцы и хариусы, добывали и речную, и морскую, которая приходила из залива. Туземцы давно оценили все преимущества Уналаклика и переселялись сюда из зимников в летники — на «дачу».

К тому же селение располагалось ближе к Квикпаку, который предстояло осваивать. И Загоскин предложил компании расширить селение Уналаклик, а в редуте оставить пост из четырех-пяти человек. «Пристойнее управляющему наезжать ежегодно на время прихода судна в редут, нежели постоянно занимать 20 человек служителей доставкой к редуту дров, рыбы, воды и пр.».

Чтобы убедить руководство компании, что редут должен существовать для селения, а не наоборот, Загоскин пересказал в своей книге местную байку о планах переноса столицы колоний. Когда М. И. Муравьев, только что вступивший в должность главного правителя Америки, приехал в Новоархангельск, он зашел в кузницу и увидел там ворох углей. «Зная, что в кузнице не производится никаких важных работ, он обращается к старшему кузнецу и спрашивает:

- Это для чего?
- Топоры ковать, ваше высокоблагородие.
- А топоры зачем?
- Дрова рубить, ваше высокоблагородие.
- А дрова зачем?
- Угли жечь, ваше высокоблагородие.

Долго потом разбирали, существовать ли Новоархангельску для углей, и угли перевесили». И осталась столица Русской Америки на прежнем

месте, в Новоархангельске.

Можно, конечно, на эту ситуацию взглянуть философски и увидеть в ней вечный круговорот жизни: топоры — дрова — угли — и вновь топоры. И тогда не нужны никакие изменения, пусть всё остается на своих местах, как повелось встарь. Но острый и практичный ум Загоскина не желал мириться с устоявшимися обычаями, если они были нелепы или противоречили здравому смыслу.

Обратная дорога в редут мало напоминала прогулку: дождь и шквалистый ветер, как говорят моряки, «в зубы», заставили Загоскина и его спутника идти двое суток, к тому же шли не налегке, а нагружившись рыбой. Но усилия лейтенанта были потрачены не напрасно — всё, что он предпринял перед началом похода, зимой вернулось ему сторицей.

Сборы

Если в Центральной России в середине XIX века скорость передвижения зависела от числа лошадиных сил, то в Восточной Сибири, на Камчатке и Аляске — исключительно от сил собачьих. Первых домашних оленей привезут на Аляску с Чукотки лишь на исходе века, и долгое время собаки будут оставаться основным транспортом и тягловой силой. К тому же поразительное чутье и догадливость собак делали их незаменимыми помощниками на Аляске: они находили занесенных снегом людей, предупреждали о приближении волков, поднимали зверя и птицу, согревали своими мохнатыми боками ночью, укладываясь между людьми.

Запрягать собак в упряжку можно было несколькими способами. «До присылки в 1836 г...собачника из Охотска в Михайловский редут ездили по-туземному», — писал Загоскин, изрядно поднаторевший в этом деле. По-туземному — значит, запрягая собак веером, в Восточной Сибири и на Камчатке запрягали цугом, по две в ряд, позже русский способ утвердился на Аляске как более удобный. В Сибири собак специально обучали идти в упряжке, и не просто идти, а по направлению, которое указывал возница. На Аляске же служащие в редуте часто менялись, собаки не успевали привыкнуть к возницам, да и сами ездоки своей неопытностью сбивали собак с толку. Оттого приходилось в походе специально выделять человека, который шел в головной нарте и показывал собакам направление, да и сам «возчик не сидит, но или помогает собакам, идя подле них в лямке, или толкает нарту сзади».

В походе Загоскин определил по семь собак на нарту, больше было

нельзя, и не потому, что взять негде. Как он убедился, большое число собак удобно во время передвижения по льду или накатанной дороге в тундре, а там, где проходил их путь — «в лесах, по бездорожью и рыхлому снегу самая многочисленность собак только увеличивает трудности».

Казалось бы, все эти трудности не должны были затрагивать Загоскина лично: компания выделила ему достаточно денег, чтобы он мог купить собак собственно для себя, как и провизию, и все необходимое в походе — так обычно поступали руководители отрядов. Однако лейтенант рассудил иначе: «успех экспедиции наиболее зависит от примера начальника», и потому он решил не пользоваться никакими преимуществами.

В эпоху существования четких сословных границ положение дворянина обязывало его к определенному поведению, он должен был одеваться, передвигаться, есть, спать не как разночинец и простолюдин, туземец и креол, тем более — не вместе с ними. Поэтому решение лейтенанта разделить с командой все тяготы похода ординарным никак не назовешь, оно многое говорит о характере Загоскина и его взглядах. Он восхищался Барановым, который умел отстаивать интересы России и компании в Америке и при этом не делал различий между русскими и аборигенами. Но первый правитель Америки не был дворянином, а Загоскин — был. И от своего решения стать примером для команды он в походе не отступился: прорубал просеки и топтал снег, рубил лапник для ночлега, собирал хворост, летом плел сети и ловил рыбу, правил байдарой и байдаркой. И еще отдал в артель свои припасы — чай, сахар, масло, привезенные из Новоархангельска, да что там — даже личные вещи раздавал обносившимся в походе спутникам и туземцам.

Наконец подготовка к экспедиции была окончена, наступила зима, и можно было отправляться в путь. На время похода было определено взять три пуда сухарей, два пуда гречневой крупы и риса, чаю и сахару 24 фунта, — остальное предполагалось добывать охотой или выменивать у туземцев. У всех были столярные инструменты, из посуды каждый имел по медной луженой кружке, обшитой кожей, деревянной ложке, остальные столовые приборы им заменяли якутские ножи в медной оправе, на поясе все крепили кинжалы на случай рукопашной схватки. На всю команду взяли один медный чайник и один котел в $\frac{3}{4}$ ведра.

Состав команды Загоскина ко времени выхода изменился: его денщик заболел, Вертопрахов оказался неспособным переносить трудности экспедиции, Тимофей Глазунов тоже был не здоров — «подавал мало надежды», не смог идти с ними и уроженец Калифорнии Акляюк — не привычный к холодам и долгим походам, он страдал ранами на ногах.

Вместо них вызвались идти двое из редута — «сослуживец Баранова бодрый старик Лука Пахомов и тунгус Григорий Никитин, служивший стрелком в экспедиции г-на Козьмина при его описи Шантарских островов» — то были люди опытные и надежные.

Вышли, как на гулянье

Четвертого декабря, в девять часов утра, помолясь, вышли в путь. 27 собак везли пять нарт с грузом в 40 пудов: здесь были и провизия для команды, и припасы для поселения Нулато, и юкола для собак. Вот как Загоскин описал начало похода: «Выход наш был как бы на гулянье: погода приятная, самая ходовая, — 18 по Реомюру (минус 22,5 градуса по Цельсию. — Н. П.). Солнце в полдень с небольшим 3 над горизонтом, конечно, не грело, но радовало своим светом; два побочных отражения, величаемые на святой Руси „ушами“, обещали постоянство морозов».

С середины бухты собаки стали проявлять беспокойство, завывали от нетерпения. Люди остановились, чтобы осмотреться, и не зря — на склонах прибрежных холмов опытные глаза спутников Загоскина заметили табун оленей. Услышав собачий вой, олени всполошились, пошли в гору, поднимая снежную пыль, и четверть часа все смотрели на удаляющийся табун — так он оказался велик.

Зимой световой день в тех широтах короткий, потому в начале четвертого встали на ночлег на Паленом мысу. Развели огонь, вскипятили воду, приготовили чай и сварили кашу. Команда наверстывала обед, а лейтенант был так взволнован переживаниями первого дня, что почти не притронулся к еде — «ничего не шло в душу». Спать расположились в полуразрушенной туземной кладовой — бараборе, забитой снегом, собаки улеглись между людьми, согревая их своими теплыми боками, и «ночь прошла в их драке за тепленькие места и в поворотах каждого из нас с боку на бок».

Утро следующего дня было ясное и морозное. Встали со светом, и пока готовили чай, Загоскин мерил температуру воздуха. Происходило это обычно так: в восемь утра и в восемь вечера он прикреплял термометр к дереву, всегда с северной стороны; если останавливались на ночлег, то оставлял его на ночь. Когда выходили до света, то около восьми часов утра делали остановку, люди и собаки отдыхали, а Загоскин измерял температуру.

Через неделю, когда команда увеличилась, в походе установился

определенный распорядок дня и каждый выполнял свою обязанность. На привалах возчики выпрягали собак из нарт, тех, что грызли упряжь, привязывали к палкам. Староста разводил огонь, двое русских с туземцами-проводниками разгребали и утапывали снег для костра и ночлега, шестеро рубили и носили дрова и лапник для подстилок, двое отправлялись отыскивать воду или растапливали снег. Напившись чаю и отдохнув, все шли за дровами на ночь. В пять часов ставили часовых — по два человека на три часа, один полтора часа караулил у нарт, другой в это время грелся у огня — потом они менялись местами. Не ходили в караул только двое — сам Загоскин — потому что он и так раза два-три за ночь проверял караулы, и староста — на нем лежала обязанность досматривать за всем. В семь — половине восьмого кормили собак и отпускали их, ели подоспевшую к тому времени кашу и второй раз пили чай. Потом каждый ладил себе место для сна.

Туземные селения на их пути встречались нечасто, и Загоскину приходилось в двух зимних экспедициях едва ли не каждую ночь спать на снегу. При сильных морозах был велик риск обморозить ноги: на ходу, в движении, такой угрозы нет, иное дело во время ночлега. Для этого случая на Аляске шили из оленьих шкур длинные спальные парки, которые надевали ночью поверх своей одежды. Но они имели большой вес, и — главное — ноги все равно оставались неприкрытыми, так что приходилось ночью подползать к костру греться. Загоскина бывалые люди надоумили укрываться сложенным вдвое брезентом. Для второго зимнего похода он вместо спальных парок пошил лисьи одеяла с кулями для ног из медвежьих шкур — прообраз спального мешка — они, конечно, были не дешевые, но теплые и легкие.

Как видим, он не только полностью разделял вместе со всеми тяготы похода, но и не делал различия в обязанностях между «белыми» и туземцами. И здесь Загоскин поступал совершенно в духе традиций Баранова и Кускова, убедившихся на собственном опыте, что в суровых условиях арктического холода помогут выжить ни сословные и имущественные различия, а добрые всходы щедро посеянных семян человеколюбия.

Утром 5 декабря они еще допивали последние кружки чаю, когда показались нарты, на которых к ним ехали туземцы. Оказалось, их послали навстречу Загоскину старшины из ближайшего жила. «Такая внимательность доказывает, что и туземцы предупредительны в услугах и помнят добро, когда видят ласковое с ними обращение». Старшинами в этом жиле были двое — старуха Макыган, в крещении Мария, знатная

закройщица, она шила зимнюю одежду для всей команды, и Утуктак Феофан — толмач, ходивший в экспедицию с Кашеваровым.

По всему было видно, что их ждали: подъем к селению сгладили, на пути сбили торосы, большой туземный дом — кажим — протопили, лавки и полы не только вымели, но и вымыли, все жители надели праздничные одежды. Встретили их, как почетных гостей: приготовили традиционное угощение — толченую рыбу с жиром, мятые ягоды тоже с жиром, юколу. В этот день у туземцев был праздник морского духа, и кажим украсили резными деревянными фигурками: филин с человеческой головой, чайка, куропатки. Все игрушки двигались, когда их дергали за ниточки, — филин хлопал крыльями и крутил во все стороны головой, чайка опускала железный клюв, будто ловила рыбу, куропатки целовались. Для морского духа они сделали раскрашенные фантастическими изображениями пузыри, которые пускали в море. Никто в этот день не работал, все угощались, забавлялись хитроумными игрушками, а вечером туземцы плясали перед гостями.

На следующий день тоже не работали — 6 декабря православные отмечали память святителя Николая Чудотворца. Загоскин с самого начала экспедиции положил за правило ежедневно совершать общую молитву: «как для поддержания в команде духа благочестия и бодрости, так и для показания туземцам, что мало того, что мы исповедуем правую веру во имя Сына Божия, но чрез молитву имеем к Нему доступ и получаем от Него все требуемое во благо».

Правила благочестия Загоскин усвоил еще в корпусе, где воспитанием гардемарин в духе православной веры занимался князь С. А. Ширинский-Шихматов. Князь был личностью примечательной, кадеты называли его «образцом высокой нравственности». Он сам окончил Морской корпус, состоял действительным членом Академии наук, писал стихи, прозу, статьи. Выйдя в отставку, князь принял постриг, совершил паломничества в Палестину и на Афон и окончил свои дни настоятелем храма при Русской миссии в Афинах.

Князь считал своим долгом воспитывать в гардемаринах религиозное чувство. В помещении каждой роты он поставил иконы, перед которыми читали утреннее и вечернее правило, накануне воскресной службы читали Евангелие, непонятные места князь сам разъяснял воспитанникам. Все говорили, что Загоскин жил в корпусе «под крылышком князя» — он назначил Лаврентия старшим, и тот читал правило перед иконой апостола Петра, ходящего по водам. Загоскин считал заслугой князя, что он заронил «горчичное семя веры в Господа нашего Иисуса Христа, затемняемое

сказками наших матушек и нянюшек». И если лейтенант избрал лучший способ исповедания религии — сам следовал заповедям и не навязывал новой веры туземцам, то можно считать, что посеянное князем семя легло в благодатную почву.

Шестого декабря помолились, спели тропарь Николаю Чудотворцу, потом палили из пистолетов в честь второго праздника — царских именин. Остальное время провели в играх — перетягивали палку, поднимали топор двумя пальцами, туземцы плясали. Вечером угощали стариков чаем с сухарями — для них это было истинно царское угощение.

Надо заметить, что и для русских чай на Аляске стал насущной потребностью. Привозили чай из Кантона англичане, как заметил Загоскин, «самого низкого качества», а продавали по 1 рублю 15 копеек серебром за фунт, что было недешево. К тому же на севере привыкли заваривать чай крепко, и в месяц каждый выпивал больше фунта. В поход взяли из расчета полфунта на человека, заваривали экономно, два-три раза в неделю, летом недостаток чая восполняли листьями морошки, княженики и кипрея.

Загоскин признался, что если бы и не было в тот день праздника, все равно никто работать бы не смог — «с непривычки всех нас разломало». Пока команда отдыхала, лейтенант прикупил у туземцев десять собак.

На следующий день, отдохнув, тронулись в путь — нарты, усиленные свежими собаками, весело катились по недавно ставшему льду залива к мысу Ныгвыльнук. В ближайшем жили купили три пуда мороженой рыбы, переночевали у туземцев в летнике. Староста уверял, что знает местность как свои пять пальцев и по тундре проведет к реке напрямик коротким путем, нужно только «встать на лапки».

«Лапки, — поясняет Загоскин, — это род лыж, но только лыжи делаются из тонкой выгнутой доски, подшитой снизу тюленьей шкурой... а лапки сгибаются из четырех трехгранных брусков, связанных попарно». Ноги вставляются в две распорки и привязываются к ним оленьими петлями. Делали лапки из березовой доски, как и полозья для нарт.

Моряку передвигаться по суше и без того непривычно, а уж на лапках-то... «Надев в первый раз в жизни лыжи, я осторожно ступал по кочковатой почве, едва закрытой снегом». Шли час. Петли лапок нестерпимо резали пальцы, мелкий снег слепил глаза, в десяти шагах ничего не было видно, и встреченная на пути лощина казалась озером, холм — равниной, а спуск заканчивался неизбежным падением. Наконец, решили остановиться, чтобы дать отдых собакам и себе.

Кто задымил трубкой, кто стал нюхать по туземному обычаю табак, Загоскин снял вконец измучившие его лапки — и вспомнил о компасе.

Оказалось, они идут строго перпендикулярно намеченному курсу, не вдоль залива, а вглубь материка. Тут и староста, почесав затылок, признался: мол, идем не туда. Лейтенант глянул на него исподлобья, но говорить ничего не стал — «взял румб на запад». Однако дойти до залива засветло не успели, решили заночевать в устье небольшого горного ручья, именуемого туземцами «квык», что означало «поток» или «ручей».

У залива стало заметно теплее, вечером термометр показал — 4,5 градуса. Но задул крепкий восточный ветер, к утру он перешел в пургу, и закрутило, замело!.. Кострище, люди, нарты, собаки — все в одно мгновение превратилось в сугробы, и уже нельзя было понять, что где. Пришлось время от времени откапывать друг друга и проверять, не уснул ли кто. На закате метель стихла, выглянула луна, освещающая все вокруг мирным, тихим светом. Откопали нарты, разожгли костер и обсушились.

Утром потеплело, в заливе взломало лед и понесло его обломки в море. По сырому снегу стало продвигаться труднее, и дорога пошла среди такого густого кустарника, что пришлось рубить просеку. Измучились и люди, и собаки. «Вчера мы роздали собакам последнюю юколу», — записал Загоскин в дневнике. По бездорожью и на голодном пайке собаки не то что груженные нарты не сдвинут с места — сами не смогут идти. И лейтенант решил послать в Уналаклик за подкреплением.

Следующий день — 11 декабря — оказался не легче предыдущего. Шли берегом под утесами, «попали во время прилива и принуждены были жаться по краю лайды, загроможденной огромными льдинами, выдвинутыми на берег октябрьскими полными водами». В двух местах берег оказался засыпан камнями с утесов и сильно сузился, пришлось выпрягать собак и перетаскивать нарты на руках. Вконец измотанные, добрались, наконец, до Уналаклика.

И вновь Уналаклик

Здесь Загоскин порадовался — все его летние распоряжения оказались выполненными: срубили избу, к ней пристроили кухню, рядом соорудили сарай для собак. В Уналаклике отдыхали четыре дня — исправляли собачью сбрую, чинили нарты, увязывали припасы к походу. Один день ушел на сортировку собак — старых и негодных к дальнему походу оставили в селении, вместо них туземцы подарили трех молодых — щедрый подарок! — остальных Загоскин взял напрокат за вознаграждение.

В книге лейтенант подробно описал походный груз, «для того, чтоб

каждому можно было судить о трудности и неудобствах таких походов». Третий груз составлял корм для собак, седьмая часть — зимняя и запасная одежда, палатка, чемодан с астрономическими инструментами, ящик с книгами, шкуры для байдар и почти три с половиной пуда — оружие и патроны. На шести нартах везли 67 пудов 5 фунтов — больше 11 пудов на нарту. Меньше взять было никак нельзя, и так по его настоянию взяли всего по пуду сухарей на человека, а не по два с половиной, как обычно, потому что из них половина обычно раздавалась шнягам-приятелям. Везли не только свой груз, но также припасы и товары для артели в Нулато.

Загоскин не без гордости отмечал: «От Васильева включительно до нашей экспедиции все отряды голодовали, все были принимаемы туземцами более или менее враждебно; все, невзирая, что продолжали свои исследования всего сряду по несколько месяцев, стоили Компании сравнительно дороже того, во что обошлось наше путешествие». Голодали потому, что они делали расчет на покупку провизии у туземцев, а Загоскин за два года экспедиции добывал пропитание по большей части сам и только в случае крайней нужды выменивал. И делал это всегда с оглядкой, точнее, с прицелом на будущее: «Мы знали, что места, нами осмотренные, не останутся долее в безызвестности, и ласковым и вместе строгим в рассуждении себя обращением с туземцами успели внушить к себе их доверие и уважение, и всем этим обязаны добронравию и самоотвержению команды».

Поскольку Загоскин собирался охотиться, то брал с собой много оружия: две винтовки, семь фузей, два дробовика, 12 пистолетов и пуд патронов, упакованных в медную флягу. И только в походе он понял: ружья и пистолеты, выделяемые компанией, для пешеходной экспедиции не годятся из-за большого веса. К тому же на 30-градусном морозе и в снегопад ружья неизбежно давали осечку. Длинные, в два аршина, кремневые фузеи не годились и в стычках с туземцами — «сами туземцы сознаются, что нисколько не боятся наших ружей, потому что за них можно схватиться». Они именно так и поступили в 1841 году, когда вырезали всю артель в Икогмюте.

Пистолеты тоже оказались неудобными: весили по четыре фунта (около 1,6 килограмма. — Н. П.), требовали времени для заряжания, поскольку были кремневыми, часто давали осечку и имели рога — «иначе не умею выразиться о крючьях, которые привинчиваются к ложе для затыкания за пояс, что на деле никогда не употребляется». В итоге лейтенант поступил так, как делали все моряки-офицеры в дальних походах: купил за свой счет английскую винтовку и два английских же

капсюльных дробовика — даже вымокшие и полные воды, они не осекались, «были укладисты и надежны». Он приобрел и карманные пистолеты английского же производства, легкие и удобные, они помещались в карманах и всегда были наготове — вот их туземцы действительно боялись.

На утро 16 декабря наметили выход из селения. Собирая собак, долго не могли отыскать одной — оказалось, ночью ее зарезал волк. Вышли поздно, около 11 утра, но погода была самая ходовая: Загоскин намерил минус 24,5 градуса, и первые пять миль шли бодро по гладкому льду. Дальше дорога пошла по рыхлому снегу сквозь кустарник, и пришлось снова надевать «лапки». Ольховник и тальник вскоре сменились ельником, росшим по берегам Уналаклика, а далее на восток начиналась тундра. К вечеру пошел снег, ставить палатку на ночлег не стали — «мы ее берегли до лета», и поужинав, в хорошем настроении «расположились, где кому приглянулось». Всего за день прошли десять миль — это если мерить напрямую, а если по всем изгибам реки — то выходило и все пятнадцать.

Днем потеплело до минус пяти, задул северо-восточный ветер, повалил снег. Ночью засыпало так, что часовой начал отгрести старосту, тот разбудил команду, и все вместе отгребали нарты и лейтенанта. «Услыша шум, я проснулся и, полагая, что время собираться в путь, спросил кружку чаю».

— До света, батюшка, еще далеко, — отвечал староста. — И лучше бы нам воротиться.

— Что так? — сонно спросил лейтенант. Оглядевшись, увидел, что снегу нападало более двух футов.

— Вишь ты, как засыпало. Долго идти будем по такому снегу. Весь корм выведем в один конец. Из Нулатова не на чем будет выгнать собачонок.

Загоскин помнил, что по карте, составленной Малаховым, от Уналаклика до выхода на реку Квихпак 100 миль и оттуда до артели в Нулато еще 30, всего 130 миль или 227 верст. И пройти их предстояло по колено в снегу и с нагруженными нартами.

— Пока снега не окрепнут, замаит нас, грешных, этот путь, — вздохнул староста. — Пригожей было бы воротиться, батюшка.

«Я послушался бывалого человека и решился воротиться». А если бы не послушался? Позже, еще раз возвращаясь мыслью к своему первому походу, лейтенант признавался — если бы он тогда знал переносы, то есть кратчайшие пути, то снег не помешал бы им дойти до Нулато и не пришлось бы тогда претерпевать лютые морозы — «следовало только

подняться на тундру». Но этот путь ему еще предстояло открыть, а пока пришлось возвращаться.

Одиночка

Непогоду решили переждать в одиночке. Чтобы уменьшить груз, староста предложил оставить юколу в укромном месте, но и с облегченными нартами по глубокому снегу за день до одиночки не дошли, снова ночевали на снегу. И здесь случилась неприятность: собаки, почуяв близость знакомого места, убежали, бросив нарты. В тех краях остаться без собак означало верную гибель. Хорошо, беглецов поймали туземцы и вернули обрадованному Загоскину.

К утру еще потеплело, началась оттепель. Вода в реке стала подниматься поверх льда, быстринной выворачивало полыньи, и пришлось распрягать собак и тащить нарты на себе. Под тяжестью нарт и людей прибрежный лед крошился, раз нарты провалились в полынью — к счастью, в том месте было неглубоко — вытащили. «Такая работа в зимнюю пору не весьма приятна: следовало бы обсушиться, но поднявшаяся метель обещала пургу и торопила к месту». Промокшие, уставшие, еле доползли до одиночки.

Староста одиночки, встретив Загоскина, удивился его скорому возвращению и не обрадовался — провизии не хватало и для своих, а здесь целая команда пожаловала. Пришлось Загоскину послать две нарты в редут за припасами, и еще на двух нартах поехал староста за спрятанной по дороге юколой для собак.

«Сносно было в дымной каморке провести трое, четверо суток, но без дела две недели показались бы истинною мукой». Но делать нечего — оставалось терпеть и ждать погоды. Короткие декабрьские дни Загоскин проводил перед тусклым огоньком жирника в астрономических вычислениях «так — для пробы, крепка ли голова». Вот гдегодились расчеты, которые он делал кадетом в корпусе по учебникам Гамалеи! Но в Америке определить координаты места по расстоянию Луны от Солнца или от звезд порой оказывалось невозможно из-за ненастья и сильных морозов. Перед экспедицией он просил друга выслать ему экземпляр только что вышедшей брошюры «Об определении долготы места по наблюдаемому прохождению луны и звезд через меридиан». «Где с большей пользой русские морские офицеры могут приложить к делу этот способ, как не в Северной Америке?..» — писал он в письме. Дошла ли до него та брошюра,

неизвестно, но он смог точно, не на глазок определить координаты сорока пунктов, и его расчеты позволили нанести на карту Аляски устья и истоки рек, их рукава и повороты, одиночки и редуты, туземные жилища.

Вот так в «дымной каморке», порой угорая от печки-каменки и мучаясь вынужденным бездействием, встретил лейтенант Рождество. Впрочем, вскоре дело нашлось — ночью волки зарезали лучшую передовую собаку, привезенную с Камчатки, на следующую ночь — еще трех. И пошла охота! Без собак на Аляске не прожить, они там первые помощники и главная тягловая сила, недаром туземцы считали их членами семьи.

Для охоты на волка туземцы изобрели зверский — иначе не скажешь — но бескровный, то есть сохраняющий в целости шкуру волка, способ: «туземец берет несколько тонких, плоских китового уса прутиков, около 2 футов длиною, заостряет их концы, свивает оборота в три и, обмотав мажущим жиром, бросает в разных местах близ своего жилища. Волк падок на жир: с голоду глотает два-три комка целиком; жир варится скоро, ус, выпрямляясь, колет его желудок и приводит к верной смерти. Наутро охотник по следам доходит до пропавшего зверя».

Лейтенант караулил по ночам с ружьем у падали, туземцы разбрасывали свои ловушки — словом, вторая неделя пролетела незаметно. Наконец, 30 декабря изготовились идти. Снегу за 11 дней навалило столько, что Загоскину пришлось нанять двух молодых туземцев протаптывать дорогу. Эти юноши, оставшиеся сиротами после смерти родителей от оспы, не имели теплой одежды и обуви, и Загоскин выделил им по теплой парке и паре торбасов. Кормили их тоже на счет экспедиции. Нанял он их за приличную плату и даже написал в книге, «для любопытных», за какую: «½ фунта бисера красного и белого в цене двух бобров, топор енисейский в двух, нож якутский в одном, 2 фунта табаку черкасского в двух, пальма^[14] в двух: сверх этого дано каждому в придачу по огниву». Вот почему молодые, неженатые туземцы охотно нанимались на работу в компанию, особенно по весне, когда было голодно. «Если приложить дороговизну провоза привезенных мною вещей, доставляемых через Сибирь, и сравнить с ценностью, которую имеют эти предметы на рынках Камчатки, Колымы и в владениях Гудзонбайской компании, то явственно будет, что Российско-Американская компания платит щедро».

Погода установилась самая подходящая для похода: ясная, тихая и морозная. Шли по левому берегу реки Уналаклик, тундрой снег оказался «крепко убитым», но собаки идти ленились и за день прошли не более семи миль. И всё оттого, что на пути не раз встречались глубокие овраги, по дну

которых петляли горные речки. И приходилось останавливаться, выпрягать собак, переносить на руках нарты через реку, потом снова впрягать собак.

Ночевали у реки, в туземном жили, которое русские называли Игудовским — «по имени Игудока, одного из главнейших торговцев племени улукагмютов». Этим маршрутом три года назад шел и Глазунов, но составленный им журнал по каким-то причинам в Новоархангельском архиве не сохранился. Однако спутники Глазунова рассказывали лейтенанту, что путь этот невероятно труден — он проходил по горам, нарты им приходилось спускать на потягах — ременной упряжи. Поделились с ним и своими подозрениями относительно туземцев: якобы проводники — улукагмюты могли намеренно вести их таким тяжелым маршрутом, чтобы навсегда отвести белых людей от попыток проникнуть в верховья Квикпака.

Цель экспедиции Загоскина многим туземцам была не ясна, и лейтенант старательно ее скрывал, чтобы не возбудить подозрений у сметливых и коварных улукагмютов. Обычно он говорил через толмачей, что «русский тойон идет дарить тех, которые продают бобров его землякам». Это им было понятно, тем более что лейтенант щедро подкреплял свои объяснения подарками. Нанятые Загоскиным в Уналаклике туземцы не бывали на Квихпаке, и староста дорогой признался: два года назад он проходил этим переносом, но путь помнит «некрепко». Как бы то ни было, переход через Куиххоглюк считался на тот момент кратчайшим, и Загоскин решился идти. Обнадежил и толмач Григорий Курочкин — он обещал найти знающих попутчиков и советовал взять с собой туземца из жила.

Чтобы не заблудиться, решили придерживаться левого берега реки. Шли по компасу на северо-восток, через широкие овраги; даже засыпанные снегом, они оказались так глубоки, что приходилось мостить переправу. И все же в первый день нового, 1843 года прошли целых девять миль.

К вечеру послали двух туземцев на ближайшее жило дать знать о своем приходе. 2 января к полудню на место привала явилось все население — 18 человек обоего пола — «для расторжек», то есть меновой торговли. Сначала, по местным обычаям, дарили друг другу подарки, затем открылся базар. Загоскин купил мороженных сигов, гольцов, толкуши всех видов — мясные, рыбные и ягодные, юколу для собак. Прикупил еще паркю для себя потеплее — в своей он промерзал на ночлегах, поменял лапки для всей команды на более удобные.

За торговлей подошло время обеда, и хозяева не могли не угостить гостей любимым лакомством туземцев — чаем с сахаром и сухарями.

Компания для чайных церемоний средств не выделяла, угощали из личных припасов — «для соблюдения приязни туземцев». Загоскин не раз повторял: «Кто привязал его к себе ласковым обращением, открыл или показал употребление какой-нибудь вещи, полезной для домашнего быта, согрел, одел, накормил вовремя, при нужде, того он никогда не забудет, но не рассыплется в благодарностях, не скажет приветственных слов, потому что взаимная помощь считается у них делом обыкновенным». Он не забывал описывать и туземные привычки, не всегда понятные русским. Так, он заметил, что полученные подарки «туземец не считает ни во что: другое дело подарки после расторжек: тут он полагает, что выторговал вещь, которую получает в придачу». То есть туземцы тоже хотели считать себя ловкими коммерсантами.

Была у них еще одна особенность в ведении торговли. Если обмененная вещь оказывалась, по мнению покупателя, негодной или он просто был недоволен ею, то продавец был обязан принять ее обратно и вернуть полученный товар, даже если с момента покупки прошел год и более. Так что для торговли с ними нужно было запастись терпением. Загоскин заметил, что туземцы никогда «скоро и легкомысленно не заключали своих торгов».

Гости пробыли у них до вечера — женщины при свете пламени чинили одежду и обувь команды Загоскина, младенцы грелись в парках за спинами матерей в специально скроенных для них карманах, дети постарше играли полученными в подарок колокольчиками. Мужчины курили трубки у костра и наблюдали диковинные явления, которые им демонстрировал лейтенант, — как «камфара горела в снегу, как компасная стрелка бегала за концом ножа». Все это давало пищу к размышлениям и долгим обсуждениям.

Загоскин не захотел уподобляться тем «белым людям», кто изображал компас и часы богами и духами, а себя их шаманами, ему претило пользоваться доверчивостью местных в корыстных целях. «Показывая часы, компасную стрелку, силу пороха и пр., я старался, сколько то было возможно, ознакомить туземцев с устройством и употреблением этих предметов, объясняя им, что все это есть дело хитрости человека и что сами они, если захотят, могут научиться делать то же».

Впрочем, доброта лейтенанта не свидетельствовала о его излишней доверчивости или наивности. Опыт боевого офицера заставлял быть всегда настороже с туземцами, и потому он не забывал выставлять на ночь караулы и проверять часовых. На вопросы туземцев об охране отвечал честно: «Вы люди добрые, но сами говорите, что часто бываете наущаемы

злым духом на худые дела. Что, если мы все уснем, а вас злой дух подучит убить нас?» — «Да, так, — отвечали туземцы, — пожалуйста, держи караульщика: ты и нас сохраняешь от худого дела».

И дело здесь было не в одной лишь бдительности — он считал заботу о нравственности туземцев долгом русских и объяснял почему: «Мы приняли их от купели, и на нашей совести лежит обязанность утвердить их в духе истины». Положение восприемника при крещении налагало на него определенные обязательства, и Лаврентий старался не забывать о них. Доверчивостью туземцев он не пользовался, но доверие к туземцам имел — оно одного корня со словом «вера», и действовал в соответствии с русской поговоркой: «Доверяй, но проверяй».

Там, где замерзает ртуть

В бассейне реки Уналаклик проходил самый оживленный торговый путь, который связывал приморье с материковой Аляской. Делили эту территорию племена эскимосов и индейцев-атабасков (атапасков). По внешнему виду, языку, нравам и обычаям местные племена были схожи с племенами Кенайского залива, которых русские называли улукагмюты или кенайцы. Этот вывод Загоскин делал весьма осторожно, с оговоркой «кажется»: «Но чтоб точнее определить их сродство, потребно более ознакомления с этими племенами. Это предстоит будущим исследователям материка».

Свои возможности как ученого-исследователя он оценивал скромно, сетовал на недостаток знаний, тем не менее добросовестно заносил в журнал всю добытую им информацию — для специалистов. Благодаря проделанной им кропотливой работе были уточнены названия одних и тех же географических объектов на разных языках, он нанес их на карту и рассчитал расстояния между ними. При этом Загоскин, как человек наблюдательный, брал в расчет и характер туземцев, и манеру описания ими пройденного пути. При подсчетах туземец непременно погибал палец — но это могла быть и остановка, когда он садился, чтобы выкурить трубочку, и день перехода — думай, как хочешь. Если не принимать во внимание этих особенностей, можно сделать поспешные и неверные выводы, считал Загоскин.

Жители приморья называли эти племена инкиликами, сами они именовали себя «ттынайцы-хотона», что означало «люди по преимуществу». Насколько самоназвание соответствовало

действительности, Загоскину еще предстояло оценить. Из рассказов, услышанных в редуте, он знал о богатстве этого края и его самых известных торговцах — Мускуа, Тумачугнаке и Игудоке. Эти ловкие люди скупали меха у местных племен и привозили их на продажу в редут, каждый — до пятисот бобровых шкур в год. Но когда компания решила основать поселения поближе к Квихпаку, чтобы взять местную торговлю в свои руки, хитрые торговцы прибегли, как выразился Загоскин, «к политике Макиавелли»: они предложили быть проводниками и коварно «четыре зимы водили наши отряды на Квихпак, скрывая легчайший и ближайший путь к Нулато». Но и служащие компании тоже оказались не лыком шиты — Малахов уговорил мальчика-туземца, не ведавшего о торговых войнах Аляски, показать ему так тщательно скрываемый путь.

Однако и после раскрытия секрета инкилики продолжали свою лицемерную политику — сохраняя торговые отношения с редутом и даже завязав родственные отношения со служащими, они одновременно то подговаривали другие племена нападать на «белых людей», то наущали их красть товары. И при этом всегда действовали чужими руками, чтобы в случае неудачи остаться в стороне.

Ловкие, сильные и изворотливые инкилики, оседлав торговый путь на Квихпак, сами не охотились, рыбу не ловили, их единственными занятиями были торговля и шаманство. «Не будучи разборчивы в способах обогащения, то, чего не имеют возможности вышаманить и выторговать, берут насильственно или платят по произвольной цене».

С одним из таких «шаманов-обманщиков» Загоскин познакомился в походе. Мускуа следовал вдоль Квихпака со своим семейством, скупая по туземным жилам меха в обмен на белужий жир, оленину, белый и красный бисер по самой низкой цене. Одни нарты тащили нанятые им старуха и мальчик лет тринадцати в упряжке с собакой, вторые — жена Мускуа вместе с другим нанятым мальчиком, лет шестнадцати, годовалая дочка торговца сидела в нартах, двое его сыновей — шести и восьми лет — шли за нартами на лапках. Сам Мускуа шагал налегке с ножом, посаженным на древко, луком и колчаном за спиной.

Когда Загоскин, уже слегка понимавший местный язык, заговорил с ним о торговле, тот откровенно рассказал о своих уловках, не скрывая обмана и «смеясь над простотою и доверчивостью своих квихпакских соплеменников». Они вообще были людьми веселыми, эти инкилики, чем по наблюдениям Загоскина, заметно отличались от жителей приморья. «Перед сном, пока варилась у нас каша и семья Мускуа поджаривала на палках мороженую рыбу, сопровождавшие нас двое туземцев и мальчики

нашего спутника плясали перед огнем под звуки разнообразных животных своих напевов, даже малолетние не отставали, несмотря, что целый день были в ходьбе и, казалось, должны бы устать».

Начало января чуть увеличило световой день и принесло морозы за 20 градусов. Дорога пошла по гладкому насту тундры, где лишь изредка попадались небольшие перелески. За семь часов светового дня проходили по 11 миль, останавливаясь лишь для отдыха собак. Компас показывал направление на северо-восток, ориентиром служила приметная, высотой более 800 футов сопка с трудно выговариваемым названием Ццыцека, которую русские именовали Веселая. Издалека она походила на покатуую крышу дома, с запада ее омывала речка Тоукатль или Ццыцека-тойна, то есть Малая Ццыцека. Малахов в 1838 году, достигнув ее вершины, на другой день вышел на Квихпак — по этой ли или по какой другой причине ее называли Веселой, Загоскин не уточнил.

После 5 января еще похолодало — сначала до минус 30 °С, а 7 января под вечер температуру замерить не удалось — ртуть в градуснике замерзла и превратилась «в густое тесто». Ртуть замерзает при температуре минус 38 °С, в такие холода и привычные к морозам туземцы не выходят из дому. Мерзлый снег, как сталь, резал деревянные полозья нарт, крошился, не давал нартам скользить, и без помощи людей собаки не могли их даже сдвинуть с места. Да и не хотели — они тоже мерзли, при каждой кочке или выбоинке ложились на снег, сворачивались кольцом и утыкали свои замерзшие носы в пушистые хвосты. Чтобы их подбодрить, приходилось давать им не по одной, а по две юколы.

Сменяя друг друга, впереди шли нанятые топтальщиками туземцы, но они скоро выбивались из сил, и тогда подключалась вся команда, а порой и впрягались в одну лямку с обессилившими собаками. Загоскин шел рядом с передней нартой и прорубал топором просеку в густом кустарнике. Пока идешь — еще куда ни шло, вспоминал он, «чуть остановился, мороз пробирает до костей» и опасно даже снять рукавицу.

Семейство Мускуа уже не плясало у костра по вечерам, а рано укладывалось под большие оленьи одеяла, сшитые мехом внутрь. Впрочем, и огонь на таком морозе согревал плохо — он «не высился пламенем и едва обхватывал костер». Особенно худо приходилось старухе и ее сыновьям-подросткам, чтобы не замерзнуть, они подходили к костру, и люди Загоскина, сжалившись, отдавали им что-нибудь из своей запасной одежды.

Спустя пять дней, оставив за спиной горы, вышли наконец в долину. Перед ними лежала главная река Аляски — вождеденный Квикпак. Его широкое русло далеко, насколько хватало глаз, заметал снег, левый берег,

словно траурной полосой, окаймлял обгорелый лес. Правый берег был высок и обрывист, и Загоскин начал было размышлять, как преодолеть его крутизну, но наметенный вольными ветрами снег устроил им такой спуск, что в одно мгновение скатились с горы, не распрягая собак! Преодолев замерзшее русло и почуяв близкое жилье, собаки передовой нарты заспешили по левому, пологому берегу, и Загоскин с толмачом и первыми топталыщиками, много обогнав остальные нарты, в полдень подошел к жилу Хоголт-линде.

В гостях у Тумачугнака

В жиле их встретил Тумачугнак, родственник Мускуа, старик хитрый, ловкий, умный. Он уже оповестил всех о приходе «белого тойона», Загоскина ждали — и опасались. Во-первых, цель экспедиции Загоскина туземцам была не совсем понятна; во-вторых, они признавали свою вину за разграбленный Уналиклик, ожидали наказания и на всякий случай позвали на подмогу родственников из соседнего племени.

Старик пригласил Загоскина в кажим, который на Аляске был чем-то вроде мужского клуба, где обсуждали насущные дела, делали хозяйственные работы, принимали гостей-мужчин и даже устраивали баню. Строили кажим так же, как зимник, с узким и низким лазом и очагом посередине, только размером он был больше.

Когда Загоскин с мороза вполз в кажим, там заканчивали мыться человек сорок мужиков. От испарения, запахов и едкой жидкости, которую туземцы использовали вместо мыла, у него перехватило дыхание — «я был еще новичок». Первым его желанием было ползти назад, но Тумачугнак напомнил о морозе и о том, что другого так жарко натопленного помещения в жиле нет. Встретили лейтенанта настороженно, просьбу старика освободить для гостей лавки как будто не услышали — посмеиваясь, ждали, что же предпримет этот загадочный тойон.

Загоскин знал, что здесь, в этом самом жиле четыре года назад едва не зарезали Василия Дерябина. Его спасло тогда только самообладание — увидев ножи, он не растерялся и бросил несколько патронов в тлевший очаг. Этого оказалось достаточно, чтобы разогнать нападавших. Теперь Загоскину пришел черед показать себя. «Взвилась нагайка, и вмиг правая сторона опустела». Он в первый раз приложил к прянику кнут для самозащиты, и средство оказалось действенно.

Загоскин и его спутники скинули парки, им принесли горячий чайник,

и когда гости немного отогрелись, а хозяева успокоились, увидев, что за содеянное наказывать их не собираются, начали дарить по обычаю подарки — мороженных налимов, максунов, нельм, сигов. «Мы разбогатели», — признался обрадованный Загоскин и послал человека варить щербу — горячую похлебку.

Понемногу идущее от очага тепло делало свое дело, глаза смежались и наваливался предательский сон. Но спать в окружении туземцев было опасно — Загоскин позволил уснуть двум своим спутникам, а сам — как ни морил его сон — бодрствовал, вспомнив боевой опыт: «По службе удавалось мне не спать ночи по две и в разъездах против вольницы Талышинского ханства, и под берегом столицы наших колоний, но никогда я не чувствовал такого изнурения. Наконец, принесена варя, сон прошел в еде и разборке некоторых вещей».

На следующий день подошли остальные члены его команды. Оказалось, Глазунов отморозил пальцы обеих ног и пятки, у Шмакова тоже пострадали пальцы на ногах. Пришлось Загоскину проститься со своими верными товарищами, сопровождавшими его от самого Новоархангельска, и оставить их на попечение Тумачугнака и одного из племянников Игудока по имени Мантака — «Перчатка».

Пока отдыхали, Загоскин решил нанести визит в зимник Тумачугнака. Старик оказался богатым человеком — Загоскин насчитал у него 155 сажень бисера — целое состояние. Сами инкилики бисер не носили, его использовали как средство обмена с племенами, живущими в верховьях Квихпака. Основание одиночки в Нулато сильно подорвало их торговлю — «вот главнейший и единственный предлог неприязненности, которую питают к нам улукагмюты». Нужно, считал Загоскин, найти для них иной источник дохода, ведь от «благополучия туземцев зависит процветание самой Компании». Ну а пока иные источники не найдены, их «следовало задобрить» — для этого лучше всего подходили чай с сахаром и сухари. На чаепитие пригласили старух и «домовитых хозяек», те с удовольствием чаевничали, но сахар припрятали для детишек, которых, по мнению лейтенанта, «дикари балуют, как нигде».

Отдохнув три дня и отогревшись в кажиме, послушав песни туземцев и посмотрев танцы у костра, приготовились идти в Нулато. Уже собрались было выходить утром, как обнаружили пропажу двух топоров. Просили, угрожали — ничего не помогло, топоры так и не вернули. Пришлось объявить, что, если на обратном пути топоры не отыщутся, со всех жителей поголовно будет взыскана их стоимость. И что же? — не успели пройти и четверти мили, как их догнал Мускуа и вернул найденный топор — на вора

донесла его жена. Второй топор привезли в Нулато весной.

Дорога до одиночки оказалась ровной и накатанной — это было самое ходовое место на материковой Аляске, шли быстро, «на рысях» — в первый день прошли 11 миль. 15 января, в тихий и безветренный день подошли к одиночке и увидели старосту артели, который мастерил запоры для рыбы. От радости, что благополучно добрались, что тяжелейший зимний поход, наконец, завершен, обнялись в тесной и дымной конурке байдарщика, как родные, и благодарили Бога. «Управляющий артелью Дерябин, участвовавший во всех походах Глазунова и Малахова, сказывал, что помнит только одну ночь с такими жестокими морозами, которых нам привелось испытать почти неделю сряду». Из сэкономленной в походе муки напекли пирогов, устроили настоящий пир «и вскоре забыли все неприятности похода».

Нулато

В своей книге Загоскин рассказал историю одиночки в Нулато, она была трагична и в то же время характерна для Аляски. Основала одиночку команда штурмана Малахова, который шел тем же маршрутом, что и Загоскин, точнее, экспедиция Загоскина шла по следу Малахова. В начале февраля 1838 года Малахов вышел со своей командой из Михайловского редута и за три недели дошел до Квихпака.

Здесь местные жители стали отговаривать их идти дальше, стращали нападением племен в верховьях реки, которые якобы относились враждебно к русским. Но Малахов не первый день жил в Америке и цену таким рассказам знал хорошо. Не принимая их в расчет, он отправился дальше. Выменянные по дороге меха и лишние собак отправил обратно в редут, а сам с четырьмя сопровождающими к началу марта добрался до устья реки Нулато.

Здесь, в многолюдном туземном жилие — только местных было 30 человек, не считая малолетних детей и торговцев из других племен — их встретили приветливо, староста поселил гостей в своем зимнике, угощал, рассказывал о верховьях Большой реки. Малахов прошел 50 миль вверх по Квихпаку и достиг устья его притока, который туземцы именовали Куюкак, что означало — «река». Весной, когда вскрылся лед на Квихпаке-Юконе, он спустился со своей командой по большой воде в залив. Так он стал первым служащим компании, кто прошел от редута Святого Михаила до Нулато и обратно.

Описание маршрута штурман не делал, ограничился измерениями. В 1839 году по поручению компании он вновь отправился на реку Нулато, чтобы поставить там одиночку для торговли с племенами верховьев Юкона.

Как и в свой первый поход, сначала он шел кружным путем — проводники упорно скрывали место переноса, однако затем он все же сумел вывести его и довольно скоро дошел до Нулато. В туземном селении, где так радушно его встречали в прошлом году, свирепствовала оспа. Староста похоронил всю свою большую семью, и когда заболел сам, то поджег жилище и задохнулся в нем от дыма. Малахов увидел, как оголодавшие за зиму собаки доедали трупы своих хозяев.

Дерябин, приказчик экспедиции Малахова, нашел трех выживших женщин с маленькими детьми и одного мальчика-сироту постарше. Истощенные, они просили «мамыса» — еду. Он накормил их из своих скудных припасов и тем спас от смерти. Так поступал не один Дерябин: русские промысловики часто делились с туземцами последним сухарем и куском рыбы, хотя по весне и сами сидели голодными.

Пройдя полверсты вверх по течению, Малахов и Дерябин срубили избу и вернулись в редут. Зимой в основанной ими одиночке поселился приказчик компании Нордстрем, который пристроил к избе кладовую, баню и начал вести торговлю.

Когда Дерябин появился в одиночке осенью 1841 года, он нашел избу сожженной, кладовые разграбленными, туземное жило брошенным. Искать виновных было некогда — наступала зима, надо было успеть до морозов построить жилье и сделать припасы. В небольшой роще по соседству нашли строевой лес, за неделю поставили избу, наловили рыбы. «Усердие, ревность и сметливость», как сказал Загоскин, помогли Дерябину выжить.

Со временем туземцы стали забывать об оспе, перестали приписывать ее появление приходу русских, возобновилась торговля. Теплая изба и приглашение к чаю настраивали на дружеский лад и завязывали знакомства. И вскоре у стен одиночки то и дело слышались приветственные крики приехавших туземцев: «Дерябин! Чайник!» — они были уверены в хорошем приеме.

Одного не хватало Дерябину — хорошего толмача, и тогда он вспомнил о спасенном им от голода мальчике-сироте. Дерябин нашел его, взял к себе жить и всю зиму учил русскому языку. По длинным волосам, которые носили мужчины местного племени, он дал ему прозвище Волосатый. «Крещеное имя давать нехристям грех», — объяснил Дерябин Загоскину. Татлек — так в действительности звали сироту, привык к русским, повзрослев, женился, и Дерябин помог ему поставить дом в

Нулато.

Дерябин погиб в феврале 1851 года, уже после отъезда Загоскина из Америки. Вот как это произошло. На рассвете несколько индейцев напали на одиночку. Тяжелораненый англичанин, состоявший на службе компании, успел перед смертью отправить в Михайловский редут гонца с запиской. Прибывший из редута отряд нашел среди убитых и Василия Дерябина. Спасти сумели лишь Волосатый и одна женщина с девочкой. Они рассказывали, как напавшие долго мучили жившего в Нулато шамана, отрезали ему нос и уши, выкололи глаза и кричали: «Как ты позволил белым жить среди вас?!» Англичанина и Дерябина похоронили в мерзлой земле Аляски, на могиле Дерябина поставили крест. А Нулато отстроили заново.

В 1843 году, когда Загоскин пришел туда со своей командой, все еще были живы, там, кроме служащих компании, жили Татлек-Волосатый, шаман, пять женщин, три мальчика и четыре девочки — «это было наше домашнее общество».

В Нулато команда провела шесть недель. Ветчину, сухой бульон, пеммикан — сушеное мясо, растертое в порошок, — не использовали, берегли для похода. Чтобы избежать «голодовки», как говорили в колониях, Загоскин и его спутники ставили на реке сплетенные из прутьев снасти-ловушки — морды, ловили сига и нельму и делились уловом с жителями одиночки, так что в день на человека приходилось не больше одной рыбины. Голода не было, но и сытой такую жизнь не назовешь. Как признавался Загоскин, завтракали кружкой чаю с сухарями, обедали рыбой — после такого обеда можно было обедать еще раз, — а об ужинах и вовсе забыли.

Когда рыбы приходило мало, выменивали провизию у туземцев-торговцев. Загоскина выручала предусмотрительность его отца: «В проезд мой в российско-американские колонии через Сибирь я заезжал на родину. Старик-отец, будучи однажды в лавках, вспомнив о моем путешествии в Америку, купил на несколько десятков рублей разных цветов стеклярусу, бус, серег, колец и прочего. Отдавая мне, батюшка как бы предвидел будущее, сказав: „Это пригодится тебе“. Признаюсь, знакомый по описаниям и рассказам сотоварищей с состоянием Новоархангельска, я недоумевал, к чему могла быть полезна эта копеечная художественность. Промысел Божий не дал отеческим словам пропасть втуне...» Вот на эти необычайно высоко ценившиеся среди туземцев товары — деньги они ни во что не ставили — и выменивал Загоскин в походе рыбу, мясо, жир, не раз вспоминая отца с благодарностью. И уже вернувшись в редут и получив

почту из Новоархангельска, он узнал, что Алексей Николаевич Загоскин скончался в 1843 году.

По реке Юннако

Двадцать пятого февраля Загоскин вышел из Нулато «сам-шесть»: с ним шли добровольцами Пахомов, Баженов, Иванов, Никитин и Курочкин. Двое последних совершали с лейтенантом уже второй поход, и тот хорошо знал, на что они способны. Тунгус Никитин оказался самым метким стрелком и удачливым охотником в их команде; ее предводитель, не хвастаясь, признавался, что и сам неплохо стреляет, но Никитина превзойти не мог. Уже одно это качество делало его ценным спутником, а он, кроме того, делал байдары и нарты, слесарничал и столярничал, знал кузнечное ремесло, кроил и шил одежду и готовил сушеное мясо. «Конечно, в случае нужды каждый из нас умел столько владеть ножом, что был в состоянии построить для себя нарту, лапки и прочее, но чтоб вышло правильно, легко, чисто, сподручно, то такое дело смыслили только стрелец Никитин как тунгус и толмач Курочкин как природный алеут — оба, что называется, взрослые на ноже», — отзывался Загоскин о своих товарищах.

Курочкин был еще и грамотен, знал местные наречия. А самое главное — он, человек веселый, предприимчивый, везде, куда ни придет, был как дома, быстро знакомился с местными, перенимал у них песни; смотришь — он уже пляшет с ними у костра. Загоскин писал: «По всему Квихпаку ни один туземец на бегу не перегонял Никитина; пятерых вместе перетягивал на палке Дмитриев, и никто из дикарей в своей же пляске не мог сравниться с Курочкиным. Мне оставалось возможными поощрениями сохранить этот дух в команде, столь много способствующий к перенесению трудностей нашей бродячей жизни». Сноровка, опыт, неунывающий и дружелюбный характер этих людей помогли их начальнику проходить вместе с ними самыми трудными маршрутами.

Предстояло вновь подняться по Квихпаку (разные племена именовали его и Юна, и Юкон, и Юкхан), чтобы отыскать короткий путь в залив Коцебу. Температура была плюсовая, двигаться по рыхлому талому снегу тяжело, и в первый день преодолели всего пять миль. На второй день, пообвыкнув — и людям, и собакам требовалось войти в походную колею — прошли уже девять миль. На третий день начались места холмистые, за ними показались прибрежные горы, то подступающие к самой воде, то удалявшиеся вглубь материка. Обошли два мыса: Каменистый, с высоким

утесом, и Горшковый, где туземцы брали глину для изготовления посуды.

Ночевали в жиле Уныльгачтхох. Одному туземцу так приглянулась полосатая английская рубаша Загоскина, что пришлось ее отдать — точнее, выменять на 22 соболя — тулун, который пошел на пошив парки для лейтенанта. Женщины меняли провизию и меха на бусы и синий стеклярус. На следующий день похолодало до минус пятнадцати. Загоскин обратил внимание, что, чем больше они удалялись от залива, тем суровее становились холода, и чем ближе подходили к верховьям Юкона, тем дешевле были меха и дороже провизия. Когда вышли к устью реки Юннако, именуемой на карте Малахова Куюаком, проводник Татлек-Волосатый встретил приятеля, и тот пригласил всех в свое жилище. Приняли их радушно, и Загоскин решил дать отдых команде.

Была и другая, более веская причина для отдыха — у лейтенанта опухла нога «от тяжести лапок или отвычки на них в ходьбе»: «Последствия такой опухоли остаются нередко навек пятнами или небольшими желваками; к перенесению этой мучительной боли два средства: покой и терпение; первое не всегда может быть приложено к делу, а последним запасаются все посвящающие себя скитальческой жизни». У туземцев был свой способ лечения напасти: они прокалывали место опухоли «ланцетом» (так Загоскин в шутку назвал этот «хирургический инструмент») — проще говоря, заостренным гвоздем или сколом обсидиана. Лейтенант от такой операции отказался, предпочтя покой; а уж терпением он запасся, едва ступил на американский берег.

Первого марта, продвигаясь всё дальше на северо-восток, вышли к левому притоку Юкона, напротив жила Нокхакат. Малахов до этого места не добирался. Однако жители селения, узнав, куда направляется Загоскин, быстро поняли цель его экспедиции и испугались, что потеряют свою прибыль. При появлении «белых людей» они все как один высыпали из жилищ и начали стращать Татлека, чтобы он не вел русских дальше. Заметив колебания проводника, Загоскин с деланным равнодушием заметил: мы-то теперь и без тебя обойдемся, а вот ты не получишь обещанной награды, и до нашего возвращения староста артели не выдаст тебе жены. Хитрость удалась — Татлек не захотел терять награду и еще более жену и согласился идти дальше.

Вместе с командой Загоскина пошел известный шаман Отезокота (его имя можно перевести как «Сам ходит»). Он, чтобы обезопасить соплеменников от воздействия «белых людей», насылавших, по его убеждению, оспу и прочие болезни, обогнал их и разложил на дороге очистительный костер. Ну, это еще не так страшно, заметил Загоскин,

костер можно и обойти; вот экспедицию Сарычева и Биллингса на Чукотке язычники чуть ли не насильно окуривали всякой дрянью «для очищения».

В тех краях расстояния меряют не верстами и милями, а переходами. По левому берегу Юннако Загоскин насчитал четыре или шесть зимних дней пути до перевала в горах; еще столько же, по его подсчетам, предстояло пройти от перевала до жила Акшадак, где происходила меновая торговля жителей приморья и племен, обитавших по берегам Юннако. Однако, как ни упрашивал Загоскин туземцев стать проводниками, идти весной, по рыхлому снегу, никто не соглашался. К тому же наступала пора охоты на оленей. «Приходите зимой — все будем вашими проводниками и охранителями», — советовали местные.

На следующий день мужчины отправились в горы на охоту, и в селении вместе с женщинами остался только один старик Кицькака (Сорока). Он-то и рассказал Загоскину о загадочной земле за горами, в которую никто из служащих компании проникнуть пока не смог. «Вверх по этой реке, исключая одной небольшой одиночки, находящейся на полдня ходу от жила Хотылькакат, — записал Загоскин, — на большое расстояние нет жителей, но в верховье реки, состоящей из многих притоков, туземцев довольно. Они также принадлежат к семейству народа ттынаи. Со всем тем от низовых своих соплеменников отличаются наречием... не употребляют жиров; не имеют шаманов; живут... отдельными семьями в горах, где занимаются промыслом оленей, соболей, росомах и лисиц. Бобров и выдр в стране их не весьма изобильно. Для промена мехов на табак, бисер и железные изделия они каждую весну спускаются с верховья партиями к жилу Хотылькакат и к устью Юннако».

Найти кратчайший путь к заливу Коцебу Загоскину так и не удалось — помешали весенняя распутица, отсутствие проводников, нехватка продовольствия и собственный глаз, опухший от попавшей в него щепки. Глаз ему прочистили, но видеть он стал хуже. И всё же провести замеры лейтенант смог: крайняя точка его весеннего похода располагалась на широте 65° 35' 46".

Собранные и тщательно записанные им сведения доказывали, что туземцы Юннако ведут торговлю с племенами, проживающими по берегам залива, и что кратчайший путь между ними существует. Конечно, всё это требовало более тщательного исследования, особенно учитывая известные трудности перевода: «Сношение пантомимами и чрез посредство трех толмачей, часто не понимающих друг друга, заставляло нас ограничиваться наиболее вопросами о видимых предметах».

На прощание команда Загоскина срубила по просьбе Сороки четыре

огромные ели для летника. На одном пне они вырезали крест и выжгли дату своего выхода из туземного жила — 7 марта 1843 года.

Восемнадцатого марта благополучно возвратились в Нулато.

«Куда мы пошли, сами не знали»

Казалось бы, после столь тяжкого и опасного зимнего, а затем не менее сложного весеннего походов лейтенанту потребуется как минимум год отдыха. Но прошло всего два месяца, и он начал готовить новую экспедицию, на сей раз собираясь не идти пешком, а плыть на байдаре по Квихпаку-Юкону.

Пока ладили лодку и ждали, когда спадет коренная вода, он наблюдал приход весны на Аляску. В апреле «огласили весну» лягушки — и в тот же день исчезли глубокие снега, на пригорках и прогалинках показалась первая травка; в начале мая распустился пушок листочков на кустах и березах, полетели жуки, запели птицы. В Нулато наступление весны отметили щами из крапивы.

Весной в его команде случилось происшествие — Курочкину на охоте случайным выстрелом раздробило палец правой руки. Кровь остановили, палец положили в берестяной лубок, но тунгус трое суток стонал так, что по ночам никто не мог спать. Впрочем, и раненый охотник оставался охотником: заметив гулявшего ночью по берегу бобра, сумел добыть его левой рукой. Через два месяца рана зажила, но в новый поход Курочкина не взяли, вместо него пошел уроженец Калифорнии креол Никифор Талижук.

Идти на байдаре по Квихпаку оказалось не так-то просто: мешали сильное течение, пороги, россыпи — пологие каменистые скаты, близко подходившие к воде утесы, которые приходилось порой обходить по часу, чтобы не сесть на мель. Загоскин и его спутники «никак не полагали» встретить подобные трудности, это неприятное открытие они сделали уже в походе.

Тогда же обнаружилось несовершенство изготовленной ими байдары. В тех краях днища байдар, чтобы не гнили в воде и не рассыхались на берегу, смазывают жиром. На Алеутских островах и вдоль побережья, где добывают много морских животных, жир дешев, но на материковой Аляске, где его не добывают, а выменивают на меха, он ощутимо дороже. Вот почему лавтак байдары смазали недостаточно и он уже в походе начал размокать. «Я был новичок в обращении с такого рода судами, — признавался лейтенант, — последовал буквально данному мне наставлению

в инструкции, и здесь этот случай привожу единственно для предостережения собрата: хорошо тому, пред кем видимы ошибки или неудачи предместника. Много, много еще предстоит раскрыть в нашем уголке Америки».

Зато в преимуществах байдары Загоскин убедился довольно скоро. «Закрытая сверху, она всегда суха, легка, удобна... а главное, сподручна для переноски». Как выразился Загоскин, достаточно приказания, чтобы из залива Нортон «явиться на волнах Гудзонова залива за одно лето».

Но это ценное знание пришло с опытом, а пока по Юкону они плыли на тяжелой, неповоротливой, то и дело заливаемой водой байдаре. Шестеро сидели на веслах, Загоскин правил на корме. Рулевое устройство изготовили из того, что было под рукой: недостающие крючья заменили дверными, приладили петли из согнутых ручек сковородок — как говорится, голь на выдумки хитра. Для коротких поездок смастерили берестяную лодочку на манер индейских, которую для прочности обтянули лавтаком, и вели ее за собой на веревке.

Из Нулато выступили 4 июня, но куда пошли — по признанию Загоскина, «сами не знали». Известна была лишь цель: перевалить через горы, отделявшие британские владения от российских, чтобы выйти к Кенайскому заливу. Та же цель стояла перед экспедицией Глазунова и Малахова, но достичь ее они не смогли.

В летний поход наняли второго проводника, поскольку Татлек никогда в тех местах не бывал и местного наречия не понимал. Проводники играли в экспедициях решающую роль, и не только потому, что знали местность. Порой от них зависело, как примут служащих компании коренные жители, каков будет их настрой. Правда, Загоскин замечал, что, когда они приходили без проводников, туземцы общались с ними более свободно, хотя и объяснялись с помощью жестов, но принимали радушно, тащили всякую снедь для обмена. Иное дело с проводником — его опека порождала необщительность и настороженность. Что он говорил местным, как объяснял цель прихода «белых людей», оставалось неизвестным до тех пор, пока служащие компании сами не выучивали язык. «Живой пример тому наши соседи Новоархангельска, колоши: доныне ни один из толмачей, взятых из их племени, не передаст в настоящем виде ни вопроса, ни ответа беседующих».

Нового проводника, не мудрствуя, назвали Вторником и объяснялись с ним на «русско-инкилико-чнагмютском языке». Вот как Загоскин собирал информацию о стране за горами: он задавал вопросы туземцам, те отвечали Вторнику, Вторник переводил Татлеку, Татлек — калифорнийцу Никифору,

Никифор — лейтенанту. При таком способе общения ошибки были неизбежны, и потому Загоскин считал необходимым записывать все варианты названий на разных наречиях, здраво рассудив, что специалисты потом разберутся.

Квихпак в тех местах широк. Далеко — куда доставал глаз и где небо припадало к земле — было видно, как он нес свои воды неспешно и величаво по обширной низменной равнине. Силы этого потока, питаемого десятками мелких рек и речушек, казались неисчерпаемыми. Моряки знают, что вода в морях и реках имеет разный цвет и оттенки ее многообразны. Каспиец Загоскин, помнивший молочный тон Куры и красноватый Аракса, заметил, что вода Квихпака летом была желтовато-серовой, а отстоявшись, давала большой осадок, однако с приходом первых заморозков становилась прозрачно-чистой, вкусной и, как в «благословенной матушке Волге», «весьма здоровой».

Берега реки заросли лесом; ели, осины, березы и тополя в три обхвата после унылой тундры радовали глаз, кусты черной и красной смородины, малины, шиповника, калины так и манили в чащу — вот только комары не пускали далеко от берега. Притоки Квихпака и Иннока разделяли горные отроги, охраняющие этот нелюдимый край, словно часовые: на левом фланге стояла сопка Нотагаш, с другого края — утес Иситль.

Если зимой команду мучил мороз, то летом — жара и несносные насекомые. «Не сказать о комарах и москитах ни слова — значило бы умолчать об ощутительнейшем мучении, которое привелось нам испытать во время этого похода, мучении, к которому привыкаешь как к необходимому злу, но не имеешь ни средств, ни воли от него освободиться». Туземцы спасались дымом головни, которую держали перед собой; кто-то пытался надевать накомарники, кто-то курил — не помогало ничего. Оставалось лишь терпеть. Лейтенант вспомнил свой астраханский опыт и сшил себе из крашенины полог, под которым прятался ночью. Выходили из станова на рассвете, дневную жару пережидали на берегу.

На одной из стоянок к ним внезапно пожаловало всё женское население соседнего жила, от старух до малолетних девочек; все пришли вымытые, причесанные, в нарядных одеждах и украшениях. Удивленный лейтенант спросил у Татлека: с какой целью явились женщины? Это знак полного расположения и доверия, объяснил проводник.

Пришлось потчевать нежданных гостей сладким чаем с сухарями. Чай пили с удовольствием, сухари попробовали из любопытства — и отложили. Пока туземки чаевничали, лейтенант принялся рассматривать их и заметил девушку лет пятнадцати «с полным розовеньким личиком, черными

глазами навывкате и правильными соболиными бровями». Вообще-то Загоскин считал женщин племени инкиликов на редкость некрасивыми. Правда, они не делали татуировку на подбородке, как иные аборигены, и не носили стеклярус в носу или под нижней губой, но и без того их трудно было назвать привлекательными. В письме другу перед отправкой в Америку Загоскин клятвенно обещал: «Могу и тебя и всех знакомых и родных уверить, что не изберу подружки ни алеутки, ни колошенки, ниже из какого-либо народа, к которым в начале мая отправляюсь». И вдруг — такое удивительное исключение! Расположение к «белым людям» было проявлено, и теперь, намекнул Загоскин, от них зависело, «как им воспользоваться», однако о том, чем завершился визит туземных дам, рассказывать в своей книге не стал, оставляя читателям возможность строить догадки.

Заплата

При впадении Иннока в Квикпак располагалось последнее селение ттынайцев, ниже по всем притокам и вдоль побережья обитал народ канг-юлит. В этом пограничном селении Загоскин познакомился с самым знаменитым в тех краях торговцем по прозвищу Заплата. Бодрого старика в изношенной парке, покрытой множеством заплат, русские впервые увидели в 1834 году: оставив свою лодку у воды, тот пришел к управляющему редуту с небольшим свертком бобровых шкур и начал осматривать товары в лавке. Он перебирал бисер, нюхал табак, вертел в руках ножи и топоры, цокал языком, спрашивал цены — и ничего не приобрел. На следующий день он вернулся на байдаре, полной бобровых шкур, и скупил чуть ли не всю лавку. Такого замечательного покупателя кто только не хвалил в редуте, приговаривая: «Ай да Заплата!» Старик запомнил это выражение, и когда русские спрашивали его имя, отвечал: «Ай да Заплата». Позже узнали, что одетый в рубище старик — глава богатейшего семейства Аляски.

Загоскин насчитал у Заплаты на вешалах до сотни оленьих шкур и 250 бобровых.

— Для кого это богатство? — спросил лейтенант.

— Кому нужда, тот возьмет, — отвечал оборотистый торговец.

Познакомился Загоскин и с семьей Заплаты. Сын старика, крещенный с именем Николай, вел торговые дела с редуту Колмакова; младший брат Заплаты Косик (Высокий) тоже занимался торговлей. Вот как выглядела

его сделка с Загоскиным: «Брат его, видя на мне соболий архалук, спросил, нет ли у нас соболей; получив утвердительный ответ, убедительно просил продать ему десять штук, недостающих в парке, назначенной в подарок на предстоящих поминках. Для такого случая ни один туземец не пожалеет заплатить вдвое дороже настоящей цены, но мне не хотелось ни отказать, ни торговаться с хорошим человеком; я подарил ему, сколько нужно, а наутро получил в оплату две выдры высшего достоинства».

Загоскин не раз приводил примеры природного радушия и гостеприимства туземцев, их искреннего стремления делиться прибытком с нуждающимися. Так, на Аляске был распространен обычай оставлять в бараборах сухую провизию для проезжающих; ее можно было брать и даром, если нечем заплатить. Другой пример: когда в жиле заканчивались припасы или их по каким-либо причинам не успевали заготовить, тогда «не один, не двое, но целое жило... переселяется на ближайшее жило в уверенности, что пока там что есть, с ним поделятся соседи». К тому же зажиточные соплеменники на поминках по умершим родственникам щедро раздавали подарки. Поэтому совсем уж бедных среди туземцев Квикпака Загоскин не встречал. По его мнению, корыстолюбие не было изначально присуще коренным жителям Северной Америки, а появилось после знакомства с европейцами; тогда же в местные языки пришли слова «богатство» и «нищета».

Загоскин счел итог своего летнего похода ничтожным: «Труды наши... пропали почти даром», — явно поскромничав. Ведь тем летом он с товарищами проплыл на байдаре 200 верст к северу-востоку от Нулато, в августе спустился по Квихпаку до селения Икогмют и осенью дошел до редута Колмакова; всего было пройдено и описано, измерено и определено по карте более 700 верст. Они увидели горы, разделявшие места расселения «такаяксанцев» и «юннака-хоттана»; узнали, что через горный хребет эти племена не перебираются, потому что там нет прохода, а по рекам не проплыть из-за каменистых порогов. И еще Загоскин предположил: Квихпак, который берет начало в горах, разделяющих владения Российско-американской компании и Компании Гудзонова залива, и Юкон — одна и та же река. И хотя это предположение он высказал со всей осторожностью исследователя, в 1863 году оно нашло подтверждение.

Зимовка в Колмаковском редуте

Осень 1843 года провели в селении Икогмют, а в середине ноября, едва

установился снежный покров, двинулись по первопутку к редуту Колмакова.

Это была вторая зима, которую Загоскин проводил в походе. Он уже испытал на себе ходьбу на «лапках», замерял температуру на морозе, выполнял астрономические счисления на ветру, ночевал на снегу, делал записи в дневнике у костра и хорошо усвоил: на Севере кратчайший путь между двумя точками не всегда проходит по прямой — иногда сделать крюк и безопаснее, и удобнее. Путь из Икогмюта на Кускокуим пролегал по открытой тундре, в первые зимние месяцы бураны так заметали те места, что даже туземцы не отваживались ходить. А дорога в обход, через Паймют, хотя и была длиннее, зато большей частью шла по лесу, где и метель не так страшна, и хворост для костра найти проще.

Четвертого декабря благополучно прибыли в редут Колмакова. Это был второй редут на Аляске, в котором останавливался Загоскин, и у него была возможность изучить и тамошние порядки, и характеры управляющих, и отношение туземцев к русским. В редуте Колмакова ничто не было похоже не только на Михайловский редут, но и вообще на все поселения компании: «Здесь всё особенно... пища, одежда, обыкновения, самые люди. Во всех отделах русские, креолы, алеуты, состоящие на жалованье, без пайка муки, как говорят, жить не могут. Здесь не откажутся от муки, но ее случается так мало в привозе, что месяца по три забывают о хлебе. Да и пользующихся правом на мучной паек из 15 человек служащих, со включением управляющего, всего шестеро. В Михайловском отделе русские надели туземную одежду; здесь, напротив, туземцы носят и зимою наши сукна; там управляющий барин, здесь тятя и первый труженик...» Этот труженик, установивший в своем редуте порядки, восхитившие лейтенанта, — Семен Иванович Лукин. Вот его история, рассказанная Загоскиным.

Отца Лукина в 1806 году убили колоши во время нападения на Якутат, а его самого мальчиком взяли в плен. Два года он прожил у колошей. Освободила его команда американского судна, и капитан отдал ребенка Баранову. С тех пор Лукин жил у главного правителя Русской Америки и воспитывался вместе с его сыном. В 1816 году он был отправлен Барановым на Кадьяк, в 1819-м служил толмачом в Александровском редуте.

Лукин прекрасно знал местные языки и не раз помогал Загоскину разбираться в нагромождениях труднопроизносимых названий, подчас по-разному обозначавших одни и те же географические объекты. Но более всего лейтенанта поражали не познания управляющего, а его характер и

образ жизни: «Лукин живет и жил, что называется, настежь; мы часто видали в его каморке по десятку туземцев, которые целые дни помалчивают между собою в ожидании хозяина, работающего где-нибудь в лесу или у заповор. Если случатся у него гости в обеденную пору, то кусок юколы и чайник колониального чаю делится с присутствующими; зная тонко их обычаи, он никогда не спрашивает, кто и зачем пришел... Лукин столько же доступен ночью, как и днем: прихожий стучится под окно и бывает впускаем без опасения».

Если туземцу необходимо было что-то купить, но он не мог заплатить сразу, Лукин верил на слово и давал в долг. Такое вроде бы незначительное поведение, казалось, должно было неизбежно привести к убыткам. Но в действительности получалось наоборот: те управляющие, кто отказывался отпускать товары в долг, не дружил с туземцами, как сказал Загоскин, «жил барином», проигрывали Лукину — тот всегда сдавал мехов больше других.

Открытость и доброжелательность, уважение местных обычаев сделали его одним из самых авторитетных служащих компании на Аляске. Лукина знали и любили и русские, и туземцы, высоко ценило руководство компании. Этолин неоднократно напоминал лейтенанту, чтобы тот не нагружал Лукина лишними заботами и не отвлекал от исполнения обязанностей управляющего.

Загоскин с восторгом описывал порядки, заведенные Лукиным в редуте: «Вечеру, как это было пред воскресеньем, по заведенному управляющим порядку, в часовне, преображенной из лавки, читаны были им некоторые псалмы и молитвы. Все работники со своими семьями находились на молитве. Вспомним, что большая часть присутствовавших — новокрещенные, и после этого понятно, какими способами достойно уважаемому Лукину удастся распространять свое влияние на отдаленные туземные племена, его защита-благочестие, помощник-хранитель исповедующих имя его». В 1848 году в редуте побывал сподвижник епископа Иннокентия, священник из креолов Яков Нецветов, освятил построенную Лукиным часовню и окрестил 22 туземца.

Конечно, Лукин не был местным Дедом Морозом, приносящим подарки; он прекрасно знал, чего можно ожидать на Аляске, и был готов действовать в соответствии с обстановкой. В 1839 году туземцы под видом торговли пришли в Икогмют и вырезали всех служащих компании, а на следующее лето готовились напасть на Колмаковский редут. Однако местные жители вовремя предупредили управляющего, и когда разбойники явились к нему в избу, самого наглого он выбросил в окно, а остальные, встретив отпор, ретировались. Общение с Лукиным многому научило

Загоскина, он слушал его советы и старался следовать им. «Без предусмотрительности, твердого и решительного характера никакие стены не спасут» — к такому убеждению пришел лейтенант.

После окончания экспедиции Загоскин ходатайствовал перед правлением компании о должной награде для управляющего, и его просьба была удовлетворена. Сын Лукина Константин был определен на службу в компанию с годовым жалованьем в 250 рублей, другой сын, Иван, назначен помощником управляющего редутом.

Летний поход 1844 года

В мае 1844 года отправились вверх по Кускоквиму на байдаре и трех байдарках — искать проход в Кенайский залив. С ними пошел управляющий Колмаковским редутом.

Загоскин впервые совершал дальний поход на байдарке и скоро оценил все ее преимущества, можно сказать, почувствовал себя в ней как дома: компас покоился перед ним на стойке, записную книжку он поместил под обшивку, под рукой лежало ружье, чтобы бить перелетную птицу, сбоку ранец с провизией и патронами — словом, сиди, смотри, наслаждайся «природой в юном, оживленном своем виде». К тому же на воде не было ни комаров, ни мошки — этой летней египетской казни. Ноги, конечно, уставали; но лейтенант, еще на Каспии выработавший привычку сидеть с поджатыми ногами, освоился и здесь.

Вверх по течению шли «на палочках» — отталкиваясь шестами от дна. Течение Кускоквима оказалось слабее, чем Квихпака, и вода светлее. Протекала река среди утесов и была такой извилистой, что можно было проводить только приблизительные замеры. К тому же сделанные лейтенантом отметки совершенно не совпадали с описаниями Васильева, который во время похода не смог сделать ни одного астрономического измерения. И всё же Загоскин исследовал и детально описал течение реки.

В глубине ее изгибов располагались летники местного племени инкалитов, дальше на север — тундра, усеянная озерами. Там, где Кускоквим соединялся с Холитно, было самое рыбное место — ловились сиги, муксуны; Загоскину с товарищами удалось даже на ходу поймать 17 щук! Видели горный хребет Чигмит, исполинским щитом отделявший бассейн Кускоквима от многочисленных рек, несущих свои воды в Кенайский залив.

Почти каждый день встречали медведей. Назвать их поведение

мирным было никак нельзя — они гонялись вплавь за туземцами. Избавиться от преследования можно было, лишь выгребая на байдарке против течения. Однажды заметили медведя, скрадывавшего журавля: птица не улетаала и, словно дразня косолапого, перескакивала с кочки на кочку, а тот, сделав стойку, готовился к броску. Медвежьей охоте помешал выстрел Никитина. Случалось, желание местных охотников заполучить медведя приводило к губительным последствиям для лесов и промыслов: «лучшие бобровые притоны вод Кускоквимских выжжены туземцем, который, желая добыть медвежонка, забравшегося на ель, зажег ее».

Добраться до верховьев реки им так и не удалось — требовалось еще не меньше двух недель, а это задержало бы отправку Лукиным мехов. «Заманчиво было достигнуть верховья Кускоквима: мы привыкли и к жизни, усвоились и с холодом, и с голодом, и с комарами... С грустью принуждены мы были обратиться назад». Спустя двое суток благополучно возвратились в редут Колмакова.

И всё же летний поход был не бесплоден. Экспедиция Загоскина доказала: маршрут настолько труднопроходим, что даже если и удастся кому найти перенос, для торговли этот путь всё равно не годится, а значит, и прокладывать его не стоит.

Двадцать первого июня 1844 года вернулись в редут Святого Михаила, где не были полтора года и 16 дней — столько длилась экспедиция, за время которой было совершено 11 походов, пройдено пешком и на лодках около пяти тысяч верст. В августе команда Загоскина поднялась на борт брига «Охотск» и 26 сентября благополучно прибыла в Новоархангельск.

Плоды экспедиции

«Плоды экспедиции» — так называется раздел в книге Загоскина, подводящий итог беспримерному в истории Аляски походу. И плоды эти оказались обильны и разнообразны: были представлены географические, зоологические, ботанические, геологические и этнографические сведения. Загоскин подробно описал южную и западную части залива Нортон, реку Квикпак на протяжении 600 миль, определил на ней координаты шестнадцати пунктов, исследовал притоки Квикпака, Юннака и Иттеге на сотню миль, прошел важнейшие для компании переносы с Юннака к заливу Коцебу, с Квикпака на Кускоквим и с Кускоквима на Иттеге. Сделанные замеры позволили ему создать «меркаторскую карту Северозападного берега Америки», которую Этолин отправил в 1845 году в

Петербург.

Собранные Загоскиным обширные сведения о традициях, костюмах и внешнем виде, жилищах и торговле племен материковой Аляски стали ценным этнографическим источником, не утратившим значения и в наши дни. Он собрал 38 видов птиц и 70 видов насекомых, несколько травников (гербариев), составил минералогическую коллекцию.

В январе 1846 года за проведенные на Аляске исследования Загоскин был награжден орденом Святой Анны 3-й степени, а в следующем году произведен в капитан-лейтенанты. Тогда же увидела свет «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах», высоко оцененная научным сообществом — в 1849 году он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества и получил Демидовскую премию Академии наук. Однако главной цели — смыть пятно со своей репутации моряка — он так и не достиг. В 1846 году он отправил рукопись «Пешеходной описи» морскому министру Александру Сергеевичу Меншикову, прося немногого — всего лишь «дозволения украсить его Вашим именем», то есть напечатать на титульном листе книги посвящение министру, называя это «высшей для себя наградой». Но Меншиков, человек осторожный и к тому же изрядно поднаторевший в интригах, без оглядки и подстраховки ничего не делал, а потому, не обременяя себя чтением увесистой рукописи (из печати фолиант выйдет объемом более трехсот страниц), передал ее Ф. П. Литке — председателю Морского ученого комитета, одновременно являвшемуся вице-председателем только что образованного Русского географического общества.

Литке опус Загоскина прочел — и не одобрил: «Как путешествие чисто сухопутное оно не входит в разряд сочинений, подлежащих рассмотрению Морского ученого комитета». Но это, так сказать, проформа, а что же по существу? Признавая, что сочинение «содержит довольно много новых сведений о малоизвестных племенах... и стране, ими обитаемой» (а этого невозможно было не признать), вице-адмирал вместе с тем счел, что написано оно «слогом неправильным, с большими притязаниями на витийство и остроту и с примесью многих не принадлежащих к делу лишностей». Так и написал — «лишностей». Меншиков приказал вернуть рукопись автору «и дело считать решенным».

Почему же Литке, участник кругосветных экспедиций и автор трех томов записок, будущий президент Академии наук, так невысоко, в отличие от многих, оценил труд Загоскина? Возможно, потому, что лейтенант не

имел специального образования, ученой степени и звания. Но это обстоятельство не лишало его интуиции и самого досконального, подлинно научного подхода к собиранию материала и описанию увиденного. Сознавая ограниченность своих познаний, он тем не менее не щадил сил и здоровья для проведения наблюдений, которые могли стать — и стали — ценным источником информации, подлинной энциклопедией жизни материковой Аляски. Что же касается слога, то «лишности» и делают записки Лаврентия Загоскина интересными, а подробности и детали позволяют читателю как будто ощущать вместе с автором, каково терпеть голод, тащить нарты по безлюдной тундре в мороз или плыть облепленным мошкой и комарами по рекам и заливам.

После экспедиции Загоскина Императорское Русское географическое общество разработало обширную программу систематического исследования Аляски и приняло решение об организации масштабной экспедиции на Камчатку, Курилы, Аляску и в прибрежные районы североамериканских владений России. Однако подготовка экспедиции затянулась, а после продажи колоний была остановлена.

Загоскин в 1848 году оставил морскую службу, женился, занимал различные штатские должности в Рязанской губернии, выращивал в своем имении редкие для средней полосы фрукты. Во время Крымской войны он возглавлял сводную дружину ополчения Пронского уезда.

Когда в 1867 году в газетах сообщили о продаже российских владений в Америке, Загоскин отнесся к этому крайне негативно, считая принятое решение непоправимой ошибкой. Тогда же он передал в дар музею Академии наук собранную в Америке на собственные средства этнографическую коллекцию, которая по сей день хранится в Музее антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге.

Двадцать второго января 1890 года Лаврентий Алексеевич Загоскин скончался в Рязани и был похоронен на кладбище Спасо-Преображенского мужского монастыря. Могила прославленного исследователя и путешественника не сохранилась.

Послесловие

Не один Лаврентий Загоскин — многие в то время были противниками продажи русских владений в Америке, среди них и герои этой книги святитель Иннокентий и Дмитрий Завалишин.

В 1860-е годы на страницах печати начали активно обсуждать деятельность Российско-американской компании, допустимость сохранения за ней монополии и саму целесообразность присутствия России на территориях Американского континента. Всплеск интереса к Русской Америке был не случаен — великий князь Константин Николаевич, возглавивший морское ведомство, предложил продать русские колонии Североамериканским Соединенным Штатам, и его активно поддерживали министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков и министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн.

Для получения доказательств убыточности компании было решено провести ревизию, и в Северную Америку направили двух инспекторов: от Министерства финансов статского советника С. А. Костливцова, от Морского министерства — капитан-лейтенанта П. Н. Головина. Всю зиму 1860/61 года ревизоры в Новоархангельске изучали документацию и знакомились с жизнью русских колоний. На встречи с ними приходили промысловики и приезжали вожди племен, они посетили школу, в которой учились 50 местных мальчиков, больницу, верфь, церковь — все эти заведения содержались за счет компании — и в результате пришли к выводу, что слухи о тяжелом положении колоний и повальном воровстве чиновников компании ложные: «Мы не нашли и тени того рабства или угнетения, о котором так много говорили нам в России».

Тех, кто, наслушавшись сплетен и вымыслов, начал продавать акции компании, Головин без обиняков назвал «дураками» и признался: «Будь у меня деньги, я сейчас же купил их как можно более, в уверенности получить через некоторое время большой барыш». Но та часть доклада, где он энергично протестовал против намерения продать русские колонии, не была опубликована «по цензурным соображениям». Там раскрывалось происхождение плана продажи русских колоний. Сенатор от штата Калифорния Уильям Маккендри Гвин на волне избирательной кампании предложил купить у России ее американские владения. Президент одобрил эту идею, однако на время забыть о ней заставила разразившаяся в 1861 году Гражданская война между Севером и Югом.

«Сожалеть ли об этом? — вопрошал Головин. — Общественное мнение России до сих пор негодует за уступку нашей бывшей фактории в Калифорнии, особенно с тех пор, как рядом с селением Росс открылись золотые прииски... легко может случиться, что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют в колониях наших богатства, о существовании которых теперь и не подозревают».

По мнению второго инспектора Костливцова, компания внесла огромный вклад в освоение Приморья, Приамурья, Сахалина, Курил, Алеутских островов и Аляски. Он предложил реорганизовать компанию и провести ряд реформ в Русской Америке: создать независимый от администрации суд, понизить цены на продовольствие и повысить оплату труда туземцев. Но решение закрыть компанию и тем более продать земли, освоение которых было оплачено потом и кровью русских первооткрывателей и первопроходцев и потребовало немалых денежных вложений, он, как и многие, считал в корне неверным.

И всё же в марте 1867 года Русская Америка была уступлена США за 7,2 миллиона долларов. Основными мотивами называли экономический — нерентабельность компании — и политический — желание установить дружеские связи с США.

Что касается первого аргумента, то он был полностью опровергнут двумя независимыми экспертами, не являвшимися ни чиновниками компании, ни ее акционерами. Причиной продажи называют также невозможность защитить отдаленные территории в случае военной опасности. Но три четверти России лежат за Уральским хребтом и, следовательно, тоже чрезвычайно отдалены от столиц — и Сибирь, и Дальний Восток, и Чукотка, и Камчатка, не говоря уже о Сахалине и Курильских островах. Их тоже следовало продать?

А второй аргумент опровергла сама история, многократно доказывавшая, что стремление России найти в лице США противовес Британии и купить союзника ценой уступки территорий было глубоко ошибочным. Недаром в 1813 году надворный советник Андрей Яковлевич Дашков написал из Вашингтона в Петербург: «Видя многие примеры лицемерия властей... я не могу... не подозревать их в неискренности всякий раз, когда президент говорит со мной о своих чувствах к России, ибо он никогда не упоминает о взаимной выгоде, которую должны приносить отношения между обеими странами». На исходе XX века мы еще раз убедились в справедливости слов дальновидного русского дипломата. В июне 1990 года келейно, без обсуждения, было подписано соглашение между СССР и США о разграничении экономической зоны и

континентального шельфа в Чукотском и Беринговом морях, по которому американцы получили 74 тысячи квадратных километров шельфа и 40 тысяч квадратных миль океана. Согласно отчету Счетной палаты, экономические потери России только в рыболовной отрасли составили к 2003 году от 1,6 до 1,9 миллиона тонн рыбы, которая стоила от 1,8 до 2,2 миллиарда долларов. И это не считая утраты нефтегазовых месторождений Наваринское и Алеутское и проблем в возрождении Северного морского пути.

К сожалению, в окружении первых лиц государства и в позапрошлом, и в прошлом веке всегда находились люди, убежденные, подобно посланнику в Вашингтоне П. И. Полетике, что «Россия должна рассматриваться как держава в основном континентальная». Справедливости ради отметим: этот неверный подход, лишавший Россию естественных для любой страны путей развития, разделяли далеко не все. Когда первая русская экспедиция отправлялась в плавание вокруг света, историк и писатель Николай Михайлович Карамзин в статье «О российском посольстве в Японию» (Вестник Европы. 1803. Т. 9. № 11) горячо приветствовал ее участников: «Есть люди... которые утверждают, что Россия не должна и думать о знаменитости в мореплавании (ибо гавани ее запираются льдом на шесть месяцев в году) и что благоразумие велит нам довольствоваться продажей и куплею на месте. Петр Великий не так думал. Мудрено ли? Он был русский в душе и патриот, а сии господа или англomаны, или галломаны и желают называться космополитами... Мы стоим на земле, и на земле русской, смотрим на свет не в очки систематиков, а своими природными глазами, думаем, что в нынешнем состоянии вещей государство не может достигнуть до совершенного величия без флотов и великих успехов мореплавания...»

Такова была позиция и героев нашей книги — энергичных, предприимчивых и толковых, дерзнувших открывать и осваивать новые земли для приумножения богатства и славы Отечества и нести свет истины далеким народам.

Основные даты жизни и деятельности пионеров Русской Америки

1741 — экспедиция Витуса Беринга и Алексея Ильича Чирикова открыла северо-западное побережье Американского континента.

1746 — в Каргополе родился Александр Андреевич Баранов.

1748 — в Курске родился Григорий Иванович Шелихов.

1765 — в Тотьме родился Иван Александрович Кусков.

1768–1770 — экспедиция Петра Кузьмича Креницына и Михаила Дмитриевича Левашова достигла Алеутских островов и побережья Аляски.

1773 — начало сибирского периода жизни Г. И. Шелихова.

1780 — А. А. Баранов поселился в Иркутске, покупал в Сибири заводы, вел меховую торговлю, организовывал промыслы.

1781 — основание торговой компании Голиковых — Шелихова.

1783–1786 — плавание Г. И. Шелихова к северо-западному побережью Америки.

1784, август — Г. И. Шелихов основал постоянное поселение на острове Кадьяк у юго-западного побережья Аляски, ставшее на 20 лет центром русских колоний в Америке.

1785–1794 — экспедиция Иосифа Иосифовича Биллингса и Гавриила Андреевича Сарычева к Алеутским островам и берегам Северной Америки.

1787 — А. А. Баранов избран членом Императорского Вольного экономического общества.

1788, апрель — июнь — экспедиция Дмитрия Ивановича Бочарова и Герасима Алексеевича Измайлова к берегам Америки встретила с туземцами на берегу Якутатского залива.

Г. И. Шелихов с компаньоном И. А. Голиковым подал императрице Екатерине II прошение о разрешении монопольно вести промыслы и торговать в Америке.

1790, август — А. А. Баранов отправился в Америку в качестве управляющего русскими поселениями, основанными торговой компанией Голиковых — Шелихова, и взял И. А. Кускова помощником «в услугах при коммерческой должности».

1791, июнь — А. А. Баранов прибыл на Кадьяк.

1791–1804 — А. А. Баранов исследовал острова и побережье Аляскинского залива, провел первую перепись населения Кадьяка.

1792, июнь — нападение индейцев-тлинкитов на лагерь Баранова на острове Нучек.

1793 — решением Святейшего синода учреждена духовная миссия в Русской Америке, на Кадьяк отправлены иноки Валаамского монастыря во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым).

После смерти третьего компаньона Голиков и Г. И. Шелихов составили новый договор, по которому капитал компании и валовые паи разделили поровну.

А. А. Баранов основал Воскресенскую верфь у полуострова Кенай. Спущен на воду первый построенный в Русской Америке корабль «Феникс».

1795, 20 июля — скоропостижная кончина Г. И. Шелихова в Иркутске на 48-м году жизни.

1796 — А. А. Баранов основал крепость на берегу залива Якутат. Архимандрит Иоасаф освятил церковь Воскресения Христова на Кадьяке.

1797, 26 августа — в селе Анга родился Иван Попов — будущий святитель Иннокентий (Вениаминов).

1798–1799 — И. А. Кусков назначен начальником нового Константиновского редута на острове Нучек.

1799, 8 июля — указ императора Павла I об основании Российско-американской компании с предоставлением ей монопольных прав на экономическую деятельность на северо-западном побережье Америки.

Июль — основание А. А. Барановым крепости Святого архистратига Михаила на острове Ситха.

Высочайшим указом А. А. Баранов награжден именной золотой медалью на Владимирской ленте.

1801 — первая «расторжка» А. А. Баранова с американскими купцами на Кадьяке.

1802 (или 1804), 20 июня — в Астрахани (по другим сведениям — в родовом имении Жедяевка Казанской губернии) родился Дмитрий Иринархович Завалишин.

Июнь — захват индейцами-тлинкитами Михайловской крепости на Ситхе.

А. А. Баранов получил чин коллежского советника и назначен главным правителем всех российских колоний в Америке.

1802–1804 — первая русская кругосветная экспедиция на кораблях «Нева» и «Надежда» под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна и Юрия Федоровича Лисянского.

1803 — два приказчика, отправленные А. А. Барановым к побережью

Калифорнии, дошли до 33 градуса северной широты и охотились в бухте Сан-Диего.

1804, июль — шлюп «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского вошел в гавань Кадьяка. Штурм экипажем «Невы» и отрядами под командованием И. А. Кускова и А. А. Баранова захваченной тлинкитами Михайловской крепости.

Сентябрь — основание Новоархангельска на Ситхе, ставшего новой столицей Русской Америки.

1805 — прибывший в Новоархангельск камергер Николай Петрович Резанов, один из учредителей Российско-американской компании, вручил И. А. Кускову золотую медаль на Владимирской ленте.

1806, февраль — май — визит Н. П. Резанова в Сан-Франциско на корабле «Юнона».

Октябрь — И. А. Кусков награжден почетным званием коммерции советника.

1806–1817 — учеба Ивана Попова (Вениаминова) в духовной семинарии Иркутска.

1807 — А. А. Баранов награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

1807–1811 — кругосветное плавание шлюпа «Диана» под командованием лейтенанта Василия Михайловича Головнина, крейсерование у берегов Русской Америки.

1808, 19 (21?) мая — в селе Николаевка Пензенского уезда Пензенской губернии родился Лаврентий Алексеевич Загоскин.

Май — министр коммерции Николай Петрович Румянцев выразил консулу США в Петербурге протест по поводу нелегальной продажи американскими купцами оружия туземцам.

Июнь — Андрей Яковлевич Дашков назначен генеральным консулом и поверенным в делах России в США.

1808–1811 — исследование И. А. Кусковым побережья Калифорнии и поиск места для нового поселения.

1811 — А. Я. Дашков назначен российским посланником в США.

1812, апрель — май — заключение торговой конвенции между Российско-американской компанией и Американской меховой компанией Джона Джейкоба Астора.

Август — П. А. Кусков основал крепость и поселение Росс.

1814 — семинарист Иван Попов получил фамилию Вениаминов в честь скончавшегося епископа Иркутского Вениамина (Багрянского).

1815–1816 — по заданию А. А. Баранова доктор Егор Николаевич Шеффер основал русское поселение на острове Кауаи Гавайского

архипелага.

1816–1819 — учеба Д. И. Завалишина в Петербурге в Морском кадетском корпусе.

1817–1819 — кругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» с посещением Камчатки и Русской Америки.

1818, январь — А. А. Баранов ушел в отставку с должности главного правителя Русской Америки и был заменен Леонтием Андриановичем Гагемейстером, который в октябре того же года передал дела Семену Ивановичу Яновскому.

1819, 16 апреля — А. А. Баранов скончался в Батавии (Джакарте) по дороге в Петербург, его тело по морскому обычаю предали водам Индийского океана.

1821, май — отец Иоанн Попов-Вениаминов рукоположен во священники Благовещенской церкви Иркутска.

Возвращение И. А. Кукова в родную Тотьму.

Д. И. Завалишин придумал «Орден Восстановления».

1822 — Д. И. Завалишин в составе экипажа фрегата «Крейсер» под командованием капитана 2-го ранга М. П. Лазарева отправился в кругосветное плавание.

1822–1826 — учеба Л. А. Загоскина в Морском кадетском корпусе.

1823, май — отец Иоанн Вениаминов с семьей отправился из Иркутска в Америку.

1823, сентябрь — 1824, май — Д. И. Завалишин в Русской Америке пытался реализовать свой план о присоединении Калифорнии к России.

Октябрь — смерть И. А. Кукова на родине.

1823, октябрь — 1824, июль — служба отца Иоанна Вениаминова в церкви Михаила Архангела в Новоархангельске.

1824, 29 июля — отец Иоанн Вениаминов с семейством прибыл на остров Уналашка Алеутского архипелага.

1 августа — отец Иоанн Вениаминов совершил первую литургию на Уналашке.

1826, январь — первый арест Д. И. Завалишина. Беседа с императором Николаем I.

Февраль — второй арест Д. И. Завалишина по доносу родного брата и новое расследование.

29 июля — на Уналашке освящен храм Вознесения Господня.

Мичман Л. А. Загоскин отправился служить в Астрахань, в Каспийскую флотилию командиром шкоута «Святая Мария».

1826–1828 — Л. А. Загоскин на «Святой Марии» участвовал в Русско-

персидской войне.

1828 — Л. А. Загоскин назначен командиром гардкоута.

1829 — крещением эскимосов отец Иоанн Вениаминов положил начало Нушагакскому приходу — самому северному приходу Русской православной церкви на Американском континенте.

1830 — Л. А. Загоскин назначен адъютантом командира Астраханского порта и Каспийской флотилии контр-адмирала Д. Д. Челеева, получил под командование бриг «Тавриз».

Июнь — главным правителем Русской Америки стал капитан 1-го ранга Фердинанд Петрович Врангель, занимавший эту должность до 1835 года.

1832, январь — Л. А. Загоскин произведен в лейтенанты.

Апрель — стал командиром парохода «Аракс».

1833, июнь — «Аракс» сгорел в дельте Волги, его командир попал под следствие, был разжалован, затем с возвращением чина получил назначение в 9-й флотский экипаж на Балтийское море.

Ноябрь — отец Иоанн Вениаминов переведен в Новоархангельск.

1836, лето — отец Иоанн Вениаминов отправился в Калифорнию, проводил службы в поселении Росс, посещал испанские католические миссии.

1837 — отец Иоанн Вениаминов начал проповедовать среди тлинкитов.

1838, декабрь — Л. А. Загоскин поступил на службу в Российско-американскую компанию.

1838–1839 — отец Иоанн Вениаминов с дочерью Феклой на корабле «Николай» отправился из Новоархангельска в Кронштадт.

1839, 25 декабря — отец Иоанн Вениаминов возведен в сан протоиерея церкви Архангела Михаила в Новоархангельске.

1840 — отец Иоанн Вениаминов, овдовев, принял монашеский постриг с именем Иннокентий. Рукоположен во епископа новоутвержденной Камчатской, Курильской и Алеутской епархии Русской православной церкви.

В Петербурге вышло в свет Евангелие от Матфея на алеутском языке.

1841, январь — крепость Росс продана гражданину Мексики Джону Саттеру, перепродавшему ее правительству США.

1841–1842 — епископ Иннокентий отправился из Петербурга в свою епархию в Америке.

1842–1844 — Л. А. Загоскин во время экспедиции по Аляске прошел пешком и на лодках около пяти тысяч верст.

1846, январь — за проведенные на Аляске исследования Л. А. Загоскин награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

1847 — Л. А. Загоскин произведен в капитан-лейтенанты. Опубликовал «Пешеходную опись части русских владений в Америке, произведенную лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах». Избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

1848 — Л. А. Загоскин вышел в отставку.

1849 — получил Демидовскую премию Академии наук.

1850, апрель — преосвященный Иннокентий возведен в сан архиепископа.

1855, апрель — указом императора Александра II Л. А. Загоскин утвержден начальником 103-й сводной дружины ополчения Пронского уезда с присвоением чина майора.

Ноябрь — пронская дружина ополчения прибыла в Николаев для строительства оборонительных укреплений.

1856, июль — Л. А. Загоскин во главе дружины ополчения вернулся в Рязань. За участие в Крымской войне награжден памятным знаком — крестом с надписью «За веру и царя».

1858 — архиепископ Иннокентий совершил путешествие по Амурскому краю и перенес епископскую кафедру в станицу Усть-Зейскую (ныне — город Благовещенск), где по его чертежам начали строительство Благовещенского собора.

1861, декабрь — 1864, июнь — Л. А. Загоскин состоял мировым посредником Пронского уезда Рязанской губернии.

1864 — освящение Благовещенского собора в станице Усть-Зейской.

1867, 30 марта — подписание в Вашингтоне договора о продаже Аляски Соединенным Штатам за 7,2 миллиона долларов.

18 октября — официальная церемония передачи Аляски под контроль властей США.

1867–1869 — Л. А. Загоскин служил мировым судьей в Пронском уезде.

1868, 5 января — после кончины митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) владыка Иннокентий назначен его преемником.

1869–1875 — Л. А. Загоскин исполнял обязанности почетного мирового судьи Пронского уезда.

1879, 31 января — скончался митрополит Иннокентий. Погребен в приделе праведного Филарета Духовской церкви Свято-Троицкой

Сергиевой лавры.

1890, 22 января — Л. А. Загоскин скончался в Рязани. Похоронен на кладбище рязанского Спасо-Преображенского мужского монастыря.

1892, 5 февраля — скончался Д. И. Завалишин. Похоронен в Москве на кладбище Данилова монастыря.

1977, 6 октября — митрополит Иннокентий канонизирован Русской православной церковью в лике святителей.

Краткая библиография

Источники

[Следственное дело] № 26 о лейтенанте Завалишине 8-го флотского экипажа. — В кн.: Восстание декабристов. Т. 3. М.; Л., 1927. С. 217–405.

Завалишин Д. И. Вселенский Орден Восстановления // Русская старина. 1882. Т. 33. № 1–3.

Завалишин Д. И. Дело о колонии Росс // Русский вестник. 1866. Т. 62. С. 37–65.

Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906.

Завалишин Д. И. Калифорния в 1824 году // Русский вестник. 1865. Т. 60. С. 322–368.

Завалишин Д. И. Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» // Древняя и новая Россия. 1877. Кн. 10. Т. 3. № 5–7.

Завалишин Д. И. Российско-американская компания. М., 1865.

Загоскин Л. Воспоминания о Каспии // Сын Отечества. 1836. Ч. 177. № 15, 16.

Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е.). Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошенского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения. СПб., 1846.

Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е.). Записки об островах Уналашкинского отдела, составленные И. Вениаминовым: В 3 ч. СПб., 1840.

Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е.). Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. Священника И. Вениаминова, в Уналашке. СПб., 1846.

Иннокентий (Попов-Вениаминов И. Е.). Состояние православной церкви в Российской Америке. СПб., 1840.

[Иоасаф, архимандрит]. Краткое описание об Американском острове Кадьяке, собранное из достоверных записок и расположенное на Топографическое, Климатическое, Статистическое и Эстетическое отделения. М., 1805.

Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 1–4. СПб., 1861.

Морской шляхетный корпус в воспоминаниях Л. А. Загоскина. 1822–

1826 гг. // Русская старина. 1886. Т. 52. Кн. 12. С. 709–716.

Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов: В 3 т. Т. 3. СПб., 1873.

Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. Ч. 1–2. СПб., 1847–1848.

Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах, по повелению его императорского величества Александра Первого, на кораблях Надежде и Неве, под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана I-го ранга и кавалера Юрия Лисянского. Ч. 1–2. СПб., 1810.

Резанов Н. П. Первые путешествия россиян около света // Отечественные записки. 1822. Ч. 10. № 25. С. 194–219; Ч. 11. № 27. С. 90–144; Ч. 12. № 30–32. С. 196–359; 1823. Ч. 15. № 40. С. 248–274.

Россия в Калифорнии: Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях. 1803–1850. Т. 1–2. М., 2005–2012.

Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980.

Русская Америка: по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей. М., 1994.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке: Сборник документов. М., 1948.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках: Сборник материалов. М.; Л., 1944.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: Сборник документов. М., 1989.

Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Сибири: Собрание сочинений и писем. Т. 1–7. М., 2012–2015.

Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / Пер. с англ. Я. М. Света. М., 1971.

Хлебников К. Т. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск. М., 1985.

Хлебников К. Т. Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979.

Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск, 1971.

Литература

Аржанухин В. Путевой калифорнийский журнал Иоанна Вениаминова (к публикации текста) // Страницы: Богословие. Культура. Образование. 2000. № 5. С. 392–403.

Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883.

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. СПб., 1823.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3. М., 1986–1992.

Варшавский С. Р. Русские слова на карте Аляски // Русская речь. 1971. № 1. С. 72–80.

Головин П. Н. Обзор русских колоний в Северной Америке // Морской сборник. 1862. № 1. Часть неофициальная. С. 19–193.

Головин П. Н. Обзор русских колоний в Северной Америке. СПб., 1862.

Гринев А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991.

Двойченко-Маркова Е. Штурман Герасим Измайлов // Морские записки. Нью-Йорк, 1955. Вып. 131. № 4. С. 14–26.

Ермолаев А. Н. Инспекция Русской Америки С. А. Костливым и П. Н. Головиным в 1860–1861 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. Барнаул, 2008. № 4/3. С. 92–97.

Зорин А. В. Индейская война в Русской Америке: русско-тлинкитское противоборство (1741–1821). М., 2017.

Зорин А. В. К биографии Г. И. Шелихова // Вопросы истории. 1999. № 11–12. С. 131–133.

Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени / Сост. П. Тихменев. Ч. 1–2. СПб., 1861–63.

История Русской Америки (1732–1862). Т. 1–3. М., 1997.

Кибрик А. А. Слова Загоскина в центре Аляски. — В кн.: Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия российских исследователей в международном контексте: К

200-летию со дня рождения русского путешественника и общественного деятеля Л. А. Загоскина: Материалы международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2008 г. Рязань, 2008. С. 161–169.

Кичин Е. В. Иван Александрович Кусков: Биография // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 8. 21 февраля. Часть неофициальная. С. 83–85.

Климент (Капалин), митр. Русская православная церковь на Аляске до 1917 года. М., 2009.

Ляпунова Р. Г. Записки монаха Гедеона (1803–1807) — одни из источников по истории и этнографии Русской Америки. — В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки: Сборник статей. М., 1979. С. 215–229.

Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII — первая половина XIX в.). Л., 1975.

Макарова Р. В. К истории ликвидации Российско-американской компании. — В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки: Сборник статей. М., 1979. С. 264–275.

Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Максимов С. В. Дмитрий Иринархович Завалишин (из литературных воспоминаний). — В кн.: Декабристы в воспоминаниях современников: Сборник статей. М., 1988. С. 428–430.

Обозрение состояния действий Российско-американской компании с 1797 по 1819 г. // Журнал мануфактур и торговли. 1835. № 3. Отд. IV. С. 12–125.

Окунь С. Б. Российско-американская компания. М.; Л, 1939.

Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000.

Постников А. В. Экспедиция Л. А. Загоскина 1842–1844 гг., ее значение и последствия. — В кн.: Русский путешественник и общественный деятель Лаврентий Загоскин (к 200-летию со дня рождения): Исследования и материалы. Рязань, 2008. С. 82–119.

Пратт К. Л. Языковые барьеры и исследования Лаврентия Загоскина в долинах рек Юкон и Кускоквим (Аляска) в 1842–1844 г. — В кн.: Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия российских исследователей в международном контексте: К 200-летию со дня рождения русского путешественника и общественного деятеля Л. А. Загоскина: Материалы международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2008 г. Рязань, 2008. С. 151–

157.

Романова С. Н. Завалишин // Исторические записки. Т. 96. М., 1975. С. 338–346.

Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сборник. 1869. № 7. Неофициальный отдел. С. 1–130.

Секретная часть доклада капитан-лейтенанта П. Н. Головина вел. кн. Константину Николаевичу, 20 октября 1861 г. *Предисл. и публ. Н. Н. Болховитинова* / Американский ежегодник. 1989. М., 1990. С. 244–248.

Ситников Л. А. Григорий Шелихов. Иркутск, 1990.

Федорова С. Г. Первое постоянное поселение русских в Америке и Дж. Кук. М., 1972.

Федорова С. Г. Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 229–254.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.

Федорова Т. С. Документы о Л. А. Загоскине в фондах Российского государственного архива военно-морского флота. — В кн.: Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия российских исследователей в международном контексте: К 200-летию со дня рождения русского путешественника и общественного деятеля Л. А. Загоскина: Материалы международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2008 г. Рязань, 2008. С. 72–79.

Хлебников К. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835.

Хлебников К. Жизнеописания достопамятных русских. Григорий Иванович Шелихов // Сын Отечества. 1838. Т. 2. № 3/4. Ч. 3. Науки и искусства. С. 66–83.

Черницын Н. А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков. — В кн.: Летопись Севера: Ежегодник по вопросам исторической географии, истории географических открытий и исследований на Севере. Т. 3. М., 1962.

Шатрова Г. П. Декабрист Д. И. Завалишин: проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984.

Шешин А. Б. Основание Ордена Восстановления. — В кн.: 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 1. СПб., 1997. С. 32–45.

Шилин А. А., Чекурин Л. В., Толстов В. А. Лаврентий Алексеевич Загоскин. Основные события жизни и деятельности. — В кн.: Лаврентий

Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия российских исследователей в международном контексте: К 200-летию со дня рождения русского путешественника и общественного деятеля Л. А. Загоскина: Материалы международной научно-практической конференции, 22–23 мая 2008 г. Рязань, 2008. С. 80–101.

Bancroft H. H. History of Alaska, 1730–1885. San-Francisko, 1886.

Russian America: A Biographical Dictionary (Alaska History) / Ed. by R. Pierce. 1990.

Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska. August 19–22, 1987 / Ed. by R. Pierce. Sitka, 1990.

notes

Примечания

Кирилл Тимофеевич Хлебников (1784–1838) — ученый, путешественник, писатель. Родился в Кунгуре, с 1801 года служил в Российско-американской компании, с 1835 года был одним из ее директоров. Автор первых научных работ о Русской Америке и неопубликованных мемуарных «Записок», член-корреспондент Императорской Академии наук.

Николай Петрович Резанов (1764–1807) — путешественник и дипломат. Сын бедного чиновника, служил при дворе Екатерины II, вместе со своим тестем Шелиховым стоял у истоков Российско-американской компании. Участвовал в первом русском кругосветном путешествии Крузенштерна и Лисянского, в 1805 году отправлен с инспекцией на Аляску, откуда отбыл в Калифорнию с суднами «Юнона» и «Авось». Возвращаясь с отчетом в Петербург, умер в Красноярске от горячки.

Ведро — дометрическая единица измерения объема жидкости, равная 12,3 литра.

Кутагарник (дудник коленчатосогнутый) — травянистое растение, обладающее болеутоляющим и противовоспалительным эффектом. Саранка (лилия кудреватая) используется для лечения порезов и ожогов, а ее богатые белком луковицы употребляют в пищу.

Позже эта записка была дополнена описанием плавания Измайлова и Бочарова, а также скомпилированным из различных изданий текстом, переработана неизвестным автором и издана в 1791 году.

Самое крупное озеро Аляски было названо именем Шелихова, однако после 1802 года на английских картах его переименовали в озеро Илиамна; так оно называется и сейчас.

Официальное название его должности в 1808 году: «поверенный в делах и генеральный консул в Американских Соединенных Штатах».

Относительно года и места появления Завалишина на свет имеются разные сведения, выписка из церковно-приходской книги о его рождении в архиве не сохранилась. В прошении о зачислении в Морской корпус, поданном в декабре 1813 года, он указал, что ему десять лет. В его послужном списке за 1825 год написано, что от роду ему 23 года; исходя из этого, годом его рождения является 1802-й. Некоторые исследователи склонны в этом расхождении видеть неоспоримое доказательство недостоверности его мемуаров. Однако Завалишин в них ясно говорит, что ему всегда был известен день его рождения, но не год; поскольку документов не сохранилось, он основывался лишь на воспоминаниях родственников.

Так метафорически названы глаза.

Джованни Пико дела Мирандола (1463–1494) — итальянский гуманист эпохи Возрождения.

Всеведущий (*фр.*).

Для измерения температуры отец Иоанн пользовался шкалой Реомюра, в пересчете на шкалу Цельсия это составит 16,2 градуса ниже нуля.

Куцкекуан на языке колошей — «человек, живущий за краем неба».

Пальма — нож с односторонним лезвием, насаженный на длинное древко.